
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН 381
Я 965
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ

ПРОТИВ ОППОЗИЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 2 8

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ

ПРОТИВ ОППОЗИЦИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1928 ☆ ЛЕНИНГРАД

Главлит № 97779 Гиз № 23233 Тираж 20.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий". Москва, Пименовская, 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Борьбу против оппозиции в нашей партии мы, большевики, рассматривали всегда и рассматриваем как борьбу за единство ленинской партии. Мы никогда не боялись вскрыть принципиальные ошибки той или иной оппозиционной группы, показать, куда растет та или иная оппозиционная группировка. Ибо вскрыть и показать—это значит предостеречь многих и многих от таких же принципиальных ошибок, от неправильного пути. Если иногда в этой борьбе внимание настойчиво сосредоточивается не только на ошибочных неленинских идеях, а и на политической роли носителей этих идей, то это потому, что эти политические фигуры объективно становятся, независимо от их воли, в процессе борьбы с партийной линией, в условиях диктатуры пролетариата, центром притяжения всех сил, борющихся против нашей партии, средоточием надежд классовых врагов пролетариата.

Собранные в этом сборнике статьи составляют большую часть того, что на протяжении последних лет после смерти Ленина я писал против оппозиции—за единство партии. Только этим стремлением продиктованы были собранные здесь статьи. Отсюда порою их резкость, но это,—я думаю так,—большевистская резкость, которой мы все учились у Ленина, когда дело идет о защите принципиальной линии партии против всевозможных ее искажений. Эту резкость мы ставим себе в заслугу. Впрочем, мы считаем, что противная сторона лицемерно нас упрекает в резкости, ибо она сама доходит до таких неслыханных обостренных выпадов против партии, которые опережают все, что было в нашей большевистской литературе.

Фракционная борьба оппозиции к XV съезду партии стала настолько угрожающей единству партии, что мы все должны усилить защиту единства партии против угрозы раскольнических действий оппозиции.

Цель этого сборника—помочь рядовым товарищам, отстаивающим ленинскую линию ВКП(б),—дать им в собранном виде материал, разбросанный по многочисленным партийным изданиям, освещающий деятельность всех почти бывших и действующих внутри нашей партии уклонов.

Ем. Ярославский.

22/VIII—27 г.

ПАРТИЯ, „РАБОЧАЯ ОППОЗИЦИЯ“ И „РАБОЧАЯ ПРАВДА“

1. ВКП (б) и оппозиция

Партия коммунистов-большевиков сложилась не сразу. Ленин считает, что партия большевиков складывалась уже тогда, когда мы, сторонники революционного учения Маркса, боролись в конце 90-х годов прошлого столетия с так называемыми «экономистами» и с народниками,—впоследствии меньшевиками и эсерами. Если внимательно изучить те споры, которые происходили у Ленина с Плехановым и другими будущими вождями меньшевиков еще в то время, когда только что складывалась организация нашей партии, то можно увидеть зародыши тех мыслей, тех учений, которые потом стали учениями меньшевиков и эсеров, а кое-какие из них время от времени возрождаются в той или иной оппозиционной группе ВКП(б).

После поражения первой революции одна партия большевиков осталась верной знамени революционного социализма. Она вела борьбу со всеми мелкобуржуазными партиями и группами, она вела борьбу с теми товарищами и группами товарищей в нашей собственной среде, которые поддавались настроениям упадка революции и боролись против основной линии нашей большевистской партии. Нам пришлось после поражения первой революции вести борьбу с так называемыми «ликвидаторами», которые отказывались от революционных путей борьбы, стремились приспособиться так, чтобы работать исключительно в тех рамках, в каких позволяло царское самодержавие, и стремились поэтому ликвидировать, покончить с нашей подпольной, большевистской организацией. Нам пришлось вести борьбу с так называемыми «отзовистами», которые считали, что после поражения первой революции нам надо отказаться от участия в государственной думе и в других организациях, действующих открыто, легально, и требовали отозвания рабочих депутатов из государственной думы. Нам пришлось бороться с богоискателями и богостроителями, которые бросились за поисками такой религии, которая могла бы быть революционной и удовлетворить рабочие массы.

Наша партия боролась и в период нового подъема (1910—1914 гг.) за создание такой организации, которая могла бы

повести и повела рабочий класс на новый штурм против царского самодержавия и против капиталистов и помещиков.

Наша партия большевиков в период империалистической войны была той единственной партией, которая объявила войну войне и которая боролась против оборонцев, против всякого рода социал-шовинистов, то-есть людей, которые проповедывали войну пролетариата одной страны против пролетариата другой страны в защиту интересов капиталистов. Нам пришлось тогда собирать растерянные, распыленные силы революционных рабочих распавшегося в момент войны II Интернационала. Нам пришлось взять на себя почин нового собирания сил революционного пролетариата, создания коммунистического Интернационала. В это время мы боролись не только с меньшевиками—оборонцами, мы боролись с теми, кто пытался занять серединочку, промежуточное положение—«и нашим, и вашим».

Мы боролись с троцкизмом, когда т. Троцкий вместе с меньшевиками вел борьбу против нас на протяжении полутора десятка лет. Нам пришлось бороться с троцкистами и с т. Троцким и в период первой революции, выступая против его учения, которое Ленин назвал учением о «несуразно левой перманентной революции».

Нам пришлось бороться с троцкизмом и после поражения первой революции, когда т. Троцкий помогал «ликвидаторам», когда он содействовал организации так называемого «августовского блока». В этот блок, то-есть союз разных групп и течений, вошли все, кто боролся с большевиками, начиная от «ликвидаторов» и кончая «отзовистами». Нам пришлось бороться с т. Троцким и троцкистами и в период империалистической войны, так как тогда т. Троцкий и троцкисты, вместе с Каутским и другими, боролись против большевиков, против так называемой «Циммервальдской левой», и группы, во главе которой стоял Ленин. Тов. Троцкий и троцкисты были тогда против гражданской войны, против образования третьего—Коммунистического Интернационала, против поражения буржуазии своей собственной страны в этой войне.

Партия большевиков выросла и окрепла в борьбе в 1917 году против всех тех, кто был против восстания, против Октября. Так как она шла на подъем, к победе, то к ней примкнули и троцкисты, и вошли в нашу партию. Правда, т. Троцкий вошел в партию, оговариваясь, что он—«не большевик», большевиком называть себя не может. Но партия сумела повести в момент величайшего подъема по революционному пути и т. Троцкого и троцкистов. [1].

[1] Конечно, иному троцкисту может показаться, что не партия большевиков его вела, а он вел партию. Такие ошибки бывают у людей.

Партия большевиков преодолела колебания, которые были обнаружены тогда некоторыми вождями нашей партии, как, например, т.т. Зиновьевым и Каменевым, которые выступили против восстания и против того, чтобы партия большевиков одна взяла власть в свои руки. Они не верили в успех восстания, они пророчили гибель этого восстания.

Партия боролась и окрепла в борьбе с такими товарищами как Шляпников, будущий вождь рабочей оппозиции, который в самую трудную минуту вышел из Совета Народных Комиссаров и заявил, что он слагает с себя ответственность за гибельную политику Ленина и ленинской большевистской партии, так как не верит в силы рабочего класса.

Партия большевиков-ленинцев сумела убедить «левых коммунистов», которые выделились в нашей партии в 1918 году, что они неправы (пишущий эти строки был «левым коммунистом».)

* * *

Большевики взяли на свои плечи труднейшую задачу удержания диктатуры пролетариата в стране, где большинство населения мелкобуржуазное, крестьянское. Большевики должны были удержать власть тогда, когда вокруг них тесным кольцом сплотились капиталистические государства. Эти капиталистические государства поддерживали и организовывали белогвардейские восстания внутри нашей страны. Весь старый мир ополчился против нового, первого в мире рабочего государства.

Большевики доказывали, что пролетариат не только умеет взять власть в свои руки, но он умеет ее удержать против воли капиталистов всех стран, и он умеет не только разрушить старый буржуазный строй, но и строить новый, социалистический.

Партия большевиков взяла на себя огромную задачу не только восстановить разрушенное войной хозяйство, но строить новое, на новых социалистических началах. Как трудно это было, об этом помнят не только старики,—это знает и молодое поколение, выросшее в обстановке гражданской войны, в обстановке голода, неслыханных и величайших лишений. Медленно выползали мы из страшной разрухи всего нашего хозяйства, сельского и городского, из разрухи транспорта. Ни одна капиталистическая страна нам не оказала существенной, серьезной помощи. Мы должны были работать под постоянной угрозой новой интервенции, новой войны против нас. Мы должны были работать, подавляя саботаж тех, кто остался в нашей стране и не хотел нам помогать. Мы должны были бороться против тех, кто пытался вновь и вновь поднять и разжечь пламя гражданской войны в нашей стране.

Медленно накапливали мы и накапливаем средства на социалистическое строительство. Упорно, кирпич за кирпичем, кладем мы фундамент нового социалистического хозяйства. Возникают крупнейшие электростанции. Строится, ширится и крепнет коопе-

рация. Восстановленная до довоенного уровня крупная промышленность—социалистическая, государственная промышленность—расширяется за пределы довоенные: строятся новые фабрики и заводы по последнему слову техники. Растет материальное и культурное благосостояние значительной части населения.

Однако все это строительство социализма идет еще медленно, встречая на каждом шагу величайшие трудности. Это строительство получило бы сразу гигантский толчок, если бы в какой-нибудь передовой стране Западной Европы—Англии, Германии, Франции—победил пролетариат. Не раз поднималось в этих странах классовое пролетарское движение; однако, рабочий класс в этих странах не сумел еще создать достаточно сильной коммунистической партии, которая способна была бы взять на себя руководство победоносной социалистической революцией. Однако, в этих странах достаточно еще сильна буржуазия, чтобы ценой величайших преступлений и насилий удерживать еще власть. Рабочий класс в Германии за эти годы не раз поднимался с оружием в руках, но его усилий еще недостаточно было, чтобы сломить буржуазное государство. Поэтому наши расчеты на поддержку мировой революции до сих пор еще вполне не оправдались. Но, вместе с тем, надо помнить, что не было такого момента в нашей революции, чтобы пролетариат нашей страны не имел поддержки западно-европейского пролетариата. Там пролетариат еще не победил, он не может оказать нам поддержки своей пролетарской государственной властью, но он оказывает нам эту поддержку всей своей организованной силой. Он, и только он,—пролетариат Западной Европы, удерживает империалистические правительства от новых попыток раздавить нас военной силой.

Ликвидация империалистической и гражданской войны была связана с величайшими трудностями и жертвами крестьян и рабочих. В нашей собственной стране мы должны были пережить не только восстания белогвардейских генералов, не только интервенцию, блокаду. Мы вынуждены были внутри проводить такие меры, как раскулачивание, как собирание революционного налога, как трудгужповинность. Мы должны были во время гражданской войны наложить на крестьянство тяжелую разверстку, отбирать, реквизировать излишки. Мы должны были, чтобы спасти от голода массы и чтобы спасти окончательно наш транспорт от разрушения, поставить заградительные отряды, которые вызывали раздражение не только крестьян, но и рабочих. Разруха нашего транспорта и промышленности, отсутствие товаров, неслыханно тяжелое положение рабочего класса в период гражданской войны, сокращение посевной площади, развитие спекуляции, мешечничество,—все это теперь осталось позади.

Трудности победоносного восстания в 1917 году толкнули часть членов Коммунистической партии большевиков на шаги, ко-

торые Ленин заклеймил, как позорные, изменнические шаги. Но эти же трудности заставили многих колебаться и после победы Октябрьской революции.

Несмотря на то, что мы всем воюющим буржуазным правительствам предложили в 1917 г. мир, германская армия продолжала наступать, и тогда Ленин настаивал на том, чтобы мы заключили—хотя бы и невыгодный—мир, хотя бы и такой мир, который тогда назывался «похабным»,—мир с немцами, потому что сил воевать с ними у нас тогда не было.

Нам нужна была передышка.

Вот тогда-то, в обстановке этих трудностей, появились зародыши целого ряда оппозиционных групп и группочек в нашей партии.

Мы уже упоминали о группе «левых коммунистов», которые стояли за продолжение войны и были против заключения мира с немцами, против Брестского мира. Эта группа левых коммунистов распалась вскоре после заключения Брестского мира; часть ее пошла с тех пор дружно с основным ядром ленинской партии, с Лениным.

Тов. Троцкий и троцкисты в это время стояли за то, чтобы мира не подписывать, а войны не вести. Эта позиция дорого обошлась рабочему классу и крестьянству нашей страны, так как оттяжка подписания Брестского мира привела к тому, что мы должны были сделать немцам гораздо большие уступки, заплатить им гораздо больше.

С тех пор т. Троцкий и троцкисты с небольшими перерывами находятся в «перманентной» (постоянной) оппозиции ленинской партии. Мы можем указать определенные факты: 1920—21 г.—т. Троцкий против Ленина в дискуссии о профсоюзах; 1923 г.—т. Троцкий против ленинской партии в дискуссии о «новом курсе»; 1924—25 г.—т. Троцкий и троцкисты в оппозиции против ленинской партии по поводу «Уроков Октября»; и, наконец, 1926 г.—т. Троцкий и троцкисты уже во главе объединенной оппозиции, куда входят и обломки «Рабочей оппозиции», и бывшие сторонники «Рабочей группы», и бывшие сторонники «Рабочей правды».

Что же это за группировки такие — «Рабочая оппозиция», «Рабочая правда»? Когда и как они зародились, чего они хотели, чего добивались, какая была их линия по отношению к нашей партии? Какие причины возникновения таких групп в нашей партии? На эти вопросы мы и намерены ответить.

Если бы наша партия была однородна по своему социальному составу, если бы пролетариат нашей страны был вполне однородным, если бы не было трудностей в нашей стране на пути рабочего класса, если бы на пролетариат не пытались оказывать влияния разные другие классовые группы—мелкая бур-

жуазия, нэпман и т. д., тогда не было бы у нас групп и группировок в нашей партии, не было бы оппозиции.

Но партия у нас не вполне однородна, так как и пролетариат нашей страны тоже не однороден. В нем есть и старые промышленные кадры, уже несколько поколений работающие на заводе; есть и новые, свежие силы, недавно пришедшие из деревни и не порвавшие с самостоятельным крестьянским хозяйством; есть выходцы из разорившегося в период империалистической и гражданской войн мещанства. Пролетариат нашей страны связан разными переходами, мостиками с мелкобуржуазными слоями крестьянскими и городскими, ремесленными, мещанскими. Поэтому и строительство социализма по разному воспринимается и по разному поддерживается различными слоями населения нашей страны. И немало у нас в стране даже среди трудящихся противников социалистического строительства, сторонников частной собственности. Разными путями—через частную торговлю, через собственника, кустаря, через нэпмана, через духовенство всех религий—старый мир еще цепляется, еще хочет воскреснуть, хочет бороться против нового мира, против социалистического.

Каждый новый шаг вперед рабочее социалистическое государство проделывает поэтому, преодолевая величайшие трудности. И бывают такие моменты, когда отдельным товарищам и отдельным группам товарищей кажется: не справимся с трудностями, погибнем. Тогда начинаются сомнения в том: правильным ли мы идем путем, начинаются колебания и шатания в стороны, вправо и влево; ищут, как говорят, новых путей, сбиваются с толку, не могут уже итти нога в ногу с основной массой партии; отдельные отряды сбиваются с дороги и иногда впадают даже в панику и растерянность, в испуг:—Ах, мы погибнем!—Мы не построим социализма!—Пролетариат Западной Европы не пришел еще к нам на помощь!—Где нам справиться с буржуазией!—Ах, на нас прет кулак! Кулак нас задавит, кулак съест!—Где нам справиться с частной торговлей! Частная торговля нас задушит.—У нас все плохо, а у буржуазии все хорошо.

Отдельные отряды пролетариата, как и отдельные отряды нашей партии, колеблются в такие моменты, бросаются в сторону, начинают отдельно от партии обсуждать—нельзя ли итти другой дорогой,—и отсюда-то получается группировка, фракция, оппозиция.

Значит, основная причина образования фракций и групп заключается в том, что та или иная часть товарищей в нашей партии изменяет общей партийной линии, начинает сомневаться в правильности пути, начинает пересматривать путь. А так как наша партия идет путем ленинским, то это есть сомнение в правильности ленинизма, пересмотр (ревизия) ленинизма, ленинского пути. Считая, что ленинский путь есть единственно правильный, безошибочный,

мы со всей страстью и силой боремся против оппозиционных группировок в нашей партии.

Не следует забывать, что Коммунистическая партия большевиков есть партия правящая, она управляет огромным, первым в мире Советским государством; на ней лежит громадная ответственность. Когда внутри этой партии начинаются споры, то это передается сейчас же на весь государственный аппарат.

Ведь, на чем основана у нас диктатура пролетариата? На союзе двух основных сил—рабочего класса и крестьянства (бедноты и середняцкой массы). Правильная линия нашей партии должна заключаться в том, чтобы союз этот не разрушался, чтобы не получалось вражды или обострения отношений между рабочим классом и крестьянством. Это очень трудная задача, но мы ее выполняем за все эти годы. Споры и раздоры в нашей партии, конечно, передаются по всей цепочке, которая соединяет рабочий класс с крестьянством. Когда образуется где-нибудь группировка, то это означает, что где-то в этой цепочке ослабело какое-то звено. Именно слабые звенья в нашей партии начинают в такие моменты колебаться, начинают еще больше ослабевать. А от этого—угроза единству партии, угроза раскола. А от раскола партии—угроза раскола союзу пролетариата и крестьянства, угроза единству пролетариата.

Вот почему мы, большевики, так выступаем горячо против всяких группировок и фракций в нашей партии.

Тем, кто не пережил еще этой борьбы, надо знать, что это за слабые звенья были в нашей партии, что это за группы были в нашей партии—«Рабочая оппозиция», «Рабочая группа» и «Рабочая правда». Постараемся рассказать об этом попроще, чтобы было понятно и комсомольцу.

„Рабочая оппозиция“

Годы военного коммунизма (1918—21 гг.) для рабочего класса были очень тяжелым временем. Покуда была прямая военная опасность, покуда кругом огненным, стальным кольцом сжимали нас белогвардейские армии, рабочий класс мирился с лишениями, хотя тогда и были отдельные категории рабочих, среди которых пользовались успехом меньшевики: в профсоюзах химиков, печатников, табачников и кое-где в некоторых других меньшевики руководили профсоюзными рабочими массами и поддерживали в них недовольство советской властью и Коммунистической партией. Кое-где тогда (в 1918 г. и несколько позже) рабочие голосовали даже за меньшевиков при выборах в Советы. Меньшевики внушали рабочему классу мысль, что мы не справимся ни с военными, ни с экономическими трудностями, не вылезем из голода, из разрухи и нищеты.

Надо вспомнить, в каком тяжелом положении, действительно,

находился рабочий класс тогда. Значительная часть рабочих, у которых была малейшая возможность вернуться в деревню, уходила с заводов. Нередко это были квалифицированные рабочие—кузнецы, слесаря, столяры и т. п. В то же самое время на заводах еще от военного времени остались такие «рабочие», которые укрылись на этих заводах от войны, про которых пелась такая песенка:

„Прежде был он кесарем,
А теперь стал слесарем“.

Когда Красная армия разгромила главную силу белогвардейских генералов, и гражданская война подошла к концу, трудности не уменьшились, а стали иными. Ленин не раз указывал тогда, что самое трудное—демобилизация пятимиллионной Красной армии, когда демобилизованные должны были вернуться к разрушенному войною империалистической и гражданской хозяйству, когда люди, привыкшие наступать и воевать, должны были вернуться к мирному труду в обстановке величайшей разрухи.

К этому надо прибавить то, что расчет на быстрое развертывание и скорую победу пролетарской революции на Западе не оправдался.

Крестьянство было еще более недовольно продразверсткой, трудгужповинностью, отсутствием свободной торговли, отсутствием товаров. Особенно раскулаченное крестьянство, то в Сибири, то в Тамбовской губернии, то в других местах выражало свое недовольство в ряде восстаний.

В этой-то обстановке и стали зарождаться среди членов нашей партии настроения паники (испуга), неверия в ленинский путь. В этой обстановке внутри нашей партии зародилась группа «Рабочей оппозиции».

Осенью 1920 года возникла дискуссия о профсоюзах. ЦК большевистской партии раскололся на несколько частей. Вместе с Лениным по этому вопросу и по другим вопросам выступало 9 других членов ЦК. Часть членов ЦК пошли с т. Троцким (группа или фракция троцкистов); часть—с т. Осинским (группа «демократического централизма»); часть—с тт. Шляпниковым, Медведевым и Коллонтай (группа «Рабочей оппозиции»). Кроме того, было еще несколько небольших групп. Дело дошло до ожесточенной борьбы не только в Москве, но и по другим городам. Когда в Сибири по деревням Тюменской губернии пылали крестьянские восстания, троцкисты гонялись за ленинцами с докладами, чтобы собрать голоса за свою «платформу». Партия, как тогда говорил Ленин, была больна—«партию трепала лихорадка». Мы дошли, как говорил Ленин на X съезде, до системы нескольких комнат. В одной комнате заседали ленинцы, в другой—троцкисты, в третьей—«Рабочая оппозиция». За этим спором прозевали очень многое. Этим спором, этой дискуссией воспользовались умело наши враги. Они повели агитацию за то, что коммунисты не в состоянии справиться. Белогвардейцы, меньшевики и эсеры стали го-

ворить тогда: мы за советы, но без коммунистов. Такая агитация имела успех кое-где, а в Кронштадте удалось даже поднять восстание. Это восстание долго втайне подготовлялось белогвардейщиной, меньшевиками и эсерами, о нем писали еще за две недели до его начала в белогвардейских газетах. В это восстание удалось втянуть и часть колебавшихся коммунистов. В такой-то обстановке и происходил X съезд нашей партии, во время которого часть делегатов была под Кронштадтом.

Теперь нет никакого сомнения в том, что «Рабочая оппозиция» была выразительницей настроений мелкобуржуазного недовольства, хотя сама она искренне считала себя выразительницей интересов пролетариата.

На вопрос о том, что такое «Рабочая оппозиция», т. А. Коллонтай [1] в брошюре, выпущенной в 1920—21 гг., отвечает, что «в оппозицию входит передовая часть класса сознательных пролетариев-коммунистов. Оппозиция состоит почти исключительно из профессионалистов». И дальше т. Коллонтай объясняет, что профессионалисты не утратили связи с рабочими массами и остались с ними связанными.

На этот счет мы можем только указать, что профессионалисты бывают разные, и что, например, английские профессионалисты, всегда связанные с массами, вовсе не являются классово-выдержанными представителями пролетариата, а являются проводниками буржуазного влияния на пролетариат. Вовторых, мы должны указать на то, что в России как раз многие меньшевики сохранили тогда связь с профсоюзами: это еще, однако, нисколько не говорит за то, чтобы они были «классово-выдержанными представителями пролетариата». Да и сама т. Коллонтай должна признать, что уж не так-то крепко эти профессионалисты были связаны с массами. Она указывает на то, что первое, что они сделали (то есть «Рабочая оппозиция») — «это связаться с низами». Значит, если уж надо было связываться с низами тогда, в 1920 году, то это показывает, что связи-то с низами не было у этих товарищей.

Затем, конечно, совершенно неверно заявление т. Коллонтай, что «Рабочая оппозиция»—это «прежде всего, пролетарии, связанные со станком или шахтой». В «Рабочей оппозиции» 1920—21 г. были люди, которые никогда не были связаны со станком или шахтой (лучшим примером служит сама т. Коллонтай), а вовторых, большинство входивших в «Рабочую Оппозицию»—это были товарищи, давным-давно отошедшие от станка или шахты. «Рабочая оппозиция» удивительна тем,—пишет т. Коллонтай,—что у нее нет крупных, выдающихся лидеров, то, что принято называть «вождями». Это, конечно, свидетельствует о скромности тт. А. Коллонтай, Шляпникова, Медведева и других вождей «Рабочей

---

[1] Конечно, здесь речь идет о взглядах тов. Коллонтай 1920—1922 гг.; мы совершенно не касаемся в этой брошюре теперешних взглядов т. Коллонтай.

оппозиции», но сказать, что «Рабочая оппозиция» удивительна тем, что у нее такие неудачные вожди,—это, по меньшей мере, наивно. Ленин очень смеялся на X съезде над определением «Рабочей оппозиции», будто бы «Рабочая оппозиция»—это классово-спаянная, классово-сознательная и классово-выдержанная часть нашего промышленного пролетариата.—«Ну, слава богу,—говорил он,—так и будем знать, что т. Коллонтай и т. Шляпников «классово-спаянные, классово-сознательные» (шумные аплодисменты). «Но, товарищи, когда так говоришь, так пишешь, то нужно немножко знать и меру». (Стенографический отчет X съезда РКП(б), стр. 62).

«Рабочая оппозиция» тогда себе ставила еще одно в заслугу, что она—«часть пролетариата, не расплывшаяся по советским учреждениям». Все это чистейшие пустяки. Советские учреждения—это учреждения, созданные диктатурой пролетариата, это—вопервых. И, если бы кто-нибудь поставил вопрос так, что вы, мол, работайте по советским учреждениям, а мы не пойдем в эту оскверненную обитель, то так могут рассуждать только люди, враждебные Советскому государству. А вовторых, все деятели «Рабочей оппозиции» расплылись, на самом деле, по советским учреждениям, так что все это чистейшие пустяки. На самом деле, как мы убедились впоследствии, «Рабочая оппозиция» была ничем иным, как мелкобуржуазным течением. «Рабочая оппозиция» выдвинула свои особые тезисы «о задачах профессиональных союзов» и по другим вопросам, которые подверглись жесточайшей критике, особенно со стороны Ленина.

В резолюции X съезда о синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии Ленин предложил съезду принять (и съезд это принял) следующую оценку «Рабочей оппозиции»:

> 1. «За последние месяцы в рядах партии явно обнаружился синдикалистский и анархистский уклоны, которые требуют самых решительных мер идейной борьбы, а также очистки и оздоровления партии.
>
> 2. Указанные уклоны вызваны отчасти вступлением в ряды партии элементов, не вполне еще усвоивших коммунистическое миросозерцание, главным же образом уклоны эти вызваны воздействием на пролетариат и на РКП мелкобуржуазной стихии, которая исключительно сильна в нашей стране и которая неизбежно порождает колебания в сторону анархизма, особенно в моменты, когда положение масс резко ухудшилось вследствие неурожая и крайне разорительных последствий войны и когда демобилизация миллионной армии выбрасывает сотни и сотни тысяч крестьян и рабочих, не могущих сразу найти занятий и средств к жизни».

Резолюция X съезда осуждает предложение организовать управление народным хозяйством через «Всероссийский съезд про-

изводителей, объединяемых в профессиональные производственные союзы».

Ленин указывает, что «идеи, лежащие в основе этого и подобных заявлений, в корне неправильных теоретически, будучи полным разрывом с марксизмом и коммунизмом, а равно с итогами практического опыта всех полупролетарских и настоящей пролетарской революции».

В чем была основная ошибка «Рабочей оппозиции»?

По мнению Ленина и всего X съезда, *рабочая оппозиция отступила «в корне от основного понятия классовой борьбы и от основного требования точно различать классы»*, так как в понятии производителей объединяются и пролетарии, и полупролетарии, и мелкие товаропроизводители-крестьяне, и кустари, и таким образом, «Рабочая оппозиция» предлагала вместо четкой и пролетарской линии проводить линию, в которой масса мелких производителей подавляла бы пролетариат и фактически заставила бы вести у нас в стране *не пролетарскую классовую линию*, а *мелкобуржуазную*. Таким образом, хотя по внешности «Рабочая оппозиция» и была левой, а по сути дела—правой.

Вовторых, резолюция X съезда указывала на неправильную постановку вопроса об отношениях между партией и широкими беспартийными массами. Требования «Рабочей оппозиции» приводили к тому, что партия подчинялась бы беспартийной стихии и, таким образом, опять-таки не в состоянии была бы проводить четкую классовую линию.

Ленин указывал, что «неправильное понимание роли Коммунистической партии в ее отношении к беспартийным рабочим массам, с одной стороны, и столь же неправильное понимание роли рабочего класса в его отношении ко всей массе трудящихся—с другой, является коренным теоретическим отступлением от коммунизма и уклоном в сторону синдикализма и анархизма, каковой уклон пропитывает все воззрения «Рабочей оппозиции».

Пункт 5-й принятой X съездом резолюции говорит о том, что:

> «Кроме теоретической неверности и в корне неправильного отношения к практическому опыту начатого советской властью хозяйственного строительства, съезд РКП видит во взглядах указанной группы и аналогичных групп и лиц громадную политическую неправильность и непосредственную политическую опасность для сохранения власти за пролетариатом»...
>
> ...«Поэтому взгляды «Рабочей оппозиции» и подобных ей элементов не только теоретически неверны, но и практически служат выражением мелкобуржуазных и анархических шатаний практически ослабляют выдержанную руководящую линию Коммунистической партии и на деле помогают классовым врагам пролетарской революции».

Пункт 6-й указывает прямо на недопустимость пропаганды идей «Рабочей оппозиции»:

«На основании всего этого съезд РКП, решительно отвергая указанные идеи, выражающие синдикалистский и анархический уклоны, постановляет:

1) признать необходимой неуклонную и систематическую борьбу с этими идеями;

2) признать пропаганду этих идей несовместимой с принадлежностью к РКП».

Следует отметить, что в значительной степени и резолюция об единстве партии, принятая на X съезде, по предложению В. И. Ленина и им составленная, также говорит об опасности со стороны «Рабочей оппозиции». В этой резолюции говорится:

«1. Съезд обращает внимание всех членов партии и на то, что сплоченность ее рядов, обеспечение полного доверия между членами партии и работы действительно дружной, действительно воплощающей единство воли авангарда пролетариата, является особенно необходимым в настоящий момент, когда ряд обстоятельств усиливает колебания в среде мелкобуржуазного населения страны.

2. *Между тем, еще до общепартийной дискуссии о профсоюзах, в партии обнаружились некоторые* признаки фракционности, т. е. возникновение групп с особыми платформами и со стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину.

Необходимо, чтобы все сознательные рабочие ясно сознали вред и недопустимость какой бы то ни было фракционности, которая неминуемо ведет на деле к ослаблению дружной работы и к усиленным повторным попыткам примазывающихся к правительственной партии врагов ее углублять разделение и использовать его в целях контрреволюции.

Использование врагами пролетариата всяких уклонений от строго выдержанной коммунистической линии с наибольшей наглядностью показало себя на примере кронштадтского мятежа, когда буржуазная контрреволюция и белогвардейцы во всех странах мира сразу выявили свою готовность принять лозунги даже советского строя, лишь бы свергнуть диктатуру пролетариата в России, когда эсеры и вообще буржуазная контрреволюция использовали в Кронштадте лозунги восстания, якобы во имя советской власти против советского правительства в России. Такие факты доказывают вполне, что белогвардейцы стремятся и умеют перекраситься в коммунистов и даже «левее» их, лишь бы ослабить и свергнуть оплот пролетарской революции в России. Меньшевистские

листки в Петрограде накануне кронштадтского мятежа показывают равным образом, как меньшевики использовали разногласия внутри РКП, чтобы фактически подталкивать и поддерживать кронштадтских мятежников, эсеров и белогвардейцев, выставляя себя на словах противниками мятежей и сторонниками советской власти лишь с небольшими, будто бы, поправками». (X съезд РКП. Стеногр. отчет, стр. 309).

Само собой разумеется, что представители «Рабочей оппозиции», особенно тт. Шляпников и Медведев, резко выступили против Ленина и против подавляющего большинства Съезда и против предложенных Лениным резолюций. Они говорили, что Ленин занимается демагогией, что он извращает факты, обвиняли его во всем том, в чем обвиняет сейчас, в 1926 г., оппозиция т. Сталина и большинство ЦК. Это нужно иметь в виду, особенно молодым нашим товарищам, комсомольцам и членам партии, которые плохо знают историю нашей партии и думают, что только теперь выдвигаются против партии такие обвинения, как обвинение в бюрократизме, в невнимании к пролетариату, в забывании интересов рабочего класса, в непролетарской политике и проч., и проч. Все эти обвинения можно найти в речах, в статьях и тезисах рабочей оппозиции в 1920—21 гг.

* * *

Между X и XI съездами поведение некоторых членов «Рабочей оппозиции» было таково, что Ленин в августе 1921 г. специально поставил вопрос об исключении т. Шляпникова, который в то время был членом Центрального Комитета, из состава ЦК. Предложение свое Ленин объяснял тем, что «ЦК партии не может допустить, чтобы кто-либо из его членов занимался срывом политики ЦК». Исключение не состоялось лишь потому, что не хватало одного голоса до требуемых для применения этой крайней меры $^{2}/_{3}$ голосов членов и кандидатов ЦК. (Из резолюции XI съезда РКП).

Понятно, почему в 1926 году пленум ЦК поставил этот же вопрос о т. Лашевиче, так как и т. Лашевич своей подпольной работой несомненно «занимался срывом политики ЦК».

X съезд партии поручил ЦК «провести полное уничтожение всякой фракционности». Съезд тогда предписал «немедленно распустить все без изъятия образовавшиеся на той или иной платформе группы». Съезд предписал не допускать каких-либо фракционных выступлений и за неисполнение этого постановления съезд требовал безусловного и немедленного исключения из партии.

Несмотря на то, что съезд разошелся с «Рабочей оппози-

цией решительно, он включил в Центральный Комитет двух членов бывшей группы «Рабочей оппозиции».

Все было принято к тому, чтобы дать «Рабочей оппозиции» дружно сработаться с партией. И если часть товарищей из бывшей «Рабочей оппозиции» сумела дружно сработаться с партией и прекратила оппозиционную работу, то другая часть (в том числе тт. А. Шляпников, С. Медведев) продолжала эту фракционную работу. Они продолжали противопоставлять себя партии, собирали фракционные совещания, на которых выносились секретные, конспиративного характера, постановления, исполнение которых возлагалось на вождей этой группы тт. Медведева и Шляпникова. Велась между членами «Рабочей оппозиции» самая антипартийная переписка, секретно от ЦК, и, наконец, на одном из совещаний, созванном тт. Шляпниковым и Медведевым из сторонников бывшей группы «Рабочей оппозиции», было решено обратиться к Коминтерну с жалобой на РКП (б).

Конечно, каждый член партии имеет право жаловаться в Коминтерн на деятельность своей партии, если он считает ее неправильной, но одно условие требуется для этого, чтобы члены партии, недовольные действием своей партии, линией своей партии и считающие эту линию неправильной, сделали все, что необходимо и что можно сделать в рамках партийного устава для того, чтобы исправить неправильную, по их мнению, линию, если они указывали Центральному Комитету, Центральной Контрольной Комиссии и другим руководящим органам на эти неправильности и ставили перед этими партийными органами конкретно вопрос об изменении, исправлении тех или иных недочетов в работе, той или иной неправильной линии.

Ничего этого не было сделано со стороны бывшей «Рабочей оппозиции». Мало того, в заявлении 22-х Коминтерну сообщались сведения, «ложность которых установлена специальной комиссией, выделенной Коминтерном».

Поэтому XI съезд «самым решительным образом клеймит поведение отдельных членов этой группы, сообщивших в своих объяснениях комиссии Коминтерна ложные сведения о партии, извращающие действительную картину взаимоотношений между РКП и всем рабочим классом в целом». (Из резолюции XI съезда «о некоторых членах бывшей «Рабочей оппозиции»).

Уже тогда отдельные члены «Рабочей оппозиции» считали возможным поставить вопрос о расколе партии, и резолюция XI съезда нашей партии отмечает, что т. Коллонтай, «проводившая в своей брошюре до X съезда РКП мысль о том, что раскол неизбежен и что необходимо для него лишь выбрать наиболее удачный момент, не отказалась и после X съезда от этой линии поведения и в своих объяснениях перед комиссией XI съезда РКП подтвердила,

что считает неизбежным раскол, если партия не изменит своей линии, т. е. если партия не станет на путь ошибочных и вредных для рабочего класса взглядов тт. Коллонтай, Медведева и Шляпникова».

Поэтому XI съезд партии постановил:

> «Присоединиться к постановлению ИККИ в отношении тт. Шляпникова, Медведева и Коллонтай и поручить ЦК, в случае появления со стороны этих товарищей в дальнейшем подобного антипартийного отношения, исключить упомянутых товарищей из партии».

* * *

Уже к XI съезду ряды «Рабочей оппозиции» значительно поредели. От них, как мы уже указывали, ушли некоторые товарищи, убедившись в неправильности линии «Рабочей оппозиции», и стали дружно работать с большинством партии. Другая часть бывших участников «Рабочей оппозиции» и подписавших «заявление 22-х», образовала в 1923 году «Рабочую группу» во главе с исключенными из партии Г. Мясниковым и Н. Кузнецовым. Руководители бывшей «Рабочей оппозиции» тт. Шляпников и Медведев, однако, остались попрежнему на своих позициях.

В дискуссию 1923 года т. Шляпников выступил в «Правде» с обширной статьей «Наши разногласия» («Правда» № 15, 18 января 1924 г.). В этой статье т. Шляпников «присоединял свой голос протеста против попытки политического шельмования оппозиции». Правда, т. Шляпников увидел, что, те, кто очутился в оппозиции 1923 г., еще недавно сами «в один голос» с «аппаратчиками»... запугивали партийные круги криками об опасности «Рабочей оппозиции».

Тов. Шляпников не мог здесь обойтись без обычных преувеличений, которыми страдала «Рабочая оппозиция». И в этой статье т. Шляпников говорит о том, что «со времени X съезда тысячи товарищей судились и осуждались за мысли о рабочей демократии внутри партии». Это, конечно, прямая неправда, ибо никаких тысяч товарищей не судилось и не осуждалось за мысли о рабочей демократии, ибо сама партия проводила рабочую демократию. И у т. Шляпникова не только не было никогда тысяч товарищей, тысяч сторонников, а они всегда насчитывались единицами, самое большее—десятками. И только на один момент, именно в момент Кронштадтского восстания, мелкобуржуазная стихия овладела отдельными отрядами в нашей партии настолько, что они поколебались в сторону «Рабочей оппозиции».

Это самомнение и эти преувеличения мы можем найти и у т. Коллонтай в ее «Манифесте» «Рабочей оппозиции», которая, будто бы, «стелется и стелется по лицу земли русской» (Хлестаковские «30 тысяч курьеров»).

На эту статью т. Шляпникова ответил тогда же один из представителей новой оппозиции 1926 г., т. Сафаров, тогда — верный защитник партийной линии. Он отмечал смехотворные упреки т. Шляпникова нашему ЦК в том, что «вся политика ЦК направлена на удержание власти». «То, что им (т. Шляпниковым) здесь сказано, выражает явное сомнение в целесообразности удержания власти в 1921 году». Т. Сафаров сравнивал т. Шляпникова с Паулем Леви. Он писал: «Здесь мы имеем дело с поворотом на «Наш путь» Пауля Леви».

Тогда т. Шляпников обвинял партию: «Мы обвиняем ЦК и партию... в том, что при решении (тех или других хозяйственных вопросов) они поддаются влиянию чуждых пролетариату элементов».

Как видите, новая оппозиция, начиная с тт. Троцкого, Зиновьева и Каменева и кончая Оссовским, Шляпниковым и Медведевым, обвиняет нашу партию как раз именно в этом, то есть в том, в чем Шляпников и Медведев обвиняли тогда нашу партию.

Однако, самым скандальным документом этого времени является «Письмо бакинским рабочим», написанное т. С. Медведевым в начале 1924 г.[1] Мы здесь отметим лишь вкратце основные положения этой статьи.

1) Тт. Шляпников и Медведев считают в корне неверной всю нашу политику как внутреннюю, так и международную. Основной наш грех они видят в том, что мы, будто бы, пытаемся перенести механически наши понятия о революции на обстановку Западной Европы. Это, конечно, совершенно неверно. Так может говорить только человек, который не знает всей нашей работы в Коминтерне. Так может говорить человек, который, прежде всего, обвиняет Ленина, так как именно Ленин был основоположником Коминтерна, первым его организатором и первым теоретиком. Главнейшие резолюции Коминтерна первых четырех конгрессов были составлены или редактированы Лениным.

2) Это заявление является не чем иным, как повторением меньшевистских и буржуазных сказок, которые распространяются в капиталистических странах.

3) В вопросе о крестьянстве в этом письме критикуется наша линия в основном — как неправильная линия. Тт. Медведев и Шляпников защищают такие взгляды, которые ведут к разрыву союза пролетариата с основной массой крестьянства. Медведев и Шляпников, как и раньше, не понимают, какими должны быть взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством, зачисляют середняцкое крестьянство в кулацкое, чем толкают середняка в кулацкие объятия; считают, что мы не имеем права тратить средства на помощь отдельным крестьянским хозяйствам, что мелкое и среднее крестьянство у нас обречено на

[1] Это письмо разобрано в специальной статье в „Правде“ „О правой опасности в нашей партии“. См. также сборник статей „О правой опасности в нашей партии“, „Прибой“, 1926 г. и № 17 журнала „Большевик“ за 1926 г. статью В. Л. — „Еще раз о правой опасности в нашей партии“.

гибель, если не подоспеет помощь,—вы думаете, международной пролетарской революции, или, может быть, кооперации,—нет, об этом в письме т. Медведева нет ни слова: тт. Медведев и Шляпников, эти знаменосцы «Рабочей оппозиции», рассчитывают на помощь... международного капитала.

Таким образом, Медведев и Шляпников обнаруживают такое же неверие в строительство социализма силами рабочего класса и крестьянства нашей страны, какое обнаруживает и новая оппозиция. По сути дела, между ними в этом вопросе разница не такая уж большая.

4) Неверные, небольшевистские взгляды «Рабочей оппозиции» на крестьянство связаны с не менее неправильными, небольшевистскими взглядами на дальнейшее развитие нашей крупной промышленности. «Рабочая оппозиция» права в одном,—в том, в чем она повторяет взгляд большинства партии, а именно: что одна из главных задач наших, без разрешения которой мы не можем удержать диктатуру пролетариата,—это развитие крупной промышленности. Но в этом вопросе «Рабочей оппозиции» нет надобности спорить со всей партией; здесь «Рабочая оппозиция» ломится, как говорится, в открытую дверь. Вся партия стоит на том, что необходимо максимальное количество средств уделить на развитие крупной промышленности, на индустриализацию, и все усилия партии направлены в эту сторону за последние годы. «Рабочая оппозиция» в демагогических целях, в целях настроить рабочих против нашей партии и против советской власти, писала в этом «Письме бакинским рабочим», будто бы у нас предстоит свертывание нефтяной промышленности, тогда, когда мы ее непрерывно развиваем и расширяем.

Разногласия, и коренные, и очень вредные разногласия, начинаются с того момента, когда «Рабочая оппозиция» изыскивает средства, изыскивает выход из трудностей нашего положения на пути капитуляции, на пути сдачи нашей крупной промышленности иностранному капиталу, на пути больших жертв и уступок международному капиталу, чем мы делали до сих пор.

«Рабочая оппозиция» не верит в то, что мы можем накопить средства для дальнейшего расширения нашей социалистической крупной промышленности экономией, бережливостью, сокращением накладных расходов, сжатием управленческого аппарата и другими подобными мероприятиями, которые уже сейчас дают нам десятки миллионов рублей и могут дать сотни миллионов рублей; «Рабочая оппозиция» не верит, что мы можем эти средства получить частью путем налогового обложения; она объявляет болтунами тех, кто такие вещи проповедует и такую линию проводит. Однако, мы должны сказать, что такой путь накопления есть путь, который начертал Владимир Ильич Ленин. Он писал еще в 1923 году, что экономией, бережливостью, жестким сокращением аппарата и накладных расходов,—и только на этом пути,—мы

можем скопить средства для расширения нашей промышленности, для Волховстроя, для электрификации, для крупной машинной промышленности, для перехода на более усовершенствованную технику в нашей промышленности.

«Рабочая оппозиция» объявляет эти пути утопией и самообманом и этим обнаруживает полное неверие в силы рабочего класса и крестьянства справиться собственными силами, собственными средствами. Выход она видит только в сдаче позиции международному капиталу. Это и есть меньшевизм, это и есть отказ от ленинского большевистского пути.

5) В письме Медведева бакинским рабочим нет ни слова о кооперации, а в письме т. Шляпникова, которое напечатано в № 17 «Большевика» за 1926 г., содержится прямое указание, что «Рабочая оппозиция» не придает кооперации такого значения, какое ей придавал Ленин, который считал, что в одной только кооперации мы при диктатуре пролетариата имеем все необходимое для построения социализма в деревне, если бы мы кооперировали население целиком.

В статье, напечатанной 26 мая 1923 года и написанной в 1923 году Лениным о кооперации, Ленин писал, что «у нас действительной задачей осталось только кооперирование населения». «В самом деле,—писал он,—власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе также,—разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это—все необходимое и достаточное для этого построения». (Подчеркнуто мною. *Е. Я.* См. Ленин., Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, «О кооперации»).

А у «Рабочей оппозиции» о кооперации ни слова в том письме, в котором т. Медведев излагает их программу.

6) Международную политику ВКП и советской власти «Рабочая оппозиция» также совершенно не разделяет. Она считает вредным, что мы выделили коммунистическую часть пролетариата в особые коммунистические партии во Франции, в Италии, Германии и других странах. Она считает вредным, что мы организовали Профинтерн. Профинтерн «Рабочая оппозиция» считает препятствием на пути рабочего класса. Другими словами, «Рабочая оппозиция» скатилась до того, что стала проповедывать ликвидаторство по отношению к Коминтерну и к Профинтерну, стоит за ликвидацию, за уничтожение этих организаций.

7) «Рабочая оппозиция» считает совершенно неверным отношение ВКП(б) и Коминтерна к социал-демократическим партиям, к партиям II Интернационала. Она против того, чтобы мы разоблачали предательство вождей II Интернационала. «Рабочая оппозиция» считает, что эти вожди умело защищают повседневные интересы рабочего класса, а коммунисты, дескать, сулят красные вымыслы. Таким образом, получается у «Рабочей оппозиции» защита всяких предателей интересов рабочего класса.

8) «Рабочая оппозиция» прямо повторяет сплетни меньшевистских и буржуазных газет насчет того, что коммунистические секции Коминтерна в разных странах представляют собой «оравы мелкобуржуазной челяди», живущей на русское золото. До такой наглой оценки Коминтерна не договаривались злейшие враги Коммунистической партии.

9) По отношению к новым слоям рабочих, которые приходят в партию (ленинский набор),—«Рабочая оппозиция» смотрела на это явление, как на явление такого же порядка, как стачки на заводах и фабриках осенью 1923 г., и представители «Рабочей оппозиции» советовали своим товарищам влиять на организацию в том направлении, чтобы этот ленинский набор поменьше подвергать воспитанию в духе ленинизма через лекции, совпартшколы и т. д. Другими словами, «Рабочая оппозиция» проявляет презрение к ленинской теории.

10) «Рабочая оппозиция» рассматривает партию, как сумму отдельных групп и фракций, и в этом отношении «Рабочая оппозиция», по сути дела, проповедует меньшевистский взгляд на партию, который когда-то Ленин высмеивал, критикуя т. Троцкого. Ленин смеялся над правилом: «живи и жить давай другим», которое проповедуют люди, стоящие за фракционное построение внутри нашей партии, за свободу группировок.

Мы остановились на этом бакинском письме т. С. Медведева потому, что оно является наиболее ярким выражением того, как под покровом левых фраз можно скатиться к самой правой меньшевистской позиции, начать проповедывать самое что ни на есть меньшевистское ликвидаторство.

Если бы тт. Шляпников и Медведев, взгляды которых и выражает это письмо, в 1926 году заявили о том, что они считают эти свои прошлые взгляды неправильными, нам не следовало бы об этом так подробно говорить. Но так как и в 1926 г. т. Шляпников выступает от своего имени и от имени т. Медведева с защитой этих взглядов в «Большевике» (смотри № 17 за 1926 г.), то борьба с этими взглядами является безусловно необходимой, тем более, что со стороны новой оппозиции эти взгляды не встретили никакого отпора. Новая оппозиция считает, что изложенные взгляды являются левыми, а так как новая оппозиция считает себя обязанной критиковать «правую» позицию, которую, будто бы, проповедует большинство партии, то под этим предлогом новая оппозиция косвенно берет под свою защиту и эту меньше-

вистскую, ликвидаторскую платформу Медведевых и Шляпниковых. К счастью для пролетариата—Медведевых и Шляпниковых у нас в партии «кот наплакал». Ни одна организация, ни одна ячейка во всей нашей партии не идет за «Рабочей оппозицией». И если мы, все же, считаем необходимым рассказать так подробно о «Рабочей оппозиции», то для того, чтобы у молодого поколения была известная прививка противоядия. Вы знаете, как заболевает организм от маленького заразного микроба. Достаточно где-нибудь царапинки, чтобы этот микроб попал в здоровый организм и заразил его, и чтобы он сделался смертельным для этого организма. В моменты величайших трудностей, когда организм нашей партии в отдельных наиболее слабых звеньях заболевает, он заболевает теми болезнями, какими болела уже и в прошлом наша партия. И настроения, которые были у «Рабочей группы», у «Рабочей оппозиции», у троцкистов, у «ликвидаторов», у «отзовистов»,—все эти болезни возникают в наиболее слабых звеньях, у наиболее слабых, подверженных, так сказать, ранению членов нашей партии и отдельных групп нашей партии.

Вот почему, особенно для молодежи, мы считаем необходимым, в виде прививки, на всякий случай, ознакомить с тем, чем была в нашей партии «Рабочая оппозиция» и чем она является.

Мы не сгущали красок. Всякий, кто даст себе труд изучить по документам (протоколы X и XI съездов РКП(б), решения X и XI съездов РКП(б) указанные статьи в «Правде» и «Большевике»—«о правой опасности в нашей партии» и ответ т. Шляпникова в № 17 «Большевика»),[1] тот убедится, что эта опасность серьезна, и что против всяких малейших проявлений взглядов «Рабочей оппозиции» всякий ленинец, всякий коммунист обязан бороться до конца.

„Рабочая группа“[1]

Как мы знаем, окончание гражданской войны было связано с величайшими трудностями. За время гражданской войны крестьянские и рабочие массы терпели неслыханные лишения. Наиболее преданные пролетарской революции силы пролетариата и крестьянства, однако, сознавали, что эти лишения совершенно неизбежны и что в них не виновата наша партия. Огромные же массы крестьянства и тех слоев пролетариата, которые еще не порвали с деревней или недавно пришли на фабрики и заводы, поддавались таким настроениям, которые шли из буржуазных и мелкобуржуазных слоев. Тот путь, которым шла наша партия, тот путь, по которому звал Ленин, казался этим массам трудящихся слишком медленным, трудным. И отсюда рождались на-

[1] См. также № 18 „Большевика“ за 1926 г., статью т. Слепкова об идейных корнях „Рабочей оппозиции“.

[1] О „Рабочей группе“ существует довольно обстоятельно написанная книжка тов. Вл. Сорина: „Рабочая группа“ (Мясниковщина), с предисловием Н. И. Бухарина. Изд. МК ВКП (б), 1924.

строения двоякого рода. С одной стороны, некоторая часть пролетариата считала этот путь слишком медленным и требовала более быстрого «форсированного» марша к коммунизму («Рабочая оппозиция»); другая часть считала, что путь к коммунизму— это еще долгий путь, а пока что, надо осуществить такие требования буржуазной демократии, как «свободу печати от монархистов до анархистов включительно», и т. д. И на тот, и на другой путь становились иногда отдельные товарищи, которые вовсе не были лично настроены, как враги рабочего класса: но хотели они, или не хотели этого, а они становились врагами рабочего класса.

На такой путь и стал Г. И. Мясников, один из пермских рабочих, с революционным прошлым, у которого, однако, эта революционность сочеталась с большой долей авантюризма. Он искренно вообразил, что вся партия заблуждается, вся партия идет по неверному путь; а он, Мясников, призван спасти ленинскую партию и самого Ленина от падения, от перерождения, от перехода в лагерь классовых врагов пролетариата.

Мы знаем, как в конце 1920 года буржуазия воспользовалась тем недовольством, которое существовало в среде некоторой части рабочего класса и крестьянства против коммунистов. Недовольство было и в среде самих коммунистов.

Некоторые товарищи искренно не понимали необходимости перехода к новой экономической политике.

Они считали переход от военного коммунизма к новой экономической политике, к свободе торговли и всему, что связано со свободой торговли, изменой пролетарскому делу. В то время были нередко выходы из партии из-за того, что отдельные товарищи «не согласны были с введением нэпа». Другими словами, они не были согласны с тем путем, который Ленин и ленинская партия считала единственно правильным и возможным и который на деле оправдал себя, как путь, идя по которому, пролетариат может накопить и накапливает силы для наступления по социалистическим рельсам.

Мясников был близок к «Рабочей оппозиции», вместе с которой он и некоторые его единомышленники в 1921 году подписали «заявление 22-х» в Исполком Коминтерна, жалобу на нашу ленинскую партию. Но это не значит, что он все свои шаги согласовывал с «Рабочей оппозицией»,—нет, Мясников и мясниковщина—это отдельная почка, отдельная веточка, которая развилась на почве тех же мелкобуржуазных настроений, на которой развилась и «Рабочая оппозиция».[1]

В письме, адресованном в ЦК РКП (большевиков) от 2 мая 1921 года из Ленинграда (Петрограда), куда он был послан на

[1] То обстоятельство, что „Рабочая группа" в большинстве своем состояла из рабочих, ровно ничего не говорит в пользу этой группы: некоторые рабочие, ведь, в свое время входили и в „Союз русского народа" — черную сотню.

работу из Пермской губернии, Мясников критикует те порядки, которые он видел в тогдашнем Петрограде. Он правильно отмечает отдельные промахи организации, неуменье наше хозяйничать, он возмущается в этом письме отсутствием внутрипартийной демократии, безгласностью, которая царила, по его словам, в тогдашней питерской организации. Он пишет так: «Мне т. Зиновьев в присутствии очень многих товарищей партийного собрания трех районов (Смольнинского, 1-го Городского и Московского) сказал: «Вы перестаньте разговаривать, а то мы вас из партии исключим. Вы или эсер, или больной человек». Вот тон, который задан Питерской организации. Если вы не согласны с непогрешимым папой, то анафема... Всякая попытка сказать критическое слово ведет к зачислению смельчака по штату меньшевиков и эсеров со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Мясников уже в этом письме 1921 г. развивает все те мысли, которые он впоследствии развил в брошюре «Тревожные вопросы» и в «Манифесте рабочей группы». На вопрос—что же делать?—Мясников предлагает вернуться к такой организации советов, какой она была в 1917 и в начале 1918 года. Всякий понимает, что это предложение, прежде всего, не вяжется с теми задачами, какие встали перед нами позже. Если в 1917—1918 году главной задачей советов было—захват власти и удержание власти, борьба на военных фронтах, если в это время методы, способы нашей работы были способами военного коммунизма,—то в 1921 году и позже задачи в значительной степени изменились. Власть мы отстояли, удержали, но удержали путем военно-политического союза, а новая задача заключалась в том, чтобы в дальнейшем удержать власть посредством экономического союза. Само собой разумеется, что та организация советов, какая была в 1917—18 году, мало годилась для того, чтобы выполнить эту большую, новую задачу восстановления прежней довоенной промышленности и построения новой промышленности на социалистических началах, создания огромной кооперативной, торговой сети.

То, что предлагал Мясников в то время, равносильно было полному расколу между пролетариатом и крестьянством, созданию совершенно отдельных организаций (как советов, так и других), в которых рабочий класс был бы совершенно отделен от крестьянства. Кооперация, коллективы, коммуны, артели,—к ним Мясников относился как к «надеванию хомута с хвоста». «То, что должно явиться результатом развития производительных сил, хотят сделать предпосылкой, непременным условием этого развития»,—писал Мясников. Выходило, по Мясникову, так: сначала постройте социализм, а потом уж, когда будет социализм, тогда стройте коллективы, артели, коммуны, кооперацию. Мясников не понимал, что коллективы, артели, коммуны, кооперация—это есть путь к социализму, это и есть те формы, в которых воплощается социалисти-

ческое хозяйство, особенно в деревне. Вот почему у него выходило, что это есть «надевание хомута с хвоста». Он не понимал, что это и есть форма, через которую крестьянство организует социалистическое хозяйство.

Несмотря на правильное понимание отдельных вопросов,—что отметил впоследствии и Ленин,—Мясников особенно сбился с пути на вопросе о свободе слова и печати. Он писал в этом письме Центральному Комитету:

«После того, как мы подавили сопротивление эксплоататоров и конституировались как единственная власть в стране, мы должны... провозгласить свободу слова и печати, которую не видел в мире еще никто от монархистов до анархистов включительно».

Через некоторое время, 27 июля 1921 года, Мясников пускает в обращение небольшую брошюру «Больные вопросы». В этой брошюре он повторяет те же самые мысли и особенно останавливается на защите свободы слова и печати, доказывая, что мы сейчас уже подавили сопротивление эксплоататоров, что, стало быть, нам никакой опасности от разрешения свободы слова и печати всем классам не грозит.

«Свобода слова в 1921 году, когда пролетариат подавил сопротивление эксплоататоров и конституировался как национальная власть,—это не свобода слова 1918—20 годов, когда это подавление и конституирование было задачей. Там она могла быть силой для буржуазии, здесь она есть сила для пролетариата, является организующим началом всех его сил для решения новой задачи». Так писал Мясников.

Ленин видел, что настроение Мясникова есть настроение известной части заблудившихся товарищей, и попытался еще урезонить, уговорить Мясникова, показать, на какой гибельный путь он становится. В августе 1921 г. Владимир Ильич написал письмо Мясникову, в котором пишет ему по поводу его предложения о свободе слова и печати:

...«Свободу печати от монархистов до анархистов включительно»... Очень хорошо. Но извините—все марксисты и все думавшие над четырехлетним опытом нашей революции рабочие скажут: разберемся в том, какую свободу печати. Для чего? Для какого класса?

Мы в абсолюты не верим. Мы над чистой демократией смеемся.

Лозунг свободы печати стал всемирно великим в конце средних веков и вплоть до XIX века. Почему? Потому, что он выражал прогрессивную буржуазию, т. е. ее борьбу против попов и королей-феодалов, помещиков.

Нет ни одной страны в мире, которая бы так много делала и делает для освобождения масс от влияния попов и помещиков, как РСФСР. Эту задачу свободы печати мы выполняли и выполнили лучше всех в мире.

Свобода печати во всем мире, где есть капиталисты, есть

свобода покупать газеты, покупать писателей, подкупать, покупать и фабриковать общественное мнение в пользу буржуазии.

Это факт.

Никто никогда не сможет этого опровергнуть.

А у нас, может ли кто отрицать, что буржуазия разбита, но не уничтожена? Что она притаилась? Нельзя этого отрицать.

Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода политической организации буржуазии и ее вернейших слуг—меньшевиков и эсеров. Это—факт неопровержимый. Буржуазия (во всем мире) еще сильнее нас и во много раз. Дать ей еще такое оружие, как свобода политических организаций (свободу печати, ибо печать есть центр и основа политической организации)—значит облегчать дело врагу, помогать классовому врагу.

Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем.

Мы ясно видим факт—«свобода печати» означает на деле немипуемую покупку между буржуазией сотни и тысячи кадетских, эсеровских, меньшевистских писателей и организацию их пропаганды, их борьбы против нас.

Это факт. Они богаче нас и купят силу вдесятеро большую против нашей наличной силы. Нет, мы этого не сделаем, мы всемирной буржуазии помогать не будем.

Как вы могли с общеклассовой оценки, т. е. точки зрения оценки отношений между всеми классами, скатиться до оценки сантиментально обывательской? Это для меня загадка». (Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 339—340).

Дальше, в письме Владимир Ильич указывает Мясникову, что есть вопросы, в которых он сумел стать на правильную точку зрения.

«А тут вдруг скатились в пропасть сантиментализма».

«У нас куча безобразий и злоупотреблений: свобода печати их разоблачит».

Вот на чем, насколько я могу судить по двум статьям, вы сбились. Вы дали себя подавить известному числу печальных и горьких фактов и потеряли способность трезво учесть силы.

Свобода печати поможет силе мировой буржуазии... Это факт. Не очистке коммунистической партии в России от ряда ее слабостей, ошибок, бед, болезней (куча болезней есть—это бесспорно) послужит свобода печати. Ибо этого не хочет мировая буржуазия,—а свобода печати станет оружием в руках этой мировой буржуазии. Она не умерла, она жива. Она стоит рядом и караулит. Она уже наняла Милюкова, коему Чернов и Мартов (частью по глупости, частью по фракционной злобе на нас, а главным образом, по объективной логике их мелкобуржуазной демокра-

тической позиции) служат верой и правдой. Вы шли в комнату, попали в другую.

Вы хотели лечить коммунистическую партию и стали хвататься за лекарства, несущие верную смерть,—не от вас, конечно, а от мировой буржуазии (Милюков+Мартов+Чернов).

Вы забыли мелочь, совсем маленькую мелочь, именно: мировую буржуазию и ее свободу покупать себе газеты, покупать себе центры политической организации.

Нет, по этой дороге мы не пойдем. Из тысячи сознательных рабочих девятьсот по этой дороге не пойдет.

Бедствий у нас много. Такие ошибки (наши общие ошибки, все ошиблись: и СТО, и ВСНХ, и ЦК), как с распределением топлива и продовольствия осенью и зимой 1920 г. (громадные ошибки), еще во много раз обострили болезни нашего положения.

Нужда и болезни велики. Голод 1921 г. их усилил дьявольски.

Вылазим с трудом чертовским, но вылазим и начали вылезать.

Вылазим, ибо политика у нас в основе правильная, учитывающая все классовые силы в международном масштабе. Вылазим, ибо не прикрашиваем своего положения. Знаем все трудности. Видим все болезни, лечим их систематически, упорно, не впадая в панику.

Вы позволили и себя увлечь панике и по этой наклонной плоскости докатились до того, что выходит нечто похожее на основание вами новой партии или на ваше самоубийство.

Нельзя впадать в панику. Оторванность ком'ячеек от партии есть зло, болезнь, бедствие, есть тяжелая болезнь—мы ее видим. Лечить ее нужно не свободой для буржуазии, а мерами пролетарскими и партийными». (Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 340—341).

В этом же письме Владимир Ильич высказывается за то, что необходимо «оживлять советы, привлекать беспартийных, проверять беспартийными работу партийных». Он указывает на то, что здесь «работы тьма, непочатый угол работы», и предлагает заняться этой самой черновой работой. А что касается недостатков наших, то Ленин предлагает партийные меры:

«Почему бы испугаться черной работы (злоупотребления травить через ЦКК, через партпрессу, через «Правду»). От неверия в черную работу, медленную, трудную, тяжелую, люди впадают в панику и ищут легкого выхода: свободы печати (для буржуазии)».

«Почему вам настаивать на своей ошибке, на непартийном, антипролетарском лозунге свободы печати?

Почему вам не взяться за менее «блестящую» (буржуазным блеском блестящую) работу, черную работу деловой чистки злоупотреблений, деловой борьбы с ними, деловой помощи беспартийным.

Где вы указали ЦКК такое-то злоупотребление и такое-то средство его исправить, искоренить?

Ни разу. Ни единого раза.

Вы увидели кучу бедствий и болезней, впали в отчаяние и бросились в чужие объятия, в объятия буржуазии (свобода печати для буржуазии). А мой совет: в отчаяние и панику не впадать». (Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 341—342).

Вы видите, как внимательно подошел Владимир Ильич, как он старался убедить Мясникова. Иногда теперь некоторые оппозиционеры ссылаются на этот пример и говорят: вот видите, как Ленин умел убеждать людей. Но что получилось из этой настойчивой попытки Владимира Ильича спасти от гибели (в коммунистическом смысле) Мясникова?—На это дает ответ вся последующая история Мясникова и организованной им «Рабочей группы».

Мясников, получив это письмо, даже не удосужился ответить как следует. 6 августа 1921 г. Мясников высокомерно пишет:

«Мой ответ. Тов. Ленин. Ваше письмо получил. Писать Вам сейчас ответ нет времени».

И дальше идет несколько строк совершенно не по существу затронутых Владимиром Ильичем вопросов. Это очень характерно для Мясникова, который вообразил, что он—вождь новой партии, что он спасает пролетариат. Ленин, который работал по 16, по 18 часов в сутки, который председательствовал в Совете Народных Комиссаров, который следил лихорадочно за всеми проявлениями нашей общественной жизни, который руководил Коммунистической партией и фактически руководил Коммунистическим Интернационалом,—Ленин нашел время для того, чтобы потоварищески попытаться воздействовать на Мясникова, а Мясников, видите ли, такой занятый человек, что «писать вам сейчас ответ нет времени». «Поеду в завод Мотовилиху и оттуда пришлю ответ».

В это время Центральный Комитет обсудил выставленные Мясниковым тезисы. В постановлении Оргбюро ЦК РКП(б) от 22 августа 1921 г. (протокол № 61), принятом в присутствии т. Мясникова, который в это время был вызван с Мотовилихи, мы читаем:

> «1) Признать тезисы т. Мясникова несовместимыми с интересами партии.
>
> 2) Вменить в обязанность т. Мясникову на официальных партийных собраниях со своими тезисами не выступать».

И вот, в это время Мясников пишет свой второй ответ т. Ленину, в котором говорит:

«Все никак не мог собраться Вам ответить на Ваше письмо. Теперь я опять в Москве—вызван из Мотовилихи Комиссией».

Как видите, Мясников все еще ломается, изображая из себя страшно занятого человека: «Все никак не мог собраться Вам ответить». В чем же он упрекает Ленина в этом письме?

«Не верите Вы в силу рабочего класса,—пишет он,—не верите Вы в его классовую логику, а верите в чиновников,—это ваша беда».

Он предлагал, чтобы ему на пробу дали в Пермской губернии в ряде заводов—Мотовилиха, Воткинск, Чусовая, Кизел, Лысьва и еще в некоторых организовать советы так, как он, Мясников, хочет этого.

Уже после того, как ЦК партии признал тезисы Мясникова несовместимыми с интересами партии и вменил ему в обязанность на официальных партийных собраниях со своими тезисами не выступать, Мясников не послушался, поехал в Мотовилиху, устроил общее собрание членов партии Мотовилихинского района и провел там резолюцию, в которой говорится:

> «1) Объявление тезисов т. Мясникова целиком несовместимых с интересами партии, есть результат несерьезного отношения к делу Организационного Бюро ЦК, которое, очевидно, без особого труда может всякое инакомыслие считать вредным и несовместимым с интересами партии.
>
> 2) Что воспрещение выступать т. Мясникову не разрешает тех вопросов, которые выдвинуты в его «докладной записке» и статье «Больные вопросы», которые ежечасно встают перед коммунистами фабрик, заводов, сел и деревень.
>
> 3) Разрешение выступать с критикой линии ЦК и в защиту своей точки зрения только в дискуссионном листе указывает на то, что ЦК занят обереганиями, опекой членов партии от проникновения к ним этих «вредных вопросов».
>
> 4) Общее собрание членов партии Мотовилихинского района разделяет точку зрения т. Мясникова, а потому и настаивает на том, чтобы как т. Мясникову, так и всем нам, стоящим на его позиции, дали свободу слова и печати внутри партии (свободу внутрипартийной критики).
>
> 5) Отзыв т. Мясникова из Мотовилихи рассматриваем как очередную ссылку его за инакомыслие и просим ЦК оставить его здесь в Мотовилихе».

Таким образом, не только Мясников тогда считал возможным нарушить постановление ЦК, но он сбил с толку и Мотовилихинскую районную организацию, которая решила, что она относится гораздо серьезнее к делу, чем Организационное Бюро ЦК.

Если вы вдумаетесь внимательно в эту резолюцию, вы увидите, что она мало чем отличается от тех разговоров оппозиции 1923—24 и 1926 гг., которыми она обрушивается на ЦК

нашей партии. И вы должны будете согласиться с тем, что этот пример неподчинения партийной дисциплине, который в 1921 году давал Мясников, по отношению к Ленину и руководимому Лениным Центральному Комитету, мало чем отличается от неоднократных нарушений партийной дисциплины в 1926 году новой оппозицией.

Так как Мясников продолжал вести пропаганду запрещенных партией, вредных для рабочего класса взглядов, то он был исключен из партии, и с осени 1923 г. Мясников, вместе с другим исключенным XI съездом партии Кузнецовым, организует «Рабочую группу».

Когда собирался XII съезд партии, он имел перед собой две подпольные группы внутри нашей партии—«Рабочую правду» и «Рабочую группу», которые выпускали подпольно свои обращения и подпольно их распространяли. Поэтому XII съезд отмечал опасность, которая стоит перед нашей партией. В резолюции XII съезда мы читаем:

> «XII съезд не может закрыть глаза на то, что обстановка нэпа создает почву для уклонов, опасность которых должна быть предусмотрена партией и которым партия должна с самого же начала дать решительный идейный отпор. Особенно опасными и губительными для исторической миссии нашей партии являются те уклоны, которые противопоставляют Советское государство рабочему классу и партию—Советскому государству.
>
> Противопоставление Советского государства, опирающегося на союз рабочих и крестьян, интересам рабочего класса и диктатуре партии является ныне главнейшим агитационным орудием всех врагов нашей партии и принимает в их руках явно контрреволюционный характер».

К сожалению и к несчастью для пролетариата, любители противопоставлять Советское государство—рабочему классу и партию—Советскому государству были не только в 1923 г. в нашей партии, их можно встретить в новой оппозиции и в 1926 г. Один из таких—Оссовский, недавно исключенный из партии, статья которого напечатана вместе с ответом в № 14 «Большевика». К сожалению и к несчастью для пролетариата, в среде ВКП(б) нашлись и находятся люди, которые подобные антипартийные взгляды защищали и защищают. И то, что XII съезд партии считал «главнейшим агитационным орудием всех врагов нашей партии»,— а именно: «противопоставление Советского государства, опирающегося на союз рабочих и крестьян, интересам рабочего класса и диктатуре партии»—является контрреволюционным орудием и в наши дни. Тем более велика опасность, когда подобные взгляды проникают в ряды нашей партии и находят в ней защиту.

В феврале 1923 года Мясников перерабатывает брошюру

«Тревожные вопросы» в «Манифест рабочей группы РКП». В апреле 1923 г. образуется временное центральное организационное бюро. Манифест рассылается по почте, и так как Советская власть очутилась перед фактом создания подпольной и контрреволюционной организации, то Мясников был арестован в конце мая 1923 г.; через некоторое время он, однако, был освобожден и выехал за границу на советскую службу.

В Москве остались друзья Мясникова, которые продолжали подпольную работу. Было выбрано Московское бюро, причем стоит отметить, как оно выбиралось. Всего на так называемой Московской «конференции» «Рабочей группы» было человек 12. Тайным голосованием, записками на этой знаменитой «конференции» было выбрано бюро из нескольких лиц. Таким образом, товарищи, присутствовавшие на этой «конференции», должны были фактически выбирать самих себя.

«Рабочая группа» делала попытки сговориться с тт. Коллонтай, Шляпниковым, Лутовиновым, Медведевым и другими из «Рабочей оппозиции». Из письма Кузнецова к Мясникову, однако, видно, что эти товарищи не соглашались, или не во всем соглашались с «Рабочей группой» и были, например, против того, чтобы вести пропаганду среди беспартийных.

Мясников был очень рассержен тем, что «Рабочая оппозиция» не хотела сливаться с «Рабочей группой».

Конечно, все эти совещания, разговоры шли тайно от партии. Хотели было организовать заграничное бюро, куда вошли бы кое-кто из немецкой левой оппозиции. Намечали во главе поставить т. Коллонтай, но она согласия не дала. «Манифест рабочей группы» напечатали за границей, в типографии. Воззвания, прокламации мясниковские печатались во всех белогвардейских газетах. Когда Мясников потребовал, чтобы орган германских коммунистов «Роте Фане» («Красное знамя») напечатал его воззвания, член Центрального Комитета германской коммунистической партии т. Кенен ответил Мясникову, что его взгляды ничего общего не имеют со взглядами коммунистической партии и что он может искать места для своих статей в сочувствующей ему белогвардейской печати.

В августе на некоторых заводах произошли стачки в связи с неаккуратной выплатой заработной платы, в связи с другими причинами недовольства рабочих; однако, как это выяснилось, не без влияния меньшевистско-эсеровской агитации и агитации «Рабочей группы». У «Рабочей группы» возникает тогда мысль об организации всеобщей политической стачки. Это дало повод произвести осенью 1923 г. арест около 20 человек «Рабочей группы». Мясников находился под крылышком IV Интернационала за границей (в IV Интернационал входят незначительные, не имеющие никакого политического влияния группки полуанархистов). Когда перед арестованными участниками «Рабочей группы» раскрыли все замыслы их вожаков, большинство участников этой «Рабочей

группы» заявило о том, что они несогласны со своими «вождями», что они раскаиваются в том, что они вошли в эту группу. Часть этих товарищей была исключена из партии, часть получила выговор; почти все они, за исключением Мясникова и Кузнецова, в настоящее время восстановлены в партии, так как на опыте работы партия убедилась, что многие из этих товарищей изжили свои неправильные взгляды.

Прежде чем перейти к более подробному изложению взглядов этой группы, небезынтересно отметить одну черту: Кузнецов писал свои доклады «вождю» «Рабочей группы» Мясникову за границу. В этих отчетах он неимоверно врал, раздувая цифры сторонников—«в Москве около 3 тысяч человек», «около 25 губерний обслуживается», происходят собрания чуть не по 200 человек. И все это,—как признавал сам Кузнецов,—сплошное вранье, которым он угощал своего заграничного «вождя» для того, чтобы тот не падал духом. Но и другим участникам группы также втирали очки—вот, дескать, как нас много, целые тысячи за нами. Точь в точь как «Рабочая оппозиция» писала о том, что она «стелется и стелется по всей земле русской». Эту черту хлестаковщины отмечает особенно одна из участниц «Рабочей группы» Шавтовалова, которая писала в своих показаниях, что «Кузнецов—фантазер, который переучитывает свои силы, а главное, много мнит, что его очень хорошо знает рабочий класс», ...«Озлобленный, нервный человек». ...«Дурак, полупомешанный фантазер». ...«Когда ему прямо задавали вопрос—чего он хочет, с чем и с кем борется, никогда не умел поставить вопроса политически... Когда мы старались узнать, кто за ним есть, он всегда козырял большими фигурами, чуть ли не т. Троцким; товарищи Лутовинов, Рязанов, Невский, Ларин всегда были в его распоряжении. Грустно и смешно было смотреть и слушать такой бред... О связи с рабочими и с отдельными заводами он не говорил. Это для него была мелочь. Прямо называл губернии и большие города и бесконечные цифры—всегда разные». Перед немецкими коммунистами и в белогвардейской печати эти хвастунишки расписывали, что у них, якобы, имеется 10 тысяч членов, и т. д.

Мысли «Манифеста рабочей группы»—почти те же мысли, которые были изложены и в письме Мясникова в Центральный Комитет, только более подробно развиты. Мясников против тактики единого фронта в том виде, как ее выдвинул Коминтерн. Несмотря на то, что Коммунистический Интернационал как в декабрьских тезисах 1921 г., так и в решениях IV конгресса определенно объяснил, что такое тактика единого фронта, Мясников делал вид, будто мы проповедуем единый фронт с убийцами Либкнехта.

Что же говорят резолюции Коминтерна? Тактика единого фронта является ничем иным, как предложением коммунистов вести совместную борьбу со всеми рабочими, принад-

лежащими к другим партиям или группам, и со всеми беспартийными рабочими во имя защиты элементарных жизненных интересов рабочего класса против буржуазии. А Мясников изображал все дело так, будто весь вопрос сводится к разговорам с Шейдеманом и Носке.

В 1926 г. новая оппозиция ВКП(б) стала фактически на точку зрения Мясникова, когда требовала разрыва англо-русского комитета.

В самом деле, как рассуждает Мясников? С такими, дескать, изменниками, как Вандервельде и другие, нельзя вести никаких переговоров.—Новая оппозиция совершенно так же заявляет: как вы можете сидеть за одним столом с Томасом и Перселем в англо-русском комитете? Они изменили рабочим.

Поэтому требование разрыва англо-русского комитета со стороны новой оппозиции 1926 г., по сути дела, ничем не отличается от тех возражений, какие делала «Рабочая группа» Мясникова против тактики единого фронта.

«Рабочая группа» просто старалась не замечать того, что мы в своей борьбе за диктатуру пролетариата не раз составляли такой единый фронт с другими партиями. Так, например, мы одно время составили единый фронт с левыми эсерами вскоре после Октябрьской революции, были даже с ними в одном правительстве.

Вторым вопросом, который развивает «Манифест рабочей группы», является вопрос об отношении рабочего класса к Советскому государству. У Мясникова можно по этому вопросу найти весь арсенал того оружия, которым борется новая оппозиция. Тут разговоры о перерождении партии и перерождении советской власти.

Сейчас новая оппозиция разговаривает очень много насчет бюрократизма партийного, советского и профсоюзного. Мясников, на вопрос о том, что такое профсоюзы, отвечает: «Безмолвное орудие господствующей группы РКП... Слепое орудие в руках чиновников, бюрократический придаток к Политбюро РКП».

Все рассуждения «Рабочей группы» о Советском государстве и Коммунистической партии сводятся к тому, что рабочий класс имеет интересы, которые Коммунистическая партия не защищает, что рабочий класс имеет интересы, которых Советское государство не защищает. Это и есть точка зрения меньшевиков и эсеров. К сожалению и несчастию для рабочего класса, в рассуждениях новой оппозиции мы находим очень много схожего с мясниковщиной, с рассуждениями «Манифеста рабочей группы».

Необходимо еще остановиться на вопросе о свободе печати, слова, на который уже Владимир Ильич дал свой прямой ответ.

Требование Мясникова—«свобода слова и печати от монархистов до анархистов включительно» ведет, не на словах, а на

деле, к тому, что Советское государство заменится самым обыкновенным буржуазным государством. В самом деле, что значит «свобода слова и печати от монархистов до анархистов включительно»? Печать есть могучее орудие влияния того или другого класса, который этой печатью обладает. Если бы буржуазия имела у нас свободу печати, неужели можно подумать, что она не пошла бы дальше, не сорганизовала бы свою партию? Ведь печать является только одним из орудий того или иного класса. Понятно, что буржуазия, имей она в своих руках газеты, использовала бы их, как она их использовала в первое время после Октябрьского переворота, для того, чтобы бороться против советской власти, чтобы собирать и настраивать определенным образом своих единомышленников, чтобы перетягивать на свою сторону колеблющихся. И если уж допустить такое соревнование, то почему же не допустить буржуазию вооружаться не только печатью, не только своими газетами, почему ее не допустить вооружаться пулеметами и винтовками?

Тот, кто думает, что можно дать монархистам, сторонникам старого режима, свободу печати и слова, тот стоит на деле за то, чтобы дать возможность сторонникам царского режима снова вернуть свое господство. Так что защита свободы печати и слова для непролетарских классов ведет к сдаче власти этим непролетарским классам.

К сожалению и несчастью для рабочего класса, за последнее время нашлись в нашей партии отдельные представители такого взгляда, что мы должны в своей партии допустить свободу всех мнений, всех существующих в нашей стране экономических группировок. Другими словами, эти люди (как Оссовский) стоят за то, чтобы мы в нашей партии допустили образование буржуазной фракции.

Большое место занимает в «Манифесте рабочей группы» вопрос о советах, о том, чем они должны быть, как они должны быть организованы. Мы уже указывали на то, что Мясников предлагал в 1921 году, чтобы ему дали несколько советов (выходит, что совет это в роде пряника) на пробу, чтобы он их построил так, как понимает он, Мясников. Выйдет— будет хорошо, а не выйдет,—говорил он,—пусть меня расстреляют. Чего же он хотел? Он хотел вернуть советы к тому, чем они были в начале революции, в 1917—18 гг. Надо ли говорить о том, что это время прошло и что «вся власть на местах», когда у нас существовали такие республики, как Калужская, со своим Совнаркомом, и даже были уездные Совнаркомы,—отошло в область истории, и что задачи сейчас совершенно другие и что советы должны быть иначе организованы.

Конечно, сколько ни открещивалась на словах «Рабочая группа» от эсеров и меньшевиков, но фактически, на деле, меньшевики и эсеры были ближе к «Рабочей группе», чем «Рабочая группа» к большевикам. Это видно хотя бы из того приема, какой ока-

зывала «Рабочей группе» вся меньшевистская и эсеровская и белогвардейская печать. Они очень охотно все перепечатывали, что писал Мясников, все его письма, воззвания и проч. Мало того, в одном из номеров «Революционной России» (заграничного эсеровского органа печати) мы читаем сообщение о том, что московская эсеровская организация дала указание своим членам войти в близкие сношения с «Рабочей группой». И на самом деле, на собраниях, которые устраивались мясниковцами у директора завода Метрон М. Ф. Михайлова, присутствовал и бывший эсер Суханов.

После ликвидации этой группы осенью 1923 года, она больше не возобновляла своего существования. Рабочий класс не пошел за этими людьми, которые пытались использовать временные затруднения в жизни Советского Союза, в жизни рабочего класса, для борьбы с Коммунистической партией, для ее раскола, для борьбы против Советского государства.

Однако, в нашей миллионной партии остались, конечно, люди, которые время от времени сбиваются по отдельным вопросам на ту дорогу, на которую сбился в свое время Мясников, который мог бы быть полезен партии, мог бы быть полезен еще рабочему классу, если бы он работал вместе с партией. Эти колеблющиеся элементы в нашей партии впадают в другие уклоны, близкие мясниковскому, родственные ему.

Вот почему и в выступлениях новой оппозиции 1926 года, которая объединила обломки всех бывших когда-то в нашей партии фракций и группировок,—нет-нет, а слышатся антипартийные ноты из мясниковского «Манифеста рабочей группы», нет-нет, да и прорвется голос, против которого так резко и решительно выступил в 1921 году В. И. Ленин.

„Рабочая правда“[1]

«Рабочая правда» появилась в 1921 году. В обращении «к революционному пролетариату и всем революционным элементам, оставшимся верными борющемуся рабочему классу», изданном группой «Рабочей правды», мы читаем:

«В тяжелые месяцы идейной растерянности и разброда в партии и апатии среди рабочего класса мы, группа коммунистов, ставим своей задачей выявление классовой пролетарской позиции»— под таким лозунгом самоопределилась и оформилась осенью 1921 года наша группа в журнале «Рабочая правда». Группа

[1] Настоящая глава написана на основе собрания всех материалов о „Рабочей правде“, имеющихся в ЦКК. В нашей печати до сих пор о „Рабочей правде“ была статья Бухарина „Влияние нэпа и уклоны в рабочем движении“ („Правда“ № 66, 25 марта 1923 года) и статья автора настоящей брошюры „Что такое Рабочая правда“ („Правда“, № 288, 19 декабря 1923 года; издана отдельной брошюрой издательством „Пролетарий“), а также постановление ЦКК по делу группы „Рабочая правда“.

«Рабочая правда» организовалась прошлой осенью, когда нэп — восстановление нормальных капиталистических отношений — обострило классовые противоречия в нашей республике и создало необходимую предпосылку для более широкой работы».

Уже из этого воззвания мы можем видеть, что нэп рассматривался группой «Рабочей правды», как «восстановление нормальных капиталистических отношений». Им и в голову не приходило то, что нэп является путем к тому, чтобы социалистические элементы окрепли и укрепились и взяли верх при нэпе над частнокапиталистическими.

Но что сама «Рабочая правда» возникла под влиянием нэпа, под влиянием возрождения капиталистической стороны нэпа, в этом нет никакого сомнения. Это отметил и тов. Н. Бухарин в своей статье в «Правде» (№ 66, 25/III 1923 г.) «Дезертиры пролетарской революции» (группа «Рабочая правда».) Тов. Бухарин писал в этой статье:

«Влияние нэпа — это совершенно необходимая стадия исторического развития, через которую проходит революционный российский пролетариат, неизбежно должна была вызвать ряд уклонов, отколов со стороны наиболее трусливых и неустойчивых оппортунистических элементов, ряд «вывертов» со стороны «революционеров чувства», способных на моральное негодование, но абсолютно неспособных сообразить (головой сообразить), что нужно для победоносного завершения Октябрьского переворота».

«Чрезвычайно характерно то обстоятельство, что эти, по существу глубоко интеллигентские и трусливые «группировки», иногда насчитывающие по два-три человека, обязательно напяливают на себя великолепное платье левизны. Стоит, однако, только прикоснуться к этим «одеждам», как сейчас же выпячивает их меньшевистско-обывательская нагота». Тогда, в марте 1923 года, мы не знали еще — кто скрывается за этой группировкой, так как группа сама о себе, как и все оппозиционные группы, писала в тонах величайшего самовосхваления, возвеличения, говорила о тысячах своих приверженцев во всей стране, говорила о том, что влияние этой группировки растет повсюду.[1]

Поэтому тов. Н. Бухарин писал в своей статье: «Кто скрывается за этой группой — неизвестно..., но присмотритесь поближе, и вы тотчас увидите меньшевиствующих и хныкающих дезертиров пролетарской революции».

Впоследствии и сами участники «Рабочей правды» это при-

---

[1] „Лозунг „Рабочей правды" в короткое время завоевал... большую популярность. Повсюду стали организовываться группы, становившиеся на платформу „Рабочей правды". Правящие группы почувствовали приближение грозного часа, когда рабочие на деле покажут лживость уверения, будто идут за РКП („Из декларации коллектива „Рабочая правда" — ко всем социалистическим партиям и революционным организациям, выпущенной в октябре 1923 года, когда „Рабочая правда" была уже закрыта).

знали. Вы об этом можете прочесть в приложенном сюда заявлении в ЦК ВКП(б), сделанном в ноябре 1924 года организаторами коллектива «Рабочей правды». Но тогда, конечно, «Рабочая правда» напяливала на себя самую левую оболочку, критиковала нашу партию слева.

Присмотритесь поближе ко всем тем группам, которые возникли еще при жизни Ленина в нашей партии, и вы увидите, что они делают попытку критиковать нашу партию слева. «Рабочая правда», «Рабочая группа» и «Рабочая оппозиция»—все они изображали себя необычайно левыми, а Ленина и ленинскую партию обвиняли в правизне.

Очень интересно отметить, как объясняли тогда троцкисты возникновение таких организаций, как «Рабочая правда». В одном из троцкистских документов того времени мы читаем: «Чрезмерное усиление аппаратного централизма за счет партийной самодеятельности породило ощущение недомогания. Оно нашло себе на крайнем фланге чрезвычайно болезненное выражение вплоть до создания нелегальных группировок в партии под руководством явно враждебных коммунизму элементов».

К сожалению и несчастью для пролетариата, и сейчас в нашей партии время от времени создаются нелегальные группировки, как это имеет место в деле Лашевича и Беленького, сторонников новой оппозиции. И само собой разумеется, что здесь «явно враждебные коммунизму элементы» использовывают новую оппозицию в ее борьбе против партии. Но как неправильно было объяснять в 1921 и 1923 гг. возникновение группировок в нашей партии «чрезмерным усилением аппаратного централизма», так неправильно такое объяснение и теперь. Это не марксистское и не ленинское объяснение. Это объяснение административное, явно поверхностное. Впрочем, тов. Н. К. Крупская отмечала в одной из своих статей эту крайне поверхностную, административную точку зрения на партию. Причины возникновения «Рабочей правды» отчасти лежали в том, что в нашу партию вошли элементы, не усвоившие целиком коммунистического мировоззрения, а главным образом, причины лежали в тех экономических условиях, в каких мы вынуждены были строить социализм, в том влиянии, какое оказывала мелкобуржуазная стихия на неустойчивые элементы в нашей собственной партии, какими, несомненно, и оказались люди, создавшие группу «Рабочая правда».

Стоит отметить, что каждая такая подпольная группа начинает с того, что обрушивается на нас заострением тех трудностей, какие мы переживаем. Что у нас и сейчас не все благополучно в советской стране, об этом и спору нет. Слишком еще нища и бедна наша страна. Мы не имеем возможности дать столько, сколько нужно на народное образование, поэтому у нас не хватает школ, не хватает клубов, народных домов, низкая заработная плата для учителей, у нас безработи-

ца—мы не можем развернуть так быстро, как нам нужно, нашу промышленность, крупную и мелкую, и так развить сельское хозяйство, чтобы поглощались все свободные рабочие силы в городе и в деревне; у нас не хватает жилищ, у нас бездна недостатков во всех наших учреждениях. Весь вопрос заключается в том, как относиться к этим недостаткам. Можно относиться к ним подружески, как к недостаткам своего класса, своего государства, и все силы положить на то, чтобы исправить эти недостатки. Можно относиться к этим недостаткам, как к недостаткам и ошибкам чужого класса, чужого государства, тогда усилия будут направлены не к тому, чтобы эти недостатки и ошибки исправить, а к тому, чтобы заострить недовольство против того государства, той партии, того класса, который обвиняется в этих ошибках и недостатках. Так и поступают в нашей партии все оппозиционные группы, так поступала и «Рабочая правда». Перед XII съездом партии «Рабочая правда» выпустила обращение, в котором писала о перерождении Коммунистической партии, о том, что одна часть РКП(б), «ныне руководящая», превращается во все более замыкающуюся касту организаторов государственного капитализма и капиталистического государства, а другая часть представляет собой группировку, объединяющую оппортунистические элементы верхов пролетариата.

А куда же девались революционные элементы рабочего класса?—На это «Рабочая правда» отвечает так: «Наличные революционные элементы, терроризованные, неоформленные, частью отсталые, синдикалистические, идеологически реакционные, сколько-нибудь значительного влияния не имеют».

Таким образом получилось, что РКП—это вовсе не «авангард авангарда», не передовая часть пролетариата и беднейшего крестьянства, а это, с одной стороны, «каста организаторов государственного капитализма и капиталистического государства», с другой—«оппортунистические элементы верхушки пролетариата», а с третьей стороны, «немногочисленные, не имеющие никакого влияния остатки полусиндикалистов, полуанархистов, вроде «Рабочей оппозиции».

Конечно, это даже не злостная карикатура на нашу партию, а прямая и беззастенчивая ложь.

Какие же вопросы выдвинула перед XII съездом «Рабочая правда»?—В Советском государстве безработица, низкая заработная плата, усиленная эксплоатация, жилищная катастрофа, отсутствие на деле всякой охраны труда.

Какие же меры предлагала «Рабочая правда» к тому, чтобы все это исправить?—Да никаких. А просто ехидно ставила вопрос, не пора ли не на словах, не бюрократическим путем, все это переделать. Как будто мы в 1922 году не знали, что надо бороться с

безработицей, что надо увеличивать заработную плату, что надо строить жилища и т. п. Все это чрезвычайно характерно не только для «Рабочей правды», но и для всякой оппозиционной группы, что она занимается пустой критикой, не выдвигая никогда вполне реальных, вполне осуществимых планов излечить те болячки, на которые она указывает и которые мы все и без того чувствуем и знаем. «Рабочая правда» выдвигала такие требования, как боевые рабочие союзы. На это тов. Бухарин правильно отвечал им тогда, что напрасно они стыдятся поставить вопрос вполне так, как ставят меньшевики. «Рабочая правда» противопоставляет рабочий класс Советскому государству, как чужому. «Рабочая правда» говорила то, что в 1926 году выдвинули члены новой оппозиции, вроде Оссовского, что «буржуазия завоевала фактическое право коалиции и печати и в лице своей буржуазной интеллигенции пользуется активным и пассивным избирательным правом».

Для всех действительных коммунистов было ясно уже и в то время, что мы имеем перед собою меньшевистскую организацию. Отчет ЦК ВКП (б) уж тогда говорил об этой группе, как чисто меньшевистской. ЦК объяснял возникновение этой группы также влиянием новой экономической политики. «Влияние этой последней на нашу организацию,—читаем мы в отчете ЦК,—уже дало свои отрицательные результаты. Появление изданий так называемой «Рабочей правды», пытающейся нащупать какую-нибудь почву для внутрипартийных группировок, было уже отмечено в нашей печати. Прикрывшись нашим знаменем «Правды», распространители этого издания, под видом защиты интересов рабочего класса, фактически распространяют мутно меньшевистскую идеологию».

Таким образом, несомненно ясно было, что «Рабочая правда» возникла вовсе не как протест против некоммунистической линии, чем бы «Рабочая правда» ни прикрывалась,—а как попытка поддержать и организовать в нашей партии и в стране силы, чуждые коммунизму.

Из кого состояла «Рабочая правда» и какие цели она преследовала? Осенью 1923 года вся организация «Рабочей правды» была раскрыта, и тогда совершенно ясно стало, что мы имеем дело вовсе не с какой-то многотысячной организацией,—как сами о себе писали эти люди и как они пытались уверить других,—а всего навсего, вместе с сочувствующими, в этой группе было около двадцати человек. В постановлении ЦК по делу группы «Рабочая правда» мы читаем:

«Весною 21 года внутри РКП выделилась небольшая группа единомышленников, поставивших себе задачей пересмотр вопроса о характере русской революции и роли РКП. Причем деятельность этой группы с самого начала протекала в условиях полной конспирации [1]. Весною 1921 года эта группа оформилась, как цен-

[1] Заговорщичество.

тральная группа «Рабочая правда», в которую вошли: 1) научная сотрудница Свердловского университета Ф. Шуцковер, 2) Шульман—Е. Р.—бывший слушатель курсов при Соц. академии, 3) Хайкевич—сотрудник «Рабочей газеты» и «Труда», 4) Ласс-Козлова П. И.—учащаяся на рабфаке, которая и привлекла следующих членов и кандидатов РКП: 5) Будницкого Я. Г., 6) Вихман О. П., 7) Крым, Н. Г., 8) Рябцеву, К. Ф., 9) Страздынь Е. М., 10) Могилина З. Б., 11) Козлова-Ласс Н. В., 12) Добровольского Д. С. и 13) Яцека, В.

Во главе всей работы стал коллектив «Рабочей правды» из следующих семи лиц: Шуцкевер, Шульман, Хайкевич, Будницкий, Ласс, Вихман и Крым, которые распределили между собою работу. Группа «Рабочей правды» в ряде литературных произведений (№№ 1 и 2 журнала «Рабочая правда», «Обращение от делегатов XII съезда РКП», «Обращение ко всему революционному пролетариату России», брошюра «Рабочей правды», «Обращение к революционным и социалистическим партиям всех стран») формулировала свою задачу, как задачу образования новой партии.[1]

В протоколе коллектива «Рабочая правда» отдельными членами коллектива формулировалась задача, как задача «максимальной дезорганизации и расслоения РКП». Из материалов, имеющихся в распоряжении ЦКК, видно, что группа сознательно оставалась внутри РКП, ведя подпольную в ней работу, в целях взрыва ее изнутри—с одной стороны, а с другой—в целях использования партийных сведений для выполнения задач, поставленных группой.

ЦКК устанавливает на основании ознакомления со всеми материалами, что члены коллектива «Рабочая правда» по своей идеологии абсолютно чужды РКП. Тактика, которая ими намечалась, может быть охарактеризована как меньшевистская тактика. Оценка роли Октябрьской революции, как революции, которая открыла России путь к превращению ее в передовую капиталистическую страну, отрицание социалистического характера Октябрьской революции: нарочито злостное изображение политического и хозяйственного строя России, как буржуазной диктатуры; сообщение на страницах эмигрантских органов печати и в подпольных изданиях совершенно выдуманных клеветнических сведений о состоянии партии; прямое обращение ко II Интернационалу с призывом бороться против РКП,—все это характеризует коллектив «Рабочей правды», как социально-идеологически враждебную РКП группу, представляющую не что иное, как меньшевистскую агентуру внутри РКП в целях дезорганизации нашей партии. Члены этой группы отнюдь не скрывают теперь, что они расходятся с РКП не только в оценке Октябрьской революции и роли в ней РКП, но расходятся также и с материалистическим учением Мар-

[1] Этим „Рабочая правда" выгодно отличалась от новой оппозиции, которая ведет по существу дело к тому же, но замазывает эту цель.

ксa в ряде вопросов. Материализму Карла Маркса они противопоставляют идеологию А. Богданова, которого они считают своей теоретической опорой.

Группа ставила себе задачей активную политическую борьбу (против Советского государства. *Е. Я.*), рассматривая свою теперешнюю работу лишь как подготовительную. ЦКК считает необходимым указать также на то, что попытка партийным путем привлечь членов этой группы к выяснению причин, толкавших отдельных членов партии на создание такой группировки, показала со стороны вызванных ЦКК членов этой группы отношение людей, абсолютно чуждых нашей партии, враждебных ей, и отказ этих лиц от выяснения дела партийным путем.

Установив связь с другими враждебными РКП организациями, «Рабочая правда» установила также связь с так называемой «Рабочей группой» РКП, в целях взаимной информации.

ЦКК установила, что эта организация—«Рабочая правда»—имела крайне незначительное влияние в рядах нашей партии, что это влияние распространилось лишь на несколько кружков учащихся, которые создавались под фирмой кружков по изучению философии Богданова, а также путем рассылки многочисленных литературных произведений отдельным организациям и отдельным членам партии. Общее число лиц, привлеченных к работе коллектива «Рабочая правда», не превышала 20 человек.

ЦКК считает совершенно несовместимым со званием члена и кандидата РКП участие в такой антипартийной, антикоммунистической, антисоветской организации и содействие ей, и постановляет: Шуцкевера, Шульмана, Будницкого, Ласс-Козлову, Крыма, Вихмана, Белева, Рябцеву, Добровольского, Страздыня, Моглина—из партии исключить. В. Яцек был исключен на один год, так как ушел из этой организации вследствие своего несогласия с ней, не сообщив об этом, однако, ни одной партийной организации.[1]

ЦКК товарищам Ласс-Козловой, Ласс-Козлову и Рябцевой было предоставлено в течение года возбудить ходатайство о принятии их в партию по рекомендации рабочей производственной ячейки.

Заметьте, что среди всех этих людей нет ни одного из старой большевистской гвардии. Все это сравнительно молодые люди, главным образом, учащаяся молодежь. Подавляющее большинство из них—выходцы из мелкобуржуазной среды. Один только участник этой группы со стажем 1916 года. Некоторые из них имели отношение к «Бунду», некоторые к меньшевистской организации. Неудивительно, что они сбились с ленинского пути. Тем не менее, они сами себя называют «классово-мыслящим элементом в РКП». Если мы вспомним, что и товарищи из «Рабочей оппозиции» называли себя «классово-выдержанными, классово-спа-

[1] Этот В. Яцек, будучи восстановлен в партии, принял участие в 1926 году во фракционной работе в Нижнем-Новгороде, за что и был исключен вновь.

нными» элементами нашей партии. если мы вспомним. что и «мясниковцы» считали себя классово-выдержанными и кичились тем, что они связаны с производством, если, наконец, мы обратим внимание на то. что новая оппозиция козыряет тем. что она исправляет классовую линию нашей партии, тогда ясно будет, что все эти люди наряжаются в эту одежду, чтобы замаскировать свой действительный отход от классовых пролетарских позиций.

В чем основная идеология, теоретическая ошибка «Рабочей правды»? В том, что они Октябрьскую революцию рассматривают, как революцию, которая открыла путь к развитию капитализма. В этом они целиком сходятся с меньшевиками. В этом—наш коренной спор с меньшевиками. «Рабочая правда» писала в своем обращении:

«В результате Октябрьской революции все преграды в смысле экономического развития уничтожились. Нет уже гнета помещиков, царской паразитической буржуазии и бюрократии. опиравшейся на реакционные группы европейского капитала. После успешной революции и гражданской войны, в России открылись широкие перспективы быстрого превращения в страну передового капитализма. В этом несомненные и огромные достижения революции в Октябре».

Видите, к чему ведет такая точка зрения. Раз Октябрьская революция открыла путь к превращению СССР в страну передового капитализма, зачем же говорить о социалистическом строительстве? Никакого социалистического строительства в стране передового капитализма быть не может. Само собой разумеется, что после этого надо устранить из нашего государственного порядка все то, что мешает еще этой стране превратиться в страну передового капитализма. Надо уничтожить монополию внешней торговли, высокий подоходный налог на нэпмановскую буржуазию, одним словом, надо дать капиталу, не только отечественному, но и иностранному, самый широкий, свободный путь. Но это и есть самый правый меньшевизм, и ничего общего эта точка зрения не имеет с коммунизмом, с социализмом.

Но если это так, если Октябрьская революция открыла путь для широкого развития капитализма в нашей стране, то какой же может быть разговор о диктатуре пролетариата? Что такое тогда советское правительство? Что такое Советское государство? Какие интересы оно защищает? «Рабочая правда» на это отвечает так: «Советское государство на ближайшее время является представителем общенациональных интересов капитала». Это была настолько меньшевистская постановка вопроса, что даже меньшевик Дали в статье «Надо додумать до конца» («Социалистический вестник», № 15, 18 декабря 1923 г.) возмущается «противоречиями и идеологической путаницей», которые. по его словам, «принимают гомерические размеры», когда «Рабочая

правда» дает свой анализ классовых взаимоотношений в СССР. Поэтому меньшевик Далин разъяснял сторонникам «Рабочей правды»:

«Борьба с РКП нужна, борьба самая смелая и энергичная, более смелая, чем тактика «Рабочей правды». Но диктатура РКП— не диктатура буржуазии и даже не диктатура социалистического крестьянства. Буржуазия на деле политически бесправна, и она не видит и не может видеть в московском правительстве родных или родственных элементов. Ни промышленная политика советской власти, ни система торговли, ни политика Коминтерна, ни преобладающий все же восьмичасовой рабочий день не вяжутся с диктатурой буржуазии, и уже совершенно не приходится олицетворять буржуазию с так называемой организаторской интеллигенцией».

«Организаторской интеллигенцией» «Рабочая правда» называла не только специалистов, но и всех наших советских, профессиональных и вообще общественных работников, которые взяли на себя величайшее дело организации первого в мире Советского государства. И эту «организаторскую интеллигенцию» она противопоставляла рабочему классу. Рабочий класс она противопоставляла всему Советскому государству. Поэтому она уверяла, что советы, профсоюзы, печать,—все это еще не пролетарское, все это надо завоевать еще пролетариату. В организаторскую интеллигенцию зачислялись и те десятки и сотни тысяч рабочих, которые входят в фабрично-заводские советы, являются председателями губисполкомов, членами правительства, работают в торговых и кооперативных учреждениях, борясь с натиском иностранного и отеческого капитала, управляют фабриками и заводами, наполняют наши рабочие факультеты, наши вузы, вытесняя оттуда прежних буржуазных папенькиных и маменькиных сынков,—все это называлось на языке «Рабочей правды» интеллигенцией.

«Рабочая правда», как и все оппозиционные группировки, преувеличивая свои собственные силы, старалась оклеветать нашу партию, изображая ее, как чуждую пролетариату. «Рабочая оппозиция» в письме тов. Медведева «Бакинскому рабочему» сообщает, что в 1924 году у нас $17^0/_0$ рабочих; и превращает $17^0/_0$ в одну седьмую часть партии, хотя $17^0/_0$ составляет больше одной шестой и хотя в то время у нас было $45^0/_0$ рабочих; «Мясниковская рабочая группа» старается поставить дело так, будто у нас громадное засилие мелкобуржуазных элементов; а «Рабочая правда» сообщает в одном из воззваний, будто «говорить ныне о РКП, как о рабочей партии, нельзя, ибо количество пролетариев в партии до трагизма мало и не превышает $5^0/_0$». Специальная оппозиционная арифметика и статистика!

Теперь новая оппозиция так сказать не может потому, что все знают, что в нашей партии—подавляющее большинство рабочих, и огромная часть нашей партии—рабочие от станка. Однако, да-

же из новой оппозиции есть люди, которые стараются представить дело так, как это изображает Оссовский, что наша партия защищает «интересы капиталистических предпринимателей». В капиталистические предприниматели зачисляются для удобства все крестьяне.

Неправильное отношение к крестьянству—отличительная черта всех оппозиционных групп ВКП. Как же относится «Рабочая правда» к крестьянству? Собственно говоря, о крестьянстве «Рабочая правда» почти ничего не писала. Но в одном из протоколов (протокол № 12 от 3 июня) секретарь этой организации Ф. Шуцкевер (Иванова) так охарактеризовала отношение к крестьянству: Шуцкевер считает ненужным обсуждать отношение к крестьянству. «Крестьянство вообще всегда интересно в момент революционных восстаний (пушечное мясо)». Вот вам и левая критика нашей партии. Как раз на этом самом месте шлепается вся оппозиция. «Рабочая оппозиция» критиковала слева нашу партию в крестьянском вопросе. Тов. Коллонтай, Медведев и Шляпников упрекали Ленина и всю нашу партию в крестьянском уклоне. Новая оппозиция упрекает нашу партию в кулацком уклоне. «Рабочая правда» тоже была «страшно левой», и она просто-напросто пренебрегала крестьянством, как реакционной силой, и думала, что крестьянство интересно только во время войны, во время революционных восстаний, как пушечное мясо. Это вовсе не случайность, как вы видите, а почти закон, повторяющийся во всех оппозициях, что они свихнутся на неправильном отношении к крестьянству.

* *

Мы остановились на главнейших основах этой оппозиционной группы, возникшей в нашей партии, которая на деле оказалась антипартийной, чужой совершенно группой, которая была исключена из нашей партии. Прошло немного времени, и эти товарищи поняли свою ошибку.

«Рабочая правда» была немногочисленной и в значительной степени интеллигентской группой, тем не менее, это не мешало ей, как мы видели, выдавать себя за многочисленную организацию, говорить о том, что на ее стороне—массы.

«Рабочая правда» была полуменьшевистской группой со своей идеологией. Это не мешало ей выдавать себя за самых выдержанных марксистов и критиковать нас «слева», как уклонившихся от марксизма.

«Рабочая правда» была правой полуменьшевистской организацией, и это не мешало ей, однако, критиковать нас «слева» и изображать нас сторонниками и организаторами капиталистического государства.

Эту поучительную историю «Рабочей правды» должен знать каждый, интересующийся судьбами нашей партии. Пусть он присмотрится к возникающим вновь и вновь в нашей партии под влиянием трудностей, под влиянием крутых поворотов нашей хозяйственной и политической жизни оппозиционным группам, и он увидит кое-какие родственные черты и «Рабочей группы», и «Рабочей правды», и «Рабочей оппозиции»,—и тогда он поймет, что и эта новая оппозиция, по существу дела, ведет борьбу с испытанными ленинскими путями, что, облекаясь в левую оппозицию, она в самом деле тянет вправо; что, крича о том, что за ней массы, эта оппозиция представляет собой ничтожную часть нашей партии; что, отходя от ленинизма, она клянется стопроцентным ленинизмом.

«Рабочая правда» докатилась до того, что начала связываться со II Интернационалом. В конце 1923 года она составила воззвание, которое пыталась переправить в латвийском вагоне, отправлявшемся из Москвы в Латвию. Составленная «Рабочей правдой» декларация была заделана в стенку вагона для переправки за границу и для напечатания в заграничной меньшевистской печати, откуда она, конечно, попала бы в белогвардейскую печать. В этом обращении «Рабочая правда» писала:

«Коллектив надеется в своей работе найти полную поддержку западно-европейских социалистических партий и революционных организаций, которая в ближайшее время может выразиться в распространении правильной информации о положении русских рабочих и революционном движении в России. Революционные партии II Интернационала и европейские секции Коминтерна не должны больше обольщать себя относительно действительного положения дела в стране «диктатуры пролетариата».

Итак, начавши с критики «с л е в а» нашей партии, люди докатились до обращения к социалистическим партиям II Интернационала, они подали руку врагам Коминтерна. И, если прислушаться сейчас, какое ликование во всей меньшевистской и белогвардейской печати по поводу выступления новой оппозиции, если прислушаться к похвалам этой печати по адресу новой оппозиции,—мы увидим, как невольно и новая оппозиция подает руку классовым врагам пролетариата, врагам СССР, врагам Коминтерна, ибо эти враги прямо говорят, что новую оппозицию надо поддерживать, что она расшатывает диктатуру пролетариата, что она ведет натиск на правительство, что она помогает оформляться всем противникам существующей в СССР советской власти.

Мы печатаем приложение—объяснительную записку в Политбюро ЦК партии бывших участников (и организаторов) распущенного коллектива «Рабочей правды»—Шуцкевер Ф. С., Шульмана Е. Р. и Крым Н. Г. Мы печатаем этот документ почти целиком, с очень несущественными пропусками, как откровенное признание в своих ошибках со стороны людей, которые вели в течение некоторого времени крайне резкую борьбу против ВКП (б).

«Напомним вкратце социально-политические построения—идей-

ный багаж «Р. П.»; основная тенденция социально-экономического развития современного общества на ближайшую эпоху—тенденция к госкапитализму. Госкапитализм структурно—более высокий тип экономического строения общества, нежели финансовый. Это хозяйство, организованное в государственном масштабе в единый комбинированный трест. Но хозяйственная форма эта еще противоречивая. В ней неизбежны экономические кризисы. Она сохраняет классовую структуру. Основные классы: буржуазия нового типа—техническая интеллигенция, организаторы госкапитализма и пролетариат.

Переход от финансового к госкапитализму лежит через революционное свержение буржуазии, лишение ее политической и экономической мощи.

Главная руководящая роль в этой революции принадлежит пролетариату. Но революция еще не социалистическая, так как объективно в результате ее новая форма общественного равновесия не может быть достигнута на социалистической основе. Главное препятствие на этом пути—невыработанность пролетарских методов организации хозяйства, т. е. недостаточная выработанность пролетарской культуры. Даже там, где пролетариат уже победил буржуазию в открытом бою, как в России, он непроизвольно сдает позиции и отступает на задний план в тот момент, когда выступают положительные задачи второй фазы революции, мирно строительной. Оттесняют его те группы, которые владеют необходимым для этого научно-техническим опытом, т. е. интеллигенция. На деле это означает отступление пролетариата перед новой буржуазией.

Российский опыт показывает будущее других стран на второй день после победы «Октября». Там должны неминуемо вынырнуть те же противоречия.

Классовая организация пролетариата—коммунистическая партия, руководящая его революционной борьбой, становясь лицом к лицу с задачей организации хозяйства, чтобы справиться с ней, должна усвоить и применять те методы организации, которые она находит готовыми,—это методы буржуазно-индивидуалистические. Здесь источник буржуазного перерождения компартии. Это «железный закон» общественного развития.

Он резко проявился и проявляется в России, РКП перерождается, перестает быть идеологом пролетариата, становится идеологом орг-интеллигенции. Советская форма—организационная форма диктатуры пролетариата в начале революции—в процессе развития элементов госкапитализма значительно меняет свое содержание. Она также эволюционизирует от пролетариата к организации. Этот процесс является политическим эквивалентом социально-экономического.

Из этих оценок коллектив «Р. П.» сделал выводы о задачах, стоящих перед рабочим движением. Раз необходимым условием для социалистического преобразования общества является зрелость элементов пролетарской культуры, то это и является основной определяющей задачей для нашей эпохи. Задача эта большая и непосильная для отдельных личностей, а в пору лишь большому коллективу. Нужно, чтобы эта идея была усвоена широкими массами, создать широкое движение за эту идею, культурное движение. Но пролетариату предстоит еще и экономическая и политическая борьба с новой буржуазией. Культурное движение не должно стоять в стороне от этих жизненно важных форм борьбы. Оно должно их пропитывать, быть с ними слитым. Роль такой организации не может больше выполнять РКП, ее может выполнять лишь новая «Рабочая партия». Отсюда задача создания рабочей партии в России.

Задача эта ставилась не как злободневная, а мыслилась лишь как регулятивная идея в деятельности колл. «Р. П.», в виду слабости, распыленности сил рабочего класса в России. Задача же дня: собирание и оформление ее элементов посредством организации пропкружков, члены которых входят и связываются со всеми рабочими организациями.

Коминтерн—не окончательная международная организация пролетариата. На завтра после «Октября» его ждет буржуазное перерождение. Не II, не III, а окончательный Интернационал может сложиться лишь на культурной платформе.

Отсюда задача, хотя как «музыка будущего», готовить и подбирать уже в международном движении подходящие элементы.

Конкретная задача, стоящая перед классовыми организациями пролетариата—профсоюзами—эмансипация от органов государственной власти для сохранения классовой самостоятельности и развития самосознания.

Необходимым условием развития самостоятельных классовых организаций является известная доля свободы для пролетариата, свобода собраний, организаций, слова, печати и пр. Эти лозунги в числе других были брошены «Р. П.».

Антиреволюционность этой позиции обнаруживается невооруженным глазом. Она прет из всех пор. Здесь и типичный меньшевистский оппортунизм, и пассивность, и догматизм, и доктринерство, и путаное недомыслие, прикрытие левой фразой. Услуга «Р. П.» рабочему движению—медвежья. Объективно она представляла вреднейшую и опаснейшую тенденцию обособления и противопоставления рабочего класса РКП и советской власти.

Это могло быть на руку лишь врагам революции. (Один эсер выразился, что он питает к нам («рабоче-правдистам») дружеские чувства, как к «врагам моего врага»).

Где гвоздь всех ошибок «Р. П.»? Первородный грех ее заключается в абстрагировании от конкретных исторических задач и в подмене их задачами вообще, вне времени и пространства, так сказать «идеальными».

Основная задача, стоящая перед международным движением— революционное свержение буржуазии (европейский «Октябрь»), захват политической власти пролетариатом,—была затушевана, а выдвинута на передний план как определяющая идея пролетарской культуры и культурной революции. Отсюда и все последующие искажения: как перспектив рабочего движения, так и оценок его задач и организации.

Не пролетарская культура, а организация сил для революционного переворота—вот где должен быть сосредоточен фокус внимания и вся энергия движения. Под этим углом зрения должно подходить ко всем вопросам и организациям, в частности—к проблеме пролетарской культуры, а не наоборот. «Практика переворота»—вот чему должно быть подчинено все.

Сама постановка проблемы пролетарской культуры имела метафизический характер—не в недрах старого капиталистического общества она может развиться и дать пышные ростки. Необходимой ее предпосылкой является захват власти и ее удержание. Развертывание элементов пролетарской культуры—процесс. Она не дается в готовом виде, не падает с неба, а развивается лишь вместе с ростом организационного опыта рабочего класса. А широта масштаба этого опыта дается лишь захватом власти. Постановка вопроса: раньше пролетарская культура, а затем социалистическая революция—сплошная метафизика и оппортунизм. Диктатура пролетариата—переходный этап к социализму, когда происходит вызревание социалистических элементов, и хозяйства и культуры.

Тем более вульгарен подход к современным революционным организациям рабочего класса—к Коминтерну и РКП и их оценки критерием пролетарской культуры.

Рассуждение «Р. П.» о Коминтерне—рассуждение дурачков, а выводы о подготовке элементов для нового международного объединения—выводы дезорганизаторов движения. В действительности Коминтерн—единственная международная организация, занимающая действительно интернационалистскую позицию, единственно последовательно революционная, стоящая на уровне задач эпохи и на уровне достижений опыта движения всех стран. Все это можно проследить и по постановке вопросов и по характеру решений, и по типу организаций, и по внутренней дисциплине.

Оценка РКП, сделанная колл. «Р. П.», вдвойне ошибочна, и с точки зрения динамики международного, и с точки зрения динамики внутреннего развития.

РКП и СССР—идейный и материальный базис Коминтерна. Каждый революционер, каждый сознательный рабочий, способный подходить к решению вопросов с широкой интернациональной меркой, обязан отнестись к этому с достаточной серьезностью, обязан всячески эту базу укреплять как материально, так и идейно.

А опасность буржуазного перерождения РКП? Она «Р. П.» не была выдумана, она нашла признание и со стороны партии, но опять-таки, та постановка, которая дана была этому вопросу «Р. П.» глубоко ошибочна и нереволюционна. Вопервых, причины, обусловливающие эту опасность, коренятся не только в культурной несамостоятельности, как на это ударяла «Р. П.», а в реальном соотношении общественных сил, в мелкобуржуазном, крестьянском окружении, возрождении частного капитала, росте кулачества. Вовторых, неверно, будто бы опасность перерождения уже не опасность, а неизбежность, как железный закон логики общественного движения. Ответ на этот вопрос, в сущности, является оселком для испытания революционера на деле. Если бы вся история прошлого говорила, что все 100 шансов за то, что процесс перерождения неминуемо завершится, то все же нужно помнить, что все законы общественной жизни дают лишь приблизительное решение вновь возникающих вопросов, что со старыми шаблонами приходится оперировать с большей осторожностью в конкретных исторических условиях. А такой прецедент, как захват власти пролетариатом и его длительное удержание, как это имело место в России,—первый в истории.

Развертывание борьбы рабочего класса открыло новые опасности, но оно же открыло и новые возможности. Захват власти дал в руки пролетариата гигантские рычаги для реального изменения общественных отношений в направлении к социализму в невиданном масштабе.

Истинный революционер, увидя новые опасности, не прячется за кусты, не прикрывается историческими шаблонами, не покидает поля битвы, а осознав их, засучивает рукава, старается их преодолеть не воображением, а на деле. Борьба с опасностями должна вестись и по линии изменения коренных условий и с лицами, этому перерождению подверженными. Так и был поставлен вопрос в РКП: усиление госпромышленности, госторговли, борьба с частным капиталом, сокращение кулака, покровительство коллективным начинаниям в сельском хозяйстве, борьба с обюрократившимися и разложившимися элементами в партии.

Коллектив «Р. П.» сделал другое. Он оставил поле сражения, высокомерно укрывшись под сень идей пролетарской культуры.

Признавая путь РКП единственно возможным и единственно правильным, «Р. П.» звала все же свернуть с этого пути на иной, мнимый, нереальный путь создания новой Рабочей партии. Рабочий класс России, заинтересованный в подъеме хозяйства страны, обязан исходить при решениях всех задач не из узких интересов

сегодняшнего дня, а интересов всего движения. Лозунг эмансипации его от органов государственной власти и РКП неприемлем для сознательной революционной части рабочего класса. Это—лозунг меньшевизма.

Скользкие мостки в сторону меньшевистских теней представляют и выводы «Р. П.» о политических свободах для пролетариата. Недаром нас похвалили меньшевики в ожидании следующего шага. Этого удовольствия мы им не доставим.

Мы открещивались всячески от приравнивания нас к политическим группировкам. Мы сами рассматривали себя, по «наивности и простоте душевной», лишь идейным культурно-революционным кружком, хотя имели перед собой задачу стать идейно революционно-организующим центром рабочего движения (из протокола № 5). Мы забыли, что каждая живучая идея, а мы полагали, что наши идеи относятся к категории живучих, имеет вредное свойство распространяться вширь, вытеснять конкурирующих с ней. Тем более это относится к организующим центрам. Это означало на деле—борьба с Коминтерном и РКП. Это ли не политика?

«Рабочая правда» имела определенную политическую физиономию, и физиономию мало привлекательную, сильно искошенную меньшевизмом.

Организационные формы коллектива «Р. П.» соответствовали той идейной позиции, которую он занимал. Это, прежде всего, обособленный, тщательно законспирированный кружок. Методы работы—пропаганда через нелегальные кружки и нелегальную литературу преимущественно. С партийной точки зрения—это акт величайшего дезорганизаторства.

Такова в неприкрашенном виде правда о «Рабочей правде». Эти горькие для себя истины мы не можем не признать открыто перед партией. Ф. Шуцкевер, Шульман-Школьник Е. Р., Крым Н. Г. 1 ноября 1924 г.».

НОВАЯ ОППОЗИЦИЯ И ТРОЦКИЗМ.

1 Троцкизм до вступления т. Троцкого в партию большевиков

Прошлое троцкизма

Почти не прекращающаяся борьба со стороны т. Троцкого и троцкистов против основного ядра ленинской большевистской партии вынуждает нас снова вернуться к прошлому т. Троцкого и троцкизма. Конечно, нельзя ставить в вину лично т. Троцкому его позиции, поскольку троцкизм, как течение, является выражением мелкобуржуазных настроений в нашей стране, как это установили XIII партийная конференция, XIII съезд ВКП(б) и V конгресс Коминтерна; и без надобности не следовало бы вспоминать это прошлое т. Троцкого, связавшего свою судьбу за последние годы с судьбой пролетарской революции, с судьбой нашей партии. И если мы возвращаемся все же к этому прошлому, то только потому, что очень большое число членов нашей партии, в особенности молодых членов нашей партии, не знают этого прошлого и не могут судить о том, насколько нынешние ошибки оппозиции связаны с прошлым нашей партии. В свое время и Владимир Ильич считал необходимым точным образом характеризовать путь, колеблющийся, шаткий путь т. Троцкого и троцкистов. В своей брошюре о троцкизме («Партия и троцкизм. Уроки партийной истории») т. Л. Б. Каменев в 1924 г. таким образом характеризует это отношение Ленина к т. Троцкому и троцкизму на протяжении последних 20 лет:

> «Далеко не все знают, и до недавнего времени предполагалось, что этого все и не должны знать, что так же, как ленинизм сложился, вырос и победил в постоянной систематической борьбе с меньшевизмом, он рос, вырос и победил в постоянной систематической борьбе с троцкизмом.
>
> Почему?
>
> Потому, что троцкизм в продолжение всего того периода, когда наша партия подготовлялась к решительной классовой борьбе пролетариата с буржуазией, создавая ленинизм, как учение о пролетарской революции, и складывая партию, как ее руководителя,—троцкизм служил не чем иным,

как агентурой меньшевизма, как прикрытием меньшевизма, как маскировкой меньшевизма.

Начиная с 1903 года, т. е. с момента рождения меньшевизма, и до его окончательного краха в 1917 г., Троцкий выполнял роль агента меньшевизма среди рабочего класса. Это—факт, без усвоения которого совершенно невозможно понять ту роль, которая отведена Троцкому во всех сочинениях Ленина на протяжении последних 20 лет.

Всякий, кто будет изучать историю партии по сочинениям Ленина,—а у нас нет и не будет лучшего, более глубокого и более богатого содержанием и выводами учебника по истории партии и революции,—неизбежно убедится, что, на протяжении всей своей борьбы за партию и за революцию против меньшевиков, Ленин рассматривает Троцкого (его линию в целом на протяжении десятилетий и его отдельные выступления) только и исключительно как агента меньшевизма, как оружие, которым пользуется меньшевизм для захвата влияния в тех или других слоях рабочего класса, как слугу меньшевизма. Для Ленина Троцкий, «троцкизм»—такое же характерное, не случайное, давлением буржуазии порожденное явление, в общей сумме враждебных подлинной пролетарской партии явлений, как длинный ряд других групп и группок, фракций и подфракций, течений и теченьиц, которые рабочему классу надо было побороть, чтоб создать свою пролетарскую партию.

Для Ленина, начиная с 1903 года, Троцкий интересен не как личность; он для Ленина,—а с ним и для партии,—типичное воплощение одной из исторических струек, враждебных созданию большевистской партии, враждебных созданию большевистской идеологии, то есть идеологии пролетарской революции и большевистской пролетарской организации. Для него это живое, порой талантливое, порой плоское, излишне фразистое воплощение враждебной делу пролетарской стихии,—так же как Мартов, Чернов, Аксельрод, которых он разбирает именно как воплощение определенных общественных явлений, а отнюдь не как личность. Эта систематическая борьба с троцкизмом, как враждебным большевизму течением, проходит у Ленина на протяжении всех томов его сочинений вплоть до момента, когда Троцкий примкнул к нашей партии. Здесь следует перерыв и затем в другой форме возвращение к этой же борьбе» (стр. 10—11). (Подчеркнуто мною. *Е. Я.*).

Как же сам Владимир Ильич характеризует т. Троцкого и троцкизм на протяжении этих лет? Мы дважды встречаем у

Ленина такую общую характеристику троцкизма с указанием этапов, пройденных т. Троцким на пути борьбы с большевиками:

«Старые участники марксистского движения в России,—писал Ленин,—хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает ее, и говорить приходится, ибо это—типичная фигура... Во времена старой «Искры» (1901—1903) для этих колеблющихся и перебегающих от «экономистов» к «искровцам» и обратно была кличка: «тушинский перелет» (так звали в Смутное время на Руси воинов, перебегавших от одного лагеря к другому).

Когда мы говорим о ликвидаторстве, мы устанавливаем известное идейное течение, годами выраставшее, связанное корнями с «меньшевизмом» и «экономизмом» в 20-летней истории марксизма, связанное с политикой и идеологией определенного класса, либеральной буржуазии.

«Тушинские перелеты» объявляют себя выше фракций на том единственном основании, что они «заимствуют» идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярым «искровцем» в 1901—1903 гг., и Рязанов назвал его роль на съезде 1903 г. ролью «ленинской дубинки». В конце 1903 года Троцкий—ярый меньшевик, то есть от «искровцев» перебежавший к «экономистам»: он провозглашает, что «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть». В 1904—1905 году он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартовым («экономистом»), то провозглашая несуразно-левую «перманентную революцию». В 1906—1907 году он подходит к большевикам. И весною 1907 г. заявляет себя солидарным с Розой Люксембург.

В эпоху распада, после долгих «нефракционных» колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 г. входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, однако, по с у т и д е л а их же идейки.

Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало...

Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало с кем оно имеет дело, когда с невероятными претензиями выступают люди, не желающие абсолютно считаться н и с партийными решениями... н и с опытом современного рабочего движения в России...». (Ленин. Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 462—463).

Еще раньше этого Владимир Ильич дал не менее яркую характеристику колебаний и шатаний т. Троцкого:

«Он (Троцкий) был в 1903 г. меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 году, вернулся к меньшевикам в 1905 го-

ду, щеголяя лишь ультра-революционной фразой; в 1906 году опять отошел; в конце 1906 года защищал избирательное соглашение с кадетами (т. е. фактически опять был с меньшевиками), а весною 1907 г. на Лондонском съезде говорил. что его различие от Розы Люксембург есть «скорее различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений». Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра—другой, и поэтому объявляет себя стоящим выше обеих фракций». (Ленин. Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 307—308).

Следует коротко остановиться на этих этапах шествия т. Троцкого «с боями» к большевистской партии. Тов. Троцкий был одним из участников работы первых социал-демократических организаций на юге России (организация «Южного рабочего») и, вернувшись после ссылки, принял участие за границей в литературной работе в «Искре». Владимир Ильич ценил его за бойкое перо, и одно время он помогал Ленину в его литературных выступлениях. Тогда-то т. Рязанов и назвал его «ленинской дубинкой».

Но уже на II съезде партии т. Троцкий оказался против Ленина, против большевиков. В чем же расходился тогда т. Троцкий с большевиками, с Лениным?

Первое расхождение его по вопросу о том, как нужно нам строить партию. Вместе с меньшевиками он отстаивает первый параграф устава нашей партии, в котором пытается закрепить меньшевистское понимание партии—поменьше контроля партии над деятельностью каждого члена, побольше свободы для всякого рода гимназистов и профессоров, которые хотели бы войти в нашу партию. Тов. Троцкий просто не понимает большевистских основ организации. Ленин тогда указывал, что т. Троцкий забывает, что «партия должна быть лишь передовым отрядом, руководителем громадной массы рабочего класса, который весь (или почти весь) работает под контролем и руководством партийных организаций, но который не входит весь и не должен входить весь в партию». (Подчеркнуто мною. *Е. Я.*).

Тов. Троцкий не понимал и нашей большевистской постановки вопроса о дисциплине в партии. Владимир Ильич считал, что это есть отражение барского анархизма русского интеллигента. «Партийные организации кажутся ему «чудовищной фабрикой»; подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему «закрепощением»; разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагикомические вопли против превращения людей в колесики и винтики». (Н. Ленин. «Шаг вперед, два шага назад»).

Так было больше 20 лет тому назад. Конечно,—могут сказать иные,—т. Троцкий с того времени понял большевистские

принципы построения нашей организации. Понял ли? Вот такой свидетель, как т. Крупская, совсем не так давно, по поводу «Уроков Октября», писала в сборнике «За ленинизм», изданном в 1925 году:

> «Тов. Троцкий много говорит о партии, но партию-то он сводит к руководящему штабу, руководящему персоналу.
>
> Роли партии в целом, роли партийной спайки по всей линии как раз и не понимает тов. Троцкий. Для него партия равнозначуща штабу. Возьмем пример: «Что такое большевизация коммунистических партий?—пишет он в «Уроках Октября».—Это—такое их воспитание, такой в них подбор руководящего персонала, чтобы они не сдрейфили в момент Октября». Эта чисто административная точка зрения крайне поверхностна».

Значит, по мнению т. Крупской, которое она высказывала в 1924—25 г., т. Троцкий «не понимает роли партии в целом, роли партийной спайки по всей линии». У т. Троцкого «крайне поверхностная, чисто административная» точка зрения на партию.

Другой свидетель, т. Каменев, указывал на январском пленуме Центрального Комитета в 1924 году, что именно в области организационной, в области построения партии т. Троцкий сохранил эту неправильную, не большевистскую, а меньшевистскую точку зрения.

А как относился в то время т. Троцкий к Ленину, лучше всего видно из той характеристики, которую он давал Ленину в своей книге, вышедшей в 1904 году: «Наши политические задачи».

> «И это марксизм!—возмущался он Лениным.—И это социал-демократическое мышление! Поистине нельзя с большим цинизмом относиться к лучшему идейному достоянию пролетариата, чем это делает Ленин. Для него марксизм—не метод научного исследования, налагающий большие теоретические обязательства,—нет, это—половая тряпка, когда нужно затереть свои следы, белый экран, когда нужно демонстрировать свое величие, складной аршин, когда нужно предъявить свою партийную совесть».

Читали ли вы, ленинцы, когда-нибудь и где-нибудь что-либо более безобразное в отношении В. И. Ленина? Ленин с цинизмом относится к лучшему идейному достоянию пролетариата! Для Ленина учение Маркса—«половая тряпка», которой Ленин затирает грязные следы! Ленин страдает чуть ли не манией величия! У Ленина партийная совесть—словно складной аршин! Так клеветал на Ленина в то время т. Троцкий.

Тов. Троцкий в то время иначе и не мог подойти к Ленину. Борьба Ленина против меньшевиков, в которых уже тогда Ленин видел опасную для пролетарской революции силу, вызывала из-под пера т. Троцкого такие напоенные желчным ядом строки:

> Эта злостная и нравственно отвратительная подозрительность Ленина, плоская карикатура трагической нетерпимости якобинизма является,—это нужно признать,—наследием и вместе вырождением старой «искровской» тактики. Не случайностью, а глубоким знамением является тот факт, что вождь реакционного крыла нашей партии т. Ленин в отстаивании тактических методов карикатурного якобинизма психологически вынужден был дать такое определение социал-демократии, какое представляет собой не что иное, как теоретическое покушение на классовый характер нашей партии. Да, теоретическое покушение, нисколько не менее опасное, чем критические идеи какого-нибудь Бернштейна».

Как известно, якобинцы были левым крылом в Великой французской революции. Ленин противопоставлял их жирондистам, то есть правому крылу, и в этом смысле он называл жирондистами меньшевиков Аксельрода и Либера. Нас, большевиков, Ленин так и называл: «якобинцы социал-демократии». Ленин говорил: «Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ». Другими словами, последовательный до конца революционер, не останавливающийся перед самыми крайними революционными мерами для достижения целей, поставленных перед революционным классом, революционер, «неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы»—это и есть революционный социал-демократ. Революционными социал-демократами назывались мы, большевики. Тов. Троцкий возмущался этим и считал, что Ленин является «вождем реакционного крыла» в нашей партии. Он, т. Троцкий,—величайший революционер, выполняющий волю меньшевиков, будущих предателей пролетарской революции, а т. Ленин—вождь реакционного крыла нашей партии! Вот ведь какую позицию занимал в то время т. Троцкий. Отсюда и все остальные «качества» т. Троцкого. Отсюда и меньшевистские уверения, что мы, большевики, проповедуем не диктатуру пролетариата, а диктатуру над пролетариатом; отсюда замечательные планы т. Троцкого относительно организации петиций рабочего класса к царскому правительству.

«Несуразно-левая перманентная революция» (В. И. Ленин)

В первую революцию 1905 года т. Троцкий выдвинул, по словам Владимира Ильича, «несуразно-левую перманентную революцию»: «В 1904—1905 годах он отходит от меньшевиков, и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым («экономистом»), то провозглашая несуразно-левую перманентную революцию». (Ленин. Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 462).

Что сам т. Троцкий говорит об этой перманентной революции? Отказывается ли он от нее?

В 1922 году т. Троцкий выпустил книгу «1905 год». Вот что мы читаем в предисловии к этой книге:

> «Именно в промежуток между 9 января и октябрьской стачкой 1905 года сложились у автора те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории «перманентной революции». Мудреное название это выражало ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не сможет разрешить свои ближайшие буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. А этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками в революции. Наоборот, именно для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершить глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. Притом он придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата». (См. упомянутое выше предисловие в книге т. Троцкого «1905 год»).

Так говорит сам т. Троцкий о своей «перманентной революции».

Как Ленин оценивал это учение позднее (в 1915 г.), когда он имел возможность уже окинуть взором пройденный путь и подвести итоги?

> «Оригинальная теория Троцкого,—писал он,—берет у большевиков призыв к революционной борьбе, а у меньшевиков—отрицание роли крестьянства». («О двух линиях революции». Собр. соч., т. XIII, стр. 213).

И еще:

> «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под отрицанием «роли крестьянства» понимают нежелание поднимать крестьян на революцию». (Стр. 214).

Вот почему партия большевиков не могла принять этой линии т. Троцкого, который, вопервых, ставил неправильно вопрос о крестьянстве (перепрыгивая через крестьянство: отсюда лозунг т. Троцкого—«без царя, а правительство рабочее»—в 1905 г.), вовторых, не усвоил правильной линии в вопросе о взаимоотношениях между рабочим классом и крестьянством.

Блестящую критику этой теории перманентной революции дал т. Сталин в своей статье «Октябрь и теория перманентной революции т. Троцкого» (см. Сборник «За ленинизм», 1925 г., стр. 322—323). Тов. Сталин приводит две выдержки из сочинений Ленина о том, что такое диктатура пролетариата:

«Диктатура пролетариата,—говорит Ленин,—есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма». (Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 241).

И далее:

«Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что: только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплоатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле создания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов». (Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 248).

Тов. Сталин сравнивает с этим взглядом т. Ленина на диктатуру пролетариата взгляд т. Троцкого, изложенный им самим в вышеприведенном отрывке о том, что такое перманентная революция:

«Ленин говорит о союзе пролетариата и трудящихся слоев крестьянства, как основе диктатуры пролетариата. У Троцкого же получаются «враждебные столкновения» «пролетарского авангарда» с «широкими массами крестьянства».

Ленин говорит о руководстве трудящихся и эксплоатируемых масс со стороны пролетариата. У Троцкого же получаются «противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения».

По Ленину, революция черпает свои силы, прежде всего, среди рабочих и крестьян самой России. У Троцкого же получается, что необходимые силы можно черпать лишь «на арене мировой революции пролетариата».

А как быть, если международной революции суждено прийти с опозданием? Есть ли какой-либо просвет для нашей

революции? Тов. Троцкий не дает никакого просвета, ибо «противоречия в положении рабочего правительства смогут найти свое разрешение только... на арене мировой революции пролетариата». По этому плану для нашей революции остается лишь одна перспектива прозябать в своих собственных противоречиях и гнить на корню в ожидании мировой революции.

Что такое диктатура пролетариата по Ленину?

Диктатура пролетариата есть власть, опирающаяся на союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для «полного свержения капитала», для «окончательного создания и упрочения социализма».

Что такое диктатура пролетариата по Троцкому?

Диктатура пролетариата есть власть, вступающая «во враждебные столкновения» с «широкими массами крестьянства» и ищущая разрешения «противоречий» лишь «на арене мировой революции пролетариата».

Чем отличается эта «теория перманентной революции» от известной теории меньшевизма об отрицании идеи диктатуры пролетариата?

По сути дела ничем.

Сомнения невозможны. «Перманентная революция» не есть простая недооценка революционных возможностей крестьянского движения. «Перманентная революция» есть такая недооценка крестьянского движения, которая ведет к отрицанию ленинской теории диктатуры пролетариата.

«Перманентная революция» т. Троцкого есть разновидность меньшевизма». (Сборник «За ленинизм», стр. 322—323).

Мы остановились на этом вопросе так подробно потому, что ошибки т. Троцкого в вопросе об отношении к крестьянству повторяются им и позже, уже тогда, когда он вступил в партию большевиков. Конечно, троцкисты могут сказать: что вы по каждому поводу вспоминаете учение о перманентной революции т. Троцкого? Ну, пусть он тогда, в 1905 г., был неправ,—какое же это отношение имеет к сегодняшнему дню? А вот какое. Во-первых, т. Троцкий считает и теперь эту свою теорию правильной. Не кто другой. как т. Н. Крупская в уже упомянутой статье «К вопросу об уроках Октября» указывает на то, что «марксистский анализ не являлся никогда сильной стороной т. Троцкого. Отсюда и недооценка у него роли крестьянства». Тов. Крупская просто не хочет об этом распространяться, потому что «об этом уже много писалось», но она признает в 1925 году, что у т. Троцкого остается его недооценка крестьянства.

Тов. Каменев считал в 1925 г., что нельзя отделять т. Троцкого до 1917 г. от прежнего т. Троцкого, служившего меньшевикам.

«Напрасно думать,—писал он,—что есть два Троцких: один до 1917 г., другой после 1917 г. Тогда т. Троцкий служил меньшевикам, теперь он перешел к большевикам, но, входя в партию, он не счел нужным во имя общей идеологии партии отказаться от своей собственной идеологии в основных принципиальных вопросах русской революции. Именно поэтому т. Троцкий в партии систематически повторяет тип своих ошибок того времени, когда он был вне партии».

Если мы возвращаемся к вопросу о перманентной революции вновь и вновь, то именно потому, что т. Троцкий считает, что не партия большевиков, не Ленин были правы в вопросе о перманентной революции, а был прав он, т. Троцкий, и что в 1917 г. наша партия «идейно перевооружилась», взяв из арсенала т. Троцкого его идейное оружие, и с ним победила. Такое извращение, такое искажение исторической действительности заставляет нас каждый раз возвращаться к прошлому. Если бы т. Троцкий решительно заявил, что его теория о перманентной революции была небольшевистской, неправильной теорией, что он действительно, как это утверждает Ленин, недооценивал роль крестьянства, делал «прыжок в воздух» через крестьянство, если бы он на деле не повторял вновь и вновь этих ошибок, вытекающих из непонимания роли крестьянства, из непонимания того, какими должны быть взаимоотношения рабочего класса с крестьянством,—нам незачем было бы вновь и вновь возвращаться к этим вопросам. Они были бы только достоянием истории, а не предметом обсуждения сегодняшнего дня, мы о них писали бы только в учебниках истории.

Троцкизм и ликвидаторство

Однако, в 1905—7 гг. т. Троцкий приблизился к большевикам. Но ненадолго хватило этого приближения. Наступила реакция, наступили трудные для рабочего класса дни предательства, измены, когда меньшевики хотели ликвидировать нашу нелегальную большевистскую партию. С кем в эти годы был т. Троцкий? Тов. Троцкий был с ликвидаторами.

Уже на Лондонском съезде 1907 г. т. Троцкий выступает против большевиков, и до 1917 г., втечение 10 лет, он ведет с нами войну, ожесточенную войну, прикрываясь, однако, «примиренческим» флагом. Мы не будем здесь подробно останавливаться на всех моментах этой борьбы. Укажем лишь на то, что уже тогда во всей красе развернулись способности т. Троцкого строить фракции, группы, группочки и устраивать блоки различных оппозиционных групп и фракций, в которых, как в «августовском блоке» 1912 года, объединялись группы, начиная с самых правых ликвидаторов и кончая крайними «левыми». В 1917 г. Ленин писал об этом:

«...Мы заявляем поэтому от имени партии в целом, что Троцкий ведет антипартийную политику, что он разрывает партийную легальность, вступает на путь авантюры и раскола... Умалчивает Троцкий об этой бесспорной правде (об антипартийных группах), потому что для реальных целей его политики правда непереносима... Эти реальные цели—антипартийный блок, каковой блок Троцким поддерживается и организуется... Этот блок, конечно, поддержит Троцкого... ибо (антипартийные элементы) получают здесь то, что им нужно: свободу своих фракций, освящение их, прикрытие деятельности, адвокатскую защиту ее перед рабочими. И вот, именно с точки зрения «принципиальных основ», мы не можем не признать этот блок авантюризмом в самом точном значении слова. Сказать, что он видит настоящих марксистов, действительных защитников принципиальности социал-демократизма, в отзовистах (меньшевиках) Троцкий не смеет. В том и суть позиции авантюриста, что ему приходится перманентно увиливать... Блок Троцкого с Потресовым и впередовцами есть авантюра именно с точки зрения «принципиальных основ». Не менее верно это с точки зрения партийно-политических задач... Годичный опыт показал на деле, что именно группы Потресова, именно фракция впередовцев и воплощают это буржуазное влияние на пролетариат... Наконец, втретьих, политика Троцкого есть авантюра в смысле организационном». (Ленин. Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 322).

Но опять-таки могут спросить: зачем вы вспоминаете эту полосу ликвидаторства? И действительно, незачем было бы вспоминать ее, если бы мы не имели сейчас новых попыток ликвидаторства и если бы эти попытки ликвидаторства не находили косвенную, а иногда и прямую поддержку т. Троцкого (взять хотя бы выступления Шляпникова и Медведева и выступления Оссовского). Разве мы сейчас не присутствуем при организации блока, который «разрывает партийную легальность, вступает на путь авантюры и раскола»? Разве перед нами не антипартийный блок? Разве мы не имеем на протяжении вот уже нескольких лет со стороны т. Троцкого защиты свободы фракций и группировок внутри нашей партии? Разве «с точки зрения принципиальных основ» мы не можем не признать этот блок «авантюризмом в самом точном значении слова»? Разве теперешний блок, образуемый самыми различными оппозиционными группировками против подавляющего большинства партии, не есть авантюра, авантюра именно с точки зрения «принципиальных основ»? Разве не менее верно это с «точки зрения партийно-политических задач»? Разве не сказал X съезд об оппозиции тт. Шляпникова и Медведева, что это есть анархо-синдикалистский, мелкобуржуазный уклон? Разве не осудили XIII партийный съезд

и V конгрессе Коминтерна троцкизм, как мелкобуржуазный уклон? А что такое мелкобуржуазный уклон, как не проявление буржуазного влияния на пролетариат? И разве, наконец, эта политика не есть авантюра «в смысле организационном»?

Вот почему эта позиция т. Троцкого вызывала самые резкие характеристики т. Ленина. Он писал:

> «Люди, подобные Троцкому, с его надутыми фразами о РСДРП и с его раболепством перед ликвидаторами, не имеющими ничего общего с РСДР Партией, являются ныне болезнью времени... На деле это проводники капитуляции перед ликвидаторами—строителями Столыпинской рабочей партии»...
>
> «Посредством фразы прикрываются действительные ликвидаторы и делаются всяческие попытки мешать работе антиликвидаторов (т. е. большевиков)... Троцкий и подобные ему «троцкисты и соглашатели» вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, а гг. Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него. Всякий, кто поддерживает группу Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства». (Ленин. Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 359).
>
> «Троцкий называет себя партийцем на том основании, что для него русский партийный центр, созданный подавляющим большинством русских социал-демократических организаций, есть нуль... Революционная фраза служит для того, чтобы прикрывать и оправдывать фальшь ликвидаторства, засоряя тем сознание рабочих... Задача Троцкого в том и состоит, чтобы прикрывать ликвидаторство, бросая песок в глаза рабочим... С Троцким нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов. Можно и должно спорить с убежденными ликвидаторами и отзовистами, а с человеком, который играет в прикрытие ошибок и тех и других, не спорят: его разоблачают, как... дипломата самой мелкой пробы». (Ленин. Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 446—448).

Тогда Троцкий был с ликвидаторами, меньшевиками. Хорошо ли говорить об этом сейчас, в 1926 г., когда т. Троцкий состоит членом партии большевиков и даже членом Политбюро Центрального Комитета этой партии? Об этом бы не следовало говорить, если бы сейчас не было сделано кое-каких шагов, напоминающих этот тяжелый для нас момент в истории нашей партии. Что дело здесь не в раздражении в момент острой борьбы, это

прекрасно объясняет т. Каменев в брошюре «Партия и троцкизм» (стр. 18):

«Здесь дело не в раздражении, не в индивидуальных вкусах, а в том, что троцкизм есть, видимо, какое-то течение, которое появляется систематически и в систематической борьбе с которым только и можно было закладывать основы большевизма, как теорию и практику пролетарской коммунистической революции».

Именно в этот период т. Троцкий в своих статьях, которые он печатал в органах II Интернационала, излагал, по словам т. Каменева:

«приблизительно следующую «философию» большевизма: «Ленинцы—это кучка интеллигентов, которые, под руководством не стесняющегося никакими средствами человека—Ленина—держат темными путями в своих руках движение русского пролетариата, который, благодаря своему невежеству и отсталости, верит большевикам. Задача должна заключаться в том, чтобы освободить пролетариат России от засилья этой кучки и их лидеров—Ленина». Вот то представление о большевизме, которое т. Троцкий тогда внушал Интернационалу». (Л. Б. Каменев. «Партия и троцкизм», ГИЗ, 1924 г., стр. 19).

Троцкизм в период нового подъема рабочего движения

Но вот кончились дни реакции, начался новый подъем революционного рабочего движения. В 1912 г., когда большевики создали свой чисто большевистский Центральный Комитет, перед т. Троцким был определенный выбор—с кем он пойдет дальше; он пошел с меньшевиками. Он организовал «нефракционный» (он всегда был «нефракционным») орган «Правду» в Вене, который он постарался вести без всякого контроля со стороны Центрального Комитета. И больше того. Когда большевики организовали свой орган «Правду» в Ленинграде, это привело в бешенство т. Троцкого. Как смели большевики объявить даже о том, что у них выходит ежедневная рабочая газета «Правда»? Тов. Троцкий пишет грозную статью в своем венском органе, которого в России почти-что никто не читал: «Мы ждем ответа».

«Что же это значит?—грозно спрашивает он.—Спрашивала ли редакция новой газеты нашего согласия на то, чтобы назвать его «Правдой»? Нет, не спрашивала. В каком отношении стоит петербургская газета к нашей? Ни в каком. По какому же праву и кто именно пытается ввести свое предприятие в среду читателей-рабочих под флагом нашего издания? Такого права ни у кого нет и не может

быть. (Вот как здорово! *Е. Я*)... Ленинский кружок—это воплощение фракционной реакции и раскольнического своеволия—не только пытался путем захвата обще-партийных средств лишить нас огня и воды, но и делал в течение последних лет все, что мог, чтобы опорочить и сделать ненавистным в глазах русских рабочих имя «Правды». Но вот, после двухлетней борьбы против нас ленинского кружка, в Петербурге возникает газета, которая присваивает себе полный заголовок нашего издания «Рабочая газета Правда». По какому праву?—Без всякого права. Для чего? На это ответить не трудно. Для того, чтобы путем подделки достигнуть того, чего не удалось добиться путем неистовой травли; для того, чтобы раскольнические тенденции проводить контрабандой, под флагом издания, нефракционный характер которого несомненен для широких рабочих кругов. Для того, чтобы смешать все карты, внести полный хаос и спутать все понятия, еще далеко не отличающиеся устойчивостью в широких кругах партии». («Правда», № 25, 6/V—1912 г., Вена).

Вы видите, для т. Троцкого наша большевистская партия была в то время не больше, как «ленинским кружком». Тов. Троцкий повторял заведомо ложные, позорные сплетни о захвате средств, обвинял нас, большевиков, в подделке под венскую «Правду». Все, кто знают историю нашей печати, историю нашей борьбы за рабочую печать в России, в тогдашней подпольной России, могут оценить всю мелочность, всю пошлость такой характеристики того огромного дела, которое мы сделали, создав на рабочие гроши ежедневную газету. В то время меньшевики с нами вели принципиальную борьбу, травили большевиков за их революционную тактику, называли массовое стачечное движение рабочих вспышкопускательством, а т. Троцкий писал Чхеидзе (1 апреля 1913 г.):

«Дорогой Николай Семенович! Вопервых, позволяю выразить вам благодарность за то—не только политическое, но и эстетическое удовольствие, которое получаешь от ваших речей, в частности от вашей последней речи по поводу хулиганства, да и вообще нужно сказать: душа радуется, когда читаешь выступления наших депутатов (меньшевиков—*Е. Я.*), письма рабочих в редакцию «Луча» (меньшевистская газета—*Е. Я.*), или когда регистрируешь факты рабочего движения. И каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер—Ленин, этот профессиональный эксплоататор всякой отсталости в русском рабочем движении. Ни один умственно-неповрежденный европейский социалист не поверит, что возможен раскол из-за тех маргариновых разногласий, которые фабрикуются Лениным в Кракове.

«Успехи» Ленина сами по себе, каким бы тормозом они ни являлись, не внушают мне больше опасений. Теперь не 1903 и не 1908 г. На «темные деньги», перехваченные у Каутского и Цеткиной, Ленин поставил орган, захватил для него фирму популярной газеты и, поставив «единство» и «неофициальность» ее знаменем, привлек читателей-рабочих, которые в самом появлении ежедневной рабочей газеты, естественно, видели огромное свое завоевание. А потом, когда газета окрепла, Ленин сделал ее рычагом кружковых интриганов и беспринципного раскольничества. Однако, стихийная тяга рабочих к единству так непреодолима, что Ленину приходится систематически играть в прятки с читателями, говорить о единстве снизу, проводя раскол сверху, подставлять под кружковые и фракционные объединения—понятия классовой борьбы. Словом, все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения. Можно не сомневаться, что, при разумном поведении другой стороны, среди ленинцев начнется в самом недалеком будущем жестокое разложение—именно по линии вопроса—единство или раскол». (Сборник «Ленин о Троцком». Из истории РКП(б). Библ. рабочей молодежи. «Новая Москва». 1925 г., стр. 217—218).

Накануне империалистической войны, когда большевики руководили массовым рабочим движением, когда они строили партию, когда они собирали разрозненные силы рабочих для натиска на капитализм, на самодержавие, когда большевики все делали для того, чтобы отстоять принципиальную линию революционного социализма против искажавших ее меньшевиков и троцкистов,—тогда т. Троцкий ничего другого не находил, как изображать все это «дрянной склокой, которую систематически разжигает сих дел мастер—Ленин, этот профессиональный эксплоататор всякой отсталости в русском рабочем движении». Тов. Троцкий работал над тем, чтобы здание ленинизма, которое, по его мнению, было построено «на лжи и фальсификации» и несло «в себе ядовитое начало собственного разложения»,—чтобы оно рассыпалось в прах. И он рекомендовал такое разумное поведение другой стороне, т. е. советовал меньшевикам так себя вести, чтобы среди большевиков началось «жестокое разложение» и именно по линии вопроса «единство или раскол».

И когда сейчас разбираешь кое-какие выступления наших оппозиционеров, не чувствуется ли именно такой подход, какой был намечен в этом письме меньшевика т. Троцкого к меньшевику Чхеидзе? Расчет на то, что в нашей среде начнется разложение, содействие этому разложению, расчет на раскол нашей партии.

Троцкизм в период империалистической войны

Империалистическая война до крайности обострила социальные противоречия. Был ли в этот момент т. Троцкий с большевиками? Нет, и в этот момент он вел борьбу с большевиками. Правда, он был «интернационалистом», он подвергался преследованиям буржуазных правительств, но он был **против большевиков**. Сам т. Троцкий признает, что было три пункта, где «Наше слово» (эта газета издавалась т. Троцким) и после того, как оно перешло в руки левого крыла редакции, не сходилось с «Социал-демократом» («Социал-демократ» издавался большевиками—*Е. Я.*). Эти пункты касались пораженчества, борьбы за мир и характера грядущей русской революции. «Наше слово» отвергало пораженчество. «Социал-демократ» отвергал лозунг борьбы за мир, противопоставляя ему гражданскую войну. Наконец, «Наше слово» стояло на той точке зрения, что задачей нашей партии должно быть завоевание власти во имя социалистического переворота. «Социал-демократ» продолжал оставаться на позиции демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. (См. книгу т. Троцкого «Война и революция», т. I, стр. 27).

Итак, три разногласия были у тов. Троцкого с большевиками после того, как из «Нашего слова» ушел Мартов, после того, как «Наше слово» стало «левым», троцкистским органом. Разногласия не маленькие. Как известно, Ленин и большевики были пораженцами; мы, большевики, считали **полезным** поражение своей буржуазии в империалистической войне. Тов. Троцкий был **против** такого поражения. Какие были разногласия по вопросу о гражданской войне? **Ленин и большевики были за гражданскую войну, т. Троцкий был против.** Наконец, по вопросу о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства Ленин и большевики считали, что этот лозунг был вполне правильным и что февральско-мартовская революция и привела к своеобразному двоевластию, при котором Советы и выражали, хотя и непоследовательно, демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Этого так и не понял т. Троцкий.

Следует еще, однако, отметить, что в этот период, во время империалистической войны, разногласия у нас были еще довольно существенные с т. Троцким и троцкистами по вопросу о II и III Интерналах. Как известно, т. Троцкий был «центристом», т. е. болтался между правыми и левыми, между пораженцами и оборонцами. В то время, как Ленин, вместе с Циммервальдской левой, вместе со всеми большевиками, был за немедленный разрыв с II Интернационалом и центристами (Каутский, Лонге и др.) и за создание немедленно III Интернационала, т. Троцкий был вместе с Каутским против этого. Да, т. Троцкий имел право писать: «я пришел к Ленину с боями», но он не договорил того, что он пришел, уверенный в том, что прав был не Ленин в оценке, напр., перманентной революции, а прав был он, т. Троцкий;

не Ленин и большевики были правы в оценке движущих сил революции, а прав был т. Троцкий. Вот почему т. Л. Б. Каменев писал в 1924 г.:

«Скитавшийся полтора десятилетия по меньшевистским литературным предприятиям политик, прибитый волнами народной революции к большевистским берегам, вошел в большевистскую партию с тайной мыслью, что прав-то был и остался он. Вошел не с тем, чтобы учиться у партии, а с тем, чтобы партию учить, не с тем. чтобы вложиться всеми своими силами в общую коллективную массовую работу годами и десятилетиями складывавшейся рабочей организации, а с тем, чтобы парадировать перед ней в роли провиденциального спасителя. Его съедала мысль—«отроцкистить большевизм». Перед партией по отношению к Троцкому, как по отношению к каждому своему новому члену, стояла прямо противоположная задача—«обольшевичить Троцкого». Удалась ли она?». (Л. Б. Каменев. «Партия и троцкизм», стр. 48—49).

В конце 1925 г. т. Каменев, т. Зиновьев и другие руководители нынешней оппозиции думали, что эта задача еще не удалась. *А сегодня они очутились в объятиях троцкизма, в плену у троцкизма, на службе у троцкизма.* Зрелище тяжелое для ленинца!

2. Идейная сущность троцкизма до XIV съезда партии

Троцкий вступает в партию как „небольшевик“ (В. И. Ленин)

В 1917 году, во второй половине лета, т. Троцкий вступил в партию большевиков. Из записей, которые делал т. Ленин в мае 1917 г. на одном из заседаний, где обсуждался вопрос о вступлении той группы, к которой принадлежал в то время т. Троцкий, группы межрайонцев, в партию большевиков, видно, что т. Троцкий высказывался в том смысле, что он не большевик.

В 4-ом Ленинском сборнике (ГИЗ, 1925 г.) имеется следующая запись Вл. Ильича:

«Троцкий (взявший слово вне очереди, тотчас после меня...): «С резолюциями я согласен целиком,—но, вместе с тем, я согласен п о с т о л ь к у, п о с к о л ь к у русский большевизм интернационализировался.

«Большевики разбольшевичились—и я называться большевиком не могу.

«В основу ц е н з а можно (и должно) положить их резолюции.

«Но признания большевизма требовать от нас нельзя» (стр. 303).

Ясно, кажется. И, как говорится, не требует комментариев.

О том, как понимали межрайонцы вступление в партию в то время, рассказывает т. Мельничанский в статье «Группа Троцко-

го» (межрайонцы и другие», напечатанной в сборнике «За ленинизм» (ГИЗ, 1925 г., стр. 428—432). Тов. Мельничанский рассказывает, что в первых числах мая состоялась конференция «межрайонки», на которой Владимир Ильич выступил

«с горячим призывом немедленно объединиться с большевиками, указывая на отсутствие разногласий и необходимость усиления кадров борцов и проч.; сейчас же после него выступил т. Троцкий, который подтвердил отсутствие разногласий и также призывал к немедленному объединению. После них выступили Юренев и какой-то рабочий с возражением против немедленного объединения. Их предложение сводилось к тому, чтобы созвать всероссийские съезды «межрайонцев» и большевиков и объединиться на равных началах, чтобы не дать себя подавить «ленинским режимом» в партии, чтобы иметь внутри объединенной партии сплоченное ядро. На конференции вообще вся атмосфера была начинена большой опасливостью «режима Ильича».

На следующее утро,—рассказывает т. Мельничанский,—т. Троцкий выступил с речью, которая многих, не искушенных в политике, поразила. Речь сводилась к следующему,—он отказался от вчерашнего предложения и заявил: правда, у меня нет разногласий, но если партийные рабочие не являются сторонниками форсирования объединения, то незачем нам, партийным литераторам, это форсировать; нам, действительно, нужно подождать съезда и, чтобы не раствориться,—объединиться на равных началах».

После этого т. Мельничанский решил, не дожидаясь, когда «межрайонцы» будут вступать «на равных началах в партию большевиков», приступить к совместной с большевиками работе. Когда т. Троцкий встретил его в кулуарах I съезда Советов, он стал упрекать его за поспешное сближение с большевиками.

«Тов. Троцкий меня отвел в сторону и упрекнул, что я «поторопился» связаться с ЦК и что я был неосторожен в своем письме. Вы,—говорил он мне,—не знаете «режима Ильича». Ильич не терпит инакомыслящих.—Когда я ему ответил, что никакого режима я не чувствую, что несмотря на то, что меня многие не знают, мне дают полную самостоятельность работать,—лишь бы успеть большую работу сделать,—я опять услыхал в ответ о режиме Ильича, о том, что необходимо объединиться только на совместном съезде большевиков и межрайонцев, что надо войти компактной группой и сохранить ее внутри партии, чтобы не дать себя растворить, что надо настаивать на вводе большего количества межрайонцев в ЦК, что он видит подозрительный симптом в факте отказа Ильича ввести в ЦК двух межрайонцев и пр.».

Эти указания т. Мельничанского крайне полезны, вопервых, ввиду того, что т. Троцкий пытается дать иное объяснение, почему он сразу не вступил, по приезде из Америки, в партию большевиков, вовторых, потому, что эта линия, стремление сохранить внутри партии группу троцкистов, проходит через всю историю нашей внутрипартийной борьбы, со времени вступления т. Троцкого в партию большевиков, с лета 1917 г.

В 1917 г. т. Троцкий, вступая в партию большевиков, говорил о «режиме Ильича», о том, что Ильич не терпит инакомыслящих. Мы эти разговоры услышали через несколько лет относительно других вождей ВКП(б), которых история и воля нашей партии поставила во главе ее. Не надо было бы и об этом упоминать, если бы не было попытки и дальше толковать партию, как сумму договаривающихся между собой групп и течений, которые в той или иной степени равноправны, если бы не было попытки возродить эти небольшевистские принципы организации партии, в которой законными оттенками были бы самые разнообразные течения.

Незачем умалять революционных заслуг т. Троцкого в 1917 году. Несмотря на все разногласия, какие были у нас и существуют с т. Троцким, мы не отрицаем этих революционных заслуг. Ведь самая большая заслуга т. Троцкого была в том, что он в то время умел выполнять директивы ЦК партии большевиков, умел им подчиняться. Но с тех пор, со времени первой победы Октябрьской революции, т. Троцкий почти перманентно пребывает в оппозиции.

Троцкизм против ленинизма в 1918 году.

В 1917 году т. Троцкий—против т. Ленина, против подписания Брестского мира. Его позиция—«ни мира не подписывать, ни войны не вести»—дорого обошлась рабочему классу нашей страны. Его ошибка в этом вопросе ни в какой степени не меньше ошибки левых коммунистов, которые также были противниками подписания Брестского мира. Тов. Троцкий имел в то время на своей стороне очень значительную часть партии. Нельзя думать так, как это кажется иным, что при Ленине т. Троцкий не посмел бы выступить в оппозиции. 9/22 января 1918 года, когда в ЦК голосовалась окончательная резолюция относительно заключения Брестского мира, прошла промежуточная резолюция т. Троцкого, которого тогда поддержали тт. Бухарин и Урицкий. И в этой резолюции говорилось: войны не вести, переговоры с Германией затягивать. Эта оттяжка нам дорого стоила. 17 февраля (2 марта) 1918 года мирные переговоры в Брест-Литовске были прерваны. Тов. Троцкий, будучи председателем русской делегации, заявил, что советское правительство не подпишет несправедливого мира, но в то же самое время не будет вести войны.

Троцкизм против ленинизма в 1920/21 гг.

В 1920/21 гг. т. Троцкий опять в оппозиции, на этот раз в другой области. Тов. Троцкий имеет на своей стороне несколько членов Центрального комитета. Партия разделяется, партия приходит к «системе двух и трех комнат». В одной комнате заседают ленинцы, в другой—троцкисты, в третьей--«Рабочая оппозиция». Когда сейчас люди, недовольные «режимом в партии», безапелляционно и голословно заявляют, что при Ленине бы этого не было, они забывают это состояние нашей партии в 1920/21 гг., когда, кроме этих трех групп, у нас существовали еще: группа демократического централизма (Осинский, Сапронов и другие), существовала группа московской рабочей оппозиции (Игнатов, Корзинов и другие) и существовал целый ряд «групп и группочек, оттенков и оттеночков», которые раздробляли нашу партию перед лицом наступавшей мелкобуржуазной стихии. Они забывают, что при жизни Ленина создалась такая группа, как «Рабочая правда» и «Рабочая группа» Мясникова. Нет, эти люди не стеснялись и при жизни Ленина раскалывать партию, и при жизни Ленина партию иногда «трепала лихорадка» от фракционных выступлений различных оппозиционных групп.

На этот раз т. Троцкий предлагал так завинтить профсоюзы, что это, конечно, оттолкнуло бы от партии и профсоюзов рабочие массы.

„Новый курс" тов. Троцкого. Дискуссия 1923 г.

В 1923 году т. Троцкий выступает с «Новым курсом», и тотчас же выступление т. Троцкого оживило все оппозиционные группировки в нашей партии. Мы имели декларацию, подписанную 46 товарищами, в которой говорилось, что Центральный комитет ведет гибельную политику, что эта политика ставит партию и страну на край гибели. Оппозиция тогда выступила особенно сильно в Москве, стараясь отвоевать эту крепость нашей партии. В резолюции «об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии», принятой на XIII конференции ВКП(б) всеми голосами против 3, мы читаем:

> «С момента появления фракционного манифеста т. Троцкого борьба обостряется еще больше. «Оппозиция» поднимает в Москве, в особенности в военных ячейках и в ячейках вузов, небывалую еще в истории нашей партии кампанию против ЦК, сея недоверие к Центральному комитету партии. По всей России «оппозицией» рассылаются ее представители. Борьба принимает неслыханно острые формы. Ядром «оппозиции» выступают члены бывшей группы «демократического централизма», боровшиеся против линии партии втечение ряда лет. К этому ядру присоединяются несколько бывших членов ЦК, не переизбранных на X съезде РКП, по предло-

жению т. Ленина (Преображенский, Смирнов, Серебряков). Весь этот оппозиционный блок возглавляется т. Троцким и поэтому на первых порах получает некоторый авторитет». (Протоколы XIII конференции РКП(б), стр. 199—200.)

В чем же тогда оппозиция расходилась с Центральным комитетом нашей партии и со всей партией? В той же резолюции указаны важнейшие пункты разногласий громадного большинства нашей партии с оппозицией; сводятся они к следующим шести пунктам:

«1) «Оппозиция», возглавляемая т. Троцким, выступила с лозунгом ломки партаппарата и попыталась перенести центр тяжести борьбы против бюрократизма в госаппарате на «бюрократизм» в аппарате партии. Такая огульная критика и попытка прямого дискредитирования партийного аппарата объективно не могут привести ни к чему другому, как к эмансипации государственного аппарата от влияния на него со стороны партии, к отрыву государственных органов от партии. Тенденция к отрыву органов государства от влияния партии появилась у т. Троцкого еще перед XII съездом РКП. В настоящей дискуссии эта тенденция приняла лишь другую форму.

2) «Оппозиция» попыталась противопоставить партийный молодняк основным кадрам партии и ее Центральному комитету. Вместо того, чтобы учить молодежь тому, что партия наша должна равняться по ее основному пролетарскому ядру, по рабочим-коммунистам, работающим у станка, «оппозиция», возглавляемая т. Троцким, стала доказывать, что «барометром» для партии является учащаяся молодежь.

3) Тов. Троцкий выступил с неопределенными намеками на перерождение основных кадров нашей партии и тем самым попытался подорвать авторитет Центрального комитета, который между съездами является единственным представителем всей партии. Тов. Троцкий не только попытался противопоставить себя всему остальному Центральному комитету, но и допустил такие обвинения, которые не могли не вызвать беспокойство в широких кругах рабочего класса и бурный протест в рядах всей партии.

4) В вопросах экономики «оппозиция» проявила наибольшее банкротство, не сумев абсолютно ничем подкрепить свои обвинения против ЦК партии и не попытавшись даже противопоставить политике партии сколько-нибудь систематические предложения по вопросам хозяйства.

В критике хозяйственной политики партии у «оппозиции» наметились два оттенка. Одна часть «оппозиции» отдает обильную дань «левой» фразе против нэпа вообще, делая такие заявления, которые имели бы какой-либо смысл лишь в том случае, если бы эти товарищи предлагали отказаться

от нэпа и вернуться к военному коммунизму. Другая, гораздо более влиятельная часть «оппозиции», напротив, упрекает ЦК в том, что он недостаточно идет навстречу иностранному капиталу, делает недостаточно уступок империалистским державам и т. д. Эта часть «оппозиции» (Радек) выступила с прямыми предложениями пересмотреть те условия, которые партия наметила в связи с Генуэзской конференцией, и пойти на большие экономические уступки международному империализму в целях усиления деловых сношений с иностранным капиталом. Партия без всяких колебаний отклоняет обе эти ошибки.

5) «Оппозиция» во всех своих оттенках обнаружила совершенно небольшевистские взгляды на значение партийной дисциплины. Выступления целого ряда представителей «оппозиции» представляют собою вопиющее нарушение партийной дисциплины и напоминают те времена, когда т. Ленину приходилось бороться против «интеллигентского анархизма» в организационных вопросах и защищать основы пролетарской дисциплины в партии.

6) «Оппозиция» явно нарушила постановление X съезда РКП, запрещающее образование фракций внутри партии. Большевистский взгляд на партию, как на монолитное целое, «оппозиция» заменяет взглядом на партию, как на сумму всевозможных течений и фракций. Эти течения, фракции и группировки, согласно «новым» взглядам «оппозиции», должны быть равноправны в партии, а ЦК партии должен являться не столько руководителем партии, сколько простым регистратором и посредником между течениями и группировками. Такой взгляд на партию не имеет ничего общего с ленинизмом. Фракционная работа «оппозиции» не могла не стать угрозой единству государственного аппарата. Фракционные выступления «оппозиции» оживили надежды всех врагов партии, в том числе западно-европейской буржуазии, на раскол в рядах РКП. Эти фракционные выступления вновь поставили перед партией со всей остротой вопрос о том, может ли РКП, стоящая у власти, допустить образование фракционных группировок внутри партии». (XIII партконференция, стр. 200—201.)

XIII съезд ВКП(б) целиком и полностью подтверждает резолюции XIII всесоюзной партийной конференции о партийном строительстве, об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне, постановляя приобщить эти резолюции к постановлениям XIII съезда ВКП(б). Съезд выразил полное одобрение Центральному комитету партии за «твердость и большевистскую непримиримость, проявленную Центральным комитетом во время дискуссии в защиту основ ленинизма против мелкобуржуазных уклонов».

Вопрос этот стоял и на V конгрессе Коминтерна. Доклад об этом делал т. Зиновьев, и V конгресс Коминтерна, по докладу т. Зиновьева и по его предложению, целиком одобрил и принял для всех коммунистических партий эту оценку троцкизма, как мелкобуржуазного уклона в нашей партии.

„Уроки Октября". Дискуссия 1924 г.

В 1924 году т. Троцкий выступает вновь, на этот раз с «Уроками Октября». Это произведение пера и ума т. Троцкого является карикатурой на историю Октября. Оно является попыткой показать, что не Троцкий пришел к ленинизму, а партия, вместе с Лениным, пришли к троцкизму. Об этом очень красноречиво писали тт. Зиновьев, Каменев, Крупская, Сокольников, Сафаров, Евдокимов, Залуцкий и другие из сегодняшней оппозиции. Какая цель была у т. Троцкого выпустить такое произведение, извращающее все перспективы Октябрьской революции?

> «Взять реванш за те 12 лет, когда Ленин доказывал всю неверность политики Троцкого, показать, что революция подтвердила его (Троцкого) теорию, и этим подменом большевизма троцкизмом отравить головы будущих руководителей партии, сидящих в коммунистических университетах, совпартшколах, рабфаках, вузах и т. д.—вот цель последнего выступления Троцкого, цель его книги «1917». Мы этого позволить не можем. Мы должны поставить вопрос ясно: или мы учим Ленину и ленинизму или нам нужно свернуть знамя и выставить в качестве идеолога большевистской партии в самый критический момент революции Троцкого. Тут нужно выбирать. Тут кокетничанием, умалчиванием, фразами, что мартовская революция «ликвидировала разногласия» и «я пришел к Ленину с боями»,—ничего не поделаешь». (Л. Б. Каменев. «Партия и троцкизм», стр. 39.)

Тов. Зиновьев в брошюре «Большевизм или троцкизм» заявляет:

> «Последнее выступление т. Троцкого («Уроки Октября») есть не что иное, как уже *довольно открытая попытка ревизии или даже прямой ликвидации основ ленинизма*. Пройдет самое короткое время, и это будет ясно всей нашей партии и всему Интернационалу. «Новое» в этой попытке заключается в том, что из «стратегических» соображений ревизию пытаются проделать именем Ленина... Однако, эта стратегия не поможет. Она уже разгадана ленинской партией. *Не пройдет и несколько недель, и все воробушки на крышах будут чирикать по поводу провала этой замечательной стратегии*. Тов. Троцкий не учел малого, что партия-то у нас ленинская и что она выросла уже настолько,

что умеет, представьте себе, отличать ленинизм от троцкизма. Покушение т. Троцкого есть покушение с негодными средствами. Никому не удастся ни ликвидировать основ ленинизма, ни произвести даже частичную ревизию принципов ленинизма, ни даже добиться того, чтобы троцкизм признан был «законным оттенком» внутри ленинизма. Никому не удастся убедить партию в том, что нам нужен теперь некий «синтез» между ленинизмом и троцкизмом. Троцкизм в такой же мере годится быть составной частью ленинизма, как ложка дегтя «составной частью» бочки меда». (Г. Зиновьев, «Большевизм или троцкизм», стр. 13—14.)

Ясно? Яснее быть не может. «Пройдет самое короткое время, и это будет ясно всей нашей партии и всему Интернационалу». «Все воробушки на крышах будут чирикать об этом». О чем же чирикают теперь воробушки? Не о том ли, что провалилась «замечательная стратегия» тт. Зиновьева и Каменева? А «замечательная стратегия» т. Троцкого по отношению к тт. Зиновьеву и Каменеву не провалилась. Тов. Троцкий остался троцкистом, тт. Зиновьев и Каменев... тоже стали троцкистами. Как это случилось, мы об этом скажем несколько позднее.

Но, может быть, только т. Каменев и т. Зиновьев, очень задетые т. Троцким, как «капитулянты» Октября, так характеризовали позицию т. Троцкого, как позицию ревизиониста? Нет, оказывается, и т. Крупская заявляет:

«Тов. Троцкий неправильно подходит к изучению Октября. От неправильной оценки Октября один шаг к неправильной оценке действительности, к неправильному подходу к целому ряду явлений самого актуального значения. От неправильной оценки действительности один шаг к неправильным решениям и действиям. Это понимает всякий»... «По завоевания Октября еще не доведены до конца, надо упорно работать над осуществлением задач, Октябрем выдвинутых. Тут было бы опасно, было бы гибельно сворачивать с проверенного историей пути ленинизма. И когда такой товарищ, как Троцкий, вступает, может быть даже бессознательно, на путь ревизии ленинизма,—партия должна сказать свое слово». (Сборник «За ленинизм», стр. 155—156.)

Мы не спорим против того, что т. Троцкий, может быть, бессознательно вступил на путь ревизии ленинизма, но разве от этого партии легче, - сознательно или бессознательно т. Троцкий производил ревизию ленинизма? И в том и в другом случае это опасно для партии, и в том и в другом случае партия не может допускать ревизии ленинизма, которую, как это удостоверяют такие авторитетные товарищи, как т. Крупская, т. Каменев и т. Зиновьев, совершал т. Троцкий.

„Новая оппозиция" атакует и шельмует т. Троцкого накануне XIV съезда.

Тов. Троцкий не прекратил борьбы и после 1924 года. Он молчал на XIV съезде партии, когда выступила новая оппозиция, которая нас, большинство партии, обвиняла еще в 1925 году в том, что мы «полутроцкисты». А партия ждала его слова, партия ждала, что он скажет. Тов. Троцкий ничего не сказал, он обдумывал план своей «стратегии». Эта стратегия встретилась со стратегией новой оппозиции, которая шла по тому же руслу—по руслу объединенного нападения всех оппозиционных групп на ленинский Центральный комитет, на подавляющее большинство партии.

Мы вынуждены были привести этот краткий обзор взаимоотношений т. Троцкого и нашей партии за все эти годы потому, что мы имеем совершенно определенные выступления т. Троцкого, которые показывают, что и после 1917 г. у т. Троцкого осталось многое, что разделяло его с нашей партией.

Итак, что же мы имеем в линии троцкизма по отношению к нашей партии после 1917 года? Тов. Троцкий пытается нас поправить в 1918 году во время Бреста. Он и здесь не учитывает роли крестьянства, настроения крестьянства. На VII съезде партии т. Ленин указывал, что эта политика т. Троцкого ведет к поражению революции. Когда эпоха военного коммунизма подходила к концу, т. Троцкий выступил с предложениями, которые означали такое увлечение администрированием, управленчеством, которое могло бы привести к очень опасным последствиям. И здесь в скрытой форме было также обойдено крестьянство. В 1923 году—новое выступление т. Троцкого, которое возрождает меньшевистское понятие о строении партии, как о сумме групп и течений, и которое представляет собой дискредитирование руководящих кадров в партии и попытку опереться на вузовские ячейки.

Убийственную характеристику дали представители новой оппозиции т. Троцкому на основании всех тех уроков, которые получила партия от т. Троцкого за все эти годы.

> «Если Ленин—классический тип пролетарского революционера, то Троцкий—«классический» тип *интеллигентского* революционера...—писал т. Зиновьев.—Этот интеллигентский революционер имеет, разумеется, сильные черты, умеет *иногда* слиться с пролетарской массой (когда дело идет на большой подъем), но то, что составляет сердцевину его политической деятельности, есть именно интеллигентская революционность. Это—герой революции, написанной по Суханову; недаром этот «сладенький» интеллигент «лево»-меньшевистского толка в своей многотомной «Истории» 40-ве-

дорными бочками льет воду именно на мельницу троцкизма». (Г. Зиновьев, «Большевизм или троцкизм», стр. 16.)

Не менее убийственна характеристика, которую дает т. Каменев:

«Когда партия здорова, когда все идет хорошо, т. Троцкий выполняет спокойно ту работу, которая ему поручается. Но как только партия натыкается на какие-нибудь затруднения, как только партии нужно повернуть руль, как только т. Троцкий попытается парадировать перед партией в роли спасителя и поучителя, он всегда указывает неправильный путь, потому что в основных вопросах он не усвоил большевизма, в основных вопросах оставался на точке зрения противопоставления троцкизма большевизму. Именно поэтому и Ленину и партии всякий раз приходилось давать решительный отпор попыткам т. Троцкого поправить партию.

Партия знала и на опыте все более и более убеждалась, что поступить по Троцкому значит подменить большевизм троцкизмом, что во всяком его предложении более или менее широкого характера, касающемся основных вопросов пролетарской диктатуры, сказывается та основная фальшь, что он вошел в партию с убеждением, что прав-то оказался он, что «целиком оправдалась его» а не ленинская оценка основных сил революции, что он должен ленинскую партию «подправить». (Л. Б. Каменев, «Партия и троцкизм», стр. 51—52.)

Еще более убийственна характеристика т. Г. Сокольникова. Тов. Сокольников правильно отмечал как-то, что поистине напрасно т. Троцкий поддается «неведомой силе», которая вновь и вновь влечет его к «грустным берегам» дискуссионных потоков. (Сборник «За ленинизм», Г. Сокольников, «Как подходить к истории Октября», стр. 167.)

«Из этих построений т. Троцкого вывод один,—тот, который он сделал перед Брестом,—вопрос о том, как нам погибнуть. Другого вывода нет. Мы, при следовании за т. Троцким осуждены или на гибель или на какие-нибудь отчаянные попытки для того, чтобы вырваться каким-нибудь сверхъестественным путем из того кольца, в котором оказываемся сжатыми. Но в том-то и дело, что все это кольцо ошибочно построено т. Троцким, рассуждающим не по-большевистски. В оценке международного положения т. Троцкий оказывается на одной скамье с социал-соглашателем Гильфердингом, так же как в оценке роли крестьянства нашей страны он оказывается солидарным с меньшевиками». (Сборник «За ленинизм», Г. Сокольников, «Теория т. Троцкого и практика нашей революции», стр. 283.)

И, наконец, не лишне будет привести характеристику одного из историков нашей партии, который писал:

> «Я считаю не только полезным, но и крайне необходимым, в интересах молодого поколения нашей партии, дать краткую историческую характеристику того хронического «уклона», который вот уже втечение нескольких лет, периодически повторяясь, **потрясает нашу партию, возглавляя все то, что есть в ней нездорового и неустойчивого.** Троцкистский «уклон», о котором здесь идет речь, собственно говоря, было бы не совсем правильным назвать «течением» в нашей партии, так как под «течением» мы всегда подразумеваем нечто более или менее устойчивое, систематическое, относительно принципиальное и т. д. Словом, в каждом политическом течении всегда бывает какая-либо определенная основная задача или идея, вокруг которой группируются единомышленники. В данном случае этого нет: группировка имеется, но у этой группировки нет целей и ясно формулированных задач. Налицо имеется только одна политическая фигура—личность т. Троцкого, которая от времени до времени (во времена партийных кризисов) совершенно неожиданно вступает в конфликт с основным руководящим ядром нашей партии, сплошь и рядом по самому неожиданному поводу или случайному вопросу, не имеющему существенного значения. Вокруг этой фигуры группируются такие же одиночки с подобного же рода настроениями, не чувствующие рабочих масс, на которые опирается наша партия в своей повседневной борьбе. К этой же группировке примыкают одиночки-учащиеся, выходцы из мелкобуржуазной среды, принося с собой самые разнообразные настроения недовольства, сплошь и рядом не могущие уложиться в идеологические рамки нашей партии. Поэтому было бы правильнее характеризовать это «течение», как политический импрессионизм, т. е. политику личного настроения, момента: эта характерная особенность свойственна мелкобуржуазной беспочвенной интеллигенции, не связанной с рабочими массами, не чувствующей жизни этой массы, не знающей, что ей «грядущий день готовит», и живущей моментами, настроениями, переходя от пессимизма к немотивированному оптимизму, от паники и упадка к фантастическому восторгу и самоуверенности и т. д.

Что эти характерные интеллигентские черты имеются в наличии у тт. троцкистов, в этом мог неоднократно убедиться всякий член партии, хотя бы сколько-нибудь знакомый с историей нашей внутрипартийной борьбы. Что политика по настроению не может быть политикой рабочего класса, это также для каждого очевидно. И лица, отражающие эту политику настроения,—как бы они ни были

талантливы и полезны в других областях,—не могут претендовать на то, чтобы вести за собой партию рабочего класса». (С. Канатчиков, «История одного уклона». Предисловие, стр. 3—4.)

Все эти люди, которые так шельмовали т. Троцкого, сегодня выступают вместе с ним, давая друг другу взаимную амнистию за свои прошлые ошибки, выступают вместе против ленинского Центрального комитета, против его большинства.

Есть ли у них хоть малейшее уважение к своему вчерашнему дню, когда они клялись, что это-то и есть 100 %-й ленинизм,—как они тогда писали?!

3. В чем сущность новой оппозиции?

Новая оппозиция сколачивает себе сторонников „непримиримой" борьбою против тов. Троцкого, троцкистов и „полутроцкистов".

Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, как возникла новая оппозиция. Разногласия между тт. Зиновьевым, Каменевым и их сторонниками, с одной стороны, и большинством Центрального комитета—с другой, были по разным поводам все время. Однако эти разногласия изживались внутри Центрального комитета. И Центральный комитет и Центральная контрольная комиссия принимали все меры к тому, чтобы изжить эти разногласия товарищеским обсуждением внутри Центрального комитета, потому что мы все знаем, как болезненно отражаются на партии всякая дискуссия, всякий раскол внутри руководящей группы коммунистической партии. Однако самые острые разногласия начались во время дискуссии с т. Троцким по вопросу о том, как должна партия ответить на выступления т. Троцкого. После «Уроков Октября», когда удары т. Троцкого были направлены главным образом против тт. Зиновьева и Каменева, эти товарищи потребовали, чтобы т. Троцкий был исключен из состава Политбюро; их сторонники доходили до того, что требовали, чтобы т. Троцкий был исключен из состава Центрального комитета, а некоторые даже выносили постановление о том, что т. Троцкий должен быть исключен из партии. Подавляющее большинство Центрального комитета не было согласно с этим. Тов. Зиновьев и другие ленинградские товарищи, чтобы оказать давление на Центральный комитет партии, мобилизовали Комсомол. Им удалось провести в Комсомоле резолюцию, требовавшую более решительных мер против т. Троцкого. Так же настроена была ленинградская организация Комсомола. Это повело и в дальнейшем к попытке противопоставить Комсомол партии. Так как эта попытка встретила со стороны Центрального комитета определенный отпор и ряд организационных мероприятий, которые сделали возможным руководство со стороны партии Комсомолом, то ленинградские товарищи пошли еще дальше в том направлении, чтобы попытаться ленинградскую организацию Комсомола противопоста-

вить Центральному комитету Комсомола. Комсомольцы при явном попустительстве ленинградского губкома сделали попытку созвать в Ленинграде представителей различных организаций под видом гостей на губернскую конференцию, минуя согласие на это Центрального комитета. Это встретило осуждение со стороны Центрального комитета. Из среды руководителей ленинградской организации стали тогда раздаваться голоса по адресу ЦК, что Центральный комитет ведет неправильную линию, что в большинстве Центрального комитета немало «полутроцкистов», и общественное мнение ленинградской организации стало подготовляться к тому, чтобы дать отпор именно этим «полутроцкистам». Вся предыдущая борьба против троцкизма, и со стороны Ленина и со стороны всей нашей партии, облегчала, конечно, эту задачу, тем более, что ни т. Зиновьев, ни т. Каменев, ни т. Залуцкий, ни т. Евдокимов, ни т. Сафаров, ни другие представители новой оппозиции никогда не стеснялись в самых резких нападках по адресу т. Троцкого. Большинство Центрального комитета никогда не писало и не говорило таких вещей по адресу т. Троцкого, как эти товарищи. И на декабрьской ленинградской конференции 1925 г. речь шла о том, что необходима борьба с троцкизмом и с «полутроцкистами». Мы имели на этой конференции соответствующие выступления.

Кроме того из ленинградской же организации сделана была уже в то время попытка составить целый список «у к л о н о в» большинства партии и большинства Центрального комитета. Ошибки отдельных товарищей, вроде Богушевского,—ошибки, которые встретили осуждение со стороны большинства партии, изображались в таком виде, как будто бы ошибочная линия этих товарищей является линией большинства Центрального комитета.

Оттуда же пошли и разговоры насчет п е р е р о ж д е н и я Центрального комитета, насчет возможности сползания партии с пролетарского пути. Во всяком случае ни малейших намеков, ни малейших разговоров не было на тему о том, будто бы возможно поддерживать линию троцкизма.

Новая оппозиция, атакуя троцкизм, переходит на позицию противника

Однако еще до XIV съезда ВКП(б) в статьях и речах представителей новой оппозиции Центральный комитет не мог не отметить тревожных признаков. С одной стороны, это были разговоры о все нарастающей кулацкой опасности, попытки под этим предлогом пересмотреть линию нашей партии по отношению к крестьянству; с другой стороны—критика наших государственных предприятий, как предприятий несоциалистических, споры о том, можем ли мы построить социализм в нашей стране при затяжке мировой революции; требование такого стремительного разбухания

нашей партии, которое сделало бы ее из партии, впитавшей авангард пролетариата, в партию, где авангард был бы растворен в массе, только недавно еще порвавшей с мелкобуржуазными настроениями. Вот почему еще до XIV съезда ряд губернских партийных конференций вынес резолюции, которые отмечали эти вредные уклоны и предостерегали партию против них.

О том, чтобы оппозиция выдвинула своим вождем т. Троцкого и своим идейным знаменем троцкизм,—об этом еще речи не было. На XIV съезде т. Троцкий молчал. Да и что ему было говорить, когда еще не высохли перья, которыми его будущие союзники писали:

> «Как политического вождя широких рабочих масс, вооруженного марксистской теорией, являющегося выразителем чаяний и требований рабочего класса, т. Троцкого прежде никто не принимал всерьез. Он был всегда в области политических вопросов дилетантом от революции. Нельзя его также принимать всерьез, и ныне, как политического руководителя и вождя нашей партии». (С. И. Канатчиков.)

Или:

> «Троцкий... в своей политической борьбе, не имея ясной политической линии, подменяет ее интригой, возводит в основной принцип своей политики выгодную для него сплетню, слух, интригу, мелкое дипломатничание и т. д. Политиканством и интригой подменяет принципиальное содержание классовой политики»... «Подобно социал-соглашательским кандидатам в парламент, не гнушающимся во время предвыборной кампании самих себя превозносить «семь верст до небес», он, как и они, не прочь выпятить себя на первое место, ошельмовать своих конкурентов, выдать себя за первого из первых «благодетелей» рабочих (и нерабочих), их избавителя»,

Так писал о т. Троцком т. Залуцкий почти накануне XIV съезда.

Что т. Троцкий является выразителем правого крыла нашей партии и что из среды троцкистов грозит опасность создания правого крыла в нашей партии, об этом неоднократно нас предупреждали представители новой оппозиции. После XIII съезда партии т. Евдокимов писал о т. Троцком:

> «Тов. Троцкий с боями пришел в ряды Коминтерна, к нашему глубокому сожалению, он эти бои продолжает в союзе с правым крылом Коминтерна, представители которого (правого крыла) не отрешились еще окончательно от той психологии, которая руководила т. Троцким в момент его борьбы против зачатков III Интернационала в лице циммервальдской левой»,

То обстоятельство, что т. Троцкий выступил с нападками на «правое» крыло, расценивалось т. Зиновьевым таким образом:

> «Подменить ленинизм троцкизмом—такова задача, которую поставил себе т. Троцкий. К этому он начал «подговариваться» уже в конце 1922 года в его предисловии к «1905 г.»... «Пока т. Ленин держал перо в руках, т. Троцкий не решался на прямое нападение. Теперь т. Троцкий, повидимому, решил, что настал момент. Раньше, чем нанести «решающий» удар по всем правилам стратегии, необходимо произвести артиллерийскую подготовку. Роль дымовой завесы должно сыграть нападение на так называемое «правое крыло» большевизма». (Г. Зиновьев, «Большевизм или троцкизм», стр. 3.)

Именно со стороны троцкизма видел т. Зиновьев опасность образования правого крыла. Тов. Зиновьев подчеркивал:

> «Правое» крыло большевизма—это просто бессмыслица. Это все равно, что сказать «деревянная сталь», «горячий снег» и т. п. Большевизм в самой своей основе тем и отличался от меньшевизма, что не мог допускать и не допускал организации партии, как блока всевозможных течений—правого, левого, центра и т. п.». (Г. Зиновьев, «Большевизм или троцкизм», стр. 25.)
>
> «Поэтому,—говорил т. Зиновьев,—не может быть и речи о том, чтобы наш штаб стал блоком фракций и течений. Объективные условия, в которых приходится действовать нашей партии сейчас, таковы, что опасность создания правого крыла (или течения или направления) в нашей партии налицо... При умелом и правильном применении принципов ленинизма в данной конкретной обстановке нам удастся не допустить до образования правого крыла в нашей партии. Те же, кто, как т. Троцкий, не только противоборствуют этой тенденции, а становятся ее выразителями, те, кто вступает на дорогу борьбы с ленинским Центральным комитетом, ясно видящим опасность и маневрирующим в сложной обстановке (как нас учил т. Ленин), те становятся врагами ленинизма.
>
> Хотят ли они этого, или нет—это все равно. Сознают ли они это ясно, или нет—это тоже все равно. Факты остаются фактами». (Г. Зиновьев, «Большевизм или троцкизм», стр. 32.)

Мы могли бы продолжить эти выписки. Все знают, что именно т. Зиновьев ставил вопрос о том, что в настоящих условиях борьбу с троцкизмом со стороны большевиков можно приравнять уже к борьбе за первый параграф устава, когда мы боролись с меньшевиками. Такие слова должны были бы обязывать,

если честно к ним относиться. Однако, что мы увидели и услышали на XIV съезде партии? Новая оппозиция в своем выступлении не нашла никакого другого оружия, кроме того, которое было использовано всеми оппозиционными группами, бывшими в ВКП(б) против подавляющего ее большинства. И т. Каменев и т. Зиновьев выступили на защиту тех организационных принципов построения нашей партии, которые они так справедливо осуждали до XIV съезда, как большевики. Они выступили на защиту тех организационных взглядов, которые они сами же признавали меньшевистскими, ликвидаторскими, аксельродовскими. Не товарищ ли Каменев говорил это до XIV съезда:

> «В организационной области для меня несомненно, что т. Троцкий... впал в бессознательный для себя, конечно, меньшевизм, в меньшевизм, конечно, не в качестве белогвардейщины... Есть одна область, где около 20 лет т. Троцкий стоял особняком, это организационная область. Организационно, начиная с 1903 г., той системы партии, которую строил Ленин, он органически не выносил, и 6 лет по этому вопросу не выступал у нас. Выходило так, что это уж—ваше дело, большевистское, тех, которые строили партию 25 лет. Это ваше дело, и я сюда не вмешиваюсь. Теперь он вмешался, и, когда мы получили эти статьи, мы сказали: это говорит старый, не переменивший взглядов т. Троцкий. Он представляет себе партию, как сумму групп, которые договариваются между собой. Центральный комитет не есть пароход, который идет вперед и ведет за собой партию и сам партийный аппарат, не есть ударный кулак, а лишь обслуживает самодеятельность партии. Так представляет себе организационную структуру партии т. Троцкий, так представлял ее всегда и Аксельрод и другие».

И если в 1926 году новая оппозиция так именно на деле стремится перестроить нашу партию, когда она стремится к тому, чтобы мы признали «законными оттенками» в нашей партии подобные взгляды—и троцкизм, и оссовщину, и медведевщину,—мы говорим: это несколько шагов назад от большевизма к меньшевистскому построению партии. И когда т. Крупская на XIV съезде партии нам доказывает, что большинство бывает разное, что вот, мол, было большинство меньшевистское на Стокгольмском съезде партии,—мы считаем, что это есть такой возврат назад к тому времени, когда мы были с меньшевиками в одной партии, что мы не можем терпеть таких сравнений. И когда т. Крупская пытается представить дело таким образом, что есть фракция большинства и фракция меньшинства,—тогда мы боремся со всей страстностью против такого изображения партии, в котором партия исчезает.

От организационных теорий троцкистов к раскольнической практике новой оппозиции.

Так обстоит дело в организационной области.

Как практически осуществляет новая оппозиция этот принцип в области строительства нашей партии?

Подавляющее большинство партии осудило оппозицию на XIV съезде. В Центральном комитете и в Центральной контрольной комиссии новая оппозиция составляет ничтожное меньшинство, так же как и во всей нашей партии. И вот начинается работа подпольная, раскольническая, работа по разложению нашей партии, по подрыву в ней большевистской железной партийной дисциплины; распространяется без ведома и согласия руководящих партийных органов вся секретная переписка между членами Центрального комитета, все секретные документы партии; распространяются иногда через беспартийных и даже хранятся у беспартийных на квартирах; распространяется односторонне подобранная, с искажениями, вплоть до того, что мысли Владимира Ильича извращаются и искажаются этими беспартийными переписчиками,—умышленно или неумышленно—это другое дело; устраиваются тайком от партии подпольные, лесные и другие собрания, на которых делаются доклады, враждебные Центральному комитету, враждебные большинству партии, организуются всякие подпольные активы, группы, кружки, распространяются клеветнические вымыслы по адресу всей партии.

Это есть линия на раскол, это есть линия на образование другой партии.

Как объясняют товарищи из новой оппозиции, идущие на подпольное собрание, в лес, скрывающие свою деятельность от центральных учреждений партии, от Центрального комитета, от Центральной контрольной комиссии, свое поведение? Они говорят: в партии создался такой режим, что мы не можем нигде высказаться, мы должны итти на подпольные собрания; дескать, вы сами,—вы, большинство,—заставили нас итти в лес. Эти речи мы слышали на всех съездах партии и при жизни Ленина. Прочитайте протоколы X и XI съездов и вы увидите то же самое, те же упреки оппозиции по адресу Ленина.

Но то было время, когда Лашевичи находили иной язык и давали отпор всем тем, кто упрекал нас в стеснении свободы членов партии.

На XII партийном съезде т. Зиновьев говорил по поводу разговоров о зажиме в нашей партии:

> «В нашей партии (спросите об этом любого члена Коминтерна),—в нашей партии достаточно свободы для обсуждения любого мнения. Только тот, кто хочет разложить партию, не получит свободы. А что-

бы у нас нельзя было сказать, что надо для того, чтобы исправить нашу партию—это клевета на партию».

Тов. Лашевич на XIII партийной конференции отвечал тем, кто упрекал нас в запугивании, в том, что мы довели членов партии до молчания:

«Вы говорите, что партия превращается в партию запуганных людей. Бросим на партийной конференции так говорить. Неужели вы думаете, что партию,—400 000 человек,—можно запугать и превратить в молчальников? Бросьте пустяками заниматься и не клевещите на партию».

Не занимается ли сейчас «такими пустяками», не клевещет ли на партию новая оппозиция, когда делает вид, будто бы миллион членов партии у нас запуган, а вот они,—этакие храбрые герои,—поднимают голос протеста?

На XIII съезде партии т. Зиновьев называл такие разговоры отравленным оружием против партии. Он говорил:

«Когда здесь говорится: «партия живет на два этажа: в верхнем—решают, в нижнем—только узнают о решениях», я спрашиваю: можно ли представить себе более отравленное оружие против партии, чем это? Какие более тяжкие обвинения против партии можно еще бросить?»

Это «отравленное оружие» против партии подняла новая оппозиция. Эти самые тяжкие обвинения, взятые из арсенала троцкистов, «Рабочей оппозиции», «Рабочей группы», «Рабочей правды» и других бывших в нашей партии анти-партийных группировок, бросает новая оппозиция против партии.

Сюда же относится заострение всяких трудностей нашего положения против партии. Трудности у нас есть и будут, но можно поразному подходить к этим трудностям. Можно помочь ЦК их изжить, а можно злорадно их подчеркивать, заостряя и обращая их против Центрального комитета. Можно сделать так, как это делала «Рабочая оппозиция», когда противопоставляла себя всей партии и говорила: «мы» и «они». Тов. Троцкий на XI съезде партии справедливо упрекал за это «Рабочую оппозицию»:

«Всякие заявления в таком роде,—так говорил т. Троцкий,—«мы» и «они»,—где заявляющие выступают перед лицом широких партийных и беспартийных рабочих масс, придают критике характер и тон такого свойства, что она неизбежно и немедленно становится материалом в руках наших прямых классовых врагов...

Поставить себя в положение «мы» и «они», с одной стороны—ЦК, а с другой стороны—вот такие факты по-

ставить,—это уже будет значить: бедственное положение страны эксплоатировать для знамени, которое может стать знаменем Кронштадта, только Кронштадта».

Такое поведение оппозиции ведет к раздвоению партии, ведет неизбежно к расколу.

11 декабря 1924 г., т. е. за год до своего поворота на XIV съезде партии, т. Зиновьев говорил:

> «Поэтому мы просим вас, московскую организацию, дать нам точный и ясный ответ. Если вы думаете, что наступило время, чтобы легализовать фракции и группировки, то скажите это прямо. Мы думаем, что это время не наступило и оно не наступит вообще в период диктатуры пролетариата. (Бурные аплодисменты.) Оно не может наступить потому, что и этот вопрос связан с вопросом о свободе печати, вообще о политических правах непролетарских слоев населения и т. д. Кто этого не понимает, тот ничего не понимает в общей обстановке. Это связано со всем нашим отношением и к крестьянству. Мы не можем допускать раздвоения партии, так как если мы допустим это раздвоение, то этим мы допускаем раздвоение государства. Малейшая неурядица в партии немедленно сказывается на всем государственном аппарате. Да разве сейчас все вы не видите того, что есть? У нас уже сейчас нет такого комиссариата, где бы по всем проволокам не жужжали, что в нашей партии происходит что-то необычайное, и как это кончится—это, дескать, неизвестно. Об этом говорят и спецы и другие группы работников. Раздвоение в партии неизбежно вызывает немедленное раздвоение всего государственного аппарата. Вот почему вопрос о группировках есть вопрос жизни и смерти для партии».

Все это очень хорошо, все это очень правильно. Все это было правильно не только в 1923—24—25 гг.,—как это было правильно и при Ленине. Все эти принципы большевистского построения партии, большевистской партийной дисциплины были выработаны, выстраданы нашей партией втечение десятилетий борьбы со всякого рода меньшевистскими течениями, в том числе и с троцкизмом. Вот почему понятна та страстность, с которой мы боремся и должны бороться против попытки, которая делается сейчас объединенной новой оппозицией: бешеные атаки на Центральный комитет партии, противопоставление себя всей партии по принципу «мы» и «они», использование экономических и политических трудностей для борьбы с большинством Центрального комитета и с большинством партии; устройство нелегальных, никакими партийными учреждениями не кон-

тролируемых собраний, докладов; построение внутри партии и рядом с партией фракционных группировок, которые являются зародышем другой партии; бесконтрольное распространение секретнейших, однобоко, тенденциозно подобранных документов с целью дискредитирования большинства Центрального комитета и всей партии в целом; насаждение меньшевистскими методами таких организационных принципов, которые сами сторонники новой оппозиции еще в 1920 г. признавали аксельродовскими, меньшевистскими. Против этого партия ведет и будет вести самую решительную борьбу.

Такая политика новой оппозиции дает уже определенные результаты. Вместо партийной дисциплины создается групповая, которая ставится оппозицией выше и над партийной дисциплиной. Участник лесного собрания отказывается давать сведения центральным органам, Центральному комитету, Центральной контрольной комиссии под предлогом, что он не может выдать своих единомышленников. Это уже такой откол от партии, такое противопоставление себя и своей группы единомышленников партии, что перед партией неизбежно ставится вопрос: может ли она терпеть в своей среде товарищей, которые так дискредитируют партию, сеют недоверие к ней, заменяют партийную дисциплину фракционной дисциплиной, дисциплиной кружка, группы, под тем предлогом, будто бы и большинство—тоже фракция?

Отсюда—нападки оппозиции на Центральную контрольную комиссию и на местные контрольные комиссии, которые борются и должны бороться и будут бороться с такого рода антипартийным отношением, с такого рода нарушением партийной дисциплины. Отсюда—требование оппозицией дискуссий. И так как оппозиция выступает с повторными атаками теперь не только на каждом съезде партии, но на каждом пленуме ЦК, а сплошь и рядом чуть ли не на каждом заседании Политбюро ЦК, то партия должна превратиться в дискуссионный клуб, непрерывно дискутировать, спорить, вместо того, чтобы действовать. А мы—партия действия прежде всего. Мы—партия, отвечающая за строительство социализма в огромной стране. Мы—партия, отвечающая за весь государственный порядок перед сотнями миллионов населения. И неужели, по требованию любой группки товарищей, отходящих от ленинизма, ревизующих, пересматривающих ленинизм, мы обязаны каждый месяц, каждую неделю вновь подвергать всю партию и всю страну, весь рабочий класс, все трудящиеся массы лихорадке дискуссий? Нет и нет!

В 1924 г. т. Зиновьев писал:

> «Отстаивать перед большевистской партией в период 1921—24 гг.: 1) огосударствление профессиональных союзов, 2) большую «свободу» государственного аппарата от контроля партии, 3) большее влияние спецов, 4) ориентацию политики партии на вузовский барометр, 5) советовать откладывать денежную реформу и кричать о гибели страны, 6) поднимать полуменьшевистскую кампанию против партаппаратчиков и за «демократию» в том истолковании, какое давал ей т. Троцкий в прошлом году, это значит, самому того не желая, объективно помогать новой буржуазии.
>
> Тов. Троцкий хочет попасть в одну дверь, а попадает в другую. Он хочет бороться против чрезмерного «сектантства старых большевиков, против того, что кажется ему «кружковой узостью», а на деле он борется против основ большевизма. На деле он сам, того, разумеется, не желая, оказывает незаменимую услугу классовому врагу». (Г. Зиновьев, «Большевизм или троцкизм», стр. 38.)

Не такая ли «полуменьшевистская кампания» против «партаппаратчиков и за «демократию» поднимается вновь в 1926 г. новой оппозицией вкупе и влюбе с т. Троцким и с бывшей «Рабочей оппозицией»? Не помогает ли объективно новой буржуазии эта кампания? Не попадает ли «в другую дверь» новая оппозиция, желая попасть в одну? Не борется ли она против основ большевизма? Не оказывает ли она «незаменимую услугу классовому врагу»?

Если в 1924 г. т. Зиновьев мог, «положа руку на сердце», спрашивать «бывших и настоящих сторонников т. Троцкого: разве они не знают, что каждое выступление т. Троцкого против большевистского ЦК, начиная с 1921 г., является все большей и большей радостью для всего небольшевистского лагеря и, чем дальше, тем больше?» (Г. Зиновьев, «Большевизм или троцкизм», стр. 38)—то не вправе ли мы теперь спросить настоящих сторонников т. Троцкого, тт. Зиновьева, Каменева, Сокольникова, Сафарова и иже с ними: разве они не знают, что каждое выступление их против большевистского ЦК является все большей и большей радостью для всего небольшевистского лагеря и чем дальше, тем больше? Да, «нужно перестать устраивать очередные «кризисы» партии по «календарной программе» через каждый год, а в последнее время через каждые полгода». К сожалению, партия становится свидетельницей того, что «календарная программа» «очередных кризисов» новой оппозицией очень значительно расширена, и что новая оппозиция, не в пример прежней, устраивает эти очередные «кризисы» уже не через каждый год, а на каждом пленуме ЦК, стараясь еще более участить эти атаки, изыскивая для этих атак все новые и новые поводы.

О строительстве социализма в одной стране.

Мы, большевики, знаем, что организационные основы в нашей партии неразрывно связаны со всей нашей большевистской практикой. Мы спорили с меньшевиками о том, как должна быть построена организация, и этого не понимал никогда т. Троцкий, потому что в большевистском устройстве организации мы видим залог успеха всей нашей борьбы. И нападение, в первую очередь, на эти большевистские основы построения нашей партии мы наблюдаем на XIV съезде и после XIV съезда именно потому, что здесь, в области организации,—наша главная большевистская крепость.

Другое нападение было сделано на ленинские взгляды нашей партии по вопросу о возможности построения социализма в одной стране. Речь в данном случае идет о нашей стране, о СССР, где с октября 1917 года существует диктатура пролетариата. В чем здесь дело? То, что троцкисты стояли и стоят на такой точке зрения, что без прямой государственной поддержки победившего в передовых странах Европы пролетариата мы осуждены на гибель, это вытекает из теории т. Троцкого о перманентной революции, которую он еще в 1922 году признавал вполне правильной, заявляя, что она целиком оправдалась. Мы помним, как и на чем строилась эта теория. По мнению т. Троцкого, для пролетариата неизбежны «враждебные столкновения»... «с широкими массами крестьянства». Между тем вся наша большевистская политика направлена на то, чтобы установить союз с широкими массами крестьянства, чтобы пролетариат мог руководить бедняцкими и середняцкими массами крестьянства. Большевики доказали не в теории, а на практике, что они строят и все более и более успешно строят социализм. Ленин в 1922 г. на конгрессе Коминтерна говорил о первых 20 миллионах социалистического накопления,—мы имеем в 1926 г. около миллиарда. Но трудности дальнейшего развертывания социалистической промышленности огромны. Целый ряд вопросов встает перед социалистическим пролетариатом, перед советским государством в связи с теми потребностями, какие предъявляет рост социалистического хозяйства. Новая оппозиция испугалась этих трудностей, она впала в панику. Та тревога, которую она забила еще в 1925 г., именно является панической тревогой. Мы не построим социализма в одной стране, не можем построить,—вот что сказала новая оппозиция.

Но если у троцкистов их неверие в социалистическое строительство нашей отсталой страны связано в значительной степени с теорией т. Троцкого о перманентной революции, если его отношение к крестьянству, как к «контрреволюционному союзнику пролетариата» [1], то откуда оно у новой оппозиции, у тт. Ка-

[1] Эту теорию сейчас „научно обосновывает“ т. Е. Преображенский.

менева и Зиновьева? Очевидно, оно связано у них с тем отношением к социалистическому перевороту в нашей стране, которое поставило их во враждебное отношение к курсу на восстание перед октябрьскими днями 1917 г.

Прочтите «Письмо к товарищам», написанное В. И. Лениным (Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 272), где он говорит об этих двух товарищах, которые на заседании 15 октября выступали против ленинских планов на восстание:

> «Доводы, с которыми выступали эти товарищи, до того слабы, эти доводы **являются таким поразительным проявлением растерянности, запуганности и краха всех основных идей большевизма и революционно-пролетарского интернационализма, что нелегко подыскать объяснение столь позорным колебаниям.** Но факт налицо, и так как революционная партия терпеть колебаний по столь серьезному вопросу не вправе, так как известную смуту эта парочка товарищей, растерявших свои принципы, внести может, то необходимо разобрать их доводы, вскрыть их колебания, показать, насколько они позорны». (Разрядка наша. *Е. Я.*)

Правда, В. И. Ленин позже (см. «Детская болезнь левизны в коммунизме») указывал на то, что эти товарищи впоследствии исправили свою ошибку и что без надобности, конечно, не следует напоминать об этом. Мы «без надобности» и не стали бы вспоминать и не вспоминали бы об этом. Но подавляющее большинство партии вынуждено признать в настоящее время, что колебания, проявленные этими товарищами—особенно начиная с конца 1925 года, невольно возвращают мысль к тем колебаниям, какие эти товарищи проявили осенью 1917 года. Все доводы, которые они приводили тогда и которые так страстно опрокидывает своей беспощадной критикой Ленин, невольно напоминают разговоры 1926 г. о невозможности социализма в одной стране и в значительной степени **объясняют** линию новой оппозиции в вопросе о социалистическом строительстве.

Тогда, в 1917 г., эти люди не верили в возможность успешной социалистической революции, в возможность удержания большевиками власти в нашей стране; теперь, в 1926 г., они не верят в возможность построить социализм в такой отсталой стране, как СССР.

Между тем, мы имеем совершенно непререкаемое указание Владимира Ильича на возможность такого построения социализма, на возможность полной победы нашей государственной промышленности над частной, на возможность построения на социалистических началах нашего земледельческого хозяйства, на возможность поголовного вовлечения крестьянства в кооперативное строительство. **У нас есть все условия для построения**

социализма. Первое условие политическое—диктатура пролетариата; второе—национализация земли и переход всех средств и орудий производства в руки пролетариата; вся крупная промышленность, транспорт, банки—в руках государства. И, наконец, кооперация, охватывающая с каждым годом все большие и большие массы, все новые области хозяйства, новые функции строительства социализма. Вопрос «кто—кого», поставленный перед нами,—частный ли капитал, развивающийся при нэпе, победит в нашей стране, или победят социалистические элементы,—этот вопрос решается цифрами, а не голыми рассуждениями. А цифры, которые мы имеем в настоящее время, говорят о победе социалистических элементов в нашем хозяйстве.

Прежде всего мы имеем огромнейший рост промышленности по сравнению с сельским хозяйством. Если взять за исходную точку 1922/23 г., то валовая продукция сельского хозяйства с 7,8 миллиардов довоенных рублей возросла до 10,3 миллиардов довоенных рублей в 1925/26 г., т. е. валовая продукция обнаружила за этот промежуток времени рост на 32%.

А что мы имеем в промышленности, т. е. в основной базе пролетариата? В 1922/23 г.—1 949 000 000 дов. рублей, а в 1925/26 г. 5 215 000 000 дов. рублей. Другими словами, за то же самое время как валовая продукция сельского хозяйства выросла на 32%, валовая продукция нашей промышленности выросла на 274%. («Плановое хозяйство», № 3 за 1926 г., Бюллетень «Динамика народного хозяйства СССР».)

В промышленности, которая производит средства производства, 98% приходится на долю государственной и кооперативной и только 2%—частной. В производстве предметов потребления около 93% приходится на долю государственной и кооперативной и только около 7%—частной. Доля государственной и кооперативной торговли увеличилась за последние три года с 59% до 76%, а доля частной торговли упала—с 41% до 24%. Таковы контрольные цифры Госплана.

О чем говорят все эти цифры? Прежде всего, эти цифры разрешают вопрос о том, что такое нэп. Мы спорили и спорим с новой оппозицией по этому вопросу, потому что и в этом вопросе новая оппозиция пересматривает взгляд Ленина. Нэп был на первых порах отступлением, как Ленин говорил: «мы отступаем для того, чтобы получить возможность наступать с бо́льшими силами». Уже во время Генуэзской конференции Ленин говорил, что отступление кончилось. И только слепой может сомневаться в том, что это отступление кончилось давно и что социализм ведет наступление по всей линии. Элементы социалистического хозяйства (государственной промышленности и кооперации), как мы видели из только что приведенных цифр, растут не только

в абсолютных цифрах, но и относительно. Роль частного капитала становится относительно все незначительнее. Мы подводим серьезную техническую основу под новое социалистическое хозяйство. Мы построили и строим крупные электрические станции, строим новые гигантские заводы. Это строительство связано, хотя и с медленным, но неуклонным ростом материального благосостояния рабочих масс.

А между тем, новая оппозиция отстаивала на XIV съезде ту мысль, что нэп есть отступление.

Мы спорили с новой оппозицией и будем спорить по вопросу о характере нашей государственной промышленности. Мы знаем все ее недостатки, но мы отстаиваем ленинскую мысль, что предприятия государственной промышленности являются предприятиями последовательно-социалистического типа.

О природе советского государства.

Все эти вопросы неразрывно связаны с тем, что из себя представляет наше государство. Ленин утверждал, что мы имеем рабочее государство, что в этом рабочем государстве, правда, есть кое-какие бюрократические извращения. Новая оппозиция делает попытку оспорить это утверждение Ленина и, как мы увидим в дальнейшем, кое-кто из новой оппозиции договаривается до того, что не только в нашем государстве, но и в нашей партии проводится непролетарская политика. И здесь, в этом основном вопросе ленинизма, в вопросе об отношении к советскому государству, в вопросе о том, что такое советское государство, новая оппозиция отрицает, пересматривает взгляды Ленина. Против этого мы не можем не вести самой решительной борьбы.

Борьба против ленинизма в области отношений пролетариата к основной массе крестьянства.

Новая оппозиция нападает на большинство партии, на большинство Центрального комитета за то, что будто бы мы ведем неправильную политику по отношению к крестьянству. В чем состоит основа правильной политики советского государства? В том, чтобы сохранить союз пролетариата с основной массой крестьянства, беднотой и середняками. Именно к этому направлены все мероприятия нашей партии и советского правительства. Оппозиция упрекает большинство партии в кулацком уклоне,—будто бы большинство партии дает возможность кулаку овладевать влиянием в советах, проводить свое влияние на государственные дела. Та политика, которую предлагает новая оппозиция, ведет к расколу между рабочим классом и крестьянством, к уничтожению этого необходимого союза. к новой гражданской войне. Конечно, в этом вопросе новая оппо-

зиция переходит на сторону троцкизма, который,—как это утверждали и т. Ленин, и т. Крупская, и до 1926 г. утверждали тт. Каменев, Зиновьев, Сафаров, Залуцкий, Евдокимов, Сокольников, Лашевич и все другие представители новой оппозиции,—недооценивал крестьянство, не понимал нашей политики по отношению к крестьянству. Сам т. Троцкий в 1922 г. считал, что история оправдала его постановку вопроса о движущих силах русской революции, о взаимоотношении классов; а мы знаем, что он понимал дело так, что у нас неизбежны враждебные столкновения пролетарского авангарда с широкими массами крестьянства.

Но так как в новой оппозиции есть товарищи, которые не вполне отрешились от ленинского большевистского понимания вопроса о крестьянстве, то у новой оппозиции и получается беспринципное смешение самых разнообразных и самых противоречивых предложений. Еще недавно провозглашался лозунг «лицом к деревне». Представители новой оппозиции тогда требовали таких уступок крестьянской буржуазии, на которые не пошла партия. Здесь тоже были налицо элементы паники, растерянности перед ростом кулацкой активности. Во всяком случае партия правильно взяла курс на оживление советов, приняла ряд экономических мер (закон об аренде, разрешение наемного труда в сельском хозяйстве и т. п.), которые были направлены к тому, чтобы развить производительные силы в деревне и которые были в интересах основной массы, крестьянства. Что при нэпе неизбежен, в особенности в деревне, некоторый рост деревенской кулацкой буржуазии,—это мы предвидели с самого начала, когда вводили нэп. Советское государство может поставить пределы росту этого кулацкого слоя и ставит такие пределы всей системой своей хозяйственной политики, всей совокупностью мер хозяйственного и политического порядка.

Новая оппозиция очень часто забывает в своих рассуждениях о середняке, о кооперации, и это вовсе не случайно. Из этой противоречивости позиции троцкистов и всей новой оппозиции в вопросе о крестьянстве получается не политика по крестьянскому вопросу, а сплошное дерганье, сплошная истерика, как выражается Демьян Бедный: «караул, кулаки, или у страха глаза велики...». Сегодня «лицом к деревне», а завтра крики о том, что «нижние этажи советского аппарата затопляются крестьянством». Верно говорил на одном докладе т. Бухарин: что же нам—привозить специально пролетариев в деревню для того, чтобы посадить их в советы, если их в этой деревне нет? Как будто у нас низовые советские органы могут быть заполнены не крестьянством. Отсюда и требования, с одной стороны, обложить покрепче налогами зажиточное крестьянство, причем середняк в этом вопросе объединяется с кулаком. Такая политика толкает середняка в объятия кулацкие, т. е. разрушает нашу ленинскую поли-

тику по отношению к основной массе крестьянства. Отсюда и такие предложения, как у т. Преображенского,—взять лишних 200-300 миллионов еще у крестьян. Видите ли, у них крысы едят хлеб, и поэтому этот хлеб можно взять, хотя и будут немножко обижаться. Хлеб этот, дескать, пойдет на индустриализацию и крестьяне в конце концов поймут, что это к лучшему. Из этой пестроты и противоречивости новой оппозиции исходили и такие предложения, как, например, отобрать у бедноты фонд помощи бедноте, а, с другой стороны, такие предложения, как сделать выгодным для кулака вхождение в кредитную кооперацию, в сельскохозяйственную кооперацию, чтобы он перестал быть ростовщиком-мироедом. Однако в основном новая оппозиция сбивается на линию троцкизма в крестьянском вопросе, линию, которую Владимир Ильич и вся наша партия считали и считают неправильной.

Отзовизм в области международной политики.

Новая оппозиция нападает и на международную политику Центрального комитета. За последнее время эти нападки стали особенно сильны, в связи с отношением ВЦСПС, с отношением ЦК нашей партии и всей партии к Англо-русскому комитету. Англо-русский комитет был создан главным образом для установления единого фронта между рабочим классом Великобритании и рабочим классом СССР для того, чтобы через этот Англо-русский комитет добиваться установления единого фронта рабочих масс, объединенных в профсоюзы во всех странах.

Достигнута ли эта цель? Само собой разумеется, что между рабочим классом нашей страны и рабочим классом Великобритании не было еще никогда таких прочных связей, какие установились после создания Англо-русского комитета, особенно во время стачки горняков. Но так как представители британских профсоюзов в Англо-русском комитете держали себя во время забастовки предательски, изменнически, то это дало повод новой оппозиции требовать выхода представителей ВЦСПС из Англо-русского комитета. Новая оппозиция доказывает, что нельзя сидеть в Англо-русском комитете с предателями и изменниками рабочего класса. В этом вопросе новая оппозиция идет навстречу нашим классовым врагам. Классовые наши враги, вся английская буржуазия, английское буржуазное правительство и сами изменнические вожди английских профсоюзов, были бы рады, если бы мы вышли из Англо-русского комитета и разрушили бы его. Они бы тогда сказали: вот видите, русские против объединения с английским рабочим классом. Надо считаться с тем, какое отношение имеется в английских профсоюзах даже к таким изменническим вождям, как Макдональд, Томас, Пью, Гендерсон и другие. Вот недавно был конгресс английских тред-юнионов в Борнемуте, и он большинством голосов одобрил поведение предательских вождей. Значит, здесь

нужна упорная, неустанная, рассчитанная на более продолжительное время, работа; и нельзя разрушать такие объединения, которые связывают нас с массами английских рабочих, объединенных в профсоюзы.

То, что предлагает новая оппозиция, мы уже знали и раньше; такие требования выдвигали крайне-левые или ультра-левые в германской компартии и в других партиях, требования, чтобы коммунисты не участвовали в соглашательских профсоюзах. Мы в своей партии имели также после поражения первой революции людей, которые говорили, что мы должны отозвать депутатов из черносотенной думы и других легальных организаций. Мы осудили эти взгляды, взгляды «отзовистов», как вредные для революционного пролетариата, и мы осуждаем эти взгляды теперь, как вредные для пролетарской революции, для установления единого фронта.

Блок, союз крайних „левых" и крайних правых за границей и в ВКП (б).

Следует притом сказать, что линия новой оппозиции встретила поддержку как в крайне-левых или в ультра-левых оппозиционных группах за границей, так и в крайне-правых. Так, известный германский социал-демократ Пауль Леви, о котором вы можете прочитать подробно в работе т. Ленина «Детская болезнь левизны», теперь заявляет:

> «Мы были того мнения, что особые интересы рабочих,— в конечном счете, интересы социализма,—находятся в противоречии с существованием крестьянской собственности, что тождественность интересов рабочих и крестьян является лишь видимостью и что дальнейшее развитие русской революции обострит и сделает более явственным это противоречие. Идею общности интересов мы считаем видоизмененной идеей коалиции. Если вообще марксизм имеет хоть тень обоснованности, если история развивается диалектически, то это противоречие должно было разбить коалиционную идею так же, как она уже разбита в Германии. Большевики же думали, будто это противоречие можно заставить исчезнуть путем железной партийной дисциплины, принятых и утвержденных тезисов, дискуссий с последующими резолюциями о единстве,—одним словом, так, как это производится и в других местах...
>
> ...Для нас же, рассматривающих события в СССР со стороны, из Западной Европы, ясно: наши взгляды совпадают со взглядами оппозиции. Возможно, что лишь под давлением, возможно, что исходя из совершенно иных мотивов, но, так или иначе, часть старой большевистской гвардии и русские рабочие все-таки, очевидно, находят путь из путаницы коалиционной политики обратно к основным положениям марксизма. Возможно, что все они согрешили с нэпом, мировой суд не будет доискиваться причин; факт на-

лицо, что в **России снова начинается самостоятельное антикапиталистическое движение под знаком классовой борьбы**». («Лейпцигер Фольксцейтунг» от 30/VII—26 г.)

Орган германской социал-демократии «Форвертс» («Вперед»), который обычно ведет бешеную кампанию против СССР и против ВКП (б), также сочувственно отзывается о новой оппозиции:

«Ныне все явственнее обнаруживается тот факт, что от русской революции выиграл главным образом русский крестьянин, который, хотя и оставляет еще коммунистическую партию у власти, но, по мере роста своей экономической силы толкает советскую власть на путь явно частнокапиталистической крестьянской политики, в политическом отношении резко враждебной рабочему классу». («Форвертс», № 1728.)

„Завещание" В. И. Ленина.

Наконец, следует еще остановиться на вопросе о так называемом «завещании» Ленина. Новая оппозиция распространяет книгу некоего Макса Истмена «После смерти Ленина». Что это за книга, об этом вы можете прочесть в № 16 «Большевика» за 1925 г. в статьях т. Троцкого и т. Крупской. Тов. Троцкий пишет:

«...на гнилом фундаменте Истмен пытается возвести свое здание. Он использует отдельные моменты внутрипартийной дискуссии, чтобы с вопиющим нарушением смысла фактов и всех пропорций очернить нашу партию и подорвать к ней доверие... Ни один честный рабочий не поверит картине, даваемой Истменом. Каковы намерения Истмена, все равно. Книжка его может сослужить службу только злейшим врагам коммунизма и революции, являясь, таким образом, по объективному своему смыслу, контрреволюционным оружием».

Эти слова были написаны т. Троцким 1 июля 1925 г. До чего же надо дойти сейчас, чтобы использовать это «контрреволюционное оружие», которое «может сослужить службу только злейшим врагам коммунизма и революции»,—чтобы использовать Макса Истмена против большинства нашей партии! Как же можно распространять произведение, которому, по словам т. Троцкого, ни один честный рабочий не поверит!

В том же самом номере «Большевика» напечатана статья т. Н. Крупской в газете «Sunday Worker» («Воскресник рабочих»). Т. Крупская пишет в этой статье

«Враги РКП (б) стараются использовать «завещание» в целях дискредитирования теперешних руководителей партии,

в целях дискредитирования самой партии. Усердно хлопочет об этом и М. Истмен, который **прямо клевещет на ЦК, крича, будто «завещание» было скрыто, старается разжечь нездоровое любопытство, извращая истинный смысл письма».**

Значит, кто же пытается использовать вопрос о скрытии «завещания» Ленина? **Враги** ВКП (б). Для чего используют враги ВКП (б) эти слухи о завещании? «В целях дискредитирования теперешних руководителей партии, в целях дискредитирования самой партии».

Как же смеют сейчас представители новой оппозиции подхватывать эту клевету на ЦК? Как смеют они брать оружие классовых врагов наших и направлять его против нашей партии?

Как, на самом деле, было с «завещанием», об этом рассказывают и т. Троцкий и т. Крупская, и они не имеют никакого права отказываться сейчас, летом 1926 г., от того, что написали летом 1925 г. А летом 1925 г. они писали:

Тов. Троцкий:

> «В нескольких местах книжки Истмен говорит о том, что ЦК «скрыл» от партии ряд исключительно важных документов, написанных Лениным в последний период его жизни (дело касается писем по национальному вопросу, так называемого «завещания» и проч.); это нельзя назвать иначе, как клеветой на ЦК нашей партии. Из слов Истмена можно сделать тот вывод, будто Владимир Ильич предназначал эти письма, имевшие характер внутриорганизационных советов, для печати. На самом деле это совершенно неверно. Владимир Ильич со времени своей болезни не раз обращался к руководящим учреждениям партии и ее съезду с предложениями, письмами и проч. Все эти письма и предложения, само собою разумеется, всегда доставлялись по назначению, доводились до сведения делегатов XII и XIII съездов партии и всегда, разумеется, оказывали надлежащее влияние на решения партии, и если не все эти письма напечатаны, то потому, что они не предназначались их автором для печати. Никакого «завещания» Владимир Ильич не оставлял, и самый характер его отношения к партии, как и характер самой партии, исключали возможность такого «завещания». Под видом «завещания» в эмигрантской и иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается обычно (в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка. XIII съезд партии внимательнейшим образом отнесся и к этому письму, как ко всем другим, и сделал из него выводы применительно к условиям и обстоятельствам момента. Всякие разговоры о сокрытом или нарушенном «завещании» пред-

ставляют собой злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича и интересов созданной им партии».

Тов. Крупская писала:

«Кстати, М. Истмен рассказывает об этих письмах (называя их «завещанием») всякие небылицы. М. Истмен совершенно не понимает духа нашей партии. Для М. Истмена партийный съезд—съезд партийных бюрократов. Для нас, большевиков, съезд—высшая партийная инстанция, перед которой каждый член партии должен высказываться с полной откровенностью, невзирая ни на какие лица. Так смотрел на партсъезды Ленин. Решениям партсъездов он придавал совершенно исключительное значение, особенно волновался перед ними, особенно тщательно готовился к ним. Его речи на съездах всегда отличались особенной содержательностью, обдуманностью. Свои письма о внутрипартийных отношениях («завещание») он писал тоже для партийного съезда. Знал, что партия поймет мотивы, которые продиктовали это письмо. Такое письмо могло быть обращено лишь к тем, относительно которых не было сомнения, что для них интересы дела выше всего. Письмо содержало, между прочим, характеристики нескольких наиболее ответственных партийных товарищей. Никакого недоверия к этим товарищам, с которыми В. И. связывали долгие годы совместной работы, в письмах нет. Напротив, в письмах есть немало лестного по их адресу. Об этом Истмен забывает сказать. Письма имели целью помочь остающимся товарищам направить работу по правильному руслу; поэтому наряду с достоинствами, отмечались и те недостатки этих товарищей, в том числе и Троцкого, которые необходимо учесть, чтобы наилучшим образом организовать работу партийного руководящего коллектива. Все члены съезда ознакомились, как того хотел В. И., с письмами. Их неправильно называть «завещанием», так как завещание Ленина в подлинном смысле этого слова неизмеримо шире—оно заключается в последних статьях В. И. и касается основных вопросов партийной и советской работы. Это статьи—«О кооперации», «О Рабкрине», «Страничка из дневника» (о просвещении, о нашей революции). В связи с ранее сказанным по этому поводу, они освещают на долгое время путь, по которому надо итти. Все они опубликованы. Но М. Истмен не поинтересовался ими». («Большевик», № 16, 1925 г., стр. 72—73.)

Что же это такое? Год тому назад т. Троцкий писал, что «нельзя назвать иначе, как клеветой на ЦК нашей партии» разговоры о том, «что ЦК «скрыл» от партии ряд исключительно важных документов, написанных Лениным в последний период его

жизни». Тов. Троцкий писал, что «всякие разговоры о скрытом или нарушенном «завещании» представляют собой злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича и интересов созданной им партии». Тов. Крупская называет небылицами рассказы Истмена о «завещании». А в 1926 г. новая оппозиция позорнейшим образом присоединяется к такому клеветнику на нашу партию, как Истмен, и повторяет его клевету на ЦК нашей партии. Достаточно только указать на этот факт, чтобы всякому честному рабочему стало ясно, к каким нечестным приемам сейчас прибегает новая оппозиция в борьбе с Центральным комитетом большевистско-ленинской партии, в борьбе с подавляющим большинством партии.

Итоги.

Подведем некоторые итоги сущности новой оппозиции.

Новая оппозиция встала на путь троцкизма в вопросе о строительстве партии. А этот путь она сама до последнего времени называла меньшевистским, аксельродовским путем. Сегодня она становится на этот путь меньшевистского, аксельродовского понимания нашей партии.

Новая оппозиция становится на путь троцкизма в вопросе о крестьянстве. До последнего времени она утверждала, что т. Троцкий не понимает большевистской политики в вопросе о крестьянстве, что он ей чужд; сегодня она становится на путь, который всегда осуждала наша партия.

Новая оппозиция в вопросе о строительстве социализма в одной стране становится на путь троцкизма. У новой оппозиции и у троцкистов и, как мы дальше увидим, у шляпниковцев,—различные исходные точки, но приходят они к одному—к неверию в то, что мы можем построить социализм в одной нашей стране.

Новая оппозиция становится на путь троцкизма в вопросе о международной политике.

Новая оппозиция использует все решительно меры к тому, чтобы подорвать доверие к Центральному комитету нашей партии, к большинству партии. Она действует так, «как будто бы она имела уже в запасе другую партию». Ее линия есть линия раскола, линия создания наряду с ВКП (б) (и внутри ее пока) другой партии. Вся сумма предложений, сделанных начиная с XIV съезда новой оппозицией, есть не что иное, как программа новой партии.

Рабочий класс нашей страны знает, какие из этого вытекают опасности для диктатуры пролетариата. Рабочий класс нашей страны знает, что линия на раскол нашей партии таит в себе зародыши новой гражданской войны. Рабочий класс нашей страны, весь проникнутый стремлением к строительству социализма, не позво-

лит колебать единство рядов нашей партии, никому не позволит расколоть созданную под руководством В. И. Ленина, выстраданную рабочим классом нашей страны ВКП (б).

4. Медведевщина, шляпниковщина и оппозиционный блок

Что такое „рабочая“ оппозиция“

Товарищи Медведев и Шляпников являются неизменными вождями «Рабочей оппозиции», возникшей в нашей партии в 1919/20 г.

Что такое «Рабочая оппозиция»? Если поверить самим представителям этой «Рабочей оппозиции», то, по выражению т. А. Коллонтай, «Рабочая оппозиция»—это «классово спаянная, классово сознательная и классово выдержанная часть нашего промышленного пролетариата»... «Рабочая оппозиция—это передовая часть пролетариата, не порвавшая живой связи с организованными в союзы рабочими массами и не расплывшаяся по советским учреждениям»... (А. Коллонтай, «Рабочая оппозиция». 1920 г.»)

Этакая претензия на то, чтобы группа товарищей,—и н о г д а с м е н ь ш е в и с т с к и м п р о ш л ы м, и н о г д а в ы х о д ц е в и з б у р ж у а з н о й с р е д ы,—выдавала себя за «классово спаянную, классово-сознательную и классово-выдержанную часть нашего промышленного пролетариата»,—конечно, прежде всего, просто-напросто смешна. И эту претензию высмеивал жестче всех Ленин на X и XI съездах, когда указывал на то, что т. Шляпников всегда кичится своим пролетарским происхождением. Конечно, и в рабочей оппозиции были в 1920 и 1921 гг. рабочие, которые поддались революционным фразам Шляпниковых и Медведевых и которые с испытанного ленинского пути были сбиты на путь мелкобуржуазный, на путь анархо-синдикализма.

Перед X съездом в 1920 г. недовольство крестьянских масс стало передаваться той части рабочих, которая была связана с деревней. Крестьянские восстания, во главе которых стояли кулаки, недовольные разверсткой и другими тяготами военного коммунизма, стали оказывать влияние и на менее сознательную часть рабочего класса. Именно в этой части рабочего класса зародились те самые мысли, выразителями которых стали тт. Шляпников, Медведев и другие, ибо в то время значительная часть рабочих, действительных пролетариев, разошлась с заводов по деревням, а на заводах иногда оставались люди, ничего общего не имевшие с действительным пролетариатом. Р а б о ч а я о п п о з и ц и я н а с а м о м д е л е в ы р а ж а л а в з г л я д ы н е п е р е д о в о й ч а с т и р а б о ч и х, н е к о м м у н и с т и ч е с к и м ы с л я щ и х р а б о ч и х, н е к л а с с о в о в ы д е р ж а н н ы х р а б о ч и х, а н а о б о р о т, н а и б о л е е д е к л а с с и р о в а н н о й, р а з м а г н и ч е н н о й, р а з в и н ч е н н о й, р а з л о ж е н н о й ч а с т и р а б о ч е г о к л а с с а. Мелкобуржуазная крестьянская и мещанская стихия, недовольная военным коммунизмом в 1920 г., давила на ра-

бочий класс, оказывала на него свое мелкобуржуазное влияние. Это настроение было использовано и белогвардейцами. В результате мы имели забастовки на заводах, даже в Ленинграде и Москве, и восстание в Кронштадте. И если приглядеться к тем лозунгам, к тем требованиям, которые были выставлены в прокламациях левых эсеров и других руководителей забастовок и кронштадтского мятежа, то можно найти там немало таких требований, которые целиком совпадают с настроениями тогдашней «Рабочей оппозиции».

Конечно, не все было неправильно в требованиях «Рабочей оппозиции». Кое-что было вполне правильно, как, напр., указание на то, что к партии коммунистов примазались люди совершенно негодные и что надо партию очистить от этих негодных элементов. Правильны были указания на бюрократизм, который разъедает нашу государственную машину, как ржавчина. Но это сознавала не только одна «Рабочая оппозиция»,—это сознавала вся партия. Поэтому на X съезде и не было споров по этим вопросам. Споры шли о том, как организовать нашу промышленность и все наше хозяйство. И вот тут-то «Рабочая оппозиция» выдвинула такие требования, которые сводились к тому, чтобы противопоставить советское государство рабочему классу: дескать, рабочий класс—это одно, а советское государство—другое. «Рабочая оппозиция» была проникнута спецеедством. «Рабочая оппозиция» упрекала нашу партию в том, что в ней главную роль играет не защита интересов рабочего класса.

„Рабочая оппозиция" и советское государство.

В той же самой брошюре А. Коллонтай, которая являлась манифестом «Рабочей оппозиции», мы находим такого рода упреки советскому государству и нашей партии:

> «В ежедневной практике жизни интересы рабочих пропитаны мелкобуржуазной психологией. Рабочий класс и крестьяне неизбежно сталкиваются, дергая советскую политику в разные стороны и искажая ее классовую четкость»... «Социальная группа крупных воротил капиталистического производства, послушных, наемных, великолепно оплачиваемых слуг капитала, с каждым днем приобретает все большее влияние и значение в политике».

Что же тут говорить о рабочем государстве, когда оказывается, по мнению «Рабочей оппозиции», что в нашей советской политике все большую и большую роль играет «социальная группа крупных воротил капиталистического производства, послушных, наемных, великолепно оплачиваемых слуг капитала»!

Отношение „Рабочей оппозиции“ к основной массе крестьянства.

«Рабочая оппозиция» выступала против нашей крестьянской политики, а всем известно, что именно наша политика по отношению к крестьянству составляет главное, суть тех мероприятий, которыми мы сохраняем диктатуру пролетариата в крестьянской стране.

В чем же упрекала нас «Рабочая оппозиция»? В том же манифесте «Рабочей оппозиции» мы читаем:

> «Отчетливая классовая политика нашей партии в процессе отождествления себя с советским государственным аппаратом превращается все более и более в ту надклассовую политику, которая есть не что иное, как приспособление руководящих органов к разнородным и противоречивым интересам социально разнородного смешанного состава населения».

Тов. Коллонтай упрекала Ленина:

> «Ваша политика, выбирающая равнодействующую между тремя социальными группами населения,—весьма мудрая политика, но она пахнет старознакомым приспособленчеством, оппортунизмом».

О профсоюзах.

По вопросу о профсоюзах, когда т. Троцкий предлагал покрепче завинтить гайки в профсоюзах, «Рабочая оппозиция», сравнивая платформу троцкизма с платформой Ленина, говорила:

> «Которая система лучше—еще вопрос. Система Троцкого во всяком случае отчетливее и потому реальнее». (А. Коллонтай, «Рабочая оппозиция».)

Таким образом, уже в то время, на X съезде, «Рабочая оппозиция» была гораздо ближе к троцкистам, нежели к ленинцам.

Организационные принципы „рабочей оппозиции“.

А если просмотреть внимательно нападки на наш партийный режим—требования свободы группировок и дискуссий, то мы видим, что и в этих вопросах «Рабочая оппозиция» уже тогда прокладывала дорожку для других оппозиционных групп. Тут и требование «свободы критики», «обеспечения за течениями права свободы выступлений на партийных собраниях, права дискуссий», тут и требование «присутствия любого члена партии на заседаниях партийных центров, за исключением особо секретных дел, обеспечения свободы критики и мнений, права не только свободы дискуссий, но и права на материальную субсидию для издания литературы внутрипартийных течений».

Можно себе представить, если бы, скажем, заседания Московского комитета или Центрального комитета партии, его Политбюро, его пленумов происходили открыто для всех членов партии в Москве, где имеется 125 000 членов партии, желающих присутствовать на заседаниях руководящего партийного центра, во что превратились бы такие заседания! Конечно, это были бы совершенно неделовые заседания. Так могут говорить люди, которые не понимают ни организационного построения нашей партии, ни какой бы то ни было деловой постановки вопроса. Или «Рабочая оппозиция» могла бы отделить достойных от недостойных, разделить членов партии на категории имеющих право и не имеющих права присутствовать? Стоит только практически поставить этот вопрос, чтобы ясна стала вся надуманность, вся негодность подобного рода отношения к нашей партии, какое выдвигала перед X съездом «Рабочая оппозиция»[1].

X съезд осудил „Рабочую оппозицию" за мелкобуржуазный, анархо-синдикалистский уклон.

X съезд происходил при чрезвычайно тяжелой обстановке. Делегаты ехали на съезд, когда во многих провинциях бушевали кулацкие восстания. Съезд заседал в обстановке кронштадтского мятежа. Часть делегатов съезда была под Кронштадтом. Партия была достаточно единодушна в осуждении «Рабочей оппозиции», которая являлась отражением тех же самых настроений, которые имели место в Кронштадте. Партия осудила взгляды «Рабочей оппозиции», как мелкобуржуазный анархо-синдикалистский уклон. В резолюции, предложенной Лениным и принятой съездом, мы читаем:

> «1. За последние месяцы в рядах партии явно обнаружился синдикалистский и анархистский уклон, который требует самых решительных мер идейной борьбы, а также очистки и оздоровления партии.
>
> 2. Указанный уклон вызван отчасти вступлением в ряды партии элементов, не вполне еще усвоивших коммунистическое миросозер-

[1] Тов. Томский на X съезде дал некоторую историческую оценку развитию идеологии „Рабочей оппозиции". Он напомнил весну 1919 г. „когда мы переживали приблизительно такой же тяжелый момент, как и сейчас, когда на заседании ВЦСПС в этом же самом зале была внесена резолюция, которая говорила, что мы, профессионалисты, должны стать во главе растущего недовольства масс. Осенью 1919 г. т. Шляпников сформулировал свою платформу, тезисы, которые говорили, что партия и советская власть должны заниматься политикой, а профсоюзы должны заниматься в области экономики. Тогда т. Бухарин в статье, поблагодарив Шляпникова, говорил, что заниматься политикой без экономики — это значит ничем не заниматься". (Прот. X съезда РКП.)

ц а н и е. главным же образом уклон этот вызван воздействием на пролетариат и на РКП мелкобуржуазной стихии, которая исключительно сильна в нашей стране и которая неизбежно порождает колебания в сторону анархизма, особенно в моменты, когда положение масс резко ухудшилось вследствие неурожая и крайне разорительных последствий войны, и когда демобилизация миллионной армии выбрасывает сотни и сотни тысяч крестьян и рабочих, не могущих сразу найти занятий и средств к жизни». (Резол. X съезда РКП. О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии.)

Мы советуем товарищам прочесть внимательно эту резолюцию, составленную Лениным по поводу «Рабочей оппозиции». Они увидят некоторые черты сходства нынешней новой оппозиции с тем, что выдвигалось «Рабочей оппозицией». Ленин и вся партия видели «во взглядах указанной группы и аналогичных групп и лиц громадную политическую неправильность и непосредственную политическую опасность для сохранения власти за пролетариатом».

Ленин указывал, что «в такой стране, как Россия, громадное преобладание мелкобуржуазной стихии и неизбежное в результате войны разорение, обнищание, эпидемии и неурожаи, крайнее обострение нужды и народных бедствий порождают особенно резкие проявления колебаний в настроениях мелкобуржуазной и полупролетарской массы. Эти колебания идут то в сторону укрепления союза этих масс с пролетариатом, то в сторону буржуазной реставрации (восстановления). Весь опыт всех революций XVIII, XIX и XX веков показывает с безусловнейшей ясностью и убедительностью, что ничего иного, кроме реставрации (восстановления) власти и собственности капиталистов и помещиков, от этих колебаний—при условии малейшего ослабления единства, силы, влияния революционного авангарда пролетариата—получиться не может».

Ленин предупреждал, что «поэтому взгляды «Рабочей оппозиции» и подобных ей элементов не только теоретически неверны, но и практически служат выражением мелкобуржуазных и анархических шатаний, практически ослабляют выдержанную руководящую линию компартии и на деле помогают классовым врагам пролетарской революции».

Вот почему «на основании всего этого съезд РКП, решительно отвергая указанные идеи, выражающие синдикалистский и анархистский уклон, постановляет:

1. Признать необходимой неуклонную и систематическую борьбу с этими идеями.

2. Признать пропаганду этих идей несовместимой с принадлежностью к РКП».

В другой резолюции, внесенной Лениным—«Об единстве партии», X съезд предписывает провести полное уничтожение всякой фракционности, «... немедленно распустить все без изъятия образовавшиеся на той или иной платформе группы. и поручает всем организациям строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений. Неисполнение этого постановления съезда должно вести за собой безусловное и немедленное исключение из партии».

Ленин предлагал в 1921 году исключить т. Шляпникова из состава ЦК.

Что же сделала после этого «Рабочая оппозиция»? Уже между X и XI съездами партии Ленин должен был поставить вопрос об исключении из состава Центрального комитета т. Шляпникова, который неоднократно нарушал партийную дисциплину, будучи членом Центрального комитета. Еще на X съезде Владимир Ильич, предвидя возможность нарушения партийной дисциплины членами Центрального комитета, внес предложение, на основании которого в случае нарушения партийной дисциплины со стороны членов Центрального комитета, объединенное собрание членов Центрального комитета и Центральной контрольной комиссии может исключить такого недисциплинированного члена Центрального комитета не только из Центрального комитета, но и из партии. Применения этого пункта и потребовал Владимир Ильич осенью 1921 г. по отношению к т. Шляпникову. Предложение свое Ленин объяснял тем, что

> «Центральный комитет партии не может допустить, чтобы кто-либо из его членов занимался срывом политики Центрального комитета». (См. А. И. Рыков и Н. Бухарин, «Партия и оппозиционный блок», стр. 4—6.)

XI съезд осудил „Рабочую оппозицию“ и предупредил тт. Шляпникова и Медведева.

Резолюция XI съезда о некоторых членах бывшей «Рабочей оппозиции», которую мы здесь приводим целиком, и излагает историю борьбы «Рабочей оппозиции» с Центральным комитетом нашей партии и с большинством нашей партии между X и XI съездами.

> «1. X съезд поручил ЦК «провести полное уничтожение фракционности». Съезд предписал «немедленно распустить все без изъятия образовавшиеся на той или иной платформе группы» и поручил всем организациям «строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений». Съезд постановил, что «неисполнение этого постановления

должно вести за собой безусловное и немедленное исключение из партии». X съезд избрал в состав ЦК двух членов бывшей группы так называемой «Рабочей оппозиции», выдвинул на ответственные советские посты товарищей, принадлежавших ранее к этой группе, и партия в целом приняла все меры к тому, чтобы не допустить каких-либо преследований за прежнюю фракционность. Особыми циркулярами ЦК подтвердил всем организациям, во время проверки и чистки партии, чтобы были даны специальные указания в духе самого осторожного и внимательного отношения к бывшим членам «Рабочей оппозиции»; многие из них поставлены во главе проверочных комиссий, как губернских и областных, так и центральной, а также и контрольных комиссий, и, таким образом, им было оказано величайшее доверие партии.

2. Несмотря на все это, бывшие члены «Рабочей оппозиции», неоднократно нарушая постановления X съезда, сохраняли и поддерживали нелегальную фракционную организацию внутри самой партии. Благодаря этому их фракционные выступления как в центре, так и на местах вносили, несомненно, разложение в ряды партии. Делались неоднократно попытки подобрать не на основе деловитости, а на основе фракционности, состав руководящих органов профессиональных объединений, как, напр.: ЦК союза металлистов. Велась не только открытая, но, как установлено комиссией, подпольная борьба за захват фракционно настроенными товарищами руководящих органов партии, профсоюзов и советов на местах. Выступление членов бывшей «Рабочей оппозиции» на собраниях часто носило характер противопоставления себя всей остальной партии: «мы» и «они». Именно такого рода выступления против партийных постановлений заставили ЦК РКП поставить 9 августа 1921 г. вопрос об исключении из партии члена ЦК т. Шляпникова, и за такую меру уже тогда высказывалось больше половины требуемых для применения этой меры членов и кандидатов ЦК.

Исключение не состоялось лишь потому, что нехватало одного голоса до требуемых для применения этой крайней меры $^2/_3$ голосов членов и кандидатов ЦК.

Единогласное (при 3 воздержавшихся) решение, вынесенное 9 августа 1921 года, гласило:

«В виду неоднократных нарушений партийной дисциплины т. Шляпниковым, как членом ЦК, собрание констатирует, что дальнейшие выступления т. Шляпникова за пределами ЦК с речами, заявлениями, критикой, направленными против политики ЦК и противодействующими решениям, действительно выражающим мнение партийного съезда, являются совершенно недопустимыми и ставят ребром вопрос о возможности работы т. Шляпникова в ЦК. В виду этого

собрание категорически призывает т. Шляпникова радикально изменить в этом отношении все свое политическое поведение, согласовав его с линией ЦК, в рядах которого он состоит. В случае, если т. Шляпников в дальнейшем не изменит своего поведения, ЦК поручается созвать такое же (пленум членов и кандидатов ЦК и ЦКК) собрание для вторичного рассмотрения вопроса».

Это поведение членов бывшей «Рабочей оппозиции» повело к тому, что группы, стремившиеся создать IV Интернационал, обращались к членам бывшей «Рабочей оппозиции», как родственной по духу, с поддержкой и призывами к объединению с ними, перепечатывали и широко распространяли такие произведения, как брошюру т. Коллонтай «О рабочей оппозиции», причем товарищи из бывшей «Рабочей оппозиции» не дали им решительного отпора, публично и официально не отмежевались от этих вредных для рабочего движения групп, ограничиваясь лишь слабыми на этот счет заявлениями.

Публичное выступление т. Коллонтай на конгрессе Коминтерна в антипартийном духе было единодушно отрицательно оценено конгрессом и использовалось широко всей враждебной нам печатью.

Специально выбранная XI съездом комиссия в составе 19 делегатов, представляющих местные организации, установила, что происходили в разное время фракционные совещания, на которых выносились конспиративного характера постановления, исполнение которых возлагалось на лидеров этой группы, тт. Медведева и Шляпникова. Члены ЦК т. Шляпников и т. Медведев, получая письма от своих единомышленников (Савичева, Митина) самого антипартийного характера, не ставили перед ЦК на обсуждение вопросы, затрагиваемые в этих письмах, несмотря на то, что письма отнюдь не имели личного характера, а целиком относились к непартийным настроениям и деятельности бывших членов «Рабочей оппозиции».

3. Наконец, относительно последнего совещания членов бывшей группы «Рабочей оппозиции», в результате которого явилось обращение в Коминтерн, комиссией установлено, что тт. Медведевым и Шляпниковым созваны были специальные совещания из сторонников бывш. группы «Рабочей оппозиции», что на это совещание привлечен был уже осужденный и исключенный из партии Г. Мясников и на этом совещании на основании совершенно голословных, непроверенных фактов и сообщений составлен был обвинительный акт против партии, причем по признанию некоторых подписавших это заявление они хорошо даже не знали содержания документа, а лишь подписывались из групповой солидарности.

4. Съезд считает, в полном согласии с ЦК РКП прежнего состава, что подписавшие заявление товарищи отнюдь не нарушили партийной дисциплины самым фактом подачи этого заявления в высший орган нашей классовой коммунистической организации—Коминтерн и не за это осуждает товарищей. Но съезд считает антипартийным сохранение в течение года, вопреки решительному, безоговорочному постановлению X съезда, фракционной группировки, фракционных совещаний, продолжение фракционной борьбы. Съезд считает совершенно недопустимым сообщение Коминтерну сведений, ложность которых установлена специальной комиссией, выделенной Коминтерном. Съезд самым решительным образом клеймит поведение отдельных членов этой группы, сообщивших в своих объяснениях комиссии Коминтерна ложные сведения о партии, извращающие действительную картину взаимоотношений между РКП и всем рабочим классом в целом.

5. Комиссия считает также установленными не только вышеизложенные факты, но также и то, что группа бывшей «Рабочей оппозиции», разлагая организацию своим поведением внутри, в то же время стремилась к организованному закреплению своего влияния и считала возможным, при известных условиях, расколоть нашу партию, находя лишь недостаточно созревшим момент для этого раскола. Именно т. Коллонтай, проводившая в своей брошюре до X съезда мысль о том, что раскол неизбежен и что необходимо для него лишь выбрать наиболее удачный момент, не отказалась после X съезда от этой линии поведения и в своих объяснениях перед комиссией XI съезда РКП подтвердила, что считает неизбежным раскол, если партия не изменит своей линии, т. е. если партия не станет на путь ошибочных и вредных для рабочего класса взглядов тт. Коллонтай, Медведева и Шляпникова.

Что касается фракционных совещаний, подобных последнему, то т. Коллонтай выразила в комиссии сожаление, что таких совещаний было мало. Съезд считает совершенно недопустимым положение, занятое этой группой по отношению к партии, особенно в переживаемый рабочим классом труднейший момент экономической перестройки, некоторого усиления мелкобуржуазных настроений, когда первым условием победы рабочего класса является единство партии и самая строжайшая дисциплина в ее рядах.

На основании всего этого XI съезд, заслушав постановление расширенного пленума ИККИ по вопросу о 22, доклад комиссии 19, выделенной съездом для расследования деятельности некоторых членов бывшей «Рабочей оппозиции», и объяснение тт. Шляпникова, Медведева и Коллонтай, постановил:

1) Присоединиться к постановлению ИККИ в отношении тт. Шляпникова, Медведева и Коллонтай и поручить ЦК в случае проявления со стороны этих товарищей в дальнейшем подобного антипартийного отношения исключить упомянутых товарищей из партии.

2) Тов. Митина, бывшего 16 лет активным членом меньшевистской партии, вступившего в РКП в 1920 г., организатора фракционной группировки, неуклонно ведшего в организации РКП в Донбассе линию разложения партийной организации, из партии исключить, как злостного дезорганизатора.

3) Тов. Кузнецова, обманувшего доверие партии ложными сведениями о своем прошлом, о партийном и рабочем стаже, скрывшего, что он бывший бакалейный торговец, временно перешедший в ряды рабочих в порядке уклонения от военной службы, из партии исключить, как чуждый пролетариату элемент».

В виду позиции, которую заняла сейчас по отношению к шляпниковщине новая оппозиция, в виду наметившегося блока с этой новой оппозицией между шляпниковцами, с одной стороны, и остальной оппозицией, с другой, не лишне будет привести также некоторые выдержки из речей Ленина, Троцкого и других на X съезде.

Ленин говорил в своей речи:

«Некоторые товарищи, с которыми мне приходится встречаться и спорить на дискуссиях, когда я несколько месяцев тому назад говорил: смотрите, тут есть угроза господству рабочего класса и диктатуре рабочего класса,—говорили: это способ запугивания, вы нас терроризируете».

Разве сейчас мы не слышим тех же самых разговоров со стороны всей оппозиции, что мы запугиваем членов партии то угрозой интервенции, то угрозой раскола нашей партии и указываем на то, что раскольнические действия новой оппозиции являются угрозой господству рабочего класса и диктатуре рабочего класса? Точь в точь нынешняя оппозиция повторяет самую негодную оппозицию 1920/21 г.

В чем упрекала тогда «Рабочая оппозиция» ленинский Центральный комитет?

Тов. Медведев предлагал резолюцию, в которой говорилось:

«Центральный комитет не проводил... мер по оздоровлению партии; ЦК не проводил достаточных мер и не создал внутри партии условий, обеспечивающих действительную самодеятельность массы членов партии и их коммунистическое воспитание; ЦК не охранял и не проводил в рядах партии на деле принципов рабочей демократии; ЦК

не проводил также действительных мер борьбы с разъедающим весь наш советский аппарат бюрократизмом. ЦК не провел орабочения советских руководящих органов как в центре, так и на местах. ЦК не создал работоспособного и живого аппарата, даже самого ЦК. Политика ЦК в важнейших областях и по важнейшим вопросам коммунистического строительства имела ряд уклонов в сторону недоверия к творческой силе рабочего класса и уступок мелкой буржуазии и буржуазно-чиновничьим кастам».

Все эти обвинения были выдвинуты «Рабочей оппозицией» не кому иному, как Ленину и ленинскому ЦК, которым руководил тогда Ленин.

Вдумайтесь в эти обвинения, сравните их с теми обвинениями, какие выдвигает новая и новейшая оппозиция,—и вы увидите, что нового тут ничего нет, что эти люди «твердят зады» и повторяют по адресу партии те упреки, которые «Рабочая оппозиция» бросала Ленину.

Тов. Шляпников уверял на X съезде, что «ничего более демагогического и извращающего факты, чем эта резолюция» (внесенная Лениным), он «не видел и не слышал в своей жизни за 20 лет пребывания в партии». Он указывал, что «внесенная резолюция носит явно демагогический и недопустимый характер, вводит в рабочую среду нашей партии раскол и натравливает мелкобуржуазные и чиновничьи элементы нашей партии на рабочую часть».

Что говорила теперешняя оппозиция о „Рабочей оппозиции".

Нелишне напомнить, что говорили тогда некоторые представители нынешней оппозиции по адресу Шляпникова и Медведева. Я уже не говорю о тт. Зиновьеве и Каменеве, которые целиком стояли на точке зрения большинства партии, на ленинской точке зрения в борьбе с рабочей оппозицией.

Тов. Радек, напр., говорил: «Всякий рабочий поймет, что «Рабочая оппозиция» открывает двери для врага».

Тов. Смилга указывал на то, что в самарской организации переход к группе «Рабочей оппозиции» закончился тем, что «через несколько времени там появился лозунг «учредительное собрание». Он предупреждал, что «лозунги большего демократизма, смягчения режима и партийного и советского» приводят к тому, что «в результате наши товарищи отступили только на одну позицию, и сейчас же в этот окоп ворвались наши враги и использовали эту позицию в своей борьбе против советской власти». «Я утверждаю,—говорил он,—что от демократизма нашей оппозиции до социал-демократизма—один шаг».

А на XI съезде партии т. Троцкий очень подробно разъяснял Шляпникову и Медведеву, как вредно противопоставлять себя, свою группу, партии, разделять партию на «мы» и «они». Обращаясь к т. Шляпникову, т. Троцкий говорил:

> «...В этой позиции «мы» и «они» есть основной грех и основное преступление политической позиции т. Шляпникова»... «Вы ставите себя по отношению к партии в положение «мы» и «они», как если бы у вас была какая-либо другая партия в запасе»... «Это есть политика, которая в своем логическом развитии угрожает, говоря словами резолюции Коминтерна, поставить вас вне партии, вне Интернационала»... «Всякие заявления в таком роде «мы» и «они», где заявляющие выступают перед лицом широких партийных и беспартийных масс, придают критике характер и тон такого свойства, что она неизбежно и немедленно становится материалом в руках нашего прямого классового врага».

Тов. Троцкий указывал на факты вопиющих трудностей, перед которыми стоит партия, и говорил:

> «...Поставить себя в положение «мы» и «они», с одной стороны ЦК, а с другой стороны вот такие факты поставить,—это уже будет значить: бедственное положение страны эксплоатировать для знамени, которое может стать знаменем Кронштадта, только Кронштадта».

Партия не может забыть этих речей т. Троцкого на XI съезде партии и вынуждена напомнить троцкистам и всей новой оппозиции, идущей за троцкизмом, как она ставила вопрос насчет «мы» и «они». Мы вынуждены это сделать потому, что сейчас они сами себя ставят в положение «мы» и «они», так, как будто бы в запасе у них была другая партия.

Клеветническая деятельность „Рабочей оппозиции".

Между прочим, следует отметить еще некоторые подробности, которые выяснила комиссия на XI съезде. Это чисто клеветнические выступления представителей рабочей оппозиции по отношению к партии. Так, т. Марсель Кашен, один из членов комиссии Коминтерна, который разбирал заявление 22, прочел на заседании комиссии из своей записной книжки с целью дополнить обвинения, изложенные комиссией Шляпникова и Коллонтай, следующее:

> «Коллонтай заявила нам: когда рабочие бастуют, красноармейцы выполняют роль штрейкбрехеров. Красноармейцы приходят занимать фабрики и заводы, оставленные бастующими рабочими, и выполнять работу на них... Шляпников

заявил нам: вам, т. е. иностранцам, показывают парады и казенные зрелища. Но это только видимость, на самом деле происходит могучее стачечное движение. Рабочий класс рвет с нынешним правительством. База возмущения, как видите, очень серьезная». (Материалы по вопросу о группе «Рабочей оппозиции» на XI съезде РКП. Отчет комиссии съезда. Москва, 1922 г.)

После XI съезда партии. Попытки „играть роль".

Что же делала «Рабочая оппозиция» после XI съезда? Все наиболее здоровое и работоспособное ушло из «Рабочей оппозиции» и сработалось с основной массой членов партии. Можно найти в рядах нынешнего большинства немало товарищей, которые подписывали платформу «Рабочей оппозиции» на X съезде и даже заявление 22 в Коминтерн перед XI съездом. Представителям «Рабочей оппозиции», сохранившим верность своему анархо-синдикалистскому мелкобуржуазному знамени, ничего не оставалось, как заниматься «индивидуальной обработкой» простачков, накапливать факты, записывать ошибки,—а ошибок, конечно, за это время в той колоссальной работе, которая была проделана партией, было немало. И так как никакой серьезной связи с рабочим классом у «Рабочей оппозиции» не было, то естественно, что те мелкобуржуазные влияния, которые проявлялись еще в 1920/21 гг., продолжали оказывать все более усиливающееся давление на оторвавшихся от действительности представителей «Рабочей оппозиции».

Когда началась дискуссия в 1923 г., отдельные представители «Рабочей оппозиции» еще выступали кое-где на собраниях, но успеха они нигде не имели. За это время от них часть ушла в «Рабочую группу» Мясникова, которая прельщала своей большей активностью, докатившись до прямого участия в организации стачек. Этими осенними стачками 1923 г. так восхищается, кстати сказать, т. Медведев в своем письме к бакинским рабочим, видя в них признаки оживления в рабочем классе.

Тов. Шляпников разразился тогда даже программной статьей в «Правде», которую он озаглавил «Наши разногласия»[1].

Тогда т. Сафаров писал в «Правде», что взгляды Шляпникова очень подозрительно смахивают на взгляды немецкого меньшевика Пауля Леви.

Письмо т. Медведева к бакинским рабочим. Рабочие не пошли за т. Медведевым.

В январе 1924 г. Медведев написал письмо, адресованное бакинскому рабочему, в котором излагает «наши разногласия», т. е. разногласия остатков бывшей «Рабочей оппозиции» со своей

[1] Как известно, так озаглавлена была крупная работа Г. В. Плеханова, которая содержала критику народничества.

партией, с ее руководящими органами. Теперь т. Шляпников заявляет, что это было «частное» письмо. Так как, однако, тт. Шляпников и Медведев ни словом от содержания этого письма не отказались, не отмежевались, приходится признать это письмо за изложение сегодняшних взглядов «Рабочей оппозиции».

Однако письмо это попало на «каменистую» бакинскую почву и не дало пышных оппозиционных всходов. Два-три сторонника тт. Шляпникова и Медведева перепечатали его, распространили, устроили три собрания, где обсуждали это письмо, пытались сколотить группу, но из этого ничего не вышло: бакинские рабочие не соблазнились меньшевистскими истинами, меньшевистской программой этой платформы «Рабочей оппозиции». Политическая несостоятельность, ликвидаторство, правизна этой программы ясны всякому.

Когда ЦК и ЦКК стало известно это письмо Медведева, члены ЦК поручили т. Зиновьеву написать ответ на это письмо. Однако т. Зиновьев, несмотря на то, что он согласился ответить на него и возмущался его содержанием не меньше, чем другие товарищи, не написал ответа [1]. Почему? Потому, может быть, что он приберегал себе союзников. Только такой вывод напрашивается теперь. Потому, что он сам готовился занять положение оппозиционера, и ему невыгодно было отталкивать от себя даже обломки «Рабочей оппозиции».

Попытка вывернуться. „Рабочая оппозиция" переходит от обороны к нападению.

Когда бакинская контрольная комиссия вынесла решение по поводу тт. Колосова, Разина и других товарищей, участвовавших в распространении этой меньшевистской платформы, и опубликовала это постановление в «Бакинском рабочем», тт. Шляпников и Медведев потребовали опубликования этого письма, причем т. Медведев «исправил» это письмо таким образом, что выбросил кое-что, очень уж выдававшее с головой ликвидаторство «Рабочей оппозиции», и вставил кое-что такое, что хоть сколько-нибудь замазывало меньшевизм. Однако и при этой операции «подчистки» письмо Медведева осталось меньшевистским ликвидаторским документом—«черного кобеля не отмоешь добела». В «Правде» была напечатана статья «Правая опасность в нашей партии». Все увидели, какова «левизна» «рабочей оппозиции» [2]. Все увидели, куда скатились люди, недавно упрекавшие Ленина и ленинский ЦК в правизне. Путь от мелкобуржуазных настроений 1920—21 гг., путь от анархо-синдикалистского уклона до довольно правого меньшевизма оказался очень коротким, но для многих он оказался

---

[1] Смотри об этом в ленинградском докладе т. Н. И. Бухарина об июльском пленуме ЦК и ЦКК.

[2] Статья эта напечатана в сборнике „О правой опасности в нашей партии", изд. „Прибой", 1926 г.; там же напечатаны и разбор статьи Оссовского и самая статья Оссовского.

все же неожиданным, и статья в «Правде»—ошеломляющей. Тов. Шляпников поспешил «ответить», обвиняя Ц. О. в подлоге, извращении, клевете и проч., во всем том, в чем «Рабочая оппозиция» обвиняла Ленина, когда Ленин был во главе ВКП (б). Ответ этот напечатан в «Большевике» вместе с новым разбором этой платформы. Мы поэтому советуем для более подробного ознакомления с этими документами прочесть указанные статьи. Здесь мы вкратце укажем на содержание этого письма, на главные его пункты.

„Рабочая оппозиция" и нэп.

1. «Рабочая оппозиция» обвиняет нас в том, что мы, сторонники ленинизма, смотрим на нэп не как на вынужденное отступление. По мнению «Рабочей оппозиции» нэп именно и является только отступлением. Надо ли доказывать, что в этом вопросе «Рабочая оппозиция»—против Ленина, который уже во время Генуэзской конференции считал, что отступление кончилось? Надо ли доказывать, что нэп дал и дает возможность силам социализма наступать? Можно ли отрицать успехи этого наступления сил социализма при нэпе?

Но разве не скатилась новая оппозиция к этой—медведевской—постановке вопроса?

По Ленину нэп дает возможность двигаться вперед на рельсах нэпа к социализму. Ленин уверен, что «Россия нэповская станет Россией социалистической» и нэп поэтому является социалистической политикой рабочего класса, а для «Рабочей оппозиции» нэп «на деле является прямым, непосредственным выражением интересов мелкобуржуазных и городских масс».

Тт. Медведев и Шляпников о крестьянстве.

2. В вопросе о крестьянстве платформа «Рабочей оппозиции» сводится к следующему:

а) «Кулацкие или более или менее состоятельные, так называемые середняцкие массы крестьянства» объединяются Шляпниковым и Медведевым заодно. Линия же ленинизма заключается в том, чтобы установить союз пролетариата со всей основной массой крестьянства, т. е. беднотой и середняком. Сходство с новой оппозицией здесь то, что и новая оппозиция подчас своей политикой толкает середняка в объятия кулака.

б) О кооперации, как о пути к социализму для крестьянских масс, в платформе «Рабочей оппозиции» нет ни слова.

в) В то время, как ВКП(б) принимает ряд мер помощи бедняцкому и середняцкому хозяйству, тт. Шляпников и Медведев считают, что «мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство в обстановке нэпа внутри страны и в зависимости от международного рынка обречено на прозябание в вар-

варских условиях и неминуемую погибель», что «все попытки спасти его, помочь ему удержаться и даже развиваться в его современном виде есть реакционно-утопические попытки». Не это ли утверждают и меньшевики?

Линия, которая проповедуется в письме Медведева по крестьянскому вопросу, ведет к разрыву рабочего класса и крестьянства, к ликвидации этого союза.

Мы уже видели, что и линия новой оппозиции ведет к срыву нашей ленинской политики по отношению к крестьянству. И здесь—сходство.

Откуда это? Не от троцкизма ли? Мы помним, как т. Троцкий проповедывал неизбежность войны между пролетарским авангардом и широкими слоями крестьянства. Медведев уверяет в своем письме, что «та же часть деревенщины, которая остается за исключением указанной массы, есть деревенская мужицко-кулацкая буржуазия, враждебная нам не меньше буржуазии, старой буржуазии. С ней у нас ничего, кроме жестокой политической борьбы, быть не может». Да, по сути дела, это есть новое выражение троцкизма, новое выражение того взгляда на крестьянство, который т. Троцкий признал правильным еще в 1922 году.

Капитуляция „Рабочей оппозиции" перед международным капиталом.

3. Тт. Медведев и Шляпников предлагают «пойти на гораздо большие материальные жертвы международному капиталу, готовому пойти на оживление наших потушенных промышленных районов». Все знают, что мы не против концессий; но мы против того, чтобы пойти «на большие материальные жертвы», мы против того, чтобы рабочий класс и крестьянство СССР отдавать в кабалу иностранному капиталу. Почему же «Рабочая оппозиция» зовет пойти в эту кабалу? Потому, что «Рабочая оппозиция» не верит в самостоятельные пути строительства социализма в СССР, потому, что она настроена капитулянтски. Она не верит, что мы налогами, экономией и сбережениями из прибылей нашей госторговли и госпромышленности можем скопить средства на дальнейшую индустриализацию. «Напрасной иллюзией», т. е. самообманом, считает она расчет на налоги, уверяя, будто рабочий класс в нашей стране не имеет достаточной власти для того, чтобы собрать этим путем средства. Ленин считал в 1923 году, что в экономии и только в экономии—наше спасение. Медведев смеется над этой идеей—«сложить массы капитала из копейки к копейке, пятака к пятаку». «Для такого способа накопления нам потребовалось бы полста лет». «Говорить об этом могут только пустые болтуны».

Все знают, что «пустыми болтунами» оказались в данном слу-

чае тт. Шляпников и Медведев. С того времени, как они написали эти слова, индустриализация двинулась вперед гигантскими шагами, несмотря на то, что концессионный капитал и теперь составляет ничтожную долю в нашем хозяйстве. Эта капитуляция «Рабочей оппозиции» происходит именно от неверия в силы рабочего класса и крестьянства нашей страны, от неверия в возможность построения социализма в СССР.

Троцкисты считали, что без прямой государственной поддержки победившего в передовой стране пролетариата диктатура рабочего класса обречена у нас на погибель. Новая оппозиция проявляет неверие как раз по вопросу о возможности построения социализма в СССР. Медведев и Шляпников дают лишь наиболее законченное выражение троцкистскому неверию: они предлагают капитулировать перед международным капиталом. Они уверяют, что результаты социалистической политики «уже в современный момент давят рабочие массы, как гири; в дальнейшем они станут для них более тяжелыми».

Может ли самый правый меньшевик предложить нам что-либо другое?

Международная политика „Рабочей оппозиции" и ВКП(б).

4. В международной политике Шляпников и Медведев пошли еще дальше по пути ликвидаторства:

а) Эти товарищи повторяют меньшевистские сказки, будто наша партия в области международной «все хочет видеть в цвете нашей страны».

б) Лозунг «рабоче-крестьянского правительства», выдвинутый Коминтерном для некоторых стран, по мнению этих товарищей, «есть выражение безнадежной попытки разрешить основные вопросы западно-европейского рабочего движения средствами и методами нашей страны». И в этом вопросе «Рабочая оппозиция» поет по меньшевистским нотам.

в) Но главное—не в этом. Тт. Шляпников и Медведев заявляют себя «злейшими противниками» политики Коминтерна, так как эта политика привела к образованию отдельных компартий:

> «Из общей массы организованных сил пролетариата были вырваны силы коммунистической частицы его и противопоставлены всей остальной массе пролетариата, как наиболее революционной части...».

Все мы знаем, что во время империалистической войны Ленин поставил вопрос о разрыве со II Интернационалом, о выходе из него, об организации III Интернационала. Тогда уже, под руководством «Циммервальдской левой» группы, начали организовываться коммунистические группы. А троцкисты были против

разрыва со II Интернационалом, против построения Коминтерна. А теперь, через десяток лет, эта троцкистская линия находит свое «новое выражение» у «Рабочей оппозиции». Этакие, подумаешь, страшные р-р-революционеры!!

Пусть письмо Медведева—«частное» письмо, как пытаются нас теперь уверить. Но как же смеет член нашей партии, член Коминтерна, так писать о братских коммунистических партиях:

> «Попытки механически насадить наши методы работы во всех западно-европейских странах приводят только к тому, что мы видим, например, в Норвегии. На этом примере особенно наглядно видно, как эти попытки приводят буквально к дезорганизации рабочего движения этой страны, к насаждению материально-немощных «коммунистических» секций и к содержанию их за счет того достояния российских рабочих масс, за которое они платили своей кровью и жертвами, но которое для себя они использовать не могут при современных условиях; что на деле создаются оравы мелкобуржуазной челяди, поддерживаемые русским золотом, изображающие себя самих пролетариатом и представительствующие в Коминтерне, как более «революционные рабочие».

Злейший враг коммунизма так не писал бы о Коминтерне. Что же, глава новой оппозиции—председатель Исполкома Коминтерна—т. Зиновьев дал где-нибудь достойную отповедь этому махровому меньшевизму? Нет и нет. Почему? Потому, что для атаки на ЦК и большинство партии годятся и такие союзники.

г) Тт. Шляпников и Медведев предлагают ликвидировать Профинтерн.

> «Мы считаем,—пишет т. Медведев,—в соответствии с фактическим положением дел, что такие объединения наши, как «Профинтерн», фактически являются—вольно или невольно—орудием разобщения и российских рабочих масс и западно-европейских коммунистических масс от решающих масс всего пролетариата. Он является прямым препятствием, ничем фактически не оправдываемым, на пути к образованию действительного единого фронта рабочего класса каждой страны в международном масштабе».

Всякому ясно: если Профинтерн—«орудие разобщения рабочих масс СССР и западно-европейских рабочих масс»; если Профинтерн—«прямое препятствие, ничем не оправдываемое, на пути к образованию единого пролетарского фронта», то это «прямое препятствие» надо убрать, устранить, ликвидировать. И здесь «Рабочая оппозиция» оказалась в плену у мелкобуржуазных политиков II Интернационала.

д) «Рабочая оппозиция» решительно расходится с ВКП(б) и Коминтерном в оценке социал-демократических партий и их вождей. Они не согласны с тем, что эти вожди являются предателями и изменниками пролетарскому делу, прислужниками буржуазии. Они берут их под свою защиту. Почему рабочие верят этим вождям? В силу своей политической отсталости? В силу того, что десятилетиями эти массы воспитывались определенным образом? Совсем, оказывается, не поэтому. Оказывается, будто «эти вожди социал-демократических партий никогда не противопоставляют повседневных нужд рабочих масс... интересам революции. Наоборот, они эти интересы и видят главным образом в удовлетворении повседневных нужд рабочих масс». Оказывается, что «нет ничего противоестественного в том, что пролетариат доверяет все руководство своей борьбой именно тем, кто преподносит ему не красные вымыслы в виде перспектив, а умело защищает его от повседневных невзгод».

Так, так! Носке и Шейдеманы, Макдональды и Гомперсы «умело защищают пролетариат от повседневных невзгод», а коммунисты преподносят «красные вымыслы». Пусть подумают хотя бы о стачке английских углекопов и проверят, кто защищал пролетариат, кто организовывал ему действительную помощь, а кто преподносил ему красные вымыслы.

Таким образом, в области международной политики «Рабочая оппозиция» скатилась:

1) к ликвидации линии Коминтерна и Профинтерна;

2) к восхвалению меньшевиков, социалистов, к защите II Интернационала;

3) к оплеванию партий Коминтерна;

4) к полному отрицанию линии ВКП(б) в международной политике.

Новая оппозиция еще не дошла до этого. Но она берет себе в союзники людей, скатившихся так далеко вправо, к меньшевизму.

Блок „Рабочей оппозиции" и новой оппозиции.

В области партийного строительства «Рабочая оппозиция» может даже гордиться; хотя сама она не имеет успеха ни в одной организации, но ее организационные принципы, совпадая вобщем с троцкистским пониманием строения нашей партии, усваиваются успешно новой оппозицией.

Такова «Рабочая оппозиция» и таковы ее взаимоотношения с партией и новой оппозицией. Вчера еще т. Троцкий говорил, что линия «Рабочей оппозиции» ведет ее за пределы ВКП(б) и Коминтерна; сегодня—беспринципнейший блок. Взаимная амнистия, ко-

нечно, необходима при этом блоке, и мы эту взаимную амнистию видим.

Самым негодным приемом «Рабочей оппозиции» является попытка ее доказать, что теперь Ленин был бы с нею против нашего ЦК.

Это все равно, что сказать: Ленин был бы теперь ликвидатором-меньшевиком. Мы, ленинцы, убеждены глубоко в том, что Ленин не потерпел бы такого разврата политической мысли, какой мы наблюдаем у блока оппозиции 1926 года.

5. Оссовщина и оппозиционный блок.

Почему партия интересуется взглядами Я. Оссовского?

Перед июльским пленумом ЦК и ЦКК появилось произведение некоего Я. Оссовского, статья которого называется «Партия к XIV съезду». Она напечатана в № 14 журнала «Большевик» за 1926 г. вместе с ответом на статью А. Слепкова «Платформа оппозиционного ликвидаторства». В этой статье т. Слепкова содержится подробный разбор этой платформы оппозиционного ликвидаторства, точно так же как в статье т. В. Астрова: «Под откос к буржуазной демократии» [1].

Может быть, и не следовало бы обращать внимание на статью человека, который в настоящее время исключен из партии за свои антипартийные и антипролетарские взгляды, если бы все в нашей партии были единодушны в осуждении подобных взглядов. Однако на июльском пленуме ЦК т. Троцким была сделана попытка защищать взгляды Оссовского. Тов. Троцкий считает, что у Оссовского грубо-ошибочные формулировки, но что по существу Оссовский выражает классово-партийное движение, что по существу он выражает настроение будто бы того рабочего, которому жмет сапог где-то. Поэтому т. Троцкий берет под защиту бывшего троцкиста Оссовского против нашей партии.

Поэтому является безусловно необходимым рассказать всем членам партии, всем, кто интересуется жизнью партии, что такое «оссовщина», каковы взгляды Оссовского на партию, на природу нашего советского государства, куда ведет «оссовщина».

Оссовский о природе советского государства.

1. По вопросу о природе советского государства Ленин считал, что у нас рабочее государство,—правда, рабочее государство, в котором немало бюрократических извращений. Оссовский считает, что у нас рабоче-крестьянское государство, в котором меньше всего слышен голос пролетариата. А если это так, то само собой разумеется, что рабочий класс противопоставляется советскому государству, и отсюда рукой подать до право-меньшевистских взглядов, до взглядов бывшей у нас

---

[1] Обе эти статьи напечатаны в сборнике „О правой опасности в нашей партии“. Изд. „Прибой“.

когда-то подпольной группы «Рабочая правда». Отсюда рукой подать просто-напросто до меньшевиков. Ибо, по мнению Оссовского, это советское государство «должно представлять все наличные интересы страны, в том числе и капиталистических предпринимателей».

Вы понимаете, что разное отношение к советскому государству будет у тех, кто смотрит на советское государство как на рабочее, и другое отношение будет у тех, кто думает, что советское государство «выражает интересы капиталистических предпринимателей». Поэтому Оссовский прямо заявляет, что «дальнейшие жертвы пролетариата, его ответственность за все государство, состоящее из частно-капиталистических хозяйств, есть не что иное, как расхищение сил рабочего класса, его физическое и культурное вырождение».

У Оссовского получается, что все классы в советском государстве имеют свободу критики, а пролетариат, его авангард, должен еще завоевать такую свободу критики, ее у него нет.

Надо ли доказывать, что это и есть чисто-меньшевистское понятие о советском государстве, полное извращение природы советского государства Оссовским и что защита подобных взглядов есть защита меньшевизма, самого правого меньшевизма?

Чьи интересы, по мнению Оссовского, защищает ВКП(б).

2. Оссовский считает, что ВКП(б) защищает не интересы рабочего класса, а защищает интересы различных классов, в том числе и «капиталистических предпринимателей». По крайней мере, партию в таком виде, как она сейчас, Оссовский рассматривает таким образом, что она, «оставаясь формально абсолютно единой и единственной, должна фактически в своем лице защищать все наличные интересы страны и в том числе и капиталистических предпринимателей». Не ясно ли, что если наша партия, коммунистическая, партия рабочего класса, должна защищать не только интересы рабочего класса, но и интересы капиталистических предпринимателей, то против такой партии надо бороться? Но чем же это утверждение бывшего троцкиста Оссовского отличается от клеветы меньшевистских партий по адресу ВКП(б)?

Но для чего понадобилось Оссовскому так представить нашу партию? Для того, чтобы доказать, что партия наша не может оставаться единой и единственной. Если оставлять единственную партию, то, по мнению Оссовского, «оставляя единственность, приходится волей-неволей пожертвовать частично единством». Ну, а это, само собой разумеется, означает, что если нужно пожертвовать частично единством, то надо допустить свободу фракций и группировок (Оссовский говорит: «группировки по текущим вопросам»).

Линия Оссовского ведет к допущению внутри ВКП, как „законных оттенков", даже мелкобуржуазных группировок и фракций.

3. Но не ясно ли, что если партия защищает и интересы капиталистических предпринимателей, то в такой партии должны образоваться группировки или фракции, которые защищают интересы капиталистических предпринимателей? Другими словами, если последовательно доводить до конца мысль Оссовского, то мы пришли бы к созданию буржуазных фракций внутри ВКП(б). Что у нас кое у кого мелкобуржуазный уклон есть, это мы отмечали не раз. Мы уже видели, что X и XI съезды указали на мелкобуржуазный анархо-синдикалистский уклон «Рабочей оппозиции». XIII конференция, XIII партийный съезд ВКП(б) и V конгресс Коминтерна признали, что троцкисты впали в мелкобуржуазный уклон. Не раз тт. Каменев, Зиновьев и другие указывали, что троцкизм является каналом, по которому проникают мелкобуржуазные влияния, что троцкисты являются рупором мелкобуржуазных настроений в нашей стране. Потому-то мы всегда и боролись против существования троцкистской фракции, что она является мелкобуржуазной. Потому мы всегда и боролись против «Рабочей оппозиции», что она мелкобуржуазная. По мнению Оссовского, мы должны допустить существование таких группировок и фракций потому, что, по мнению Оссовского, в нашей партии надо же кому-то защищать интересы капиталистических предпринимателей. Правда, Оссовский считает, что у нас не «все еще созрело» для этого, но он не теряет надежды на то, что такое время наступит. Во всяком случае, здесь перед нами выступает, как верно охарактеризовал его т. В. Астров, политический адвокат господ «капиталистических предпринимателей».

Оссовский хлопочет о возрождении меньшевистской и эсеровской партий.

4. Ну, а если нельзя сохранить единство, тогда, само собой разумеется, нужно допустить, что в нашей стране будет не единственная партия, а мы допустим существование других партий, которые будут защищать интересы капиталистических предпринимателей. Оссовский договаривается и до этого—до возрождения меньшевистской, эсеровской и других партий. Он вспоминает, что в 1917 г. было такое течение:

> «Идеальной для этой точки зрения в 1917 г. была бы поддержка меньшевиками и эсерами захвата власти со стороны большевиков и нейтрализация либеральной буржуазии».

Мы знаем, что приблизительно таков был взгляд тт. Зиновьева и Каменева в 1917 г. Оссовский продолжает:

> «Но если это не удалось в 1917 г., то еще не доказано, что это самое не удастся в 1925 г., если в силу обстоя-

тельств необходимо вернуться к такому положению. Наоборот, меньшевики или эсеры, или другие с подобным старым содержанием, с другими названиями, другими вождями, были бы довольны хотя бы возможностью одного легального существования, без всякой претензии пока на значительную роль в руководящей и правящей власти. Если возврат к такому идеальному положению возможен, то почему партии, при создавшейся обстановке, активно не содействовать этому возврату?»

Таким образом, перед нами попытка возродить ту линию по отношению к меньшевикам и эсерам, которую Ленин и вся партия решительно отвергли в 1917 г. и в борьбе с которой мы пришли к Октябрьской победе.

Оссовский прокладывает дорогу к расколу партии.

5. Эти взгляды Оссовского на единство и единственность нашей партии являются отражением тех разговоров, которые идут среди оппозиции относительно возможности раскола, относительно возможности иметь «в запасе другую партию». Мы знаем уже, к чему привела бы такая линия: к расколу между пролетариатом и крестьянством, с одной стороны, к расколу между различными частями пролетариата, к расколу диктатуры пролетариата, к образованию другого правительства, к борьбе и даже, может быть, к гражданской войне.

Разговоры Оссовского относительно единственной, но не совсем единой партии,—это дальнейшее развитие троцкистских мыслей. Может быть, отсюда и некоторая связанность у троцкистов и у новой оппозиции в вопросе о борьбе с такого рода взглядами.

Скат к буржуазному парламентаризму, к буржуазной демократии.

6. Правильно отмечено уже в нашей литературе, что из статьи Оссовского вытекает курс на буржуазный парламентаризм. Он допускает возможность, что через некоторое время «кое-какие группировочки необходимо будет отсечь от партии, оставляя их легально в стороне, как представителей мелкобуржуазных форм нашего народного хозяйства. Теперь же это преждевременно». Совершенно ясно, что Оссовский считает возможным (пока это еще преждевременно) выделить легальные группировки, которые защищали бы мелкобуржуазные интересы, а пока он предлагает оставлять эти элементы внутри нашей партии и внутри нашей партии дать возможность свободно проявляться «всем оттенкам фактических течений в экономике и политике СССР». Так и сказано: «все оттенки фактических течений в экономике и политике СССР». А так как в политике и экономике СССР имеются и мелкобуржуазные,

и буржуазные, и монархические течения, то можете себе представить, во что превратилась бы наша партия, если бы мы допустили все оттенки, все политические течения, какие только существуют в нашей разнообразной по экономике стране. Это была бы не коммунистическая партия, а был бы буржуазный парламент.

Извращение Оссовского в крестьянском вопросе.

7. Оссовский называет почти на протяжении всей своей статьи крестьян «капиталистическими предпринимателями». Мы знаем, что основой нашей политики по отношению к крестьянству является союз рабочего класса с основной массой крестьянства, с беднотой и середняками. Ленин неоднократно доказывал, что нельзя относиться к середняку, как к капиталисту. Ну, а если эта крестьянская масса является массой «капиталистических предпринимателей», то ясно, что этим капиталистическим предпринимателям невыгоден союз с рабочим классом и даже невозможен союз рабочего класса с капиталистическими предпринимателями. Здесь мы возвращаемся невольно ко взглядам троцкистов на природу крестьянской массы, как контрреволюционного союзника.

Оссовский — выразитель неоменьшевизма.

8. Оссовский исключен из рядов ВКП(б), как идеологически чужой нам человек, взгляды которого являются антипролетарскими, несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б).

Конечно, Оссовский выражает не свои личные взгляды, он выражает настроение всех товарищей, которые сейчас примыкают к новой оппозиции (иначе новой оппозиции незачем было брать, хотя бы в самой малой степени, под защиту Оссовского); и именно поэтому они являются особенно опасным признаком того, что, действительно, мелкобуржуазные настроения существуют в некоторой части нашей партии. Для Оссовского решение партии заключается не в решении ее большинства, а в той линии, которую занимает кучка оппозиционеров. Это характеризует взгляды Оссовского на строение партии.

С оссовщиной, как проявлением мелкобуржуазного, меньшевистского ликвидаторского течения, и с защитниками оссовщины коммунисты должны вести непримиримую и беспощадную борьбу. Оссовским и их защитникам не может быть места в нашей партии, потому что эти защитники Оссовского—это защитники ликвидаторства, защитники раскола, защитники возрождения меньшевистских и эсеровских партий, защитники скатывания советского государства к парламентаризму, защитники превращения ВКП(б), ленинской партии, в блок всевозможных групп и течений, вплоть до того, что «законным оттенком» признается группа, которая будет защищать интересы «капиталистических предпринимателей».

6. ВКП (б) и оппозиция.

На кого опирается новая оппозиция? Она опирается, приблизительно, на те же самые слои, на какие опирались всегда троцкисты. Вспомните, какую характеристику давал один из представителей новой оппозиции, т. Канатчиков, тем людям, которые группируются вокруг т. Троцкого:

> «Вокруг этой фигуры группируются такие же одиночки, с подобного же рода настроениями, не чувствующие рабочих масс, на которые опирается наша партия в своей повседневной борьбе. К этой же группировке примыкают одиночки учащиеся, выходцы из мелкобуржуазной среды, принося с собой самые разнообразные настроения и недовольства, сплошь и рядом не могущие уложиться в идеологические рамки нашей партии». («История одного уклона». Предисловие.)

Конечно, поскольку сейчас в оппозиции не один т. Троцкий, поскольку к нему примыкают тт. Зиновьев, Каменев, Шляпников, Медведев,—они собирают около себя несколько более обширный круг оппозиционеров. Круг этот очень разнообразный и пестрый, начиная от бывших участников «Рабочей группы» Мясникова (Михайлов) и «Рабочей правды» (Яцек) и кончая исключенными из партии и беспартийными, с которыми новая оппозиция образует своеобразную смычку, распространяя через них самые секретнейшие документы нашей партии.

Как относится буржуазия к этому явлению, к этой борьбе оппозиции против нашей партии,—на этот вопрос мы находим ответ в статье «Кто хуже и кто лучше» в «Последних Новостях» от 3 сентября 1926 г.

> «Каково наше эмигрантское отношение к драке внутри ВКП?—спрашивает сотрудник «Последних Новостей» В. И. Талев. Самый факт выступления оппозиции,—заявляет Талев,—это облегчающий прорыв в системе безгласности, удушения инакомыслящих, террористического господства казенного образа мыслей. Это сейчас для России самое главное... Для России в выступлении оппозиции в яркой форме проходит событие огромной политической важности, открытая противоправительственная пропаганда и агитация... Что означает для страны, изнывающей по свободному слову, по политической критике, выступление оппозиции во всей ее гамме анализа и осуждения господствующей клики Сталина... Россия жадно впитывает в себя ее критику, как знамя приближающегося конца диктатуры... Оппозиция воспринимается Россией по линии антиправитель-

ственной... Страна не может не видеть в оппозиции выразителей своего накопляющегося против власти недовольства, недовольства ее диктатурой, ее мертвой хваткой, ее слепым, ожесточенным подавлением всех смеющих свое суждение иметь. В этом сила и значение оппозиции, а не в программе требований, которая в законченном, не противоречивом виде, навряд ли даже у нее имеется... Разоблачение лжи и сознательно распространяемого обмана о характере советской власти... все это различные группы оппозиции дают стране...».

И отсюда вывод:

«Россия будет поддерживать оппозицию, а не сталинцев».

Конечно, здесь речь идет о «России № 2», о белогвардейской России.

Буржуазию не смущает то, что она сама ясно видит у оппозиции,—отсутствие у нее цельной программы; для нее гораздо важнее то, что объединяет оппозицию: это—«политический протест против всевластия ныне диктаторствующей клики», это «потребность пробить брешь» монолитности ВКП(б), это ощущение невыносимости едино- и всевластия стерегущих входы... Под такой программой поспешат подписаться самые разнообразные слои и группы России... Сегодня оппозиция диктатуру подрывает. Каждое новое издание оппозиции выговаривает все более «страшные» слова. Сама оппозиция эволюционирует в сторону все более резких наскоков на господствующую систему, и этого пока достаточно, чтобы благодарственно воспринять ее, как рупор для широких слоев политически недовольного населения.

Талев старается убедить, что ничего опасного нет в некоторой «левизне» оппозиции. Он пишет:

> «В рядах самой оппозиции все сильнее и сильнее звучит право-«меньшевистский» уклон под маской «левизны», в рамках оппозиции устраиваются на прочное жительство разного рода «правые уклонисты».
>
> ...Нет, прямой интерес «освободительной» (читай—белогвардейской. *Е. Я.*) борьбы заключается в том, чтобы оппозиция росла в своем влиянии на коммунистические массы, чтобы элементы ее политического протеста получили широкий отклик в стране».

А тогда уж свершится то, что нужно буржуазии,—то, что нужно всем классовым врагам пролетариата СССР:

> «Мощная третья сила сама возьмет в свои руки судьбы страны. Но для того чтобы к

этому прийти, нужно предварительно раскачать политическую мысль, политическую критику и политическую волю. Хочет ли этого оппозиция, или не хочет, но она этому способствует».

Если бы во всей белогвардейской печати не было ничего, кроме этой ужасной статьи «Кто хуже и кто лучше», если бы не было этого гимна новой оппозиции, как пособника буржуазии, как прокладывателя путей для белогвардейской диктатуры, для «третьей силы»,—то и тогда эти ужасные слова должны были бы прозвучать голосом предостережения для всякого, кто умеет слушать, не прикладывая уха к земле, а слушать то, что враг говорит открыто, громко и ясно.

Величайшей радостью для нас, величайшим утешением является то, что ни одна партийная организация не поддержала и не поддерживает новую оппозицию, несмотря на огромный личный авторитет вождей этой оппозиции, несмотря на всю демагогию, которую развивает новая оппозиция, несмотря на затруднения, которые мы наблюдаем, несмотря на подпольные способы работы, несмотря на втягивание беспартийных в эту работу,—ни одна партийная организация не поддерживает новую оппозицию. Конечно, в буржуазных и нэпмановских слоях города и деревни это поведение вождей оппозиции будит не только нездоровое любопытство,—оно будит определенные контрреволюционные надежды. Но этим надеждам не суждено будет осуществиться, если партия сумеет дать самый решительный отпор, если члены партии воспитаются на ясном понимании корней оппозиции и путей оппозиции, которые приводят к ликвидаторству, к самому правому меньшевизму.

И неменьшим утешением для рабочего класса нашей страны и для нашей партии является то, что ни одна коммунистическая партия, входящая в Коминтерн, не разделяет взглядов оппозиции. И это—даже несмотря на огромный личный авторитет председателя Исполкома Коминтерна т. Зиновьева и т. Троцкого. Коммунистические партии видят и у себя эту же борьбу, они видят, как троцкисты являются центром, вокруг которого объединяются сейчас и ультра-левые и крайне-правые оппозиционеры во Франции и Германии. И поэтому во всех коммунистических партиях борьба ВКП(б) против новой оппозиции встречает самую искреннюю прямую поддержку. Еще меньше, чем за троцкистами и новой оппозицией, которая получилась в результате выступления ленинградской делегации на XIV съезде, найдется в Коминтерне охотников следовать за ликвидаторскими меньшевистскими платформами Медведевых и Шляпниковых и Оссовских. Достаточно указать на вопиющие, прямо контрреволюционные выводы, какие получаются из этих

статей, чтобы отбить охоту у кого бы то ни было из политически честных пролетариев следовать за такими вождями и за такими платформами.

Тем не менее, мы не можем и не должны скрывать тех опасностей, какие существуют в связи с выступлением объединенной новой оппозиции, с ее атакой на нашу партию. Не раз тт. Зиновьев и Каменев, не раз вся партия поучала, что троцкизм опасен тем, что он является каналом для мелкобуржуазных настроений. Нам придется еще преодолеть немало трудностей на пути социалистического строительства, и опасность заключается именно в том, что эти трудности заостряются и будут заостряться против ЦК, против нашей партии. Они уже сейчас во многих случаях действуют применительно к правилу: «чем хуже, тем лучше». Чем хуже будут итти дела в нашей стране, чем труднее мы будем выкарабкиваться из затруднений, тем больше поводов будет у оппозиции для всякого рода демагогических выступлений. Смотрите, как медленно растет заработная плата, смотрите, как медленно идет жилищное строительство, смотрите, как мало советское государство может уделять помощи бедноте. Вместо того чтобы помочь нам быстрее двинуть вперед это социалистическое строительство, помочь социалистическому накоплению, помочь накоплению резервов для увеличения заработной платы, для помощи бедноте,—новая оппозиция использует и будет использовывать все эти трудности для дискредитирования в глазах масс нашей партии. Вот в чем величайшая опасность. Те, кто поддерживает троцкизм, расширяют этот канал, усиливают эту опасность. Те, кто поддерживает новую оппозицию, открывают двери классовому врагу, окрыляют неслыханно надежды этого классового врага.

Мы не можем поэтому относиться так к нарушителям единства партии, как этого требует от нас оппозиция. Мы боролись с меньшевиками втечение двух десятков лет (в то же время боролись тогда и с т. Троцким и его сторонниками), боролись за создание большевистской партии, за выработку большевистской дисциплины. Первый параграф устава нашей партии говорит о том, что:

> «членом партии считается всякий, признающий программу партии, работающий в одной из ее организаций, подчиняющийся постановлениям партии и уплачивающий членские взносы».

Совершенно ясно, что если одно из этих требований не выполняется, то товарищ не может быть членом партии.

Можем ли мы считать членами партии тех, кто не подчиняется постановлениям партии? Можем ли мы считать членами партии тех, кто, работая в нашей партии, в то же самое время строит подпольную организацию, подпольную группу и работает уже в этой подпольной группе не под руководством партии, подчиняется уже не постановлениям ее руководящих органов, а работает под руководством оппозиции и подчиняется постановлениям этой оппозиции? кто групповую дисциплину, фракционную дисциплину своего кружка ставит выше дисциплины всей партии?

Против правой опасности, против ликвидаторства, против меньшевистских настроений—вот к чему сводится наша борьба с оппозицией, какими бы левыми фразами она ни прикрывалась. Здесь перед нами оппозиция ведет борьбу, которую Ленин охарактеризовал как «левую фразу и правое дело».

Тов. Зиновьев нам рекомендовал когда-то *давать троцкистам*, когда они нападают на партию, *сдачи втрое*. Мы должны этот совет применять сейчас и по отношению к т. Зиновьеву и по отношению ко всей новой оппозиции. Если новая оппозиция нападает на ленинский ЦК, на ВКП(б), *мы должны дать оппозиции сдачи втрое.*

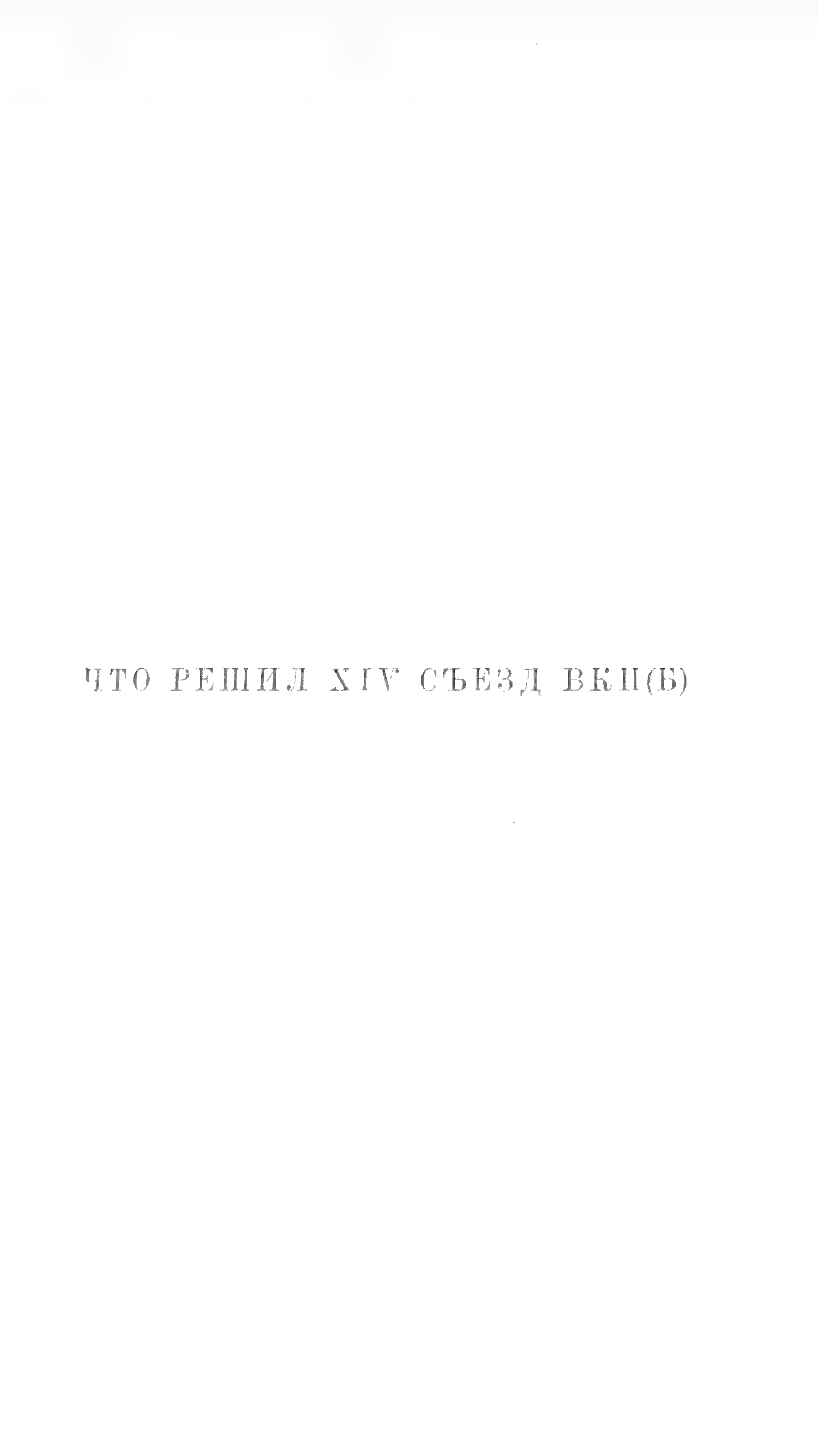
Когда-то, в 1920 году, «Рабочая оппозиция» ставила вопрос о том, нужна ли, полезна ли оппозиция, и отвечала на него: «оппозиция нам нужна, оппозиция полезна».

На это Ленин на X съезде партии ответил:

> «*Но надо теперь оппозиции сказать, и я думаю, что партийному съезду придется этот вывод сделать, придется сделать тот вывод, что для оппозиции теперь конец, крышка. Теперь довольно нам оппозиции*».

Вся партия должна сказать оппозиционерам:

> «*Для оппозиции теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиций*».

ЧТО РЕШИЛ XIV СЪЕЗД ВКП(Б)

Лицо XIV съезда партии.

XIV съезд партии занимает в истории нашей партии очень важное место. Каждый съезд партии имеет, можно сказать, свое собственное лицо. I съезд партии (в 1898 г.) был первой попыткой создать партию, положить основы, на которых можно было бы объединить отдельные организации, возникшие в разных местах самостоятельно. II съезд партии (в 1903 г.) дал партии программу, устав, наметил основные линии тактики партии; на нем определились те разногласия, которые, хотя и были раньше между членами партии, но более ясно наметились на II съезде и разделили русских социал-демократов на большевиков и меньшевиков. III съезд партии (в 1905 г.) наметил линию поведения партии большевиков в начинавшемся массовом крестьянском и рабочем движении и еще более отчетливо показал, в чем мы расходимся с меньшевиками. IV съезд (в 1906 г.) сделал попытку создать единство между расколовшимися организациями большевиков и меньшевиков, определить более точно нашу программу в земельном вопросе, в крестьянском вопросе и наше отношение к различным партиям в Государственной думе, нашу линию в вопросе о вооруженном восстании и пересмотрел устав нашей партии. V съезд (в 1907 г.) дал победу большевикам по главнейшим вопросам борьбы рабочего класса, объединил нас по этим главным вопросам с социал-демократами национальных партий (польской и других). VI съезд был уже после Февральской революции, в июле 1917 года, когда Ленин скрывался от преследования правительства Керенского после июльских дней, и партия решала вопрос о дальнейшем укреплении своего влияния на рабочий класс и крестьянство с тем, чтобы подготовить завоевание власти. VII съезд партии состоялся в 1918 г. в связи с вопросом о Брестском мире. На нем наша партия из социал-демократической переименована была в коммунистическую—в РКП(б). На VIII съезде партии в 1919 г. была принята теперешняя наша программа, определены отношения к среднему крестьянству, приняты важные решения по вопросу о Красной армии и по организационным вопросам. IX съезд (в 1920 г.) наметил путь разрешения важнейших хозяйственных вопросов: на нем, например, был обсужден вопрос об электрификации. X съезд партии определил переход партии к нэпу—к новой экономической политике. С памятью о нем связан этот переход от военного коммунизма, происходивший в обстановке кронштад-

ского мятежа, и дискуссия большинства партии о профсоюзах с тов. Троцким и другими. XI съезд (в 1922 г.) признал, что отступление наше кончилось. что нэп является движением вперед. Ленин тогда поставил перед нами вопрос о том, что нам надо ухватиться за самое нужное в то время звено цепи—научиться торговать, так как хуже всего дело обстояло у нас с советской торговлей. XII съезд партии (в 1923 г.), по совету Владимира Ильича, перестроил Центральную контрольную комиссию партии, расширил ее и соединил с Рабоче-крестьянской инспекцией и разрешил ряд серьезных хозяйственных вопросов. XIII съезд партии (в 1924 г.) происходил после новой дискуссии с тов. Троцким и его сторонниками как по вопросу о том, как должна строиться партия, так и по другим вопросам. Съезд осудил тогдашнюю линию т. Троцкого и его друзей, как мелкобуржуазный уклон.

Таким образом каждый съезд нашей партии имеет свое лицо,— он проводит черту под пройденным путем борьбы, подсчитывает, подытоживает, намечает, как дальше вести линию работы в том или другом вопросе, разрешает те споры, которые за время от одного съезда до другого возникли в нашей партии, в нашей стране и определяет путь работы на следующий период до другого съезда.

Съезд партии есть высший законодательный орган нашей партии; что он решает по большинству голосов, то обязательно для всех членов партии. Хотя бы они и не были согласны с этим решением, они обязаны проводить эти решения так, как бы они их сами принимали. На съезде можно сколько угодно спорить, высказывать свою точку зрения. Но кончился съезд,—кончились и споры. Согласен ты или не согласен с постановлением съезда, а проводи его в жизнь, как свое собственное решение. Такова дисциплина партии, как ее понимал Владимир Ильич.

Какие же основные вопросы решались на XIV съезде нашей партии? В чем суть того спора, который был на XIV съезде? Какие важные решения вынесла ВКП(б)? Как она определила дальнейший путь развития в нашей стране? Не отходит ли она от ленинского пути? Укрепляет ли она единство нашей партии, единство союза пролетариата и крестьянства? Эти вопросы интересуют всех решительно.

XIV съезд происходил не совсем обычно. Он должен был по уставу партии собраться раньше. Поэтому накопилось много вопросов, которые нужно было разрешить XIV съезду.

XIV съезд нашей партии войдет в историю партии, как съезд, который делал проверку правильности наших отношений к крестьянству. Он дал твердый и ясный ответ на ряд сомнений, возникших у отдельных товарищей. Он положил конец шатаниям в крестьянском вопросе. Он дал ответ на вопрос, строим ли мы и можем ли мы построить социализм? Чем является нэп—отступлением или переходом к социализму? Какие у нас уже в настоящее время имеются элементы социализма? Какое значение

имеет кооперация в деле построения социализма? Перерождается ли наша партия или остается верной своему ленинскому знамени, остается ли она партией пролетарской революции? По всем этим вопросам часть товарищей заколебалась, и съезд сказал свое твердое слово, являющееся законом для всех членов нашей коммунистической семьи.

Съезд одобрил политическую и организационную линию Центрального комитета нашей партии.

Партийный съезд у нас происходит таким образом: ежегодно должен быть созван съезд партии, на котором заслушиваются политический и организационный отчет Цетрального комитета. Центральный комитет дает отчет в том, как он проводил политику международную и внутреннюю, как он разрешал главные вопросы, встававшие перед партией и страной за этот год, как он выполнял постановления предыдущего съезда, в каком состоянии находится в настоящее время партия, профсоюзы и другие общественные организации, и намечает вопросы, которые стоят перед партией. А съезд эти вопросы решает, как он решает и те вопросы, которые ставятся с мест. За полтора месяца до съезда должен быть опубликован порядок дня съезда, т. е. перечислены все вопросы, которые будут стоять на съезде и обсуждаться. Это делается для того, чтобы на местах можно было их обсудить перед съездом. Для этого, а также для выбора делегатов на съезд на местах проводятся перед съездом конференции, начиная с самых низовых, по волостям и уездам, и кончая губернскими, областными и краевыми, которые предварительно обсуждают эти вопросы порядка дня съезда, выбирают делегатов на съезд. Съезд, а никто другой, решает вопрос, правильно ли вел партию ЦК или нет. Поэтому съезд выносит резолюцию одобрения или неодобрения Центральному комитету. Что же решил съезд партии по этому первому вопросу порядка дня? Съезд постановил:

> «XIV съезд РКП(б) всецело одобряет политическую и организационную линию Центрального комитета, которая обеспечила партии рабочего класса и всей стране общий подъем народного хозяйства и укрепила позиции социализма как вовне, так и внутри страны».

За это решение голосовало огромное большинство съезда, и только ленинградская делегация и несколько товарищей из других организаций голосовали против этой резолюции. Значит на съезде у нас не было полного единодушия, значит на съезде нашлась одна делегация, да еще от такой крупной организации, как ленинградская, которая несогласна была с большинством съезда. Когда в партии выступает какая-нибудь часть против большинства партии, мы эту часть партии называем оппозицией, т. е., если перевести это слово порусски—противопоставляющей себя,— т. е. частью, противопоставляющей себя

всей партии. Так было у нас на XIV съезде. Действительно, ленинградские товарищи, а с ними еще несколько товарищей противопоставили себя всему остальному съезду, всей партии.

В чем же была суть спора между партией и ленинградской делегацией? Кто был прав в этом споре? Выражала ли ленинградская делегация мнение хотя бы ленинградских рабочих и работниц? Об этом и будет рассказано в настоящей книжке.

Каково сейчас международное положение? Была ли правильна международная политика Советского Союза?

Международную политику Союза ведет Народный комиссариат по иностранным делам и отвечает за нее перед Центральным исполнительным комитетом советов СССР и Советом народных комиссаров, которые дают отчет съезду Советов. Но так как в нашей стране коммунистическая партия является правящей партией, то все вопросы международной политики—так повелось еще при Ленине, такой порядок установил Ленин—обсуждаются в Центральном комитете нашей партии. Если бы были какие серьезные ошибки в международной политике, это означало бы, что плохо руководит Центральный комитет Коммунистической партии, что там сидят люди, которые не понимают сложности международных отношений и не умеют разрешить трудностей, которые встают перед нами. Съезд партии выслушивает отчет и судит, правильно ли поступал Центральный комитет или неправильно, и дает указания на будущий год.

Что же мы имели за время от XIII до XIV съезда в международных отношениях?

За это время мы имели расширение и укрепление передышки, которая была дана нам в свое время Брестским миром. Вы помните, как тогда ставил вопрос Владимир Ильич? Брестский мир есть передышка, он для нас тяжел, условия его—почти позорные условия, но благодаря Брестскому миру мы можем немножко поправиться, передохнуть, собрать силы для борьбы. Тогда нам все казалось, что передышка будет очень короткая, но она была все же достаточной, чтобы нам собрать силы для разгрома военных сил наших противников, для очищения военных фронтов. Мы имели затем блокаду,—и блокаду мы разбили, и блокада была снята, благодаря военному союзу рабочих и крестьян, благодаря нашей стойкости, с одной стороны, и благодаря развитию международной революции—с другой. Передышка дала нам возможность сделать первый серьезный подъем в развитии народного хозяйства. Конечно, между СССР и капиталистическими странами настоящей дружбы нет и быть не может. У нас, трудящихся, одни пути, одни задачи, у капиталистов—другие. Тем не менее, передышка превратилась, как говорит резолюция партийного съезда, «в целый период так называемого мирного сожительства СССР с капиталистическими государствами».

Для чего мы используем эту передышку? Мы используем ее, главным образом,—в первую очередь,—для внутреннего нашего строительства. У нас растут и крепнут хозяйственные связи нашей страны с хозяйством всего мира. С одной стороны, это укрепляет нас, но с другой стороны—нам нужно иметь в виду ту опасность, которая из этого произрастает. Чем больше связь хозяйства нашей страны с хозяйством капиталистических государств, тем большая опасность может возникнуть для нас, когда эта связь почему-либо оборвется. Представим себе на минуту новую мировую войну—а много есть признаков того, что такая война не за горами,—и мы опять почувствуем, какая у нас нехватка то в том, то в другом. Конечно, мы свою международную политику должны строить и в зависимости от состояния внутри капиталистических государств.

Что же мы имеем в этих государствах?

Съезд признал, что внутри капиталистических государств мы имеем частичное укрепление (стабилизацию) капитала за последнее время и некоторое относительное укрепление политической власти буржуазии в Западной Европе. За это время до огромных размеров выросло значение и сила Соединенных штатов Северной Америки. Благодаря тому, что Америка сейчас самая богатая страна, владеет огромным количеством золота, что в ее руках сосредоточена значительная часть мировой торговли, производство угля, металла и нефти, она командует в капиталистическом мире Европы. У нее в долгу и Франция, и Англия, и Германия, и другие страны; она держит их в значительной степени в своих руках, она распоряжается финансами почти что всех государств, кроме СССР. Благодаря этому, главным образом, в сторону Северо-американских соединенных штатов продвинулось то значение, которое раньше имела сила Англии, Британской империи. Поэтому съезд признал

> «небывало возросшую роль Северо-американских соединенных штатов, граничащую с их мировой финансовой гегемонией (господством); постепенное падение роли Британской империи как мировой державы».

Съезд отметил, что между побежденными в империалистической войне и победителями имеется такое противоречие, которое нельзя сгладить никакими планами Дауэса,—никак нельзя заштопать те язвы, которые образовались во время империалистической войны и после нее. С одной стороны: Германия, Австрия, и другие страны—побежденные, а с другой—победители: Англия, Франция, Америка. Сначала победители пробовали выкачать долги посредством военной оккупации, заняли войсками каменно-угольный район Рур в Германии и другие, выкачивали насильственно военным нажимом военные долги. Но из этого мало что получилось. Германия пришла в состояние нищеты, хозяйство ее разрушилось, и долгов платить она все равно не могла. Тогда богатая Америка предложила другой план—план Дауэса, который

состоит в том, что Америка дает возможность Германии расширить производство на фабриках и заводах, дает ей в долг денег, а за выплату долга ручаются государства Европы. Германия должна получить рынки для сбыта своих товаров, но должна выплачивать аккуратно те же долги—репарации—в известные сроки. И вот мы имеем уже сейчас доказательство того, что этот самый план оказался никуда негодным. Германия не в состоянии платить по долгам. Германия разоряется. Это приводит к расстройству хозяйства в других капиталистических странах, вызывает там банкротства, как и в самой Германии. А главное, что весь этот план построен без России, без СССР, а без нее нельзя сейчас построить хозяйства Европы.

XIV съезд поэтому отметил, что между побежденными и победителями в империалистической войне существуют серьезнейшие противоречия.

А между самими победителями? XIV съезд также отметил, что существуют противоречия в лагере самих победителей, противоречия между Соединенными штатами Северной Америки и государствами Западной Европы. В чем эти противоречия? А в том, что каждое капиталистическое государство старается оградить интересы капиталистов своей страны, и ради интересов капиталистов своей страны правительства этих капиталистов (правительства являются приказчиками, исполнительными комитетами этих капиталистов) готовы утопить в крови народ другой, хотя бы и капиталистической страны. Поэтому сейчас и заключаются разного рода договоры между капиталистическими государствами на случай возможной войны,—кто с кем и кто против кого. Англия старается заманить на свою сторону побольше союзников, Франция—на свою, Соединенные штаты хотят обессилить и тех и других, чтобы капиталисты Америки могли извлекать все выгоды из нищеты и разорения Европы.

Эти группы капиталистов разных стран создают так называемые «гарантийные договоры», т. е. ручаются друг за дружку на случай предстоящей мировой драки. Конечно, эти гарантийные договоры направлены прежде всего против СССР. И лишь для приличия, для обмана народа прикрываются капиталисты разных стран Лигой Наций, изображают перед народом дело так, будто Лига Наций и Второй Интернационал меньшевиков стараются сохранить мир, хлопочут о разоружении, а на самом-то деле втихомолку расставливают силы для новой войны. Такую комедию недавно, в 1925 году, проделали, как всем известно, в Локарно. В то же самое время происходит всюду небывалый рост вооружения, строят бесчисленные отряды военных аэропланов, новые морские орудия, корабли, бесчисленное множество подводных лодок, изобретают все новые и новые средства истребления людей.

Есть ли при таких обстоятельствах опасность, что дело может дойти до драки, до мировой войны? Есть ли опасность интервен-

ции, т. е. вторжения капиталистических армий в нашу страну, в страну Советов?

Да, XIV съезд признает, что такая опасность есть, и что страна Советов должна быть готова к этому.

Как же она должна к этому готовиться?

Прежде всего она должна усиливать союз пролетариата СССР с пролетариатом передовых стран Европы и Америки. Она должна это сближение проводить во имя мира, во имя борьбы против новых империалистических войн, во имя борьбы против вооруженных нападений на СССР. Вот почему XIV съезд постановил:

> а) «укреплять всемерно союз пролетариата СССР как базу (фундамент) мировой революции, с западно-европейским пролетариатом и угнетенными народами, держа курс (путь) на развитие и победу международной пролетарской революции;
>
> б) вести политику мира, которая должна стоять в центре своей внешней политики правительства и определять все его основные выступления;
>
> в) вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратился в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток капиталистического мирового хозяйства, а представлял бы из себя самостоятельную экономическую единицу, строящуюся посоциалистически и способную, благодаря своему экономическому росту, служить могучим средством революционизирования рабочих всех стран и угнетенных народов колоний и полуколоний;
>
> г) готовить по возможности экономические резервы (запасные средства), могущие обеспечить страну от всех и всяких случайностей как на внутреннем, так и на внешнем рынке;
>
> д) принимать все меры по укреплению обороноспособности страны и усилению мощи Красной армии и Красного флота, морского и воздушного».

О соотношениях между классами. Споры об отношении к крестьянству.

23 января 1923 года Владимир Ильич писал свое предложение XII съезду партии, которое он озаглавил: «Как нам реорганизовать (т. е. перестроить) Рабкрин (Рабоче-крестьянскую инспекцию)». В этом своем письме Владимир Ильич так определял социальный (общественный) строй Советской Республики: «Конечно в нашей Советской Республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов, к которому теперь допущены на известных условиях и нэпманы, т. е. буржуазия». Обратите внимание на

то, что Владимир Ильич считал, что мы имеем не только союз рабочих и крестьян, но сотрудничество этих двух классов. На известных условиях к этому сотрудничеству допущена буржуазия. Эти условия определяются нашими советскими законами. Советское государство должно следить за тем, чтобы эта новая буржуазия, которая порождается товарными отношениями, т. е. свободной торговлей, прежде всего не заняла командующего положения, чтобы она не овладела Советами, не овладела промышленностью, кооперацией, торговлей и т. п. То, что при новой экономической политике временно неизбежно—рост этой новой буржуазии—это мы все, и лучше всех Владимир Ильич, видели тогда, когда вводили новую экономическую политику, и даже ставили вопрос так: кто кого? Владимир Ильич прямо говорил: докажите крестьянству, что вы лучше этой буржуазии умеете поставить производство, торговлю, и тогда крестьянская масса будет двигаться всей своей многомиллионной армией вместе с вами по пути к социализму.

XIV съезду предстояло определить, что же мы имеем в настоящее время в отношениях между классами.

> «В области соотношений между классами съезд отметил следующие главные явления, определяемые в своей основе хозяйственным развитием СССР. Рост индустриального (промышленного) пролетариата, усиление кулаков в деревне, рост новой буржуазии в городе, подъем активности (деятельности) всех классов и групп в нашей стране. Одной из основных форм классовой борьбы в настоящее время является борьба между капиталистическими и социалистическими элементами хозяйства, борьба между буржуазией и пролетариатом за овладение основной массой крестьянства. Эта борьба находит и свое политическое выражение, главным образом, в попытках кулацких элементов деревни овладеть середняцкими слоями и подчинить таким образом советы своему влиянию».

XIV партийная конференция (апрель 1925 г.).

Между XIV съездом и XIII происходила Всесоюзная конференция (совещание) нашей партии, на которой одним из основных вопросов, разрешенных нашей партией, был вопрос о новой экономической политике в деревне.

В чем состоял этот вопрос?

Вы помните, что XIV партийная конференция вынесла особо важное решение по вопросу относительно деревни. Мы признали тогда, в апреле 1925 г., что союз рабочих и крестьян получает более прочную основу вследствие того, что гражданская война победоносно закончилась, что установились более прочные отношения с другими государствами; мы признали тогда, что необходимо в деревне уничтожить те остатки военного коммунизма, которые мешают дальнейшему развитию экономического благо-

состояния деревни, точно так же, как мы считали необходимым устранить остатки военного коммунизма в области управления советами, уничтожить «командование» в деревне, уничтожить административный произвол в деревне, бороться за строжайшую революционную законность, без которой не может быть дальнейшего укрепления диктатуры пролетариата, укрепления доверия пролетариата со стороны деревни.

Как мы тогда поставили и разрешили вопрос экономический?

Партия наша прямо сказала: необходимо развязывать, по возможности, хозяйственный оборот во всех отраслях хозяйства, особенно в деревне.

А что значит развязывать хозяйственный оборот?

Это значит—устранять те препятствия, которые мешают крестьянину использовать имеющиеся в его руках материальные средства и силы для развития этого хозяйства, для его расширения. Вот почему на основании решения XIV всесоюзной партийной конференции Съезд Советов провел в жизнь закон относительно аренды земли, относительно наемного труда в деревне. Точно так же мы решили на XIV партийной конференции вопрос о едином сельскохозяйственном налоге. Мы считали необходимым «поощрить и обеспечить процесс здорового накопления в недрах крестьянского хозяйства в целях расширения и усовершенствования сельскохозяйственного промысла». Для этого мы должны были провести такие меры, которые являлись, конечно, уступкой крестьянству, в особенности, среднему крестьянству. Мы, например, признали необходимым разрешение сдачи земли в аренду. Какое это имеет значение для крестьянина, лучше всего знают сами крестьяне.

Как было дело до этого? Сдача в аренду была стеснена. Между тем, во многих бедняцких хозяйствах отсутствие скота, отсутствие земледельческих орудий, а часто недостаток семян приводили к тому, что земля оставалась незасеянной. Бедняк-крестьянин пытался найти работу в деревне у крестьянина-богатея, у зажиточного, но наемный труд был также запрещен в деревне или почти запрещен. Бедняк шел в город, пробовал поступить на фабрику, на завод, искать какого-нибудь заработка на строительных работах, на железной дороге. Но фабрики и заводы, железные дороги и строительные работы развиваются не так быстро, чтобы дать работу всем, кто в ней нуждается, и поэтому у нас большое число безработных имеется не только в городах, но и в деревне. Чтобы эту нужду смягчить (совершенно уничтожить быстро ее нельзя), партия наметила целый ряд мер, в том числе сельскохозяйственный кредит—в первую очередь бедноте—и сельскохозяйственным кооперативам, товариществам и артелям. Партия наметила общественные работы, которые могли бы дать заработок бедноте. Но партия в то же самое время признала, что нельзя запрещать бедняку сдавать свою землю в аренду.

Вот видите,—скажет какой-нибудь противник советской власти, и раньше, при царе, была аренда земли, и теперь, при большевиках, когда строят социализм. Но кто же не понимает, что раньше сдавали в аренду землю богатеи, помещики беднякам, у которых этой земли не было, а теперь землю в аренду сдает бедняк, у которого нет орудий и средств для ведения на ней собственного хозяйства? Кто же не понимает, что этот бедняк получит землю, как только он сможет сам вести на ней хозяйство, что ему не придется ни покупать, ни арендовать земли у богатея-кулака. Пока не было разрешено сдавать землю в аренду, совершались тайные сделки между бедняками и кулаками. Надо ли говорить о том, что в накладе приэтом оставались бедняки? Кулак пользовался тем, что аренда земли запрещена, и поэтому давал бедняку гроши за землю. Он себе брал вершки, а бедняку оставлял корешки. То же самое и с наемным трудом. Бедняку некуда было податься, и поэтому кулак, давая бедняку ту или иную работу, мог его эксплоатировать вне всякого закона. Вот почему партия признала: надо допустить аренду и надо разрешить наемный труд в деревне для того, чтобы советский закон мог защищать бедняка, который сдает в аренду свою землю и на время продает свою рабочую силу. Как советский закон защищает труд рабочего на фабрике и заводе рабочим законодательством, так советский закон может защищать и защищает и сельскохозяйственного батрака, того бедняка, который на время вынужден продать свою рабочую силу зажиточному кулаку.

Некоторые товарищи неудачно назвали такую политику партии «расширением нэпа» в деревне. Ленинградские товарищи придрались к этому слову, и зря придрались, потому что сами же употребляли это выражение в своих статьях и речах для определения наших задач в деревне. Но по существу против принятых XIV конференцией решений никто не спорит. На XIV съезде часть поколебавшихся товарищей сделала попытку посвоему «истолковать» решения XIV партийной конференции. Но XIV съезд партии не позволил их толковать вкривь и вкось, а дал им точное и ясное подтверждение.

Об организации деревенской бедноты. О союзе бедноты с середняцким крестьянством.

На этих решениях следует остановиться подробнее. Правильно ли было решение XIV партконференции по вопросу, например, о расширении арендных прав и права найма рабочей силы, о помощи кустарной промышленности, об оживлении советов, поддержке наиболее старательных крестьян, об ослаблении административного нажима и т. д.? На это XIV съезд партии, который мог и отменить эти решения, если б признал их неправильными, ответил, что решения эти совершенно правильны и что в дальнейшем надо эту линию укреплять; более того, съезд признал,

что именно эти решения и являются проводниками новой экономической политики в деревне, так как новая экономическая политика есть путь к социализму (Ленин прямо говорил, что из России нэповской будет Россия социалистическая), то эти решения обеспечивают более правильный и прочный переход крестьянского хозяйства к социализму, вовлечение крестьянского хозяйства в социалистическое строительство.

Конечно, это должно и может происходить только при том условии, если мы будем проводить в жизнь решения партии об организации деревенской бедноты.

В октябре 1925 г. собрался пленум ЦК, который постановил, что надо обратить особое внимание на организацию маломощных крестьян и батрачества, на помощь и организацию деревенской бедноты. Правильно ли, поэтому, что товарищи из Ленинградской организации упрекали большинство съезда в том, что вот, мол, вы хотите союз пролетариата и крестьянства организовать «через голову» бедноты, обойти, дескать, бедноту? Это, конечно, совершенно неверно. Другой вопрос, можем ли мы сейчас же оказать такую помощь бедноте в короткий срок, скажем в год, в два, чтобы она перестала быть беднотой,—дать, скажем, каждому по коровке, по лошадке и т. д.? Будьте, дескать, все довольны! Конечно, таких средств у нас нет, такой помощи оказать мы не можем, таких обещаний мы не должны давать. Мы усиливаем и будем усиливать и вперед организацию сельскохозяйственного кредита, который будет оказывать помощь прежде всего бедноте и сельскохозяйственной кооперации; мы будем помогать деревенской бедноте организованно бороться за влияние в советах, на выборах, организованно участвовать все более в работе кооперации, крестьянских комитетов взаимопомощи; мы будем помогать тому, чтобы в деревне образовался прочный союз деревенской бедноты с середняком, чтобы средний крестьянин шел не с кулаком против бедноты, а с бедняком против кулака. Стало быть, не через голову бедноты, а именно с беднотой и даже через бедноту мы организуем смычку, союз рабочего класса с основной массой крестьянства. И только при этих условиях мы считаем, что союз этот будет правильным и что он обеспечит руководство в стране промышленного пролетариата.

Съезд имел в виду, что кое-где такая политика партии, как организация собраний бедноты, организованное участие бедноты на выборах в советы, в правление кооперации, в крестьянские комитеты взаимопомощи и т. п., более усиленная работа среди союза Всерабземлеса, организация «кошчи» (вроде союза Всерабземлеса) в Туркестане и хамначчитов (бедняков) в Якутии может быть истолкована, что вот, мол, коммунисты возвращаются опять к тому, чтобы создать комбеды (комитеты бедноты), которые были у нас в 1917—1919 гг. Съезд прямо сказал, что «здесь не может быть и речи ни о возврате к комбедам, ни о возврате к системе

нажима периода военного коммунизма, к практике раскулачивания и т. п.».

Все помнят, какую роль играли комбеды, какое они имели значение в деревне, когда страна напрягала все силы в гражданской войне, истекала кровью, когда кулачество скрывало хлеб, гноило его в ямах и закромах, чтобы только не дать его в помощь бедноте, рабочему классу и советской власти, когда только изъятие всех продовольственных излишков могло спасти страну от вымирания. Комитеты бедноты выполнили тогда свое полезное дело, они помогли советской власти изъять все продовольственные излишки, они помогали раскулачивать деревню; но, не имея хозяйственной основы, они вынуждены были в то время жить за счет продовольственных и других излишков, которые отбирались у кулаков и у зажиточных крестьян. Они как бы жили на иждивении у государства, получали паек, занимались реквизицией. В период военного коммунизма вся партия и советская власть действовала в деревне гораздо больше средствами принуждения: революционный налог, реквизиция, трудовая повинность, гужевая повинность, заградительные отряды и т. п. При нэпе партия говорит: не командуй, не рассчитывай на административный нажим, т. е. на нажим посредством власти, посредством ГПУ, милиции. Особых комитетов бедноты мы организовывать не будем; нажим, какой был при военном коммунизме, и раскулачивание надо заменить другими средствами.

Какие же это средства?

На это XIV съезд отвечает:

> «Речь идет об организации деревенской бедноты, которая с помощью партии и комсомола в борьбе на хозяйственном и политическом фронте (колхозы, артели, товарищества, кооперация, кресткомы, советы) должна изжить остатки иждивенческой психологии (т. е. отказаться от мысли, что деревенская беднота живет на иждивении государства), стать на путь организованного, классового отпора кулаку и превратиться в надежную опору пролетарской политики в ее борьбе за сплочение середняков вокруг пролетариата».

Таким образом вы видите, насколько неправы были те товарищи на нашем съезде, которые упрекали большинство партии в том, будто мы хотим союз рабочего класса с середняком устроить помимо бедноты, через голову бедноты. Нет, в борьбе за сплочение середняков вокруг пролетариата партия рассчитывает на деревенскую бедноту как на надежную опору пролетарской политики.

За последнее время мы все отмечали, что в деревне повысилась активность масс. Что это значит? Крестьяне-бедняки, середняки и кулаки стали принимать больше участия в советах, в выборах, на всякого рода собраниях, в крестьянских комитетах взаимопомощи, в кооперации. Кулак почувствовал также, какую

силу имеют и могут иметь эти организации, он старается проникнуть всюду. Откуда это идет? Главным образом, от того, что чувствуется повсюду хозяйственный подъем и, как сказано в резолюции XIV съезда:

> «Эта возросшая **а к т и в н о с т ь** (деятельность) **м а с с** наряду с возросшей активностью всех классовых групп и прослоек сама стала—на основе хозяйственного подъема—фактором (т. е. силой) первостепенной политической важности».

Как же должна относиться партия к этому? Съезд дает прямые указания:

> «Пролетариат и его партия как основная руководящая общественная сила должны использовать этот рост в целях еще большего вовлечения масс в процесс социалистического строительства на всех фронтах этого строительства и для борьбы с бюрократизмом государственного аппарата».

Что это означает? А это означает, что надо еще больше сделать простым, дешевым, хорошо, четко, точно работающим, честно относящимся к нуждам и потребностям масс наш советский аппарат; наши волостные советы перестроить лучше, подобрать в них людей подельнее, да поживее, да почестнее, да почаще требовать отчет в делах. Как в городах растет сейчас интерес к работе городских советов, оживляются профсоюзы, улучшается рабочая кооперация, так XIV съезд партии отмечает, что «в деревне возросшая активность середняцких и бедняцких масс нашла свое выражение в оживлении советов и кооперации». Это факт, что и на последних перевыборах в советы и другие организации деревенской общественности все более принимает участие беднота и середняки, все более выдвигается и женское участие, усиливаются, например, делегатские собрания крестьянок. По сравнению с предыдущими перевыборами в советы прошло более коммунистов и комсомольцев, а между тем нажима такого, что вот, мол, провести обязательно коммунистов и комсомольцев, не было. Так вот, по этому вопросу съезд еще раз и подчеркивает, что

> «нельзя в настоящих условиях укреплять диктатуру пролетариата методами (способами) военного коммунизма и административного нажима, что нельзя строить кооперацию вне ее добровольчества, отчетности выборных органов перед избирателями, доверия к этим органам со стороны пайщиков, что оживление советов, рост связи их с широкими кругами трудящихся является необходимой предпосылкой всей дальнейшей работы партии и советской власти».

Однако нужно помнить еще об одном условии, при котором вот это оживление советов и оживление сельскохозяйственной кооперации, это стремление к организации, к активности (деятель-

ности) среди крестьянства может пойти по правильному руслу, по правильной дороге. Для этого **нужно, чтобы пролетарская организация соответствующим образом за это время укреплялась.** Ленин указывал всегда, что правильное направление союза пролетариата и крестьянства может быть только тогда, когда прочны и едины будут пролетарские организации. Самая большая пролетарская организация наша— это профсоюзы. Они имеют 7 миллионов членов. Они охватывают трудящихся и в городе и в деревне. Все больший слой деревенских работников, работников земли и леса, батраков, сельскохозяйственных рабочих, лесорубов, пастухов вступает в союз земли и леса и должны вступать в этот союз. Съезд прямо постановил, что «только при этом условии может быть упрочена пролетарская диктатура и обеспечено проведение правильной с точки зрения социализма политической линии». Поэтому съезд считает необходимым прежде всего «оживление профессиональных союзов, этой массовой рабочей организации, которая стремится охватить поголовно весь пролетариат». И в профсоюзах мы теперь прочно стали на путь демократии, т. е. выборности всех органов и добровольчества членов: никто не принуждает тебя вступать в союз, можешь и не вступать. XIV съезд считает, что именно этот-то порядок, т. е. проведение демократии, выборности, отчетности, добровольчества членов «облегчит участие масс в их работе, расширит возможность подбора новых выдвиженцев, обновит руководящие кадры (состав) профессиональных организаций и поможет классовому сплочению и повышению классового самосознания пролетарских масс».

О двух уклонах.

Прежде всего, что такое уклон?

Это слово употребил В. И. Ленин в своем заключительном слове на X съезде партии, в заседании 16 марта 1921 г., в речи «о единстве партии», когда он осудил так называемый анархо-синдикалистский уклон бывшей «Рабочей оппозиции»,—была у нас тогда такая «Рабочая оппозиция», которая упрекала партию в том, будто бы коммунистическая партия делает слишком много уступок крестьянству. Как видите, почти всякая оппозиция в нашей партии, т. е. почти все несогласные с политикой большинства нашей партии, путаются в крестьянском вопросе. Ленин объяснял, что такое уклон. Он говорил:

> «Эти слова не чрезмерные, они обдуманы. **Уклон не есть еще готовое течение, уклон это есть то, что можно поправить.** Люди несколько сбились с дороги или начинают сбиваться, но поправить еще можно. Это, на мой взгляд, и выражается русским словом—уклон. Это—**подчеркивание того, что тут еще нет чего-**

либо окончательного, подчеркивание того, что дело легко поправимо, это—желание предостеречь и поставить вопрос во всей полноте и принципиальности» (т. е. по существу, основным образом).

Ленин считал, что раз намечается какой-нибудь такой уклон, т. е. замечается, что часть партии ошибается и уклоняется в сторону от общего пути, надо сейчас же обсудить этот вопрос и исправить. Он говорил тогда же:

> «Мы—партия, борющаяся в условиях обостренных трудностей. Мы должны сказать себе: чтобы единство было прочным, нужно, чтобы был обсужден определенный уклон. раз он наметился, нужно его выявить и обсудить».

Так вот, какой же уклон у нас обнаружился в нашей партии? За последнее время обнаружились у нас два уклона; об этом мы еще в октябре 1925 г. вынесли резолюцию на пленуме ЦК нашей партии. Первый уклон заключался в том, что часть наших товарищей предполагала, что в настоящее время нет уже опасности развития и укрепления в деревне кулака. Раз, мол, земля принадлежит государству, крупная промышленность принадлежит государству, кооперация и государственная торговля все более и более усиливаются, кулак лишен избирательного права и права участвовать в правлениях кооперативов,—то он не представляет уже никакой опасности, он сам по себе вымрет. Некоторые договорились до того, что кулак это, мол, только призрак старого мира. А между тем никакого не было сомнения в том, что во многих местах кулак очень вырос за это время, окреп, подобрал, подмял под себя бедноту, наложил на нее свою тяжелую руку и стал привлекать на свою сторону кое-где середняка-крестьянина. Партия наша осудила этот уклон как опасный. Тот, кто не видит опасности роста кулака, кулацкой опасности, тот не сможет правильно с нею бороться. У нас поэтому стали обвинять часть товарищей в кулацком уклоне. Т. е. выходило так, будто товарищи сами склоняются на сторону кулака. Конечно, как правильно отметил у нас на съезде генеральный секретарь нашей партии тов. Сталин, кулацкого уклона, т. е. сочувствия кулаку у нас нет в партии, нет и быть не может; а есть ошибка, которую можно исправить. Вот этот самый уклон—в недооценке, в непонимании роли кулака—был, и на него указала партия в своем решении еще в октябре 1925 года.

В чем главная опасность кулака?

Главная опасность кулака заключается в том, что кулак в деревне пытается на свою сторону привлечь середняка и вместе с ним пойдет против деревенской бедноты и против пролетариата. А Ленин нас учил тому, что мы должны построить прочный союз пролетариата не только с беднейшим крестьянством, но и с

основной массой крестьянства—с середняком. Стало быть, в деревне происходит и еще будет происходить борьба за середняка. Кто его привлечет на свою сторону: капиталисты и капиталистики, нэпманы и кулаки,— или привлечет его на свою сторону окончательно прочно и бесповоротно рабочий класс, создав прочный союз пролетариата города и деревни с основной массой среднего крестьянства?

XIV съезд установил, что

> «в области соотношений между классами съезд отмечает следующие главные явления, определяемые в своей основе хозяйственным развитием СССР: рост индустриального пролетариата, усиление кулаков в деревне, рост новой буржуазии в городе, подъем активности всех классов и групп в нашей стране. Одной из основных форм классовой борьбы в настоящее время является борьба между капиталистическими и социалистическими элементами хозяйства, борьба между буржуазией и пролетариатом за овладение основной массой крестьянства. Эта борьба находит и свое политическое выражение, главным образом, в попытках кулацких элементов деревни овладеть середняцкими слоями и подчинить, таким образом, советы своему влиянию».

Другой уклон, который обнаружился в нашей партии, заключается в том, что часть товарищей—и это особенно обнаружили ленинградские делегаты на XIV съезде—часть товарищей замазывала основной вопрос коммунистической политики в деревне, именно вопрос о борьбе за середняка, который является центральной фигурой земледелия, точно так же, как эти товарищи уменьшали значение кооперации, как основной организационной формы движения деревни к социализму.

В каком направлении здесь шел спор?

Прежде всего эти товарищи изображали дело так, что у нас за последнее время в деревне бедноты стало больше, чем до революции. Это, конечно, совершенно неверно. После того как уничтожена частная собственность на землю, после того как произошло в первые годы революции раскулачивание, произошло и некоторое поравнение. А с другой стороны, по вычислениям тех же товарищей, кулак у нас тоже вырос после революции; а середняк в роде как бы исчез и потерял уже прежнее значение,— это-то ведь и есть недооценка середняка. В пылу, в горячке спора эти товарищи упрекали большинство партии в том, будто большинство партии забывает бедноту. Это совсем пустяковое обвинение, потому что именно большинство партии приняло ряд решений об организационной помощи бедноте и о борьбе с кулачеством. Главная же и основная ошибка оппозиции заключается в том, что часть этих товарищей стала проповедывать так называемую нейтрализацию крестьянства, а не прочный союз пролетариата с беднейшим и средним крестьянством.

Что такое нейтрализация крестьянства?

Нейтрализация крестьянства—это такая политика по отношению к крестьянству, которая направлена к тому, чтобы в борьбе рабочего класса с капиталистами крестьянин держал нейтралитет, т. е. не вмешивался в борьбу, не помогал бы ни той, ни другой стороне. Вот во время империалистической войны говорили, что Италия, Швейцария и Швеция соблюдают нейтралитет. Мы не будем здесь говорить о том, насколько действительно эти государства соблюдали нейтралитет в борьбе двух союзов капиталистических хищников.

Мы выдвигали в свое время эту линию нейтрализации.

Но что было бы, если бы действительно в борьбе, скажем, с Колчаком, с Деникиным или с Врангелем крестьянство держало только нейтралитет, т. е. не вмешивалось в борьбу пролетариата с мировым и с отечественным капиталом и помещиками, если бы крестьяне говорили: какое нам дело до того, кто из вас победит, мы не желаем вмешиваться в борьбу, мы не поможем ни той, ни другой стороне. Такого положения у нас не было за все время революции; крестьянство помогало нам и в период гражданской войны. Это был тогда военный союз пролетариата и крестьянства, направленный против общего врага—капиталистов и помещиков. Не будь этой помощи, не будь этого военного союза между пролетариатом и основной массой крестьянства, между пролетариатом и средним крестьянством,—разве мы одержали бы победу?!

Но вот гражданская война окончилась, вооруженный враг не стоит на фронтах, белогвардейские армии разгромлены, надо переходить к восстановлению хозяйства. Партия и советская власть начинают проводить новую экономическую политику.

Что такое новая экономическая политика по отношению к крестьянству?

Это и есть такое поведение пролетариата по отношению к крестьянству, которое дает возможность установить прочный экономический союз всерьез и надолго для окончательной победы социализма.

Вот почему XIV съезд нашей партии по этому вопросу признал:

> «Если беднота и, прежде всего, батраки являются опорой пролетариата в деревне, то середняк является и должен являться его прочным союзником. Нельзя ни на одну минуту забывать, что в результате уничтожения помещичьего землевладения и перехода помещичьих земель в руки крестьянства, в результате политики комбедов и раскулачивания в деревне, наконец, ввиду изъятия земли из товарооборота (национализация земли) середняцкие слои крестьянства чрезвычайно усилились, и что эти слои составляют

теперь, несмотря на процесс дифференциации [1]), основную массу крестьянства. Не имея этой массы в качестве прочного союзника или ограничиваясь одной лишь нейтрализацией этих слоев, теперь, после упрочения пролетарской диктатуры, нельзя строить социализм. Ибо основной путь строительства социализма в деревне заключается в том, чтобы при возрастающем экономическом руководстве со стороны социалистической госпромышленности, государственных кредитных учреждений и других командных высот, находящихся в руках пролетариата, вовлечь в кооперативную организацию основную массу крестьянства и обеспечить этой организации социалистическое развитие, используя, преодолевая и вытесняя капиталистические ее элементы. Поэтому всякая недооценка середняка, непонимание его исключительно важной роли, попытка повернуть партию от лозунга прочного союза с ним к устаревшему лозунгу его нейтрализации, «боязнь середняка»—объективно [2]) приводят к подрыву пролетарской диктатуры, ибо тем самым разрывается рабоче-крестьянский блок».

Нетрудно понять любому рабочему или крестьянину, кто в этом споре прав: те ли товарищи из оппозиции, которые не замечали, проявляли боязнь середняка, которые хотели заменить путь прочного союза с крестьянством устаревшим путем нейтрализации крестьянства, или те, кто стоял и стоит за поддержку прочного союза пролетариата и крестьянства, за правильную оценку середняка как основной массы современного крестьянства.

Как же съезд решил по вопросу об этих уклонах?

Съезд постановил:

«Борьба против кулачества должна итти как путем организации бедноты против кулака, так и путем укрепления союза пролетариата и бедноты с середняком на предмет отрыва середняка от кулачества, в целях изоляции кулака.

Непонимание всей важности борьбы по обеим этим линиям связано с двумя уклонами от правильной партийной линии, намеченной XIV партконференцией и октябрьским пленумом ЦК.

Съезд решительно осуждает уклон, состоящий в недооценке дифференциации в деревне, не видящей опасностей, связанных с ростом кулачества, и различных форм капиталистической эксплоатации, не желающий понять всей необходимости отпора кулачеству и ограничения его эксплоа-

[illegible]

[1]) В деревне происходит **расслоение, выделение из общей массы крестьянства отдельных, более ясно сформившихся слоев бедняка, середняка и кулака.** Вот это расслоение, разделение на отдельные экономические группы, и называется процессом дифференциации.

[2]) На деле, независимо от воли и желания отдельных людей.

таторских стремлений, не видящий обязательности для партии пролетариата организовывать и сплачивать бедноту и батрачество против кулака и в борьбе с ним.

Но в то же время съезд с такой же решительностью осуждает попытки затушевать основной вопрос коммунистической политики в деревне, вопрос о борьбе за середняка, как центральную фигуру земледелия, и о кооперации, как основной организационной форме движения деревни к социализму».

На чем сосредоточить огонь.

Но раз съезд осуждает оба уклона, значит ли это, что мы не делаем никакого различия в том, в какую сторону направить главное внимание партии в настоящих условиях? Ленинградские товарищи все время пытались доказать, что уклон так называемый кулацкий, т. е. уклон тех товарищей, которые недооценивают роста и значения кулака в деревне, опаснее для партии. Тов. Сталин в своем докладе ответил на этот вопрос. Он говорил:

«Вы спросите, какой уклон хуже? Нельзя так ставить вопрос. Оба они хуже, и первый и второй уклоны. И если разовьются эти уклоны, они способны разложить и загубить партию. К счастью, у нас в партии есть силы, которые могут отсечь и первый и второй уклоны. (Аплодисменты.) Хотя оба уклона хуже, и глупо ставить вопрос о том, какой из них опаснее, но есть другая точка зрения, с которой нужно подходить к этим двум уклонам. К борьбе с каким уклонами больше всего подготовлена партия—к борьбе с первым или со вторым уклоном?—вот как нужно ставить вопрос практически. Оба уклона опасны, оба они хуже, нельзя говорить, какой из них опаснее, но говорить о том, к борьбе с каким уклоном больше всего подготовлена партия,—можно и нужно. Если задать вопрос коммунистам, к чему больше готова партия,—к тому, чтобы раздеть кулака, или к тому, чтобы этого не делать, но итти к союзу с середняком,—я думаю, из ста коммунистов 99 скажут, что партия всего больше подготовлена к лозунгу: бей кулака. Дай только,—и мигом разденут кулака. А вот что касается того, чтобы не раскулачивать, а вести более сложную политику изоляции кулака через союз с середняком, то это дело не так легко переваривается. Вот почему я думаю, что в своей борьбе против обоих уклонов партия все же должна сосредоточить огонь на борьбе со вторым уклоном». (Аплодисменты.)

В том же смысле высказался и XIV съезд партии.

«Съезд особенно подчеркивает необходимость борьбы с этим последним уклоном. При относительно большей подготовленности партии к непосредственной борьбе с кулаком

и к преодолению первого уклона, гораздо более трудную задачу представляет преодоление второго уклона, ибо его преодоление требует более сложных приемов борьбы по сочетанию методов политической изоляции кулачества с методами вовлечения основной массы крестьянства в русло социалистического строительства. Тем более, что в настоящих условиях этот второй уклон грозит возвратом к политике раскулачивания, срывом нынешней политики партии в деревне, линии, уже обеспечивавшей серьезные политические успехи, срывом смычки между пролетариатом и крестьянством и, стало быть, срывом всей нашей строительной работы».

Есть такие отдельные товарищи в нашей партии, которые пытаются изобразить дело так, будто мы замазываем классовую борьбу в деревне, отказываемся даже от классовой борьбы.

Понятно, что они ошибаются. Одно дело—проповедывать гражданскую войну в деревне, разжигать эту гражданскую войну, а другое дело—вести классовую борьбу в изменившихся условиях, так, как ведет ее партия. Было время, когда мы в деревне вели форменную гражданскую войну, когда у нас по деревням стояли отряды для реквизиции всех продовольственных излишков, когда комбеды принимали участие в этой нашей борьбе против кулачества, когда мы раскулачивали насильственно богатых крестьян, отбирали у них землю, лишний скот, лишние сельскохозяйственные орудия, лишние продовольственные запасы и распределяли их между всеми нуждающимися; было время, когда мы богатых кулаков облагали особым революционным налогом; было время, когда мы их детей посылали в тыловые ополчения.

Заинтересованы ли мы в том, чтобы сейчас, в настоящих условиях, проводить такую линию в деревне?

Нет, не заинтересованы. Мы—за гражданский мир в СССР, а не за гражданскую войну. Если бы мы в нынешних условиях, по окончании гражданской войны на всех фронтах, продолжали эту гражданскую войну в деревне, это не дало бы нам возможности развернуть наше хозяйство, мы восстановили бы против себя и значительную часть крепкого, среднего крестьянства, которое справедливо думало бы, что мы против поднятия благосостояния этого крестьянства. Мы ведем теперь классовую борьбу в деревне совершенно другими средствами. Основная линия этой классовой борьбы заключается в том, чтобы привлечь на сторону пролетариата не только деревенскую бедноту, но вместе с деревенской беднотой и даже с помощью этой бедноты привлечь на свою сторону среднее крестьянство. Вместе с этой основной массой крестьянства организованно бороться против засилия кулака всюду: на выборах в советы и в другие общественные учреждения деревни, организуя и укрепляя кооперацию, укрепляя государственную торговлю, укрепляя крестьянские комитеты взаимопомощи, артели, коллективные хозяйства, всякого рода сель-

скохозяйственные товарищества, объединяющие бедняков и середняков. Этим самым мы ведем классовую борьбу против кулачества.

Кулачество ищет смычки с частным торговцем, с частным предпринимателем, с нэпманом в городе. Нэпман в городе и кулак в деревне—это и есть та сила, которая существует и отчасти растет при новой экономической политике, при союзе рабочего класса с основной массой крестьянства. Росту этой силы мы ставим преграды посредством экономических мер и посредством лишения кулаков и нэпманов тех политических прав (например избирательного), которыми пользуется всякий середняк, всякий бедняк, всякий рабочий. Нэпман и кулак борются и будут бороться за то, чтобы прибрать к своим рукам кустаря; а мы должны вести с ними классовую борьбу так, чтобы помочь кустарям объединиться в кустарно-промысловую кооперацию, помочь кредитом, организацией снабжения материалом и организацией сбыта кустарных изделий. Кулак и нэпман стараются взять в свои руки хлеб и другие излишки сельскохозяйственных продуктов в деревне. Другими словами, они хотят взять в свои руки, под свое влияние середняка и бедняка. Потому что кто владеет основной массой хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, тот имеет значительную силу. При военном коммунизме дело сводилось к тому, что государство отбирало принудительно эти продовольственные запасы у кулака; а теперь дело заключается в том, чтобы так организовать государственные и кооперативные хлебозаготовки, чтобы доставить обоюдные выгоды и середняку и бедняку, продающим свои излишки, и в руках Советского государства иметь средства для того, чтобы расширить помощь бедноте, помощь середняку, чтобы улучшать и поднимать все хозяйство в стране. И средний крестьянин, и бедняк должны понять и понимают, что в одном случае они помогают кулаку и нэпману богатеть, крепнуть, выращивают новую буржуазию, а в другом случае они укрепляют смычку с рабочим классом, с Советским государством и тем самым укрепляют свою силу, тем самым накопляют средства в общегосударственном котле, из которого государство берет на общественные нужды. Это и есть классовая борьба, которую мы сейчас ведем иными средствами и в городе, и в деревне. Конечно, это вовсе не значит, что мы навсегда отказались от всяких других средств борьбы. Если нас вынудят, если понадобится, мы не зарекаемся от самых крутых мер классовой борьбы.

О внутрипартийной демократии.

Внутрипартийной демократией называется такой порядок в партии, такое устройство в партии, такое ведение дела в партии, где вопросы решаются не приказом, не командованием сверху, а активным (деятельным) участием всех членов партии в разрешении возникающих в партии вопросов. Внутрипартийная демокра-

тия, поэтому, требует, чтобы все члены партии интересовались жизнью партии,—чтобы они не просто платили только членские взносы и числились членами или кандидатами партии, а *сознательно*, продуманно принимали бы участие в тех вопросах, которые встают перед партией.

Внутрипартийная демократия требует, чтобы руководящие органы партии выбирались согласно уставу партии. Скажем, ячейка должна выбрать своего секретаря, свое бюро; на волостной конференции или, если позволили бы условия, на общем собрании членов партии своей волости—выбрать волостной комитет; районный комитет партии должен выбираться на районной конференции, а не назначаться сверху. Внутрипартийная демократия заключается в том, чтобы постоянно выдвигались новые силы из растущих низов партии, из новых членов, которые должны втягиваться все более и более широко в партийную работу и постепенно заменять старых работников, уставших или идущих на более сложную работу.

У нас часто нарушается внутрипартийная демократия тем, что безо всякой нужды назначаются сверху партийные органы, которые должны по уставу быть выбранными. Вместо того чтобы обсуждать то или иное решение для того, чтобы сознательно его проводить, проводится политика командования. Конечно, внутрипартийная демократия требует, чтобы решения высших партийных органов проводились бы ниже стоящими. *Решения съезда, верховного органа всей партии, обязательны для всех членов партии, для всех организаций: раз решение принято, оно должно безоговорочно проводиться.* Если бы кто-нибудь вздумал толковать так внутрипартийную демократию, что, мол, давайте обсудимте еще, правильно ли решил XIV съезд партии, если бы каждая организация вздумала вносить свои поправки к решению съезда, то у нас единой партии не было бы. Это было бы—«всяк молодец на свой образец», всякая организация проводила бы то решение, которое ей казалось бы правильным. Еще в ноябре 1925 г. пленум Центрального комитета обратился ко всем партийным организациям с указанием на то, что настоящие условия деятельности партии позволяют проводить шире внутрипартийную демократию, т. е. прежде всего и наиболее полным образом выборность всех партийных органов. XIV съезд партии признал, что внутрипартийная демократия является необходимым условием оживления массовых организаций пролетариата и крестьянства. XIV съезд партии постановил:

> «Для того чтобы должным образом провести всю эту работу по оживлению массовых организаций пролетариата и крестьянства, необходимо, чтобы и руководящая сила этих организаций, т. е. РКП, стала во всех своих составных частях на путь последовательной внутрипартийной демократии. Съезд одобряет ноябрьское обращение пленума ЦК о внутрипартийной демократии и предлагает партийным организациям иметь в виду следующие задачи в этой области:

а) поднятие активности широких партийных масс в деле обсуждения и разрешения важнейших вопросов партийной политики; б) последовательное проведение выборности руководящих партийных органов с выдвижением новых сил на руководящую работу, расширение партактива и образование новых партийных кадров на помощь старым; в) повышение квалификации партийного актива, в частности повышение его теоретического уровня; г) распространение основ ленинского учения в самых широких кругах партии.

Это решение имеет огромное значение и для городских и для деревенских организаций нашей партии. Мы хорошо знаем, что. в особенности в деревне, зачастую важнейшие вопросы партийной политики не обсуждаются, а их надо обсуждать, обдумывать каждое решение партии в том смысле, как его проводить наилучшим образом в данной местности, среди данного населения. XIV съезд партии требует повышения квалификации (подготовки) партийного актива (руководителей), т. е. требует, чтобы те, которые руководят партийной организацией, побольше учились, чтобы партия уделяла больше внимания этому, чтобы они были более развитыми, более подготовленными. Необходимо поднять качество этих работников, необходимо повысить теоретический уровень этих работников, т. е. научную подготовку их. Мы знаем, как это трудно для деревенских работников. Но партия должна будет найти и найдет средства к тому, чтобы эти задачи разрешить.

Съезд признал необходимым распространить основы ленинского учения в самых широких кругах партии. Это значит, что изучение Ленина должно стать задачей каждого члена партии. Конечно, если себя спросят сейчас многие члены и кандидаты партии, что они знают об учении Ленина, в чем основы этого учения, они убедятся в том, что они этого не знают как следует. А они должны знать основы учения Ленина во что бы то ни стало; если не в полгода ознакомиться с этим, то в год, в два,—эту задачу должен поставить себе всякий городской и деревенский коммунист. Без этого изучения коммунист будет всегда не твердым, не стойким, будет делать разные ошибки, потому что у него не будет верного указания пути, верного компаса, у него не будет верных верстовых столбов, которые ведут к социализму. Учение Ленина и есть тот самый верный компас, учение Ленина и есть те верстовые столбы, которые расставлены по трудной дороге к социализму.

Регулирование состава партии.

Уже накануне XIV съезда партии в газетах у нас появились статьи по вопросу о том, как дальше должна расширяться наша партия. Мы всегда стремились к тому, чтобы коммунистическая партия имела крепкое основное партийное ядро из сплоченных пролетарских рядов. Несколько раз съезд партии принимал такие

решения, посредством которых мы старались улучшить состав нашей партии. Мы добились того, что в нашей партии большинство составляют промышленные рабочие, что в наши ряды вошла значительная часть таких крестьян-бедняков, а отчасти и середняков, которые дело пролетарской революции считают своим собственным делом.

Партия наша имела ко времени XIV съезда 1 080 000 членов и кандидатов. За последнее время особенно укрепилось ее пролетарское ядро. У нас есть фабрики и заводы, где третья или четвертая часть всех рабочих и работниц входят в состав партии. Вот некоторым товарищам стало невтерпеж: хорошо, мол, если бы в нашу партию вошел сейчас поголовно весь рабочий класс или, по крайней мере, 90% его. Так писали в «Ленинградской Правде» ленинградские товарищи, такую мысль проводили они у себя на конференциях, с этим они шли на XIV съезд партии. Конечно, мы не закрываем и не можем закрыть двери партии для дальнейшего притока новых сил. Растет пролетариат в нашей стране и всегда будет выделять новые и новые передовые отряды рабочих, которые уже прошли школу коммунизма, имеют за собою производственный и профессиональный опыт, понимают, что такое классовая борьба и становятся целиком на путь коммунизма. Мы и впредь будем принимать таких рабочих в нашу партию, мы не закроем дверей нашей партии и перед крестьянами; бедняцкая и частью середняцкая масса деревни будет выделять и впредь таких крестьян, которые поймут, что путь их дальнейшей борьбы лежит на одной и той же дороге с пролетариатом, плечом к плечу с передовыми силами рабочего класса; мы и впредь будем принимать наиболее преданных делу революции, делу коммунизма крестьян-бедняков и середняков в нашу партию, когда убедимся, что эти товарищи стоят на том же самом пути, на каком стоит вся коммунистическая партия, что они заслуживают того, чтобы стать в ряды партии, созданной Лениным. Но мы должны иметь в виду следующее: вопервых чрезвычайно быстрый рост нашей промышленности, приток на фабрики и заводы таких рабочих, которые не прошли опыта классовой борьбы и гражданской войны с капиталистами, как прошли его прежние рабочие. На фабрику приходит сырая масса, если так можно сказать, которая не прошла еще школы коммунизма, не имеет ни производственного опыта, ни профессионального, не знает, что такое классовая борьба с капиталистами, и поэтому с гораздо большим трудом может усвоить учение Ленина, учение коммунистической партии. Опасность такого притока в партию Ленин указал в свое время съезду партии, предостерегал, чтобы в партию принимать с разбором, чтобы не давать партии разбухнуть количественно за счет качества.

Ленинградские товарищи говорили приблизительно так: давайте примем сейчас приблизительно 90% рабочего класса в нашу пар-

тию или сделаем так, чтобы в нашей партии было 90% рабочих от станка. На это мы им отвечали: потрудитесь подсчитать, что из этого выйдет. Если брать 90% рабочего класса, то надо в ближайшее время принять несколько миллионов новых членов партии; а если поставить задачу—90% в партию рабочих от станка в ближайшее время, то это тоже означает прием в партию, по крайней мере, еще одного-двух миллионов рабочих от станка в ближайший год. Причем и в том и в другом случае мы будем принимать в партию именно сырой, необработанный, не прошедший школы классовой борьбы и гражданской войны материал. Это значит, что сознательная, передовая часть рабочего класса, которая входит в партию, растает в сырой, неподготовленной массе. Партия может потерять свое лицо от этого, партия может потерять свою твердость, партия легче собьется с дороги во время каких-нибудь могущих встать на пути трудностей. Кроме того, что такой партией трудно было бы руководить, вопрос встает о возможности правильного политического воспитания такой массы новых членов партии. Мы очень хорошо знаем, что и сейчас в нашей партии много политически неграмотных, которых мы не успели еще правильно политически воспитать, дать им необходимые политические знания. А если бы мы в ближайшее время приняли в партию миллиона два новых членов партии, мы бы еще меньше могли выполнить эту нашу задачу политического воспитания. Мы сами были бы виноваты в том, что в нашей партии есть товарищи, которые не понимают, что такое ленинизм, которые на каждом шагу ошибаются.

Когда-то, еще в подполье, была такая попытка создать «широкую рабочую партию» на манер того, что есть в Англии, где в партию входят даже и профессиональные союзы. Мы отвергли такой план потому, что одно дело—рабочий класс, а другое—коммунистическая партия рабочего класса. Коммунистическая партия рабочего класса—это передовой отряд (авангард) всего рабочего класса. Конечно, с каждым годом упрочения социализма, с каждым годом движения вперед пролетарской революции, этот авангард, этот передовой отряд будет все более и более расти, выбирать у нас лучшие силы всего рабочего класса. Постепенно весь рабочий класс будет становиться на точку зрения коммунистов. Мы создаем ряд пролетарских организаций, как профсоюзы, как комсомол, которые являются школами коммунизма, подготовляют рабочую и отчасти крестьянскую массу к тому, чтобы они могли войти в коммунистическую партию. Но обеспечить руководство в рабочем классе можно только тогда, когда мы будем иметь организованным его передовой отряд. Поэтому-то XIV съезд партии в этом вопросе и не согласился с ленинградскими товарищами. XIV съезд партии постановил:

«Укрепление партии и усиление ее руководящей роли во всех областях нашей строительной работы, необходимое

в теперешней сложной обстановке более, чем когда бы то ни было, предполагает также и правильное регулирование состава партии. Съезд считает необходимым вести в данной области политику, направленную к поднятию качественного состава партийных организаций, ко все большему вовлечению рабочих в партию и к постоянному повышению удельного веса пролетарского партийного ядра. Вместе с тем, подтверждая необходимость строгого проведения установленных мер ограничения по отношению к приему в партию непролетарских элементов, съезд отвергает политику, ведущую к чрезмерному разбуханию партийных рядов и наполнению их полупролетарскими элементами, не прошедшими школы профсоюзов и пролетарских организаций вообще. Съезд осуждает такие попытки, как попытки, ничего общего с ленинизмом не имеющие, отрицающие правильное соотношение между партией (авангардом класса) и классом и делающие невозможным коммунистическое руководство».

Рост и значение кооперации в деревне.

XIV партийная конференция 1925 г. сняла некоторые путы, которые задерживали рост и развитие крестьянского хозяйства. Совершенно было очевидно, что в деревне существуют такие остатки военного коммунизма, которые являются препятствием для дальнейшего роста крестьянского хозяйства не только кулацкого, но, главным образом, середняцкого. Эти остатки военного коммунизма точно так же являются препятствием для правильного, целесообразного использования избыточного земледельческого населения. Наша задача при нэпе заключается не только в том, чтобы строить социализм в городе, но и в том, чтобы строить его в деревне, укреплять все те учреждения, все те силы, все те группы, которые способны вести и итти по пути социализма. Это в первую очередь,—кооперация.

Имеем ли мы в настоящее время такой рост социалистического хозяйства в деревне? Для того чтобы ответить на это, надо ответить на вопрос о том, растет ли у нас кооперация в деревне, увеличивается ли ее значение. За время с 1 января 1924 г. по 1 июля 1925 г. количество членов сельскохозяйственных кооперативов увеличилось с 1 740 000 приблизительно до 5 миллионов, т. е. почти в три раза. А мы знаем, что сельскохозяйственная кооперация объединяет главным образом—91%—бедняков и середняков, либо совсем безлошадных и бескоровных, либо имеющих одну-две лошади, одну-две коровы, и около 9% крестьян зажиточных, скажем—кулацкого элемента. То же самое мы имеем в выборных органах сельскохозяйственной кооперации. Так вот, если мы имеем за полтора, примерно, года рост, увеличение сельскохозяйственной кооперации в три раза, так что это означает: растет ли у нас капитализм в деревне, или растет

социализм? Что ответить на этот вопрос? Надо вспомнить, что Ленин в последние годы считал кооперацию лучшим средством для проникновения социализма в деревню. Ленин писал, что кооперация составляет главную силу в деле организации социализма в деревне.

Что же говорят наши противники об этом? Они ссылаются на то, что когда-то Ленин считал невозможным развитие социализма через кооперацию в деревне, но при этом забывают сказать, что Ленин считал невозможным развитие кооперации по пути социализма тогда, когда у власти были капиталисты и помещики, когда земля, фабрики и заводы и все средства и орудия производства принадлежали эксплоататорам—капиталистам и помещикам. При диктатуре же пролетариата все это меняется: кооперация занимает совсем другое место при диктатуре пролетариата, имеет совсем другое значение. Уже в 1923 г. Ленин в статье «О кооперации» писал, что «рост кооперации для нас тождественен[1]) (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма, а вместе с тем мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм».

Почему же Ленин считал, что рост кооперации теперь—это то же самое, что рост социализма? Ленин на это прямо отвечает: «Теперь у нас свержение (господства эксплоататоров) состоялось, и теперь многое из того, что было фантастического, даже романтического[2]), даже пошлого в мечтах старых кооператоров, становится самой неприкрашенной действительностью... у нас действительно задачей осталось только кооперирование населения» (подчеркнуто мною. *Е. Я.*).

Теперь спросим себя: легче ли строить кооперацию в деревне, объединяющую бедняка и середняка против кулака, когда сняты путы в хозяйственном отношении с деревни,—или тогда, когда еще господствует военный коммунизм? Стоит поставить этот вопрос, чтобы на него сразу же ответить: конечно нужно было провести те меры, которые вводили нэп в деревню и дали возможность расти хозяйству бедняков и середняков. Если к этому добавить то, что мы считаем необходимым расширить кредитную помощь прежде всего бедняцкому населению, прежде всего—сельскохозяйственным коллективам, мы поймем тогда, в какую сторону пойдет такое развитие нэпа в деревне. Такое развитие нэпа в деревне при содействии росту коллективного хозяйства, при развитии и укреплении кооперации ведет в деревне к социализму.

1) То есть означает то же самое.

2) То есть что было неосуществимой мечтой.

Теперь понятно, почему мы спорили с ленинградскими товарищами о том, какое значение имеет кооперация. И в этом вопросе ленинградские товарищи не верили в силу кооперации, как средства построить социализм. И в этом случае ленинградские товарищи преуменьшали значение сил социализма в нэпе. Они неправильно понимали значение сил нэпа, они неправильно понимали значение нашей государственной промышленности, они неправильно понимают и значение кооперации. Потому-то XIV съезд и вынес решение, дающее точные указания о нашем отношении к крестьянству, о развитии нэпа в деревне, о развитии кооперации.

Особенно, как мы видим, XIV съезд уделил внимание сельскохозяйственной кооперации. XIV съезд партии считает, вслед за В. И. Лениным, что сельскохозяйственная кооперация в деревне является путем к социализму. А раз это—путь к социализму, то надо его всячески укреплять; раз это—путь к социализму,—в нее должны быть втянуты поголовно все бедняки, вся масса середняцкого крестьянства; раз это—путь к социализму,—сельскохозяйственную кооперацию надо всячески поддерживать и средствами, оказывать ей кредит, облегчать ей всячески пути развития; раз сельскохозяйственная кооперация—путь к социализму,—необходимо обеспечить ее лучшими работниками, и все коммунисты и все комсомольцы в деревне должны относиться к сельскохозяйственной кооперации именно как к способу построить социализм в деревне через нее, через кооперацию; раз сельскохозяйственная кооперация—путь к социализму,—надо сделать все для того, чтобы ведение дела в ней было наиболее правильное, чтобы крестьяне чувствовали от нее прямую помощь в своем хозяйстве, чтобы в ней работали честные люди, чтобы не было в кооперации хищений, растрат. Вот почему съезд вменяет в обязанность всем членам партии внимательным образом следить за развитием сельскохозяйственной кооперации и принимать все меры, обеспечивающие ее правильный рост.

О госкапитализме (государственный капитализм).

И по этому вопросу возникли споры перед XIV съездом и на XIV съезде партии. Стали появляться статьи и даже отдельные книжки, которые совсем не поленински изображали наше государственное устройство, нашу хозяйственную машину. Ленин считал, что в нашем общественном строе государственная наша промышленность, например, является социалистической промышленностью, наши государственные фабрики и заводы он считал предприятиями «последовательно-социалистического типа», т. е. такими, какими и должны быть социалистические фабрики и заводы. Это не значит еще, что все в них до последнего винтика социалистически построено, но основание их устройства, основа тех отношений, какие существуют между работающими на них и Советским

государством,— социалистическая. Ленин считал, что внутри нашего народного хозяйства имеются различные составные части (натурально-крестьянское хозяйство, мелкотоварное производство, частнохозяйственный капитализм, государственный капитализм и социализм). Спор шел по вопросу о том, чем же является наша государственная промышленность, есть ли это государственный капитализм или это—социализм.

Что такое государственный капитализм? Это есть капитализм, который регулируется не конкуренцией отдельных предпринимателей, а государством. Поэтому даже между государственным капитализмом в советском государстве, при диктатуре пролетариата, и государственным капитализмом в буржуазных странах — разница существенная, огромная. С этой стороны у нас есть ряд государственно-капиталистических предприятий, например концессии, смешанные общества. Нет никакого сомнения в том, что государственный капитализм еще вырастет в нашей стране, как вырастет в нашей стране еще в ближайшие годы и частный капитал. Ленин прямо говорил, что

> «Капитал объединяет мелкое производство, капитал вырастает из мелкого производства, на этот счет нечего закрывать глаза. Конечно, свобода торговли означает рост капитализма; из этого никак вывернуться нельзя. Если есть мелкое хозяйство, если есть свободный обмен, появляется капитализм. Но страшен ли этот капитализм нам, если мы имеем в руках фабрики, заводы, транспорт и заграничную торговлю? И вот я говорил тогда, буду повторять теперь и считаю, что это неопровержимо, что этот капитализм нам не страшен, таким капитализмом являются концессии».

Это Ленин писал в 1921 г., когда государственная промышленность еле-еле дышала, кооперация была слаба, транспорт был разрушен, смычка между городом и деревней была необычайно слаба, государственной торговли почти что не было, и мы возлагали много надежд на концессии.

Не вышло дело с концессиями, концессии занимают теперь, в 1926 г., ничтожное место в хозяйственном обороте нашей страны; но зато выросла и поставлена почти до довоенной нормы наша государственная промышленность, выросли и одолели частную торговлю государственная торговля и кооперация, смычка между городом и деревней, влияние на крестьянское хозяйство социалистической промышленности становится с каждым днем все заметнее. Вот почему мы считали, что если говорить о том, что мы строим, то, конечно, надо говорить не о государственном капитализме, а о социализме. Наши же противники на XIV съезде договорились даже до того, что и Государственный банк является не социалистическим предприятием, а государственно-капиталистическим.

Так ли понимал Ленин Государственный банк? В своей кни-

жечке «Удержат ли власть большевики» еще в 1917 г. Ленин писал:

> «Единый, крупнейший из крупнейших государственный банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике—это уже $^9/_{10}$ социалистического аппарата, это общегосударственное счетоводство, общегосударственный учет производства и распределения продуктов. Это, так сказать, нечто вроде скелета социалистического общества».

Вы спросите: какое это имеет особенное значение, не все ли это равно, разве из-за этого стоит спорить на съезде партии с такими уважаемыми товарищами, как товарищ Сокольников и другие? Очень даже приходится спорить, потому что от неправильного понимания того, что мы строим, может произойти колебание в рядах строителей, как только встанут большие или малые трудности. Если мы строим государственный капитализм—это одно настроение в работниках, а ежели мы строим социализм—другое. А отношение к госкапиталистическому предприятию, скажем, к концессии, если участвует частный иностранный капитал, или к смешанному обществу, где также может участвовать частный капитал,—другое, чем отношение к социалистической фабрике, к социалистическому заводу. В одном случае я знаю, что часть прибавочной стоимости, которая создается моим трудом, пойдет в карман к капиталисту, к частному собственнику, а в другом случае я знаю, что если и удерживается часть созданной мною ценности, то она идет в общерабочий котел для усиления государственного же хозяйства, для усиления диктатуры пролетариата, для улучшения всего народного хозяйства, для помощи крестьянской бедноте, для образования запасов производства на черный день,—и требования поэтому будут разные.

Это особенно важно по отношению к дальнейшему росту нашей промышленности. Ведь каждый день приходят в город, к фабрикам и заводам новые и новые слои деревенской бедноты, в особенности молодежи, которая никогда не знала, что такое частный фабрикант и заводчик. Важно, чтобы у всех рабочих было правильное понимание того, для чего они трудятся, что они строят, что они создают. Вот почему и в этом вопросе мы отстаивали ленинскую линию против всяких попыток от нее уклониться. Если бы мы встали на ту линию, что Государственный банк есть тоже капитализм, что наши национализированные фабрики и заводы—капитализм, наша внешняя торговля и государственная торговля—капитализм, тогда легко через пару лет, может быть, часть товарищей и сковырнулась бы в сторону союза с капиталистами, тогда возможно было бы и «перерождение партии», тогда возможна была бы и «капитуляция», т. е. сдача капиталистам завоеванного в октябре 1917 г., тогда возможен был бы распад коммунистической партии и гибель диктатуры пролетариата и Советского государства.

Наша партия на этот путь не станет никогда.

О победе социализма в одной стране.

На XIV съезде партии мы спорили с ленинградскими товарищами по вопросу о том, можно ли построить социализм в одной стране. В каком смысле происходил этот спор? Он возник не с сегодняшнего дня.

Еще в 1905 г. тов. Троцкий поставил вопрос так, что на другой день после революции, когда пролетариат одержит победу, он будет иметь против себя крестьянство, и для того, чтобы удержать победу, он должен будет получить поддержку пролетариата Западной Европы, который захватит государственную власть. А если пролетариат Западной Европы не захватит государственной власти, что же станет тогда с победой рабочего класса в нашей стране? Тогда,—отвечал тов. Троцкий,—рабочий класс нашей страны будет раздавлен. Что здесь верного? Верно только то, что без поддержки пролетариата других стран рабочий класс нашей страны не мог бы иметь таких успехов, каких он добился своей борьбой.

В вопросе о том, возможна ли победа социализма в одной стране, надо различать две стороны. Одна сторона заключается в том, можем ли мы в нашей собственной стране, в СССР, строить социализм и построить его в то время, когда в Западной Европе, в Америке и во всех других странах рабочий класс не победил, и у власти еще стоит буржуазия? А другой вопрос заключается в том, может ли в нашей стране **окончательно победить социализм и не бояться нападений** со стороны капиталистического мира, когда в Западной Европе и в Америке пролетариат не победил, и у власти стоит буржуазия и господствует капиталистический строй? **Когда мы говорим об окончательной победе социализма**, мы имеем в виду те опасности, которые имел в виду Владимир Ильич Ленин: можем ли мы, построивши социализм, когда в других странах господствуют капиталисты, быть уверены в том, что нас не попытаются раздавить, разбить военной силой капиталисты всех стран или большинства капиталистических государств? На это мы отвечаем: конечно, если **только в нашей стране** победит социализм, то мы всегда можем и должны ожидать нападения.

Но вместе с тем мы уверены в том и убедились на опыте восьмилетнего слишком строительства социализма, что **социализм в нашей стране построить мы можем**. Что **для этого нужно?** В. И. Ленин считал, что **для этого нужно сохранение диктатуры пролетариата, сохранение средств и орудий производства в руках пролетарского государства (земли, фабрик, заводов, транспорта, банков), сохранение в руках пролетарского государства монополии внешней торговли, проведение электрификации и развитие такой кооперации, которая охватила бы основную**

массу крестьянства, и, наконец, упрочение и сохранение союза пролетариата с бедняцким и середняцким крестьянством, проведение такой политики рабочего класса по отношению к крестьянству, которая давала бы возможность сомкнуть нашу социалистическую промышленность, государственную промышленность с массою крестьянских мелких хозяйств. Самую диктатуру пролетариата В. И. Ленин понимал именно, как союз рабочего класса с бедняцким и средним крестьянством.

Для того, чтобы ответить на вопрос о том, может ли победить социализм в одной стране, в нашей стране, в СССР, можем ли мы построить социализм, надо просто посмотреть, создаются ли, имеются ли те условия, о которых мы только что говорили.

Вопервых, диктатуру рабочего класса как союз с беднейшим и средним крестьянством мы всемерно укрепляем с каждым годом. Все то, что мы имеем за последнее время в виде оживления советов, в виде все большего привлечения крестьян к общественной работе, свидетельствует об укреплении этого союза. С каждым годом все больше становится доля государственной промышленности в массе производимых в стране продуктов. Только слепой не видит, что государственная промышленность сейчас уже является решающей силой во всем нашем хозяйстве. Растет и доля этой промышленности в общем хозяйстве, растет и качество ее.

XIV съезд партии специально остановился на вопросе о том, в какую сторону мы должны развивать нашу промышленность в дальнейшем. XIV съезд постановил:

> «Вести экономическое строительство под тем углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратить в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток капиталистического мирового хозяйства, а представлял бы из себя самостоятельную экономическую единицу, строящуюся по социалистически и способную, благодаря своему экономическому росту, служить могучим средством революционизирования рабочих всех стран и угнетенных народов колоний и полуколоний».

Это решение чрезвычайно важно для того вопроса, о котором мы спорили. В настоящее время мы еще находимся в зависимости от капиталистических государств в том отношении, что даже машины для производства нужных нам товаров мы получаем от них. Случись война или блокада, или что-нибудь в этом роде,—и опять наша промышленность будет испытывать величайшие затруднения, и рост социализма в нашей стране от этого замедлится. Вот мы и принимаем меры к тому, чтобы построить нашу промышленность так, чтобы самим производить машины и оборудование для нашей

социалистической промышленности, и тогда рабочие всего мира и угнетенные народы всего мира будут видеть пример, как можно строить и как строится социализм, и тогда им легче будет совершить революцию у себя в стране. Конечно, для этого нужно затрачивать значительную часть доходов и прибылей нашей государственной промышленности и торговли на оборудование фабрик, заводов, на новое строительство, на электрификацию, на усовершенствование техники.

А как обстоит дело с другими условиями победы социализма? Как с монополией внешней торговли обстоит дело? На нее было много нападок. Капиталисты всего мира рады бы ее разрушить. Отступаем ли мы от нее? Сливая Народный комиссариат внешней торговли с Народным комиссариатом внутренней торговли в один Народный комиссариат, мы ни в какой мере не ослабили значения монополии внешней торговли, наоборот, и внешняя торговля и внутреняя государственная торговля становятся могучими орудиями для накопления средств, для развертывания нашего социалистического хозяйства.

Как обстоит дело с электрификацией? План, который наметил В. И. Ленин, мы выполняем и выполним. Уже построили несколько крупных электростанций, достраиваем в этом году самую крупную—Волховстрой, развиваем сеть электростанций не только в городах, но и в деревнях. За эти годы уже несколько десятков тысяч тракторов прокладывают глубокие борозды в живом, обновленном хозяйстве. Конечно, того количества электростанций, которое мы имеем, еще недостаточно, чтобы построить социализм; но мы ведь не остановимся на этом сегодня, а идем вперед и будем развивать эту новую основу нашей техники, которая, как говорил В. И. Ленин, позволит нам пересесть с деревенской клячи на железного коня, на трактор, на машину в сельском хозяйстве. Так что и это условие— развитие более совершенной техники—мы выполняем.

А кооперация? Мы имеем несомненно значительный рост кооперации, которая все более и более охватывает хозяйственную деятельность миллионов мелких крестьянских хозяйств, объединяет их на основе потребления—потребительская кооперация, на основе производства—сельскохозяйственная кооперация, на основе объединения кустарных промыслов—кустарнопромысловая кооперация, на основе сбыта—Льноцентр, Маслоцентр и др. и на основе кредитования—кредитная кооперация. А мы уже знаем, что Ленин кооперацию при диктатуре пролетариата считал средством, которое может обеспечить нам построение социализма в крестьянской стране. Вот почему XIV съезд нашей партии дал Центральному комитету такие указания для работы на ближайшие годы:

> «а) во главу угла поставить задачу всемерного обеспечения победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом, укрепление монополии внешней торговли,

рост социалистической госпромышленности и вовлечение, под ее руководством и при помощи кооперации, все большей массы крестьянских хозяйств в русло социалистического строительства;

б) обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны [1]), развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования;

в) основываясь на решениях XIV партконференции, всемерно способствовать росту производства и товарооборота в стране;

г) использовать все ресурсы (источники), соблюдать строжайшую экономию в расходовании государственных средств, увеличивать скорость оборота в государственной промышленности, торговле и кооперации для повышения темпа социалистического накопления;

д) развертывать нашу социалистическую промышленность на основе повышенного технического уровня, однако, в строгом соответствии как с емкостью рынка, так и с финансовыми возможностями государства;

е) всемерно содействовать развитию советской местной промышленности (район, округ, губерния, область, республика), всячески стимулируя (поощряя) местную инициативу (почин) в деле организации этой промышленности, рассчитанной на удовлетворение разнообразнейших потребностей населения вообще, крестьянства—в особенности;

ж) поддерживать и толкать вперед развитие сельского хозяйства по линии повышения земледельческой культуры, развития технических культур, повышения техники земледелия (тракторизация, индустриализация сельского хозяйства, упорядочение дела землеустройства) и всемерной поддержки разнообразных форм коллективизации сельского хозяйства».

Что же доказывали нам по вопросу о строительстве социализма ленинградские товарищи? Почему мы спорили с ними по этому вопросу? Они доказывали, будто мы, большинство партии и большинство XIV съезда, защищаем возможность окончательной, полной победы социализма в одной стране. А что XIV съезд постановил? Он постановил следующее:

«В области экономического строительства съезд исходит из того, что наша страна, страна диктатуры пролетариата, имеет все необходимое для построения полного социалистиче-

[1]) Индустриализация страны означает превращение ее в такую страну, где увеличивается значение и влияние промышленности.

ского общества (Ленин). Съезд считает, что борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии. Отчетный год вполне доказал правильность этих положений. До захвата власти в других странах со стороны пролетариата, но при несомненной поддержке, без так называемой помощи со стороны иностранного капитала и в непрерывной борьбе с частным капиталом в нашей стране рабочий класс в союзе с основной массой крестьянства уже достиг первых серьезных успехов социалистического строительства».

Ленинградские же товарищи уверяли, будто тот, кто защищает такую линию, впадает в ошибку, будто мы, большинство партии, проповедуем так называемую линию национальной ограниченности.

Что такое эта «национальная ограниченность»?

Национальной ограниченностью мы называем такое понимание развития нашего хозяйства, которое сводится к тому, что мы сами, рабочие и крестьяне, населяющие СССР, можем без всякой помощи трудящихся масс других стран,—в первую очередь рабочего класса,—построить у себя и окончательно закрепить социализм. Если бы мы стали на этот путь, что это означало бы? Мы бы сказали тогда: какое нам дело до того, что делается в других странах, как живет рабочий класс в других странах?! Какое нам дело до угнетения капиталистами трудящихся в других странах? Зачем нам тогда нужен Коминтерн, зачем нам единый фронт с пролетариатом других стран? Зачем нам тогда поддерживать приезд всяких рабочих делегаций? Зачем нам тогда ссориться с капиталистами других стран? Какое нам дело, угнетают ли они рабочих и крестьян в своей стране, сажают ли они их в тюрьмы, расстреливают ли,—лишь бы у нас было все хорошо! Если бы мы встали на этот путь, мы стали бы предателями не только рабочего дела в других странах,—мы погубили бы и дело трудящихся в своей собственной стране, ибо не было бы такого единения в нашей борьбе, какое было, когда нас поддерживал рабочий класс других стран. Мы только потому и могли победить международную буржуазию, мы только потому могли закончить гражданскую войну, мы только потому могли изгнать иностранные войска из СССР и выгнать белогвардейщину,—только потому, что нас в нашей борьбе поддерживал международный пролетариат. Коммунистический Интернационал был той организацией, которая организовала борьбу и организует борьбу рабочего класса для всех стран за те же самые цели, за те же самые задачи, за то же самое дело, что и в нашей стране. Борьба рабочего класса в других странах не прекращается ни на один день, рабочий класс во всех странах держит на привязи международную буржуазию: и если бы этого

не было, давным давно нас раздавили бы. Мы не можем стать и никогда не станем на эту линию национальной ограниченности.

Когда мы говорим, что мы можем построить социализм в нашей собственной стране, есть ли это национальная ограниченность? Ленин еще до 1915 г. считал возможной победу социализма первоначально в немногих или даже в одной отдельно взятой капиталистической стране.

> «Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав (т. е. отняв) у капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, восстал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая у них восстания против капиталистов, выступая, в случае необходимости, даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств».

Так писал 23 августа 1915 г. В. И. Ленин в своей статье «О лозунге Соединенных штатов Европы».

Значит Ленин тогда считал, еще до революции 1917 г., что победивший пролетариат одной страны, отнявший у капиталистов орудия и средства производства, может организовать у себя социалистическое производство, т. е. построить социализм. А в 1923 г., в последних своих статьях о кооперации, где он обдумывал каждое слово, Ленин писал:

> «В самом деле: власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали (т. е. относились к ней свысока), как торгашескую и которую с известной стороны имеем право третировать и теперь при нэпе так же,—разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для такой постройки».

Яснее этого сказать нельзя, и тот, кто с этим не согласен, тот выступает против ленинизма. А мы, большинство съезда нашей партии и подавляющее большинство нашей партии, согласны с Лениным в этом вопросе. Вот почему мы обвинили оппозицию на съезде в неверии в дело строительства социализма в нашей стране. Вот почему съезд, между прочим, постановил:

> «Съезд считает, что одним из необходимых условий для решения этих задач является борьба с неверием в дело строительства социализма в нашей стране и с попытками рассматривать наши предприятия, являющиеся предприятиями «последовательно-социалистического типа» (Ленин), как

предприятия государственно-капиталистические. Такие идейные течения, делая невозможным сознательное отношение масс к строительству социализма вообще и социалистической промышленности в частности, способны лишь затормозить рост социалистических элементов хозяйства и облегчить борьбу с ними со стороны частного капитала. Съезд считает поэтому необходимой широкую воспитательную работу для преодоления этих извращений ленинизма».

Таким образом вы видите, что никакой национальной ограниченности мы не защищаем. Мы стоим, как и прежде, на том, чтобы, как сказано в решении XIV съезда, «укреплять всемерно союз пролетариата СССР, как базу (т. е. как фундамент, как основу) мировой революции, с западно-европейским пролетариатом и угнетенными народами, держа курс на развитие и победу международной пролетарской революции».

За международную солидарность.

Мы уже говорили о так называемом учении о национальной ограниченности, т. е. о том, что у отдельных товарищей и даже у отдельных групп может быть такой взгляд, будто мы можем обойтись без всякой помощи западно-европейского пролетариата и трудящихся всех стран, будто нам незачем поддерживать прочный союз с трудящимися всего мира, будто мы можем обойтись без этого союза. Мы уже видели, к чему ведет такая линия. Она ведет к тому, что мы из сторонников Интернационала стали бы националистами: лишь бы нам было хорошо,—а там пусть хоть весь мир погибнет! Это было бы самой близорукой и самой гибельной политикой пролетариата. Потому что, если бы за нами не было поддержки, сочувствия пролетариев, трудящихся других стран, с нами не так трудно было бы справиться нашим врагам. Нет, на такой путь наша партия не может стать никогда!

К нам в Союз за последний год особенно много приезжало рабочих делегаций и представителей крестьянских организаций из разных стран. Там, в буржуазной Европе, когда рабочие заговаривают о том, чтобы поехать посмотреть, что делается в Советском Союзе, их всячески отговаривают и тамошние меньшевики, и другие буржуазные партии. Все буржуазные газеты пишут о том, что, дескать, незачем вам ездить в Советский Союз, вам там правды не покажут, вы там правды не узнаете, а только покажут вам, так сказать, фасад, лицевую сторону, а оборотную-то сторону, теневую—тяжелые стороны жизни рабочей и крестьянской—вам не покажут. Конечно, это совершенно неверно, это неправда. Когда к нам приезжают рабочие делегации или представители крестьян (недавно приезжали представители польских крестьян в польском сейме), мы им показываем все, что они хотят видеть.

Что получается от этих поездок?

А вот что. Побывавшие у нас рабочие делегации убедились и убеждаются в том, что буржуазия их обманывает, стращая ужасами советского строя: они убеждаются, сравнивая наш строй с буржуазным, что рабочему и крестьянскому классу живется у нас гораздо лучше, свободнее, чем в других странах, что рабочий класс и крестьяне у нас управляют страной, правят всеми делами, а у них—буржуазия; что хозяйство нашей страны растет, в то время как у них падает. Оттого и не достигло еще решительных успехов революционное движение в их странах, что есть еще очень много пролетариев в Западной Европе, которые напуганы буржуазией. Когда у нас был голод, когда у нас была разруха, им говорили каждый день: вы хотите сделать революцию, как сделали ее в Советском государстве,—вы будете так же голодать, у вас будет такая же разруха. Неужели вы этого хотите? И, конечно, это удерживало очень многих пролетариев от революционной борьбы, это их запугивало и заставляло мириться с властью капиталистов и помещиков и с невыносимым угнетением. А меньшевики их уговаривали, что рабочий класс не сможет справиться с государственным делом, что диктатура пролетариата невозможна. Но вот они видят, что их положение—экономическое и политическое—становится с каждым днем хуже, а в Советском Союзе экономическое и политическое положение становится все лучше с каждым днем. Они видят, как справляются рабочие и крестьяне с государственным делом. Тогда даже самые отсталые рабочие и крестьяне начинают рассуждать подругому, они говорят себе и другим: нам нечего терять, кроме своих цепей, а завоюем мы если не весь мир, то, по крайней мере, завоюем возможность, подобно рабочим и крестьянам Советского Союза, начать строить подругому жизнь, начать строить социализм. В одиночку нам трудно, а вместе с крепнущим Советским Союзом мы этого достигнем скорей. Отчеты разных делегаций, приезжающих к нам, на рабочих и крестьянских собраниях имеют поэтому громадное значение для укрепления связи между пролетариатом Советского Союза и пролетариатом всех стран.

Вот, скажем, сейчас происходит в Китае революция. Китайский народ не хочет больше, чтоб командовали им англичане, американцы, французы, японцы и другие империалистические хищники; китайские рабочие и крестьяне не хотят терпеть более тех насилий, которые над ними совершаются, не хотят, чтобы хозяйничали у них больше, чем у себя дома, империалисты. И что же они видят? Одна только есть страна СССР, которая не насилует их, которая сочувствует их борьбе. Это видят те китайские делегаты и студенты, которые приезжают к нам, или учатся у нас, или те китайские рабочие и крестьяне, которые работают в нашем Союзе. То же самое происходит и в других странах, где хозяйничают империалисты.

Выгодно нам это или невыгодно? Конечно, выгодно. Нам не

по дороге с империалистами, нам не по дороге с капиталистами всего мира,—у нас одна дорога с рабочим классом всех стран. с трудящимися всего мира. Поэтому Советский Союз и является как бы обетованной страной, основой (базой) международного рабочего движения. Вот почему съезд принял в конце резолюции постановление, в котором

> «Съезд приветствует укрепление связи между пролетариатом Советского Союза и пролетариатом всех стран. Съезд видит в этом рост влияния Советского Союза как базы международного рабочего движения. Съезд предлагает ЦК и впредь всемерно укреплять узы международной солидарности, под знаком которой родилась, билась за свое господство и окрепла диктатура пролетариата».

За единство партии.

Почему вопрос о единстве партии возник на XIV съезде? Разве кто-нибудь угрожал этому единству, разве кто-нибудь пытался расколоть нашу партию, отколоть от нее какую-нибудь часть?

Нет. Партия наша настолько выросла и окрепла, что малейшие попытки внести в нее разлад, нарушить ее единство встречают немедленно самый дружный отпор огромного большинства нашей партии. Но в такой большой семье, как наша коммунистическая партия, где 1 миллион 80 тысяч членов и кандидатов, всегда может найтись часть товарищей, которая в тот или иной момент колеблется, усумнится в правильности пути, выступит против большинства, как это и случилось с ленинградской делегацией.

Но тут всем надо знать следующее: все делегации на XIV съезде партии—в том числе и ленинградская—выбирались на конференциях, и ленинградская делегация была также выбрана в декабре 1925 года на 22-й ленинградской партконференции. На этой конференции эти делегаты говорили: мы за Центральный комитет, мы за линию Центрального комитета, наш Центральный комитет—это самый лучший ленинский Центральный комитет. Так как ленинградские рабочие действительно одобряли линию Центрального комитета, считали ее правильной, так как ленинградские рабочие действительно считали Центральный комитет нашей партии лучшим ленинским Центральным комитетом. то они дали этим товарищам полномочия (мандаты) на съезд. А когда эти ленинградские делегаты прибыли на съезд, они сказали: нет, мы с линией Центрального комитета не согласны, дайте нам особый содоклад, и мы с этим содокладом поручаем тов. Зиновьеву выступить на съезде и сказать, в чем мы несогласны.

Мы уже познакомились с этими разногласиями по вопросу об уклонах в отношении рабочего класса к крестьянству. по вопросу

о кооперации, о нэпе, по вопросу о госкапитализме, по вопросу о руководстве партией. Съезд выслушал содоклад тов. Зиновьева, выслушал выступления товарищей Каменева, Сокольникова, Крупской и многих отдельных товарищей, которые были согласны с ленинградской делегацией. Все эти товарищи, несогласные с партией, несогласные с большинством съезда, составляли менее десятой части съезда. Мы выслушали их речи, съезд дал им возможность высказаться во-всю, не стесняя во времени, и большинство съезда ответило им как в речах, так и принятием той резолюции, с которой мы здесь ознакомились в этой книжке, за которую голосовало на съезде 559, а против—65 делегатов. Бывало и на других съездах, что мы не единогласно принимали те или иные резолюции, но когда такая большая организация, как ленинградская, ставит под сомнение правильность линии партии, голосует против общей резолюции съезда, тогда это, конечно, должно вызывать тревогу. XIV съезд признал, что:

> «Решающая роль партии может быть полностью обеспечена лишь при абсолютном (т. е. в самом полном) единстве воли, сплоченности партийных рядов, сохранении и укреплении большевистской пролетарской дисциплины партии».

Почему нужно было об этом принимать резолюцию? Разве это не ясно само собою?

Именно поэтому съезд и сказал, что в поведении ленинградских товарищей съезд увидел угрозу тому, что единство воли, сплоченность партийных рядов может поколебаться. Ленинградская делегация держала себя на съезде таким образом, что как бы стояла против всего съезда: вы, мол, так вот идите, по правой дороге, а мы по другому пути, по левой дороге. Это и есть колебание сплоченных партийных рядов, это и есть нарушение единства воли партии. Вот почему съезд партии должен был говорить «о сохранении и укреплении большевистской пролетарской дисциплины партии». Ведь на XIV съезде партии кое-кто поговаривал о том, что, дескать, бывает и так, что большинство не право. Один товарищ напомнил нам даже Стокгольмский съезд партии.

Что такое Стокгольмский съезд партии? Зачем понадобилось упоминать нам об этом съезде?

В 1906 г. происходил в столице Швеции IV съезд партии, который мы называли объединительным. Туда мы, делегаты со всех концов России, съехались нелегально, т. е. тайком. Партия наша была расколота на две части—на большевиков и на меньшевиков. У большевиков были свои комитеты, у меньшевиков—свои, даже в одном и том же городе. У нас были глубочайшие разногласия с меньшевиками по очень многим вопросам: и по вопросу о земельной программе, и по вопросу об отношении к буржуазным партиям, и по вопросу о вооруженном восстании. Но революция требовала от нас от всех наибольшего единства

действий. И мы сделали попытку: нельзя ли на съезде объединить наши действия, сговориться о том, чтобы бить в одну точку всем вместе—и большевикам и меньшевикам,—для того мы и съехались, чтобы попытаться сговориться в 1906 г. на Стокгольмском объединительном съезде. Там присутствовали и латышские социал-демократы, и польские, и еврейская рабочая организация Бунд. Меньшевики оказались на этом съезде в большинстве. Были приняты решения, с которыми мы, большевики, во многом были несогласны; в особенности же мы были несогласны с решениями по земельному вопросу. Такими, как мы приехали в Стокгольм, такими мы и разъехались по всей России большевики и меньшевики—и вскоре убедились в том, что никакого единства с меньшевиками у нас нет и быть не может. Мы продолжали борьбу с ними и после этого съезда за нашу большевистскую линию. Мы каждое почти что решение Центрального комитета (меньшевистского в своем большинстве) оспаривали. Центральный комитет одну резолюцию предложит, а мы, большевики,—другую. Конечно, это болезненно отражалось в жизни нашей партии. Во многих местах никакого единства так и не произошло,—как были большевистские и меньшевистские комитеты, так они и остались. Мы, большевики, старались повсюду вытеснить меньшевиков из организаций, разоблачая их перед рабочими массами как людей, изменяющих пролетарской революции. Сам Ленин писал такие статьи, как статья «О лицемерии 31 меньшевика». Уже одно название этой статьи говорит о том, что и после этого «объединительного» съезда у нас не было единства с меньшевиками. Мы тогда говорили себе: ну, что же,—мы на этом съезде оказались в меньшинстве, будем бороться за то, чтобы нас было большинство на следующем съезде. И, действительно, уже на Лондонском съезде в 1907 г. мы по очень многим вопросам оказались в большинстве.

Теперь посудите сами: правильно ли было в 1925/26 году ссылаться на Стокгольмский съезд—там, дескать, тоже было большинство (надо при этом для истины сказать, что большинство-то было всего в несколько голосов: если взять грубо,—из пяти делегатов съезда три было меньшевика, два—большевика): но это большинство, мол, было неправо, истина была на стороне большевиков, которых было меньше на этом съезде. Что же, разве можно допустить в нашей партии такое поведение в 1926 г. для меньшинства, какое мы сами допускали для себя, когда фактически у нас были две партии? Конечно, нет. Если бы мы допустили при диктатуре пролетариата подобное поведение для меньшинства, да еще для меньшинства, которое на съезде составляло менее одной десятой, то мы этим самым признали бы, что мы не партия единомышленников и что в нашей партии могут уживаться самые разнообразные группы и течения. Это—не большевистская линия. Мы боролись и при Ленине под руководством Влади-

мира Ильича против такого толкования партии, когда Ленин внес на X съезде резолюцию о единстве партии, когда он предложил осудить, и съезд осудил так называемую «Рабочую оппозицию» нашей партии, осудил троцкистов, когда они выступали в оппозиции, и назвал их ошибку мелкобуржуазным уклоном. Вот почему мы и сказали оппозиции на XIV съезде партии: поспорили на XIV съезде и до съезда, мы вас выслушали, дали вам возможность доказывать съезду правильность вашей линии, огромное большинство съезда с вами не согласно, съезд решил подругому, -будьте добры теперь подчиниться без всяких оговорок и проводить то, что решил съезд. Другого порядка наша партия не знает и знать не будет кроме того, что решения большинства съезда, верховного и законодательного органа партии, обязательны для всех ее членов и кандидатов.

Оппозиция требовала от нас, чтобы мы дали возможность начать дискуссию по вопросам, решенным съездом—дескать, мы поедем сейчас после съезда с докладами и объясним, почему мы защищали такие-то взгляды на съезде. Съезд сказал на это: нет, это непорядок. Надо проводить в жизнь то, что решил съезд. Если вы не можете отказаться от своих ошибок, от своих неправильных взглядов, то доклады возьмут на себя те, кто целиком согласен с решениями съезда, чтобы не колебать наших рядов. Вот почему XIV съезд постановил:

> «Съезд одобряет политику ЦК, которая была направлена на то, чтобы не допустить открытой дискуссии с некоторыми руководителями ленинградской организации и их отдельными единомышленниками из состава ЦК, стараться изжить разногласия в порядке внутреннем и обеспечить коллективное руководство партии».

В этой части постановление говорит о том, что и раньше некоторые товарищи хотели было поднять спор, вынести спорные вопросы в печать на общее обсуждение, на дискуссию, а мы знаем, что когда дискуссия (спор) охватывает нашу партию, то этот спор охватывает и всю страну, рабочих и крестьян втягивает в этот спор, и партия наша начинает лихорадить. Чтобы не трепать партию по отдельным спорным вопросам, мы старались изжить возникшие разногласия внутри партии.

Что это значит—стараться «изжить разногласия в порядке внутреннем»? А это значит, что спорные вопросы мы обсуждаем в политическом бюро Центрального комитета или в организационном бюро Центрального комитета или на пленумах Центрального комитета и не выносим их на обсуждение в печать, на широкие собрания членов партии и беспартийных масс. Так мы и делали, так и поступал Центральный комитет, и съезд эту линию одобрил, потому что Центральный комитет в этом случае оберегал партию от лихорадки дискуссии (спора).

Что значит «обеспечить коллективное руководство партии»?

Об этом также у нас были споры с оппозицией на съезде. Оппозиция говорила: мы за коллективное руководство партии. Но коллективное руководство партии это ведь значит, что не отдельное лицо руководит партией, а руководит тот коллектив, тот Центральный комитет, который выбирается съездом партии. Надо сказать, что этот вопрос не нов. Еще Ленину пришлось спорить с товарищами о том, правильно ли устроена партия. Ленин тогда, в 1920 г., в книжке «Детская болезнь левизны» разъяснял меньшевикам и полуменьшевикам:

> «Партией, собирающей ежегодно съезд (последний—один делегат от тысячи членов), руководит выбранный на съезде Центральный комитет из 19 человек, при чем текущую работу в Москве приходится вести еще более узким коллегиям, именно так называемому оргбюро (организационное бюро) и политбюро (политическое бюро), которые избираются на пленарных (полных) заседаниях Центрального комитета в составе пяти членов Центрального комитета в каждое бюро. Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государством учреждением нашей республики без руководящих указаний Центрального комитета партии».

Здесь не упомянут только секретариат Центрального комитета, который ведет всю исполнительную работу, всю мелкую подготовительную работу и который также выбирается пленарным заседанием Центрального комитета. Таким образом теперешнее устройство Центрального комитета было создано при Ленине и в значительной степени Лениным.

Что изменилось с тех пор?

Так как партия выросла, деятельность ее расширилась, подросли новые силы, то выросло и расширилось и руководящее учреждение партии. Вместо трех секретарей Центрального комитета, как было при Ленине, сейчас пять секретарей. Как был при Ленине один из них генеральным секретарем, или главным, так и сейчас у нас есть генеральный секретарь—тов. Иосиф Виссарионович Сталин. Политбюро после XIV съезда расширилось,—вместо семи человек стало девять человек. Изменился и состав политбюро. Вместо тов. Каменева, который является теперь кандидатом в члены политбюро, введены три новых члена: тт. Калинин, Ворошилов, Молотов (тов. Каменев на XIV съезде не был согласен с большинством съезда и был вместе с ленинградской оппозицией). Состав Центрального комитета расширился многими новыми молодыми товарищами. Всего членов в Центральном комитете 63, да кандидатов 43. Так вот, на основании опыта последних лет мы можем сказать: коллективное руководство у нас в настоящее время больше еще, чем было

при Владимире Ильиче. Это не упрек Владимиру Ильичу, а это только признание того факта, что при Владимире Ильиче мы очень часто полагались на его мнение больше, чем теперь можем полагаться и полагаемся на мнение отдельного члена Центрального комитета. Все вопросы теперь решаются именно коллективно (сообща), и Центральный комитет нашей партии стремится к тому, чтобы обеспечить именно такое коллективное руководство партии не только в центре, но и на местах. Оппозиция в лице тов. Каменева и других ставила вопрос о том, что, мол, надо перестроить Центральный комитет, чтобы у нас было «полновластное политбюро». Но съезд партии в своем огромном большинстве признал, что строение нашего Центрального комитета правильно и что политбюро и так полновластно решает все вопросы, но при этом напомнил товарищам, что у нас есть пленум Центрального комитета, который является высшим решающим органом от одного съезда до другого.

Также возбуждался вопрос о том, хорош ли у нас генеральный секретарь нашей партии, тов. Сталин? На это съезд ответил шумными аплодисментами тов. Сталину, признав, что он является действительно признанным партией руководителем ленинской коммунистической партии. Поэтому тов. Сталин был избран генеральным секретарем сейчас же после съезда на первом же пленуме нового Центрального комитета.

Съезд, конечно, тревожился тем, как поведет себя в дальнейшем ленинградская делегация. Съезд не сомневался в том, что все ленинградские члены партии и кандидаты, ленинградские рабочие и работницы, не пойдут за потерявшей верную дорогу делегацией в Ленинграде. Поэтому XIV съезд вынес решение:

> «Съезд поручает ЦК вести решительную борьбу со всякими попытками подрыва единства партии, откуда бы они ни исходили и кем бы они ни возглавлялись. Съезд выражает твердую уверенность в том, что ленинградская организация станет в первые ряды борцов за сплоченность и единство нашей ленинской партии,—единство, которое должно быть сохранено и укреплено во что бы то ни стало».

Почему съезд вынес такое решение?

Вполне понятно, во главе оппозиции стояли люди с известными именами. Они могли внести смущение в ряды нашей партии, в ряды трудящихся. Если уже, дескать, т а к и е л ю д и выступают против большинства съезда, значит дело неспроста. Но у нас в партии нет такого положения, что большинство партии склоняется перед меньшинством, даже если во главе этого меньшинства стоят хотя бы и очень уважаемые товарищи. Ведь осудил же XIII съезд троцкизм и линию тов. Троцкого, как мелкобуржуазный уклон. Также и в данном случае съезд не посмотрел, что вместе с оппозицией выступают очень уважаемые товарищи, и поручил Центральному комитету «вести решительную борьбу

со всякими попытками подрыва единства партии, откуда бы они ни исходили и кем бы они ни возглавлялись».

По отношению к ленинградской делегации съезд не только выразил доброе пожелание, еще во время съезда было постановлено сменить редактора «Ленинградской Правды» за то, что «Ленинградская Правда» уже после принятия съездом резолюции по отчету Центрального комитета позволила себе вести борьбу против решений съезда, оспаривать эти решения.

После XIV съезда партии в Ленинград выехали члены Центрального комитета тт. Калинин, Молотов, Ворошилов, Томский, Андреев, Шмидт, Шверник, Киров и несколько членов Центральной контрольной комиссии (тт. Гусев, Сольц, Косарев, Ильин). Они провели по всем фабрикам и заводам собрания, на которых разъясняли решения съезда и объясняли ленинградским товарищам, насколько неправильно было поведение ленинградской делегации на XIV съезде. Мы знаем, что огромное большинство членов и кандидатов ленинградской организации —около 95% —признало линию Центрального комитета и большинства съезда правильной, а свою делегацию на XIV съезде осудило, переизбрало все свои руководящие органы, поставило на место ошибающихся товарищей новых. Уже после съезда в Ленинграде были созваны экстренные конференции по районам, а затем губернская конференция, которая на место прежних районных комитетов и губернских комитетов партии и районных и губернских контрольных комиссий избрала новые, признающие целиком правильными решения XIV съезда партии.

Таким образом мы должны сказать, что колебания были только в верхушке ленинградской организации. Масса членов ленинградской организации, конечно, тоже колебалась, поскольку не была еще знакома полностью с решениями съезда; а когда выслушала доклады тт. Калинина, Ворошилова, Молотова, Кирова, Томского, Андреева, Шмидта и других,—эта масса заявила: мы за единство партии, мы не согласны с оппозицией, мы считаем линию партии правильной. И ленинградская организация действительно снова стала «в первые ряды борцов за сплоченность и единство нашей ленинской партии, которое должно быть сохранено, укреплено во что бы то ни стало», как сказано в резолюции XIV съезда партии.

О комсомоле.

Был у нас спор и по поводу комсомола. Ленинградские товарищи, когда была принята уже резолюция по поводу комсомола, заявили, что они не согласны с пунктом 23 резолюции о комсомоле.

Что говорится в этом пункте?

> «(Отсюда вытекает, что) необходима борьба на два фронта: вопервых, необходимо продолжение борьбы с к о м ч в а н-

ством и с излишним оптимизмом[1]), который не видит огромных трудностей и опасностей, стоящих перед нами; в особенности необходима эта борьба потому, что, несмотря на резкое усиление удельного веса социалистических элементов хозяйства, частный торговый капитал в состоянии прорывать наш фронт как раз в области соотношений между городом и деревней; с другой стороны, несомненное усиление кулака, в свою очередь, ставит ряд новых задач; во вторых, необходима решительная борьба против пессимизма и ликвидаторского безверия в социалистические пути нашего развития (что льет воду на мельницу меньшевиков и эсеров), борьба, которая делается настоятельной именно теперь, когда выступают новые слои молодежи и когда, с другой стороны, развитие нашей промышленности отнюдь не может еще рассосать в достаточной мере общую нищету (безработица, перенаселение, плохое образование, недостаточная зарплата и пр.) и подвести достаточную базу для быстрых успехов социализма в деревне».

Необходимо разъяснить этот пункт резолюции о комсомоле. У нас есть часть коммунистов и комсомольцев, которые под влиянием успехов действительно не видят огромных трудностей и опасностей, стоящих перед нами. Отсюда несерьезное отношение к этим трудностям. Резолюция подчеркивает, что частный торговый капитал еще достаточно силен в деревне, что именно в деревне (в области хлебозаготовок, в области скупки сырья, в области снабжения деревни предметами первой необходимости) частный капитал может еще прорвать наш фронт как раз в этом самом опасном месте. Съезд обратил внимание на то, что усиление кулачества ставит перед коммунистами и перед комсомолом новые задачи,—как бороться с этим усилением кулака, как ему противопоставить организованную силу остальной деревни.

Но, с другой стороны, у части молодежи (мы видели, что и у части взрослых товарищей) под влиянием трудностей рождается и пессимизм, т. е. люди начинают смотреть слишком мрачно на будущее, не верят в наши силы построить социалистическое хозяйство, или впадают, как сказано в резолюции, в «ликвидаторское безверие в социалистические пути нашего развития». Ликвидаторами мы называем людей, которые, разуверившись в правильности революционных путей, начинают хныкать и говорить о необходимости нового пути. У нас есть такие товарищи, которые не верят в социалистические пути нашего развития, а это как раз наруку меньшевикам и эсерам, которые подзуживают: у нас, дескать, так же капитализм, как и в других странах. Эти меньшевики и эсеры подчеркивают наши язвы: безработицу, кое-где—перенаселение, ко-

[1]) Излишний оптимизм—когда люди изображают дело в лучшем виде, чем оно есть.

торое ведет к маленьким земельным наделам и к ухудшению сельского хозяйства, недостаточную, плохую постановку образования, недостаточную еще заработную плату. Но разве мы не знаем, разве мы скрываем, что у нас очень много еще недостатков есть в нашей стране. Но одно дело, когда за борьбу с этим берутся люди, которые видели похуже, которые знают что такое капитализм, действительный капитализм, которые вели классовую борьбу и которые знают, что мы все эти язвы залечим, все эти трудности преодолеем; и другое дело, когда в нашу промышленность, в общественную работу, в комсомол втягиваются новые слои молодежи, в особенности крестьянской молодежи, которые классовой борьбы не знали почти, которые предъявляют большие требования Советскому государству. Тут, если не дать правильной линии, может получиться известная опасность. В партии нет колебаний по вопросу о том, что с такими явлениями надо бороться. Колебания обнаружились лишь в небольшом отряде, который был на съезде,—в отряде ленинградской делегации. Но не надо думать, что весь ленинградский комсомол также был настроен таким образом, как настроена по этому вопросу была ленинградская делегация. В настоящее время можно сказать, что и ленинградская комсомольская организация считает решения XIV съезда по всем вопросам правильным.

Переименование партии РКП (б) в ВКП (б).

Наверное не все еще знают, почему наша партия стала называться ВКП(б) вместо РКП(б), т. е. стала называться Всесоюзной коммунистической партией; а раньше называлась Российской коммунистической партией. Мы должны были сделать это переименование потому, что Советский Союз, который вначале образовался как РСФСР—как Российский Союз Федеративных Советских Республик, превратился в СССР—Союз Советских Социалистических Республик, в который вошли все республики и автономные области, образовавшиеся на пространстве бывшей Российской империи. Этот Союз основан на том, что мы уничтожаем всякий гнет одной национальности над другой. Название Российской Коммунистической партии было бы теперь неправильно потому, что оно продолжало бы напоминать о прежних эксплоататорских отношениях между русским народом и другими народностями, населявшими Российскую империю. Но не только поэтому переименована РКП(б) в ВКП(б),—мы подчеркиваем этим названием, что все коммунистические партии, работающие в отдельных национальных организациях—Грузинская, Белорусская, Азербайджанская, Украинская и другие—входят в одну общую—Всесоюзную, имеют одну программу, один устав, одну тактику. Вот почему мы переименовали на XIV съезде партию РКП(б) в ВКП(б), во Всесоюзную коммунистическую партию большевиков.

О Центральной контрольной комиссии.

На десятом съезде нашей партии (в 1921 г.) была создана Центральная контрольная комиссия партии. Она была организована на основе постановления X съезда о контрольных комиссиях:

> «В целях укрепления единства и авторитета (значения) партии создаются контрольные комиссии, в задачу которых входит борьба с вкрадывающимися в партию бюрократизмом, карьеризмом, злоупотреблением членов партии своим партийным и советским положением, с нарушением товарищеских отношений внутри партии, с распространением неосновательных и непроверенных, позорящих партию или отдельных членов ее слухов и инсинуаций (клеветы) и других подобных сведений, нарушающих единство и авторитет партии. Причем контрольные комиссии не только должны внимательно выяснять поданные им заявления, но и изучать те причины, которые у нас вызывают подобные болезненные явления в партии, и вместе с тем направлять все жалобы и заявления о преступлениях и о проступках членов партии должным образом».

Центральная контрольная комиссия с тех пор проделала огромную работу. Она дважды произвела проверку состава нашей партии, чистку партии, которой В. И. Ленин придавал очень большое значение. Первой была всеобщая чистка в 1921 г., из партии удалены были шкурнические, примазавшиеся, карьеристские, преступные, недостойные партии элементы. В 1924 г. мы проверили непроизводственные наши ячейки—советские ячейки и учащихся—и удалили из них также элементы, негодные для партии. Центральная контрольная комиссия постоянно внимательно следит за тем, чтобы не нарушились постановления партии, программа ее, устав, чтобы члены партии не делали каких-нибудь позорящих партию поступков, и привлекает за подобные нарушения и проступки к ответственности, не останавливаясь ни перед каким высоким положением члена партии.

Владимир Ильич, тогда уже больной, предложил нам в 1923 г. перестроить Центральную контрольную комиссию, расширить ее, увеличить, связать ее работу ближе с работой Центрального комитета партии, чтобы члены ЦКК изучали все материалы и документы, которые поступают в Центральный комитет, чтобы они следили за тем, чтобы как-нибудь не получилось раскола, чтобы они охраняли единство партии, чтобы совместно с Центральным комитетом на пленумах обсуждали важнейшие вопросы. Члены Центральной контрольной комиссии (ЦКК), по мысли Владимира Ильича, должны работать в рабоче-крестьянской инспекции и

поставить этот народный комиссариат как образцовый и через него улучшать, совершенствовать, удешевлять, делать более простым весь наш советский государственный аппарат.

В таком виде Центральная контрольная комиссия и была перестроена на XII съезде партии. Второй ее созыв давал уже отчет перед партией. Такой отчет Центральная контрольная комиссия давала и на XIV съезде партии. XIV съезд партии по отчету председателя Центральной контрольной комиссии тов. В. Куйбышева, который является в то же самое время народным комиссаром рабоче-крестьянской инспекции и входит в Совет Народных Комиссаров, постановил:

> «XIV съезд ВКП(б) полностью одобряет деятельность Центральной контрольной комиссии и утверждает внесенные ею предложения о работе ЦКК и РКИ. т. е. рабоче-крестьянской инспекции.
>
> Съезд констатирует, что в результате работы ЦКК и РКИ достигнут ряд улучшений в нашем госаппарате.
>
> Съезд особо одобряет работу ЦКК по борьбе с засорением партии чуждыми и разложившимися элементами, в частности съезд признает правильным производившуюся ЦКК проверку непроизводственных ячеек.
>
> Съезд одобряет занятую ЦКК позицию в вопросе об охранении единства партии и поддержке ленинской линии ЦКК.
>
> Съезд поручает новому составу ЦКК еще решительнее бороться против идейных шатаний и попыток нарушить единую волю и дисциплину партии и принять все меры, обеспечивающие последовательное и неуклонное проведение принятых XIV съездом решений».

Однако надо иметь в виду, что на XIV съезде партии ленинградская оппозиция не голосовала за эту резолюцию. Она воздержалась при голосовании на том основании, будто Центральная контрольная комиссия не выполнила своего долга. Ленинградские товарищи обвиняли Центральную контрольную комиссию в том, что она не все сделала для того, чтобы XIV съезд партии прошел без тех споров, какие были у нас. При этом некоторые товарищи ставили вопрос так: Центральная контрольная комиссия не должна была поддерживать большинство партии, большинство Центрального комитета; наоборот, она должна была это большинство осаживать и поддерживать справедливые требования оппозиции.

На это мы должны сказать, что если бы ЦКК признала требования меньшинства, требования оппозиции правильными, она бы их поддержала. А так как Центральная контрольная комиссия все время внимательно следила за работой Центрального комитета, принимала участие в разработке мероприятий Центрального

Комитета по всем основным вопросам международной и внутренней хозяйственной политики, то Центральная контрольная комиссия поддерживала, конечно, большинство Центрального комитета и большинство съезда. Вот это-то и не понравилось оппозиции, и поэтому-то она воздержалась при вынесении резолюции по отчету Центральной контрольной комиссии. И в этом вопросе она подходила не так, как бы следовало тем, кто отстаивает Лениным созданное партийное учреждение.

ЗАВЕРШЕННЫЙ КРУГ

ИТОГИ ФРАКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОППОЗИЦИИ ЗА 1926 ГОД

Всем членам нашей партии необходимо отчетливо осознать не только отдельные моменты борьбы новой оппозиции с партией,—борьбы, которая закончилась жесточайшим поражением объединенной оппозиции; необходимо видеть всю борьбу оппозиции за этот год: тогда еще более ясной станет сила этого поражения оппозиции и сила нашей партии, которая сумела справиться втечение нескольких месяцев с натиском объединенной оппозиции. Многим казалось, особенно из оппозиционного лагеря, что силы оппозиции растут с каждым днем; некоторые из вождей оппозиции, вероятно, искренне думали, что «сегодняшнее меньшинство завтра станет большинством». Некоторые из них приурочивали этот момент к осени, к партконференции, к «XIV с половиной съезду» или к XV съезду; некоторые были убеждены в том, что на XV съезде соотношение всей партии совершенно изменится и что докладчиками будут уже представители нынешнего меньшинства. События последних дней показали, какие ничтожные силы в нашей партии за объединенной оппозицией.

Но вместе с тем разлагающая работа, которая была проделана оппозицией за это время, оставила, несомненно, глубокие следы в отдельных, хотя и малочисленных группах членов партии. Бешеная кампания против партии, не брезговавшая никакими средствами, не останавливающаяся перед самыми крайними, раскольническими, фракционными мерами борьбы, отравила сознание части товарищей, и не так уже легко, может быть, будет отдельным товарищам освободиться от этой отравы, которая сделала их чуждыми партии, враждебными партии.

Задача настоящей статьи обрисовать работу новой оппозиции, чтобы еще более полно вскрыть несостоятельность оппозиции и тем помочь товарищам, сбившимся с пути, возможно скорее изжить остатки фракционности и (может быть, помочь даже самим руководителям оппозиции) избавиться от самообмана, который привел их к такой катастрофе.

1. Как складывался оппозиционный блок?

Я не буду здесь касаться «истории разногласий», которая была рассказана тов. Зиновьевым и другими на XIV съезде партии. Вряд ли кто теперь станет спорить против совершенно неопро-

вержимых данных, что перед XIV съездом тов. Зиновьевым и другими лидерами нынешней оппозиции велась определенная подготовка к XIV съезду, частью в отдельных секретных заседаниях руководящей головки ленинградской организации, частью на районных и на XXII губернской конференции в Ленинграде. Но следует отметить одну черту во всей этой подготовке. Подготовка велась таким образом, что маскировкой для нее служили нападки на троцкизм и на тов. Троцкого. Вся партия знает, как ленинградцы требовали исключения тов. Троцкого не только из состава Политбюро, но одновременно и из состава ЦК; вся партия знает, как соответствующим образом подготовлялась не только ленинградская организация комсомола, но и ЦК комсомола. Тов. Зиновьев и другие противопоставляли мнение ЦК комсомола мнению большинства ЦК, которое тогда противилось исключению тов. Троцкого из состава Политбюро. Вся партия теперь знает о письме тов. Леонова о том, как секретарь ленинградского губкома тов. Залуцкий обвинял большинство ЦК в покровительстве тов. Троцкому, в перерождении ЦК и в термидорьянстве. Пускались слушки и намеки, а иногда и прямые обвинения, что большинство ЦК состоит из «троцкистов» и «полутроцкистов»; одновременно велась атака на тов. Бухарина и специально создавалась «синяя папка» документов, направленных к тому, чтобы дискредитировать тов. Бухарина. В речах и произведениях целого ряда товарищей нынешней оппозиции излюбленной темой были нападки на тов. Троцкого и на троцкизм и обвинение большинства партии в том, что оно покровительствует троцкизму. Вот тов. Черный, секретарь одного из ленинградских районов, призывает к себе тов. Филиппа Иванова и объясняет ему: «О Троцком разногласия идут в такой плоскости: тт. Зиновьев, Каменев, Крупская и вся ленинградская организация стремятся к тому, чтобы окончательно добить троцкизм. Тт. Сталин, Молотов, Бухарин, Калинин и прочие хотят ввести Троцкого не только членом ЦК партии, но даже намечают его вновь в Политбюро ЦК. Печатаются все его речи и статьи, без всяких примечаний, помещаются различные его доклады, вовсю распространяются его книги и брошюры, одним словом, вновь при таком послаблении дают жить троцкизму» [1]).

Когда потом тов. Ланде разоблачает фракционную работу перед XXII ленинградской конференцией будущей оппозиции, одним из аргументов против Ланде в устах ленинградцев является то, что Ланде—бывший троцкист. Как можно верить бывшему троцкисту? На XXIII чрезвычайной конференции губернской организации ВКП(б) тов. Зайцев говорил об этой подготовке к XIV съезду:

---

1) XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет.

«Мы видели и чувствовали, в особенности делегация Выборгского района, что ряд товарищей, как Саркис, Александров и другие приготовляли идейный динамит для взрыва единства и подрыва авторитета ЦК партии» [2]. «Идейный динамит» оказался очень плохого качества и дал только вспышку, от которой остался не очень благоуханный запах.

Теперь совершенно точно установлено, что еще задолго до XIV съезда оппозиция ставила в Ленинграде вопрос о расколе, об отколе. Тов. Кузьмин с Балтийского завода на XXIII ленинградской конференции рассказал, как «еще до нашей районной конференции у нас на Балтийском заводе явился заведующий орготделом Василеостровского района тов. Абрамсон и предложил собрать десяток актива, где он поставил вопрос об опасности внутри нашей партии, о расколе в ЦК». Говорил о том, что «лучшая часть ЦК в лице четырех товарищей, Зиновьева, Сокольникова, Каменева и Крупской отделяется»... На деле договорился до того, что «необходимо дать бой на съезде, что, может быть, мы останемся в меньшинстве, но что нужно вести подготовительную работу к XV съезду партии». Тов. Чернов (завод имени Радищева) на той же конференции рассказал о подготовительной работе, которая началась в Василеостровском районе еще с момента 8-й Октябрьской годовщины, со знаменитого вечера «спайки оппозиции», где выступил с докладом тов. Зиновьев. «Оглядываясь теперь на это собрание актива,— говорил Чернов,—ясно, что многое там не договаривалось, вероятно, что Зиновьев не чувствовал там еще стопроцентной поддержки». «После этого начинаются секретные заседания в районных комитетах, где собираются оппозиционно настроенные организаторы коллективов, где определенно обсуждаются мнения о тех или других членах ЦК партии».

Если в своих речах и статьях тт. Саркис, Сафаров, Шелавин и др. тогда обвиняли по различным поводам большинство партии в сочувствии троцкизму, то эти ноты особенно заострил сам тов. Зиновьев в своей знаменитой речи 8 декабря 1925 г., где он призывал ленинградскую конференцию сплотиться, выступить, как один, на XIV съезде, устранив из делегации всех, кто не был с ними согласен в вопросе о необходимости дать бой партии. Выступая против резолюции, принятой на московской губернской конференции, цитируя то место в резолюции московской конференции, где говорится о ликвидаторском безверии в силы пролетариата и о возможности социалистического строительства в СССР, тов. Зиновьев говорил: «В кого, вы думаете, здесь стреляют? В Троцкого? В меньшевиков? Ничего подобного». Прямой смысл этих вопросов, конечно, только тот, что если бы стреляли таким обвинением в Троцкого, в мень-

[2]) Стенографический отчет, бюллетень № 2.

шевиков, то это было бы правильно. Тов. Зиновьев еще 8 декабря 1925 года ставил Троцкого наряду с меньшевиками. Он считал, что по отношению к тов. Троцкому такие упреки были бы еще законны. По поводу слов резолюции москвичей «конференция считает необходимым дать решительный отпор ликвидаторским попыткам трактовки нашей социалистической промышленности, как промышленности государственно-капиталистической»—т. Зиновьев спрашивает: «Вы думаете, что все эти слова о безверии и прочее говорятся про Троцкого?» Опять-таки прямой смысл этого вопроса нельзя иначе истолковать, как то, что тов. Троцкий заслуживает, по мнению т. Зиновьева, таких упреков. По поводу заявления московской конференции, что «недооценка середняка, боязнь середняка, непонимание его общественно-экономической и политической роли есть объективно не что иное, как срыв союза рабочих и крестьян, ослабление диктатуры пролетариата, величайший ущерб делу строительства социализма», тов. Зиновьев опять разражается грозной филиппикой: «Про кого это говорится? Вы опять думаете, что это про Троцкого?»

Троцкого и троцкистов оппозиционные лидеры готовы были обвинять во всем том, в чем их самих обвиняли. Троцкизм играл тогда—это теперь совершенно ясно—роль дымовой завесы, которую простирали перед ленинградскими партийными массами для того, чтобы легче было нападать на ЦК. Центр тяжести всей подготовительной агитации сводился к тому, что в течение последнего времени большинство партии будто бы мирволит троцкистам. Так как надо бороться, то т. Зиновьев дал лозунг объединяться для борьбы на XIV съезде: «Вы должны, говорю вам, ясно сознавать, как обстоит дело в московской конференции, имеющей большое значение, проведенной под лозунгом «бей ленинградцев!». «Мы должны выступить, как один человек, мы должны быть единодушны». Само собой разумеется, что для этого «единодушия», пришлось вывести из состава делегации намеченных раньше тт. Сталина, Дзержинского, Комарова, Лобова и других.

Тов. Комаров рассказал на XIV съезде, как это происходило, как тов. Зиновьев предлагал ему «срегулировать», как он говорил ему: «Выступите на конференции и заявите, что вы не только разделяете ее резолюцию, но что вы разделяете все настроение конференции и что со всеми нами будете где угодно защищать их. Если этого не сделаете, то товарищи, наверное, отведут вас из списков губкома и из списков на съезд». (Стенографический отчет о XIV съезде).

Как велась подготовка, об этом мы знаем также из письма т. Филиппа Иванова, оглашенного на XIV съезде:

> «Мы должны, говорил т. Черный т. Иванову, вести осторожно такую подготовительную работу к районным и губернским конференциям и к XIV съезду, чтобы свою точку зрения перед партией и ЦК заявить в четверть голоса на

районных конференциях, в полголоса на губернских партийных конференциях и полным голосом должны заявить эту точку зрения нашей делегации на XIV партийном съезде».

Тов. Троцкий все это знал. На XIV съезде он хранил глубокое молчание.

Что же заставило уже тогда т. Троцкого и троцкистов держать такую нейтральную позицию по отношению к тов. Зиновьеву и ко всей новой оппозиции? Надежда на соглашение с новой оппозицией. Несмотря на то, что первые предложения в этом смысле со стороны оппозиции по адресу всех прежних группировок были чрезвычайно еще робки и неопределенны; несмотря на то, что представители прежних оппозиционных группировок, тт. Шляпников, Радек и др. делали вид, что они совершенно не верят в серьезность таких предложений,—однако надежды у них, несомненно, были, надежды на то, что теперь, когда вступают в оппозицию тт. Зиновьев, Каменев, Сокольников и другие, легче будет объединенными силами свалить ЦК, «положить его на обе лопатки». Когда тов. Зиновьев предлагал «поручить ЦК привлечь к работе всех товарищей, все силы всех бывших групп в нашей партии», в зале заседания раздался шум. Тов. Моисеенко спросил т. Зиновьева: «С кем вы заигрываете»? Представители оппозиции других фракций и групп—троцкисты, шляпниковцы и другие говорили: «Кто ему поверит?» Но когда решался вопрос о назначении тов. Степанова-Скворцова редактором «Ленинградской Правды», тов. Троцкий заявил, что он против такой меры по отношению к ленинградской организации, он фактически уже протягивал руку новой оппозиции, «пролезал в щель разногласий».

Для всех было очевидно, что на XIV съезде со стороны новой оппозиции раздался призыв к созданию блока оппозиционных групп. Это выразил очень ярко т. Бухарин в заключительном слове, когда он говорил: «До сих пор у нас всегда считалось, что наша партия,—в этом одна из составных частей ленинизма,—есть единая монолитная организационная крепость, вырабатывающая совершенное единство воли, и т. д. Это мы доказали в полемике с троцкистами до хрипоты голосов, а вы что сделали? Вы не замечаете, как вы уже лежите на самом дне. Вы предложили блок всем фракциям и группировкам, с которыми Ленин боролся. Тов. Зиновьев вышел и кричал на съезде: «Я тону, я тону, тов. Шляпников, тов. Сафаров, тов. Дробнис, спасайте и выручайте!» Вот, что было здесь на съезде. Вы выдвинули лозунг группировок, лозунг фракций, лозунг свободы дискуссии, лозунг превращения нашей стальной партии в федерацию групочек. Я утверждаю, что на этот путь разрушения нашей партии мы не пойдем (аплодисменты)». (Стенограф. отчет о XIV съезде).

Тогда еще кое-кто был так наивен, что склонен был отрицать

возможность блока новой оппозиции с троцкистами, и даже сами рядовики-оппозиционеры искренно возмущались, когда им говорили о том, что складывается оппозиционный блок из всех групп, начиная от троцкистов и кончая «Рабочей оппозицией». Однако события шли очень быстро, и мы получили:

К апрельскому пленуму блок еще не очень тесный и прочный. Троцкисты отдельно выработали свои «поправки», ленинградская оппозиция—отдельно свои «поправки». На апрельском пленуме были отдельные тезисы двух блокирующихся групп: троцкисты и зиновьевцы; при намечающемся уже сочувствии со стороны «Рабочей оппозиции» и при достаточно дружной взаимной поддержке,—«кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку»,—тов. Каменев заявил, что он поддерживает «поправки» т. Троцкого, так же, как т. Троцкий поддерживал поправки т. Каменева.

К июльскому пленуму—тесный блок, блок «всерьез и надолго», по словам т. Зиновьева, с защитой Оссовского, с косвенной защитой платформы тт. Шляпникова и Медведева, как «левых», с объединенными платформами, декларациями и резолюциями.

И многим казалось, что это действительно «всерьез и надолго». Можно ли терпеть в партии такой блок долго? Не должна ли она была употребить все силы к тому, чтобы этому блоку нанести тягчайший удар? Не обязана ли она была вскрыть всю гниль этого блока, всю антипартийность его? Не должна ли она употребить все средства и силы к тому, чтобы «всерьез и надолго» его уничтожить, уничтожить «всерьез и надолго» всякую фракционность? Если оппозиционная группа собирается «всерьез и надолго» трепать нашу партию, то партия обязана была употребить все силы на то, чтобы «всерьез и надолго» расколотить этот беспринципнейший из беспринципных блоков, и она этого добилась в значительной степени уже к настоящему дню.

2. Логика фракционной борьбы объединенного блока.

Мы указывали на июльском пленуме ЦК и ЦКК, что этот беспринципнейший блок объединенной оппозиции требует для своего существования: а) взаимной амнистии, б) взаимных теоретических уступок. И действительно, взаимная амнистия была первым результатом этого блока и возможно, что она была условием блокирования. Уже на июльском пленуме тт. Зиновьев и Каменев, которые были на самом крайнем крыле в вопросе о борьбе с т. Троцким и троцкистами до XIV съезда, должны были заявить, что они считают, что оппозиция 1923 года в основном, в критике нашего внутрипартийного положения, была права. Этим оправдывался и «новый курс» троцкистов, и все те бешеные нападки, которые имели место не только начиная с 1923 года, но и раньше со стороны троцкистской и других оппози-

ционных группировок по отношению к большинству нашей партии, потому что в нападках на «партийный аппарат», в разговорах о «режиме» и «зажиме» в партии оригинального троцкисты ничего не придумали кроме того, что говорили и другие оппозиционные группы нашей партии, начиная с «Рабочей оппозиции». Это открывало дорогу к блоку и другим фракционным группировкам. И хотя т. Троцкий нигде ни одним словом не обмолвился о том, что он считает неправильными свои «Уроки Октября» и свою «несуразно-левую перманентную революцию» (Ленин), сторонники ленинградской оппозиции (зиновьевцы-тож) усиленным образом распространяли версию о том, что не они пришли к Троцкому и троцкизму, но что Троцкий пришел к ним, отказавшись от «Уроков Октября» и «перманентной революции». Один из наиболее усердных трубадуров этой оппозиции—тов. Беленький направо и налево звонил об этом событии, которое, однако, остается тайной для партии, так как нигде, ни в одном документе, ни в одной из речей т. Троцкий от этих своих ошибок не отмежевался. В одном из документов, который распространяла оппозиция,—«ответ тов. Троцкого на запрос тт. от оппозиции», тов. Троцкий пишет о том, что «всякая попытка пользоваться старыми статьями или тезисами представителей обоих течений с целью посеять внутри новой оппозиции взаимное недоверие, основанное на воспоминаниях о старой идейной борьбе, представляет собою покушение с негодными средствами...». «Объединенная оппозиция показала в апреле и июле и покажет в октябре (подчеркнуто нами), что единство ее взглядов только укрепляется под влиянием грубой и нелойяльной травли, и партия поймет, что только на основании взглядов объединенной оппозиции есть выход из нынешнего жестокого кризиса».

О том, что показала объединенная оппозиция в октябре, речь будет впереди. Здесь же мы считаем необходимым отметить только этот факт,—факт взаимной амнистии. Правда, здесь говорится только об «обоих течениях», т.-е. о троцкистах и зиновьевцах; однако из ряда документов и фактов мы знаем, что «Рабочая оппозиция» все время также блокировалась с этими двумя течениями и, как могла, помогала им. Так, например, в то время как объединенная оппозиция распространяла, вместе со своей подпольной литературой, произведения тт. Шляпникова и Медведева, группа, организованная из сторонников бывшей «Рабочей оппозиции» (группа Шугаева и Михайлова), распространяла наряду со шляпниковскими и медведевскими произведениями литературу новой оппозиции. Это ли не блокировка,—взаимная помощь в распространении подпольной литературы?

В то же самое время каждая группа старается представить

дело так, что другие пришли к ним. Мы уже указывали на факт, что ленинградская оппозиция усиленно распространяла слухи об отказе т. Троцкого от своих теорий перманентной революции и «Уроков Октября». Это было особенно необходимо, так как только таким путем можно было удержать еще за собою некоторые группы сторонников, хотя и небольшие. Ведь заявляли же ультра-левые из германской коммунистической партии, вроде Вебера, что если бы им кто-нибудь доказал, что новая оппозиция скатилась к троцкизму, поддерживала троцкизм, они отказались бы от своей позиции и признали бы свою неправоту. Больше всего боялась «ленинградская» оппозиция, чтобы партия не поняла дела именно так, что она капитулировала перед троцкизмом, пошла «на паек к т. Троцкому». Правда, когда в многочисленных речах и статьях на июльском пленуме и позже мы вынуждены были, вопреки желанию т. Троцкого, «пользоваться старыми статьями и тезисами представителей обоих течений», отнюдь не «с целью посеять внутри новой оппозиции взаимное недоверие», основанное «на воспоминаниях о старой идейной борьбе»,—ни т. Зиновьев, ни т. Каменев, ни другие представители новой оппозиции не могли ничего сказать по поводу этих «старых воспоминаний», по поводу этих прежних своих взглядов. Или им надлежало открыто заявить, что они считают эти старые свои взгляды, старые оценки троцкизма неправильными, ошибочными, или капитулировать перед этими старыми взглядами. И, несмотря на кое-какие оговорки, которые были сделаны т. Каменевым относительно теории перманентной революции, оппозиция в основном перед троцкизмом капитулировала. Троцкисты заставили их сделать такие заявления, которые шли вразрез со всем их прошлым. Вот почему новая оппозиция («ленинградская») теряла своих сторонников по мере того, как укреплялся объединенный блок вверху, по мере того, как т. Шелавин и другие убеждались, что нападки на «троцкистов» и «полутроцкистов» перед XIV съездом со стороны т. Зиновьева и других были не чем иным, как маскировкой, как дымовой завесой в атаке на ЦК. Шляпниковцы изображали дело таким образом, что новая оппозиция пришла к ним. В деле группы Михайлова—Шугаева и др. имеется заявление члена партии т. Ерошенко, подтвержденное т. Донценко, что докладчик на квартире у т. Михайлова констатировал перед собранием, что оппозиция пришла к ним (т. е. к «Рабочей оппозиции»).

Правда, оставались и долго еще поддерживались элементы взаимного недоверия. Тов. Сталин правильно предсказал на апрельском пленуме ЦК и ЦКК, что блок означает союз таких групп, которые сохраняют еще свою внутреннюю самостоятельность, что блокирующиеся группы могут вести внутри блока взаимную борьбу. В тех же заявлениях тт. Ерошенко и Донценко имеются указания на нотки недоверия

по отношению к товарищу Троцкому, которые сквозили в речах докладчика из «Рабочей оппозиции». А, с другой стороны, троцкисты старались, повидимому, также поддерживать среди «своих» линию, что Зиновьев и Каменев очень ненадежные союзники. Тов. Финашин, один из троцкистов, который организовал подпольные кружки и группы, пишет в своем заявлении ЦК: «Нужно сказать, что имелись директивы о недоверии к Каменеву и Зиновьеву, в особенности Сокольникову, который признал только часть программы оппозиции... С разъяснением этого выступал всегда красный профессор на собраниях». Нет никакого сомнения в том, что в дальнейшей своей борьбе эта объединенная оппозиция не могла бы избежать самых глубоких разногласий и борьбы именно потому, что она была склеена из самых разнородных элементов, которые, несмотря на величайшие теоретические и практические уступки друг другу, все же достаточно тянули в разные стороны.

Чтобы склеить не только «всерьез и надолго», но и на сколько-нибудь продолжительное время такой беспринципный блок, нужны были взаимные теоретические уступки,—без этого никакая взаимная амнистия была невозможна. Таких теоретических уступок сделано было немало. Мы уже говорили о том, что ленинградцы-зиновьевцы для того, чтобы войти в блок с троцкистами, были вынуждены выбросить за борт все свои ленинские рассуждения о монолитности партии, о большевистской дисциплине, о недопустимости фракций и группировок и пр., и пр. Это они были вынуждены признать, наконец, в заявлении своем, напечатанном в «Правде» от 16 октября. Троцкисты, как более сильная сторона в этом деле, сделали меньше уступок зиновьевцам. «Рабочая оппозиция» прилаживалась к этим двум группам. «Рабочая оппозиция» должна была в статье Шляпникова, напечатанной в номере 17 «Большевика», сделать кое-какие отступления от своей прежней платформы с тем, однако, что объединенная оппозиция берет, до известной тоже степени, под защиту взгляды Шляпникова и Медведева. Незачем было бы требовать теперь от объединенной оппозиции, чтоб она отмежевывалась от взглядов тт. Шляпникова и Медведева, если бы не было фактов этой взаимной поддержки в период с XIV съезда до настоящих дней. Когда на июльском пленуме ЦК и ЦКК было предъявлено требование к новой оппозиции отмежеваться от взглядов тт. Шляпникова и Медведева, то представители новой оппозиции говорили, что они не делают этого потому, что когда есть правая опасность, они не хотят бороться с левыми течениями. (Об этом же пишет и Шляпников в своей статье «О демонстративной атаке»). И тогда уже было указано, что если т. Зиновьев и др. считают ликвидаторские взгляды тт. Шляпникова и Медведева левыми, то где же они сами находятся тогда,—на каком крыле?

Законно ли было сравнение этого объединенного блока с августовским блоком? Эти сравнения бы-

ли сделаны за последнее время не раз, и особенно определенно в речи т. Молотова на торжественном заседании курсов уездных партработников при ЦК ВКП(б). Несмотря на различие эпох и на совершенно иную обстановку, в которой складывался новый «августовский» блок, налицо сходство: а) в том, что все эти оппозиционные группы направлены были против ленинской партии; б) в том, что налицо беспринципное объединение самых разнообразных правых и левых группировок (фактически межеумочные буферщики и примиренцы, вроде т. Смилги, Шкловского и др., лили воду на мельницу объединенного блока оппозиции); в) организатором этого нового «августовского» блока оказался тот же великий мастер в деле построения фракционных группировок, тов. Троцкий. Конечно, различие эпох, различие обстановки делают этот блок еще менее прочным, менее устойчивым. Уже сегодня всякий может видеть, что ВКП(б) достаточно сильна, чтобы разбить какие угодно блоки каких угодно объединенных оппозиций, не дать им жить ни всерьез, ни надолго.

3. Апрельский и июльский пленумы ЦК и ЦКК.

На апрельском и июльском пленумах ЦК и ЦКК объединенная оппозиция имела возможность развернуть во всю сумму своих взглядов по вопросам организационным, по вопросам хозяйственным, по вопросам международной политики. По вопросам организационным для того, чтобы оправдать существование фракции, объединенная оппозиция выдвинула еще на XIV съезде предложение, которое Ленин охарактеризовал, как оппортунистическое требование «живи и жить давай другим». Над таким требованием оппозиции 1923/24 гг. тов. Зиновьев достаточно издевался,—и справедливо издевался,—в свое время. Теперь это требование «живи и жить давай другим» было выдвинуто, как ленинское. Тов. Крупская выступала с такими аналогиями, с такими заявлениями по поводу Стокгольмского съезда, которые весь съезд и вся партия не могли понять иначе, как оправдание существования фракций, оправдание фракционной борьбы. И, несмотря на ее повторное объяснение по этому поводу, что она не имела в виду в своей аналогии оправдание фракционной борьбы, это впечатление оправдания фракционной борьбы т. Крупской осталось у всех. На июльском пленуме ЦК и ЦКК т. Крупская и другие товарищи развивали теорию о том, что у нас партии нет, а есть фракция большинства и фракция меньшинства; фракция меньшинства выступает со своей платформой, а фракция большинства со своей платформой. Тут уже совершенно исчезло у оппозиции ленинское представление о партии. Конечно, при таком вольном толковании сущности нашего партийного строительства объединенная оппозиция считала, что у нее руки развязаны. Поэтому она позволяла себе третировать партию и ее

ЦК, как «сталинскую фракцию». Надо ли доказывать, что эти взгляды объединенной оппозиции ничего общего со взглядами Ленина на фракционность не имеют? В резолюции X съезда ВКП(б) о единстве партии Ленин предлагал съезду принять, и съезд принял такое определение фракций: «Между тем,—читаем мы в резолюции,—еще до общей партийной дискуссии о профсоюзах в партии обнаружились некоторые признаки фракционности, т. е. возникновение групп с особыми платформами и со стремлением известным образом замкнуться и создать свою групповую дисциплину». Еще раньше Ленин объяснял, что такое фракционность: «Фракционность,—писал он,—есть главная отличительная черта с.-д. партии одной определенной исторической эпохи. Какой именно? С 1903 по 1911 г. Чтобы выяснить наиболее наглядно, в чем была сущность фракционности, надо вспомнить конкретные условия хотя бы 1906—1907 гг. Партия тогда была едина, не было раскола, но была фракционность, т. е. на деле существовали в данной партии две фракции, в виде фактически отдельных организаций. Рабочая организация внизу была едина, но по каждому серьезному вопросу две фракции вырабатывали две тактики».

Какая же «платформа» была у большинства ЦК? Этой платформой были решения XIV съезда, решения пленумов ЦК, решения ЦК (его секретариата, оргбюро и политбюро). А разве может в каких-либо иных формах выражаться воля партии, как не в решениях ее съездов и конференций, не в решениях ее пленумов ЦК и ЦКК. Достаточно поставить этот вопрос, чтобы понять всю бессмысленность противопоставления новообразованного блока объединенной оппозиции большинству партии, как другой фракции. Вся антиленинская сущность такого противопоставления бьет в глаза. У большинства не было и не могло быть никакой особой платформы, кроме решений съезда и решений пленумов ЦК и ЦКК, т. е. тех решений, которые приняты на основе устава нашей партии. Объединенная оппозиция имела фракцию, со своей особой платформой или платформами, со своей внутренней групповой дисциплиной (об этой групповой дисциплине ниже).

Статья Оссовского только давала наиболее антипартийные, наиболее меньшевистские формулировки всем тем тенденциям, которые уже намечались во взглядах этой объединенной оппозиции. Вот почему мы требовали от объединенной оппозиции, чтобы она отмежевалась немедленно от таких антипартийных взглядов. Она этого не сделала. Выступление т. Троцкого на июльском пленуме ЦК и ЦКК против т. Молотова в этом вопросе необычайно характерно. Статья Оссовского появилась перед июльским

пленумом ЦК. Тов. Молотов выступил с указанием на те опасности, которые таятся во взглядах Оссовского. Что же на это ответил т. Троцкий? Он признал, что у Оссовского есть ошибки, «даже серьезные ошибки», что формулировка Оссовского, что «у нас рабоче-крестьянское государство»—формулировка безусловно неправильная, но вместе с тем т. Троцкий считал необходимым заявить: «Да, против молотовских обвинений я Оссовского всегда буду защищать». (Голоса: «Хорошо, очень хорошо! Стыдно!». Шум.) Троцкий: «Везде и повсюду, на каждом партийном собрании я скажу: где-то жмет башмак у рабочего, и Оссовский неправильно и неумело выражает этот зажим, надо Оссовского выправить...» «Оссовский дает совершенно ошибочные формулировки, но в этих грубо ошибочных формулировках, хотя и беспомощно, но находят свое выражение известные потребности классового движения»... Статья Оссовского напечатана теперь целиком вместе с его добавлениями. Она разобрана достаточно и в «Правде» и в «Большевике». Вся партия имела возможность ознакомиться уже со взглядам Оссовского и имеет возможность судить о том, можно ли было так выступать по поводу антипартийных самых правоменьшевистских, ликвидаторских взглядов Оссовского, как выступал т. Троцкий. А он выступал с их защитой именно потому, что, хотя и «в грубо ошибочных формулировках», Оссовский выражал, по сути дела, тенденции, которые таились во взглядах объединенной оппозиции. Он только их более последовательно развил в сторону меньшевистско-ликвидаторского идеала. Взгляды Оссовского, это—в перспективе и потенции—взгляды объединенной оппозиции. Статья Оссовского как будто говорит: друзья мои, если вы думаете, что я выражаю «известную потребность классового движения», то посмотрите, куда приводит это «классовое движение» и чье это классовое движение. Тт. Каменев и Троцкий голосовали против исключения Оссовского из партии, опять-таки потому, что они считали, что у Оссовского только грубо ошибочные формулировки и что Оссовского можно исправить. Никакой попытки решительно, серьезно, принципиально отмежеваться от взглядов Оссовского у объединенной оппозиции не было до их заявления от 16 октября. Но и то хорошо, что хоть 16 октября отмежевались,—лучше поздно, чем никогда.

Оппозиция не отмежевалась раньше от тт. Шляпникова и Медведева. Если бы даже верно было то, что пишет т. Шляпников в своей возмутительной статье в № 17 «Большевика»—«О демонстративной атаке»,—если бы верно было, что письмо т. Медведева в том виде, в каком оно было прислано из Баку, заключает в себе некоторые искажения, которые могли возникнуть при переписке, то ведь сам же т. Медведев, при поддержке тов. Шляпникова, рассылал всем членам политбюро, в том числе тт. Троцкому, Каменеву и Зиновьеву экземпляры, им самим испра-

вленные, им самим подписанные. Именно этот экземпляр подвергнут разбору в № 17 «Большевика» в статье В. Л.—«Еще раз о правой опасности в нашей партии». Тт. Троцкий, Зиновьев и Каменев могли убедиться, что эти взгляды совершенно недопустимы в нашей партии, совершенно антипартийны, что от них надо отмежеваться во что бы то ни стало. Ведь это жалкая отговорка, что статья относится к 1924 г.; ведь нигде, ни разу тт. Шляпников и Медведев не отмежевывались от нее в 1926 г., хотя они должны были это сделать, если они не разделяют изложенных в письме взглядов и если они не хотят, чтобы о них судили ложно. Наоборот, они защищают эти взгляды. Статья т. Шляпникова в № 17 «Большевика» содержит возмутительное сравнение нашего советского правительства с правительством Керенского, говорит об «июльских угрозах». Если бы не было этого беспринципнейшего блока, который обязывал группы, входящие в блок, ко взаимной амнистии и к прикрыванию взаимных ошибок, то конечно и тов. Троцкий, и тов. Зиновьев, и тов. Каменев отгородились бы от этих антипартийных взглядов.

Ко времени июльского пленума ЦК и ЦКК мы имели «лесное собрание» на 39 версте, организованное тт. Беленьким, Лашевичем и др., с докладом т. Лашевича. Объединенная оппозиция пыталась объяснить все дело внутрипартийным зажимом, доказать, что так плохо стало, так тяжело стало, что никакого другого выхода не осталось, как бежать в лес и устраивать лесные собрания. «От хорошей жизни в лес не побежишь»,—тяжело «шутили» оппозиционеры. Тов. Лашевич забыл, как он на XIII партийной конференции высмеивал тт. Преображенского, Серебрякова и Сапронова, когда они объявили, что «ЦК таких бедняжек, как Преображенский, Серебряков и Сапронов, загнал в группировку». «Они не хотели группировок, а ЦК—все эти Сталины, Зиновьевы и Каменевы—силою загнали их туда. Кого хотите вы удивить такими пустячками?—спрашивал тогда тов. Лашевич. «Они распределяли роли, назначали выступления, намечали кандидатуры в ЦК, т. е. делали все то, что полагается хорошей фракции. Тов. Преображенский приходит сюда и изображает дело так, что они не хотели фракции, что их силком туда загнали. Тов. Преображенский, это сущие пустяки!» Тов. Лашевич тогда возмущался, что фракция Сапронова и Преображенского пыталась представить сам ЦК в виде фракции. «Выходит,—говорил он,—что это не ЦК партии, а какая-то фракция, фракция, в которую входят ЦК и ЦКК, а, с другой стороны, другая—тов. Преображенский, Беленький и прочие «угодники». На что это, товарищи, похоже?» Да, в самом деле, на что это похоже, тов. Лашевич? На июльском пленуме очень много говорилось и очень много писалось потом в разных подпольных изданиях, будто мы запугали партию, создавая в ней режим молчания,—но то же самое ведь говорили и в 1923 г. Что отвечал на это т. Лашевич? «Вы говорите,—отвечал он оппозиции,—что партия превращается в партию запуганных людей.

Бросим на партконференции так говорить. Неужели вы думаете, что партию в 400.000 можно запугать, превратить в молчальников? Бросьте пустяками заниматься и не клевещите на партию! Партия умеет говорить соответствующим языком, когда это требуется, а не тогда, когда вам хочется, товарищи из оппозиции. Я утверждаю, что это не достойно ни конференции, ни ЦК, ни даже вас, товарищи из оппозиции, когда вы говорите о запугивании целой партии, в которой имеется слой, прошедший огромный стаж политической борьбы в течение десятков лет и которая умеет защищать свои взгляды, когда это требуется, и никогда молчальником не была» (XIII конференция ВКП(б). Протоколы, стр. 137—40. Речь Лашевича).

В 1926 г. все это забылось, и т. Лашевич буквально в тех же самых выражениях стал повторять «пустяки и глупости», которыми оперировала оппозиция в 1923 г. Также говорил о запугивании, о молчании, которое воцарилось в партии, хотя сейчас в партии не 400 000, а больше миллиона членов и кандидатов, и партия выросла. Партия показала Лашевичам и другим, что она умеет говорить тоже настоящим языком,—и не тогда, когда хочется этого оппозиции, а когда это нужно партии,—и она недвусмысленно сказала свое слово в октябре 1926 г., когда оппозиция была уверена, что она положит «на обе лопатки» Центральный комитет.

Надо отметить, что на июльском пленуме ЦК мы имели еще одно довольно серьезное предостережение—это похвалу по отношению к новой оппозиции, в частности по отношению к тов. Зиновьеву со стороны Г. Мясникова, который прислал письмо, выражающее надежду на то, что т. Зиновьев, который начал жить по Гегелю, в конце концов придет к взглядам Мясникова. Мы думаем, что этого никогда не случится, но что в поведении объединенной оппозиции были такие ноты, которые позволяли и позволяют Мясниковым их похлопывать по плечу, которые позволяли и позволяют злейшим врагам пролетарской диктатуры на них рассчитывать,—этого теперь не станет отрицать никто.

На апрельском и июльском пленумах ЦК мы развернули принципиальную дискуссию решительно по всем вопросам нашей международной и внутренней политики. Мы показали всю несостоятельность взглядов объединенной оппозиции. На июльском пленуме ЦК объединенная оппозиция уже не скрывала совершенно того, что у нее есть блок. Тов. Зиновьев подчеркнул, что это—блок всерьез и надолго. Мы здесь не останавливаемся подробно на изложении этой дискуссии потому, что результаты этой дискуссии зафиксированы в резолюции июльского пленума ЦК и ЦКК. Оппозиция была осуждена всей партией. Вся партия по существу этих решений высказала решительную поддержку ЦК, одобрила курс нашей партии. Оппозиция не пошла бы так далеко, если бы она умела вовремя прислушаться к этому языку партии, если бы она не пита-

лась самообманом, будто партия на ее стороне, будто стоит ей только выступить со своими речами, как партия повернется от большинства ЦК и «сегодняшнее меньшинство завтра станет большинством», как уверяли себя и других некоторые лидеры оппозиции. Июльский пленум ЦК и ЦКК по делу тов. Лашевича и др. вынес решение, которое должно было предупредить оппозицию от дальнейшего продолжения фракционной борьбы, от дальнейшей подпольной работы. Но именно этот самообман, именно эти расчеты на осень, н а о к т я б р ь подвели оппозицию.

4. Углубление подпольной фракционной работы после июльского пленума ЦК и ЦКК.

После июльского пленума ЦК и ЦКК, несмотря на резолюцию, предупреждавшую членов оппозиционного блока, что партия будет бороться самыми решительными мерами против фракционной работы, несмотря на заявление некоторых лидеров оппозиции, что они подчинятся решениям партии, что они будут «держать руки по швам», фракционная работа не только не прекратилась,—она пошла вширь и вглубь. Прежде всего широко стали распространяться такие произведения, как «платформа» или «декларация» новой оппозиции, затем перепечатывались и широко распространялись такие произведения, как статья профессора Устрялова «Собор XX века» (О XIV съезде ВКП(б), книга Макса Истмэна, полная клеветы на партию, речи, документы, заявления в протоколах апрельского и июльского пленумов ЦК и ЦКК, заявления членов оппозиции в ЦК и ЦКК ВКП(б) и другие произведения, подобранные исключительно однобоко. Кроме того, появлялись анонимные статьи, вроде статьи «Рабочий вопрос», где этот рабочий вопрос ставился так, что подчеркивалось существующее будто у нас «самодержавие» красных диктаторов, доказывалась необходимость добиться права чаще устраивать стачки на государственных предприятиях, говорилось, что заработная плата будто у нас все еще ниже, чем довоенная и т. п. Распространялись также заявления тт. Шляпникова и Медведева, статья т. Шляпникова «О демонстративной атаке» (позднее напечатанная в № 17 «Большевика»). Конечно, печатание и распространение шло подпольно. Печатали на машинках, на шапирографах, гектографах, пользовались беспартийными сотрудниками и сотрудницами в государственных учреждениях и предприятиях. (Иногда оплачивали работу из сумм этих учреждений—особый вид «режима экономии».) Наконец, перешли к печатанию на конспиративных квартирах, где в дело втянуты были беспартийные комсомольцы, их родственники и даже пионеры (дело Резцова, Резцовой и др.). Беспартийная комсомолка Резцова перепечатывает список ячеек района с точными указаниями и секретнейшие партийные документы с помощью пионерки. В Выксе комсомолец-студент Токмаков дает читать полученную им от оппозиционеров

в Москве книгу Истмэна,—это после всего того, что товарищи Н. Крупская и Троцкий писали об этой книге в печати, называя эту книгу клеветнической, вредной, антипартийной, направленной против рабочего класса (см. № 16 «Большевика» за 1925 г.). Такое двурушничество свидетельствовало о глубоком моральном разложении (в партийном смысле) оппозиции, свидетельствовало о том, что оппозиция не останавливается перед распространением таких документов, которые она сама называет клеветническими. Кроме этой работы по распространению литературы, которая раздавалась направо и налево, шла обработка партийцев (а кое-где и беспартийных) в духе недоверия к ЦК, к его решениям, в духе борьбы с его решениями. Организовались кружки, на которых эти товарищи «обрабатывались» по антипартийным материалам вроде «Рабочего вопроса», и из этих товарищей подготовлялся таким образом «актив», который должен был выступить осенью. или, как это сказано в уже цитированном документе т. Троцкого. в октябре. Одновременно шла организационная работа групп «активистов», бюро, комитетов. В Ленинграде пытались создать даже военное бюро для работы среди партийцев Красной армии. Существовали, как об этом свидетельствует целый ряд заявлений по Москве, членские взносы на организационные расходы, на печатание литературы и на помощь исключенным из партии. При этом вербовка шла в некоторых местах таким образом, что составлялись списки бывших оппозиционеров (бывших троцкистов и др.) и из них составлялось основное ядро.

Работа велась по всем правилам конспирации, в особенности после первых «провалов», когда ЦКК и местным КК стали известны факты подпольной фракционной работы. Как происходили собрания, об этом рассказывает рабочий, т. Копытов, Г. С., участвовавший в одном из таких собраний, и т. Рыжов, привлекший его на это собрание. Рыжов рассказывает, как у него «оформилось настроение» после того, как он встретился с некним Захаровым (кличка), «настоящую фамилию которого я не знаю, но знаю, что он член ВКП(б)». Познакомился он с этим Захаровым на трамвайной площадке, а через несколько дней он пришел уже к нему на квартиру с какой-то женщиной, фамилии которой Рыжов также не знает. На вопрос контрольной комиссии: «Как же, не зная фамилии, адресов и что политически собою представляют люди, ты приглашаешь их к себе на квартиру и устраиваешь подпольное собрание?» тов. Рыжов отвечает: «Фамилии собравшихся у меня на квартире для собрания товарищей я не знаю так же, как не знаю источника секретных документов. Да я этим и не интересовался. Плохие они были бы конспираторы, если бы правильно назвали свои фамилии». Прежде чем принять сына т. Копытова на собрание, я посоветовался с Захаровым и женщиной, несмотря на то, что он член партии ВКП(б), и когда отец за него поручился, дал слово, что он не выдаст, только тогда мы разрешили ему притти, а

он, мерзавец, все-таки выдал. А ведь я его не сразу ввел в дом свой. Сначала я его поводил по Мясницкой и переулкам, чтобы он не запомнил дома и улицы, а потом уже ввел в квартиру с Мясницкой, а выпустил с собрания в Уланский переулок. Только одну я сделал оплошность, я при знакомстве с сыном Копытова, сказал ему точно свою фамилию, а то, может быть, и не попался бы. Ведь когда сын Копытова приходил с райкомщиками нас накрыть, он не нашел дома, вот я как его запутал».

Копытова рассказывает об этом собрании: «Выходили из квартиры поочереди и в разные выходы, а перед выходом смотрели, нет ли кого, не следит ли кто».

Эта картинка дает представление о том, как далеко зашла оппозиция в деле создания подпольной организации, в деле выработки подпольной психологии и подпольных навыков работы. Здесь налицо все элементы конспирации против партии («плохие были бы конспираторы»).

Так как работа велась подпольно, то, конечно, нужно было соблюдать большую осторожность, чтобы «не выдать себя», не выдать своих «единомышленников». Отсюда вырабатывается определенная тактика, каким образом не обнаружить себя до открытых выступлений. Тактика эта заключается в том, чтобы не выступать до поры до времени открыто на собраниях, покуда не даны «директивы» из подпольного фракционного центра. Надо, присутствуя на собраниях, подавать ядовитые записки, вызывать докладчика на ответы по вопросам разногласий с оппозицией, ставить почаще вопрос о необходимости повысить заработную плату, о засилии кулака, о завещании и прочее; перед голосованием либо уходить, чтобы не принимать участия в голосовании и чтобы получилось впечатление, что члены партии не желают принимать участия в голосовании, либо воздерживаться при голосовании. Впрочем, давались и такие советы: «голосуй за ЦК до поры до времени, рука у тебя не отсохнет, и в то же время веди подготовительную работу по накоплению оппозиционного актива» (заявление Боярского в МКК и др.).

Вырабатывалась соответствующая тактика «как держать себя на допросах в КК», в случае «провала», при вызовах в контрольную комиссию рекомендовалось никого не выдавать, все начисто отрицать, в крайнем случае вину брать на себя и никаких имен не открывать. В случае исключения товарищам обещали, что осенью удастся положить на обе лопатки ЦК, что осенью ударят в бой, что осенью все исключенные из партии будут после победы над «сталинской фракцией»—нынешним ЦК, восстановлены с прежним стажем. Соответственно этой тактике каждого товарища, который считал необходимым сообщить партии об этой фракционной подпольной работе, называли провокатором, доносчиком, относились к нему именно как к провокатору, доносчику. Так шельмует Беленький рабочего Ва-

сильева, так шельмует В. М. Смирнов т. Скользнева, так шельмует Гинзбург т. Маслова. Это тоже часть тактики.

На подпольных собраниях, где нет, конечно, никакой критики со стороны партии, а есть фракционные подпольные кружки, которые связываются, в силу конспирации, особой групповой дисциплиной, не может быть и речи, конечно, о сколько-нибудь серьезном обсуждении вопроса, о какой-нибудь серьезной проверке той или иной фальши в подобранных фактах и цифрах. Зато люди сколачиваются на таких подпольных собраниях фракционной дисциплиной, они становятся «единомышленниками» и противопоставляют себя партии. Даже член КК в Одессе, тов. Б. Гуревич считает возможным говорить и в ЦКК КП(б) У и в Одесской окружной КК, среди своих товарищей, что она не может выдать своих единомышленников, как последние не выдавались жандармам. Уже одно такое сравнение, одно такое сопоставление показывает, как далеко пошла раскольническая деятельность оппозиции. Единомышленники для оппозиционера, члена ВКП(б),—не партия, а тот подпольный кружок, по отношению к которому они обязались «не выдавать». Так это было в кружке Михайлова и Шугаева, так это было на целом ряде других собраний, конспираторы договорились до возможности столкновения с советской властью и поговаривали о том, какую тактику выработать в таких случаях. При этом они приходили к такой мысли, что так как здесь налицо классовая борьба, то, конечно, она может принять самые острые формы. Отдельные докладчики допускали даже, что дело может дойти до того, что придется обратиться с призывом к демонстрациям и стачкам протеста против репрессий по отношению к оппозиции. Так, фактически события вели к тому,—хотели этого, или не хотели лидеры оппозиции,—что в недрах ВКП(б) организационно и идейно сколачивалась группка товарищей, стоявшая на почве борьбы с партией, на почве откола, раскола, на почве создания другой партии. Таковы были тенденции объединенного блока оппозиционных групп в 1926 г.

5. Фракция выходит из подполья. Она считает, что момент настал.

Близость конференции, наличие демагогической программы, накопление «актива», торопливость некоторых заговорщиков, нетерпение, а, главное,—самообман, самоуверенность, что стоит только оппозиции выйти на широкие рабочие собрания, собрать вузовцев, как «сегодняшнее меньшинство завтра станет большинством», как лидеров оппозиции «понесут на руках» люди, стосковавшиеся по «живому» слову. Эту иллюзию до некоторой степени подкрепляла еще курортная деятельность оппозиции. Эта курортная деятельность внушала некоторым товарищам мысль, что в партии все подготовлено к принятию линии оппозиции, что

нужно только «смелое слово», смелые выступления. И вот эти смелые выступления начались. В Москве дело началось с Коммунистической Академии, где в присутствии беспартийных т. Радек заявил, будто наша партия докатилась до мысли построить социализм «в одном уезде». Выступление т. Радека было не одиноким. Так как лидеры оппозиции не принимали никакого участия в деловой работе партии, они не представляли себе, какая огромная работа проделана партией в смысле воспитания рядовых членов, и первые же крошечные успехи, первые аплодисменты вскружили голову лидерам оппозиции. После соответствующей обработки части членов партии в ячейке службы тяги Рязано-Уральской железной дороги там появляется т. Сапронов. В этой ячейке велась довольно долго подготовительная работа посредством самых провокационных приемов со стороны бывшего секретаря ячейки Ткачева. Этот Ткачев, будучи членом райкома, выдавал себя на сто процентов сторонником линии ЦК и в то же самое время вел подпольную работу по вербовке сторонников оппозиции. Чтобы замаскировать эту свою двурушническую работу, он постоянно сообщал в райком свои подозрения относительно некоторых товарищей, что они являются оппозиционерами, что они ведут оппозиционную работу. Эти подозрения он высказывал относительно людей, не имевших никакого отношения к оппозиции; а затем, в «нужный» момент, он сбросил маску. Когда эта его деятельность стала известной районной КК, она исключила его из партии. Выступление т. Сапронова сопровождалось такими обвинениями по адресу части собрания, которая не желала дискуссии (Сапронов назвал собрание хулиганским), что собрание пришлось закрыть, а на другой день оппозиция снова собрала собрание и выдвинула председателем собрания уже исключенного из партии Ткачева. И несмотря на то, что прибывшие на собрание тт. Троцкий и Сапронов были предупреждены членом райкома о том, что здесь происходит собрание незаконное, что на нем председательствует исключенный из партии, т. Троцкий остался на этом собрании и выступил на нем с речью, после которой была принята соответствующая резолюция в оппозиционном духе. Для чего это понадобилось? Оппозиции нужно было во что бы то ни стало иметь в руках хотя бы одну резолюцию от рабочих. Лидеры оппозиции все время убеждали товарищей, что им сейчас, во что бы то ни стало, нужно завоевать хоть часть рабочих. Сейчас же принятая на этом непартийном собрании резолюция была размножена и распространена не только в Москве, но и по другим городам—смотрите, дескать, рабочие—за оппозицию! Окрыленные этим успехом, товарищи направились в другие ячейки, но здесь они встретили такой решительный отпор, которого они не ждали. Рядовая масса рабочих не пожелала слушать оппозиционных лидеров, она прямо им заявила, что партия не позволит навязать ей дискуссию. Несмотря на демагогические речи,

в которых обещалось и повышение заработной платы и обещалось очень легко достать дополнительный миллиард на индустриализацию, несмотря на колоссальный авторитет, какой был у лидеров оппозиции, несмотря на то, что против них не выступал ни один член политбюро,—рядовые рабочие своими силами дали сокрушительный отпор оппозиции.

Конечно, нелепо ставить так вопрос, как ставит оппозиция, будто перед партийными массами была дилемма: или внутрипартийная демократия, которую будто бы предлагала провести в жизнь оппозиция своим требованием открыть дискуссию, или партийная дисциплина. Это чудовищное противопоставление отнюдь не ленинское, а чисто меньшевистское. Последний № «Социалистического Вестника» буквально так ставит вопрос. В передовой статье «Умирающий лозунг» «С. В.» пишет: ...«Либо формально отказаться от двусмысленного лозунга «внутрипартийная демократия», ...либо на деле послать эту «демократию» ко всем чертям, запретив всякие «дискуссии» и рассуждения»... («С. В.» № 19 (137), 2/X 1926 г.). Разве по большевистски партийную дисциплину можно противопоставлять внутрипартийной демократии? Разве внутрипартийная демократия не предполагает строжайшей партийной дисциплины? Разве не ясно, что здесь внутрипартийная демократия превращается у оппозиции в средство борьбы против партийной дисциплины?! Нет, рядовая партийная масса дала отпор оппозиции не только по вопросу о том, надо ли вести дискуссию или не надо, а она дала в своих резолюциях по всем основным вопросам ответ положительный, который заключает в себе поддержку ЦК партии.

> «Резко-отрицательное отношение к «принципиальной» платформе оппозиции, протест против навязываемой дискуссии, которая неизбежно отвлечет силы от хозяйственного строительства, тревога за единство партии и отсюда требование решительных мер в отношении нарушителей этого единства,—вот основной характер выступлений по вопросу о внутрипартийном положении». Таков вывод обзора московских резолюций, принятых 20 тысячами членов партии («Правда» № 239, 16/X 1926 г.).

Никогда еще, быть может, ЦК нашей партии не пользовался таким колоссальным доверием всей нашей партии, как в настоящее время, и это надо сказать потому, что втечение вот уже нескольких лет ведется борьба против руководителей ЦК, в частности против ее генерального секретаря т. Сталина. Тов. Каменев на XIV съезде прямо ставил вопрос о т. Сталине. Партия неоднократно давала ответ

на этот вопрос, и она дала на этот раз еще более ясный ответ всем тем, кто выступал против этого руководства.

С чем же выступала оппозиция? Смехотворный, дутый «миллиард» т. Зиновьева фигурировал и в Москве и в Ленинграде и ни в ком не мог вызвать ни малейшего сочувствия, потому что никогда еще политические вожди не подходили с такой несерьезностью, так поверхностно к вопросу, как в этом случае, и рабочий класс, выросший колоссально за это время, почувствовал это. Когда ему в качестве рецепта предлагалось ввести тайное голосование, он законно увидел в этом только угрозу организационным и политическим основам нашей партии и нашего советского государства. Не мешайте нам строить социалистическое хозяйство,—вот каков был общий ответ рядового рабочего класса,—и этот ответ оппозиция заслужила. Если еще после XIV съезда и на XIV съезде оппозиция возмущалась тем, что мы упрекаем ее в безверии, то как же можно иначе назвать, как не отступничеством, безверием—речь о том, что мы хотим «строить социализм в одном уезде» (Радек), или речь т. Минина в Гомеле, в которой он договорился до таких вещей: «Вы все говорите строим, строим социализм. Что толку? Мы еще собираемся построить социализм, когда у нас нет культурных сортиров». Поразительное открытие: социализм, оказывается, ввести легче всего в такой стране, где лучше всего устроены уборные. А еще говорят, что у оппозиции нет оригинальных мыслей!.. Выступали с планом «демократического съезда». Мы знаем о сотнях таких разговоров еще со времени «курортных совещаний» оппозиции, где вырабатывались планы насчет того, как устроить съезд. Мы заверяем оппозицию, что XV съезд будет созван на основе устава ВКП(б), и никакие разработанные на конспиративных собраниях директивы оппозиции в жизнь проведены не будут.

Вся «популярность» вождей оппозиции разбилась о несокрушимую стену партийного общественного мнения, партийной дисциплины, огромно выросшей сознательности членов партии. Презрительные разговоры об аппарате, об аппаратчиках, презрительные мнения об этом аппарате привели к тому, что оппозиция просто не поняла, какую силу собою представляет сейчас ленинская партия, воспитанная на разрешении величайших трудностей нашей эпохи. Они не знали партии и принимали мнения незначительных кружков своих сторонников и информацию Беленького и Сапронова о мифических десятках ячеек, которые за ними, целиком за истину, принимали свои собственные мечты за действительность. Но «мечты и иллюзии гибнут, а факты остаются».

После жесточайшего поражения в Москве и по некоторым другим городам оппозиция сделала шаг к тому, чтобы найти какой-нибудь выход на пути примирения с партией, на пути примирения с ЦК. 4 октября, за подписью тт. Троцкого, Зиновьева, Сокольникова, Пятакова, Евдокимова в ЦК поступило заявление о необходимости ликвидации тяжелого периода внутрипартийной

распри, о необходимости наладить совместную дружную работу. В «Извещении ЦК ВКП(б) о внутрипартийном положении» от 16 октября 1926 г. члены партии найдут изложение хода событий после этого заявления. В тот самый момент, когда подписавшие заявление товарищи протягивали руку мира, они делали еще одну попытку положить на чашку партийных весов мнение массы ленинградского пролетариата. Тов. Зиновьев не раз говорил о том, что стоит ему появиться в Ленинграде на Путиловском заводе, как рабочие понесут его на руках. Такую же мысль высказывали и другие более или менее видные лидеры оппозиции. И вот целая компания лидеров оппозиции, собранная даже из других городов, двинулась в Ленинград. Удар, урок, который получила оппозиция в Ленинграде, окончательно выбил почву из-под ног фантазеров и показал в истинном свете авантюристический смысл расчетов оппозиции на ленинградский пролетариат. Ленинградский пролетариат ответил так же единодушно, как и московский, на попытку оппозиции. Ленинградский пролетариат показал, что он настроен в высшей степени партийно,—за ЦК, за партию. Никакие речи самых доселе популярнейших вождей (председателя исполкома Коминтерна!) никакие обещания (даже немедленно и значительно поднять заработную плату!) не разбили стальной стены. Такого поражения еще не знала оппозиция. Оппозиция должна была капитулировать, и она капитулировала 16 октября 1926 г. Надолго ли, всерьез ли? Это покажут ближайшие события.

6. Литература объединенной оппозиции.

Стоит еще раз бегло остановиться на литературе, которой пользовалась объединенная оппозиция. Трудность положения ее заключалась в том, что многим ее лидерам пришлось отказаться от своих самых боевых литературных произведений последнего времени. Если еще недавно т. Троцкий мог действовать против части ЦК своими «Уроками Октября», то сейчас надо было запрятать «Уроки Октября» подальше. Если еще недавно речи, статьи и книги тт. Зиновьева, Каменева, Сафарова, Евдокимова, Сокольникова, Залуцкого и др. были ходкой литературой против т. Троцкого, то сейчас самое благоразумное было ее спрятать вплоть до «евангелия ленинизма»—книги т. Зиновьева о ленинизме. Никакие оговорки в роде того, «кто старое помянет, тому глаз вон», конечно, не были обязательны для членов партии, которые обязаны были вспомнить об этих литературных произведениях. Что же осталось оппозиции? Пускали в ход такие произведения, как статью Устрялова (некогда сменовеховец—профессор Устрялов не думал, что он удостоится такой чести, что его статья будет перепечатываться и распространяться широко сторонниками тт. Троцкого, Зиновьева и др.), перепечатывалась и распространялась книга Макса Истмэна, после того, как она получила характеристику от самих лидеров оппозиции в свое

время, как книга недостойная, клеветническая, - книга, рассчитанная на поддержку классового врага. Главная же масса литературы, которая перепечатывалась за последнее время, это были произведения, которые рисовали разгром ленинградской организации (письмо Кострицкого, доклад т. Евдокимова и др. в политбюро). Дальше шли бесчисленные заявления лидеров оппозиции в ЦК, их речи на пленумах и политбюро; копии различных неопубликованных, секретных документов; составленные оппозицией платформы: анонимная статья «Рабочий вопрос», «Крестьянский вопрос», «Ответ т. Бухарину», «Вопросы и ответы». Дальше шли произведения товарищей Шляпникова и Медведева. Подумывали о периодической печати. Намечались «информационные бюллетени» и другие периодические издания. Если какой-нибудь историк займется анализом этих произведений, он поразится невероятной идейной бедностью, невероятно низким теоретическим уровнем всего того, что вышло за это время из-под пера оппозиции в качестве материала для идейного воздействия на массу членов партии. Нет никакого сомнения в том, что если бы дело пошло дальше в этом направлении, мы получили бы через некоторое время более систематически организованную самостоятельную печать оппозиции. Нужно еще иметь в виду, что за границей оппозиция имела к своим услугам ультра-левую и ультраправую в различных коммунистических партиях. Никогда еще ни одна оппозиционная группа не пользовалась такой поддержкой всей враждебной коммунистической партии печати, как на этот раз,—начиная от белогвардейской и меньшевистской печати и кончая печатью ультра-левых германской коммунистической партии, все объединились для борьбы против ВКП(б) за оппозицию.

7. Борьба партии с оппозицией.

Одним из козырей оппозиции служила все время сказка насчет разгрома ленинградской организации. В чем выразился этот разгром? Оппозиция рисовала дело таким образом, что 6—7—8 тысяч ленинградцев из оппозиции сняты с постов и разбросаны по самым глухим углам. Мы утверждаем со всей ответственностью, что цифра эта преувеличена по крайней мере в 30—40 раз, что во время перевыборов коллективов очень многие вожди и «вожди» были сняты с руководящих постов самой массой: члены комитетов, бюро ячеек, секретари и т. д. Но это ведь и есть демократический способ решения вопроса, против которого не имеет права возражать ни один оппозиционер. Каким образом это могло быть сделано в Ленинграде? Путем упорной активной разъяснительной кампании. Мы утверждаем, что никогда еще партия так жадно не изучала решений партийного съезда, никогда так не интересовалась решения-

ми пленумов ЦК и ЦКК, как теперь, и никогда партия так много не сделала, чтобы сделать понятными, близкими, известными всем членам партии эти решения, как теперь. Колоссальная работа, которая проделана в совпартшколах, в вузах, в школах политграмоты, в кружках, через сотни тысяч, миллионы листовок, брошюр, через многочисленные статьи в повседневной партийной периодической печати, через «Правду» и «Большевик», «Коммунистическую Революцию» и др. органы печати, дала свои результаты. Решения XIV съезда, апрельского и июльского пленумов ЦК и ЦКК распространялись на всех партийных собраниях. Лидеры оппозиции как-то отмечали, что их «прорабатывали» целых десять месяцев. Да, действительно, мы прорабатывали все их взгляды, так что партия в состоянии к ним отнестись сознательно.

Нередко можно услышать от оппозиционеров жалобы на репрессивную деятельность КК. Но ведь это уже чистейшие пустяки! КК исключили по всему Союзу несколько десятков (вряд ли более 40—50 чел.) товарищей, которые в своей фракционной подпольной работе зашли так далеко, что стали чуждыми партии, враждебными партии, стали, например, заявлять прямо, что они *не доверяют партии*. Как же может партия оставить в своих рядах товарища, который ей не доверяет? КК *ни одного товарища не исключили и не подвергли другим партийным репрессиям за оппозиционные взгляды*. Но само собой разумеется, что репрессивная деятельность КК должна была иметь место при таком напоре на *принципиальные основы* нашего организационного строительства, при таких грубейших нарушениях решений партии. КК сделали все, что могли для того, чтобы помочь привлекаемым членам партии отказаться от своего антипартийного пути. Тот факт, что, несмотря на величайшую конспирацию, подпольная деятельность оппозиции вскрыта в основном перед партией почти до мелочей, является, с одной стороны, результатом *умелого товарищеского подхода КК к привлекаемым членам партии*, а, с другой стороны, результатом того, что члены партии, соприкасающиеся с оппозицией, разоблачают сами раскольническую деятельность оппозиционеров. Нам нет надобности *следить* за оппозиционерами. За ними следит вся партия. Укрыться от этого глаза партии, от этого контроля партии оппозиция может только уйдя из нашей партии, только уйдя из наших рядов. Покуда она действует в наших рядах, КК *обязаны знать, что она делает и вправе требовать от привлекаемых членов партии, чтобы они открыли подробности своей оппозиционной работы*. И при нашем строении партии никакие самые широкие попытки создания конспиративной организации внутри нашей партии не могут иметь *длительного* успеха. Однако следует признать, что не КК дали в основном отпор оппозиции; *в основном отпор оппозиции дали*

рядовые члены партии, рядовая партийная масса. Это заставило оппозицию капитулировать, когда оппозиция убедилась в невозможности скрыть свою подпольную деятельность от партии, это заставило ее признать хотя бы часть своих ошибок.

8. Итоги и перспективы.

1. Оппозиция в процессе борьбы встала на путь создания внутри ВКП(б) другой партии (фракции) с особой программой (платформой), со своей внутренней фракционной дисциплиной, со своими организационными объединениями—кружками, комитетами, членскими взносами, своей, пока еще подпольной, печатью. На примере этой оппозиции, во главе которой стояли крупнейшие лидеры с мировой известностью, с большими ораторскими и писательскими талантами, каждый должен убедиться в том, что ВКП(б) достаточно сильна для того, чтобы справиться со всеми попытками расколоть ее.

2. Оппозиция встретила поддержку в антипартийных кругах (меньшевики, эсеры, белогвардейцы). Мы не станем приводить здесь отзывы этой эсеровской, белогвардейской и меньшевистской печати, хвалебных гимнов оппозиции. В белогвардейских кругах строились всякие планы на то, что оппозиция сумеет подорвать основы диктатуры пролетариата. Оппозиция стала рупором чужих, враждебных партий, настроений. Ее работа приветствовалась, как удар по диктатуре пролетариата и поэтому «благодарственно» воспринималась. На этом примере всякая оппозиционная группа может видеть, в чьих интересах она объективно работает, хочет она этого или не хочет. Мы ни в малейшей степени не сомневаемся в том, что ни один из лидеров оппозиции не хотел этой поддержки. Но теперь всякому ясно, где больше сочувствия встретила оппозиция, в партийных или антипартийных кругах, в пролетарских или антипролетарских.

3. Оппозиция не встретила поддержки в массах не только партийных, но и беспартийных рабочих. Она вызвала к себе враждебное отношение в рабочих массах, которые говорят: не мешайте нам строить социализм, не сбивайте нас с толку, мы сами знаем трудности и видим их. Вернитесь на работу и помогайте, а не стойте в стороне и не критикуйте нас, как когда-то критиковали коммунистическую партию враждебные ей группы и партии. Оппозиция оказалась изолированной, и рабочий класс этим, конечно, подтвердил худшую характеристику, которая давалась троцкистам и другим оппозиционным группам в свое время тт. Каменевым, Зиновьевым, Канатчиковым и др., когда эти тт. боролись против троцкистской оппозиции. Не только партия рабочего класса оказалась против

оппозиции, весь рабочий класс оказался против оппозиции. Оппозиция оказалась вне массы и против массы. Если т. Троцкий на XIII съезде партии говорил, что нельзя быть правым против партии и без партии, то он в этом теперь должен был окончательно убедиться, что против партии и без партии нельзя быть правым.

4. Партия колоссально выросла, выросла рядовая партийная масса, и она дает отпор. Потерявшие ленинскую дорогу вожди наталкиваются не только на аппарат, они наталкиваются на всю партийную массу, и не только на ее рабочую часть.

И вузовец не тот уже, что был при оппозиции 1923/1924 гг. Вузовец против оппозиции, вузовец вырос политически, и партиец изменил свой социальный состав. Многочисленные и многолюдные собрания и резолюции вузовцев, давших оппозиции отпор, красноречиво говорят об этом. Красноармеец не тот, политработник не тот,—он уже воспитан не в духе троцкистских традиций. Это партиец, который дает отпор оппозиционному блоку, который политически вырос за это время так же, как и вся партия.

Оппозиция не знала партии, она встретила не ту партию, о которой она имела ложное представление, о которой «мечтала».

5. Не по вопросу «внутрипартийная демократия или дисциплина» ответила партийная масса оппозиции. Такое меньшевистское противопоставление—или внутрипартийная демократия, или дисциплина—чуждо нашей партии. Массы дали отпор оппозиции по существу выдвинутых вопросов. Массы разобрались в значительной степени в хозяйственных вопросах, в международной политике. Партийная масса одобряет хозяйственную политику, внутреннюю и международную политику нашей партии,—вот в чем смысл того поражения, которое потерпела оппозиция.

Что же дальше? Заявление оппозиции от 16 октября 1926 года является, по мнению ЦК, тем «минимумом, который необходим для обеспечения единства партии». «Задача, по мнению ЦК, состоит в том, чтобы, продолжая идейную борьбу с принципиальными ошибками оппозиции, от которых она не отказывается, принять все меры к тому, чтобы достигнутый минимум для обеспечения единства партии был действительно проведен в жизнь». Поскольку оппозиция заявила, что она стоит на почве взглядов, которые изложены в официальных документах и речах, произнесенных на съезде, на пленумах ЦК, политбюро, партии предстоит упорнейшая борьба с этими принципиальными ошибками, нагроможденными объединенной оппозицией за последнее время в этих своих речах и заявлениях на XIV съезде, на пленумах и в ЦК. Если оппозиция считает, что она от этих взглядов не отступила, то тем более

партия не может отступить от взглядов, которые выражены в решениях съездов, решениях пленумов и ЦК, ибо это есть решения партии, а решения оппозиции есть решения фракции, которая ныне должна быть распущена, согласно заявлению лидеров оппозиции. Мы должны со всей строгостью проследить за тем, чтобы действительно фракционные группы были распущены и, само собой разумеется, за попытку сохранить где-нибудь такие фракционные группы мы вынуждены будем применять еще более сурово партийные репрессии. Однако центр тяжести и сейчас у нас и раньше был не в партийных репрессиях, а в огромной разъяснительной и пропагандистской работе, в ясной, доступной форме, в коротких брошюрах, популярных статьях, докладах на собраниях, работе в кружках, проработке вопросов во всех наших партшколах, в вузах. Мы должны добиться того, чтобы камня на камне не осталось от неверных теоретических построений оппозиции по всем вопросам. Вся наша партийная масса должна знать, к чему ведет политика цен, выдвигаемая оппозицией; вся партийная масса должна видеть, куда ведет линия оппозиции в крестьянском вопросе; вся партийная масса должна знать, в чем неправа оппозиция в отношении международной политики. Многое в этом отношении сделано. Сознательное отношение партии в значительной степени по всем этим вопросам уже достигнуто. Но надо всю эту работу углубить. Пусть оппозиция питает еще надежды на то, что «партия примет в ходе дальнейшей ее работы то, что правильно было во взглядах оппозиции». Мы никогда не отказывались принимать правильные предложения оппозиции. Мы их принимали. Но это не наша вина, а беда оппозиции, что в ее платформах нет правильных предложений. Чем скорее возьмутся искренне за деловую работу оппозиционеры, чем скорее они перестанут противопоставлять себя партии, чем внимательнее они отнесутся к той огромной работе, которую проделывает партия, чем больше они сами возьмутся за кропотливую повседневную работу партийных, советских, профессиональных органов, с искренним желанием помогать партии, а не пребывать в положении безответственной оппозиции, тем скорее изживутся те обостренные отношения, которые сложились между сторонниками оппозиции и большинством партии во многих местах, тем скорее исчезнет трагическое положение потерпевших кораблекрушение оппозиционеров, тем плодотворнее станет их собственная работа и работа всей партии.

Мы знаем, что не все одинаково легко могут встать на этот путь, но преданность пролетарскому делу (а в ней мы не сомневаемся) поможет, мы надеемся на это, товарищам увидеть свои ошибки и исправить их. Чем скорее они это сделают, чем основательнее они разделаются с остатками оппозиционных настроений и взглядов, тем лучше для пролетариата, для ВКП(б), для дела мировой пролетарской революции.

Работа оппозиции по части принципиальной ревизии ленинизма уже дала свои горькие плоды. Мы имеем такие заявления сбитых с толку оппозиционерами партийцев, как заявление одного из «стойких» оппозиционеров в Сормове: «Слишком верить учению Ленина не нужно, он тоже ошибался много, но исправился на практике, так как Ленин больше практик, чем теоретик» («Правда», 16/X 1926 г., корреспондент из Сормова). Или заявление одного из оппозиционеров на Подольских полях орошения: «Раньше был марксизм, теперь ленинизм и дальше должно быть что-нибудь выше ленинизма. Учение Ленина должно пасть. Партия на одном месте стоять не может»... (Сводка о собр. ячеек об итогах VII плен. МК от 8/X—26 г.). Или заявление некоего т. Перэ в ЦКК, где этот пылкий троцкист пишет: «Фанатики ленинизма!.. Можно ли шутить с именем такого гениального человека, как Троцкий?!... Скорее, друзья, вы откажетесь от всего и раньше всего от ленинизма, чем Троцкий от троцкизма!» «Вы, как фанатики, поклоняющиеся и придерживающиеся жизненного прогресса по евангелию, поклоняетесь ленинизму... Почему не пересмотреть ленинизма? А ведь то, что писал Ленин, ведь многие пункты ленинизма, пожалуй (!!!) устарели для текущего момента. Почему бы не пересмотреть их в тесной среде верных нашей партии товарищей, почему бы не заменить их новыми, в текущем моменте более целесообразными?»...

Оппозиция «попробовала» сделать такой пересмотр ленинских взглядов. Что из этого получилось—видит вся партия. Оппозиция заявляет, что остается на своих принципиальных позициях. Самая глубокая самовлюбленность не может итти так далеко, чтобы надолго эти товарищи остались сидеть в печальной позиции барона Гринвальдуса.

Чем скорее и основательнее сама оппозиция возьмется за самокритику—а эта самокритика теперь неизбежна для всякого мало-мальски добросовестного партийца-оппозиционера (как она обязательна для всякого партийца вообще),—тем больше у партии будет надежды на то, что обещания лидеров оппозиции не останутся пустыми обещаниями, тем больше будет гарантии, что завершенный ныне новой оппозицией круг не начнет снова свой порочный и опасный бег.

Ф. ДЗЕРЖИНСКИЙ В БОРЬБЕ С ОППОЗИЦИЕЙ

20 июля 1926 года догорел на трибуне объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) пламенный, неукротимый Феликс Дзержинский, и его последняя речь на пленуме руководящего штаба самой сильной в мире коммунистической партии заслуживает исключительного внимания. В ней весь Феликс Дзержинский, с его безграничной преданностью партии, делу рабочего класса, готовностью до конца отдать себя делу партии. «Вы отлично знаете,— спросил он оппозицию,—моя сила заключается в чем? Я не щажу себя, тов. Каменев, никогда (Голоса с мест: «Правильно»), и потому вы здесь все меня любите, потому что вы мне верите, я никогда не кривлю своей душой. Где я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них...»

В этих словах была величайшая правда. Феликс Дзержинский никогда себя не щадил, и он никогда не щадил и противника, если дело шло об интересах партии, об интересах рабочего класса. Да, партия ему безгранично верила, потому что он никогда не кривил своей душой, и никто так беспощадно не обрушивался на непорядки в нашей советской стране и в нашей собственной партийной среде, как тов. Дзержинский.

Само собой разумеется, что он не мог пройти мимо деятельности оппозиции в нашей партии и остаться к ней равнодушным. Он был одним из тех, кто **наиболее резко боролся против оппозиции**. Он не боялся называть вещи своими именами. Выступление оппозиции на XIV съезде он иначе не мог квалифицировать, как измену интересам партии. Был ли он прав? На отдельных примерах левокоммунистических групп различных партий Коминтерна мы могли уже не раз убедиться, что **такая характеристика была резкая, но по существу правильная**. Путь оппозиции в условиях борьбы пролетариата за власть и особенно в условиях СССР, в условиях существования советского государства, отстаивания диктатуры пролетариата в крестьянской стране,—это путь, ведущий к измене пролетарскому делу, к отходу от всех пролетарских позиций, хотя бы этот путь и прикрывался клятвенными заверениями в верности пролетарскому делу, хотя бы идущие по этому пути называли себя и искренно себя считали стопроцентными ленинцами, хотя бы носители оппозиционной идеологии в ужас приходили от

одной мысли, что они могут изменить делу пролетариата, хотя бы в прошлом — еще вчера — они были безупречными революционерами. Дело не в их субъективных желаниях и переживаниях, — дело в тех объективных силах, которые концентрируются под знаменем оппозиции. Феликс Дзержинский, конечно, не мог не видеть этой вредной тенденции роста оппозиции в направлении борьбы с основами коммунистической партии.

Июльский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 1926 года был посвящен ряду важнейших хозяйственных и других вопросов существования советского государства; он затрагивал основные вопросы политики партии, которые, в конечном счете, сводились к установлению правильных взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством.

Какое же обвинение выдвинул Феликс Дзержинский по отношению к оппозиции? Основное, что пронизывает всю его речь, — это то, что оппозиция извращает ленинскую линию, которую Ленин нам всем указал. в отношении пролетариата и крестьянства. Конечно, ни для одной коммунистической партии этот вопрос не принимает пока такой формы, как в СССР. Нигде не стоит так вопрос о ценах на товары, на продукты фабрично-заводского производства, как в СССР. Вопрос о ценах, вопрос о снижении цен на промышленные товары, это—вопрос об установлении правильных взаимоотношений между рабочим классом, производящим продукты на фабриках и заводах, и крестьянством, покупающим эти продукты,—эта проблема стоит перед нашей страной, перед нашей партией, перед всем рабочим классом нашей страны с самого начала существования советского государства. В интересах установления правильных взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством вводилась, по предложению Ленина, новая экономическая политика (нэп) в 1921 году. Об опасности расхождения между интересами рабочего класса и крестьянства в особенности не раз предупреждал В. И. Ленин. И вот оппозиция в этом вопросе,—в вопросе о снижении цен на промышленные товары, заняла позицию, враждебную линии партии. А Феликс Дзержинский всю свою энергию, весь свой пыл, весь свой организаторский талант, все силы свои направил на то, чтобы снизить цены на товары, потому что на этом пути лежит, главным образом, и реальное повышение заработной платы рабочего класса, который значительную часть своего заработка также затрачивает на промышленные товары (обувь, одежда и пр.). Год тому назад оппозиция бешено еще отстаивала эту линию повышения цен, в особенности отстаивали ее такие оппозиционеры, как тт. Пятаков, Преображенский, В. Смирнов. Вот почему так яростны были нападки Феликса,

ибо он видел, какая величайшая опасность лежит в том, что товарищи из оппозиции, занимающие такие ответственные посты, как заместителя председателя Высшего Совета Народного Хозяйства (Пятаков), ведут линию, которая грозит разрывом между рабочим классом и крестьянством, с одной стороны, и ухудшением положения рабочего класса,—с другой. Следует отметить, что через год, в апреле 1927 года, оппозиционный блок капитулировал в этом вопросе. Лидеры оппозиции на апрельском пленуме ЦК 1927 года заявили, что они за снижение цен и что они, будто бы, всегда были за снижение цен. Правда ли это было на самом деле? Достаточно привести кусочек речи тов. Дзержинского, чтобы понять, сколько раз сердце его сжималось болезненно именно из-за того, что в этом вопросе он видел, как оппозиция наносит удар всей нашей политике по отношению к трудовым массам. В чем тут вопрос, в чем дело?—спрашивал он оппозицию. И тут выступает на сцену программа тов. Пятакова, бессмысленная, антисоветская, антирабочая программа за повышение отпускных цен. Это—ликвидация нашей борьбы за снижение розничных цен. Он совершенно отбрасывает то, о чем сам раньше говорил, что мы в СССР являемся передовым социалистическим отрядом, должны равняться по заграничным коэффициентам цен, качеству и т. д., иначе нас будут бить. Тов. Пятаков забыл об этом, забыл о том несчастьи, которое сопутствует нашему развитию, о том несчастьи, что у нас не упорядочено дело снижения цен.

Это не помешало другой части оппозиции выступить в июле месяце 1927 года с новой платформой (В. Смирнов, Сапронов, Миньков и др.), в которой вновь доказывается, что снижение цен—это мелкобуржуазная мера и что по этому пути, по пути снижения цен, партия не должна итти, что это не в интересах рабочего класса.

Второй вопрос, который стоял в центре внимания Дзержинского, неразрывно связанный с первым вопросом, это—вопрос о накоплении в деревне. Оппозиция очень любит швыряться обвинениями по адресу партии, что она заражена кулацким уклоном, что она стремится к обогащению крестьян. Сколько раз оппозиция вытаскивала неудачное выражение, которое было пропущено в статье одного из товарищей, где сказано было, что мы должны дать лозунг крестьянам: «Обогащайтесь». Тов. Сталин разъяснил (и вся партия), что мы считаем неправильным такой лозунг, безотносительно к тому, к кому он относится, что мы считаем неправильный лозунг накопления, независимо от того, в какую сторону идет это накопление. Однако, по существу дела, ведь не стоит же наша партия за то, чтобы бедняк крестьянин всегда был бедняком, ведь не стоит же партия за то, чтобы низкий материальный уровень крестьянства оставался всегда таким же низким, ведь не стоим же мы за то, чтобы безлошадные, бескоровные крестьяне оставались навсегда, на всю

жизнь безлошадными и бескоровными. Мы стоим за то, чтобы у нас не было безлошадных, не было бескоровных, не было безынвентарных крестьянских хозяйств, чтобы они повышали свое благосостояние. Это вовсе не мелкобуржуазная утопия, как утверждала недавно «Рабочая оппозиция», ибо одновременно мы принимаем ряд мер к тому, чтобы кооперировать все крестьянское население. Кооперативный план у нас целиком увязан с вопросом о росте крестьянского хозяйства в сторону социализма. Однако это вовсе не исключает того, что мы и тем крестьянским хозяйствам, которые не вошли еще в кооперацию, оказываем материальную и культурную поддержку, в целях поднятия их материального уровня. Для этого существует у нас и система сельскохозяйственного кредита, и целый ряд других мероприятий. Наш план социалистического устройства крестьянского хозяйства не может быть планом, рассчитанным лишь на несколько лет, он рассчитан на длительный срок. Здесь трудности необычайно велики, и лидеры оппозиции прекрасно в свое время это понимали. Тов. Каменев, например, не раз высказывался за такую политику, которая давала бы возможность сельскому хозяйству накоплять материальные блага. Само собой разумеется, что и развитие промышленности нашей целиком связано с тем, будем ли мы иметь нищее население, будем ли иметь крестьянство целиком бедняцкое только, или это бедняцкое крестьянство постепенно будет повышать свой материальный уровень, нивеллироваться в сторону большего благосостояния, будет ли рост середняцкого слоя крестьянства итти по пути кооперирования. А теперь тов. Каменев на историческом июльском пленуме ЦК 1926 года указывал, как на факт тревожный, что крестьянство СССР за год накопило 400 миллионов рублей. Тов. Дзержинский беспощадно высмеял такое отношение к росту благосостояния деревни.

«А он (Каменев),—говорил Феликс,—приходит сюда и плачет, что все у нас скверно: мужик богатеет, благосостояние у него увеличивается. А тов. Пятаков говорит, что деревня богатеет. Вот несчастье!—восклицал иронически т. Дзержинский.—Наши государственные деятели, представители промышленности и торговли проливают слезы о благосостоянии мужика. А какое благосостояние: 400 миллионов мужики накопили, по 4 рубля на брата». (Смех, голоса: «еще меньше».) «Товарищи, когда спрашивают, «кто кого» и когда спрашивают, за чей счет, пусть смотрит наш Наркомторг, чтобы богател такой человек, который нам нужен, пусть с этой трибуны не говорят, что деревня вообще богатеет». «Если говорить о накоплении, нужно сказать, за чей счет оно производилось. Тов. Каменев приводил цифры распределения товаров между городом и деревней, да он забыл об одном: что деревня была нищая, что в ней было в значительной степени натуральное хозяйство, а теперь товарность ее растет изо-дня в день, и поэтому специализи-

руется работа: технические культуры все больше и больше растут, все больше растет и товарооборот города с деревней. Поэтому я скажу: надо страну индустриализировать, а этого не будет, если не будем получать все в большей и большей степени продуктов сельского хозяйства. Почему? Потому что нам нужно из деревни сырье, нам нужен хлеб, нам нужна кожа, нам нужна картошка, шерсть, нам нужно деревенское сырье. Нельзя индустриализироваться, если говорить со страхом о благосостоянии деревни». Некоторые архи-левые оппозиционеры, которые думают, может быть, искренно, что они похожи на Ленина и что их мысли ленинские, приходят в ужас при одном слове «богатение деревни», обогащение деревни, благосостояние деревни. А между тем они не замечают, как они фактически толкают партию этой политикой на путь разрыва союза рабочего класса с крестьянством,—революционного союза, который один только может дать возможность перейти к социализму в условиях современной действительности.

Третий вопрос, затронутый в последней речи тов. Дзержинского, который также связан со вторым, предыдущим,—это вопрос о том, каким темпом и как должна итти наша индустриализация. Линия партии в этом отношении вполне определенная. Индустриализация нашей страны делает гигантские успехи, относительно, может быть, более гигантские, чем в самых передовых капиталистических странах, потому что все свое внимание партия и советское государство устремили в эту сторону. Но когда оппозиция для форсирования темпа индустриализации предлагала изъять средства из области торговли, из кооперации, и дать эти средства на индустриализацию, это означало отдать торговлю в руки частников. Вот эту противоречивость требований оппозиции, то, что одним концом они всегда упираются в реакционнейшие результаты, приходят к реакционнейшим выводам,—со всей страстью разоблачал тов. Дзержинский. В самом деле, мероприятия, предлагавшиеся оппозицией, не могли привести ни к чему другому, как к тому, что частная торговля укрепилась бы благодаря этому и тем самым установилась бы более прочная смычка между крестьянством, с одной стороны, и новой буржуазией—частными торговцами,—с другой. Это внимание тов. Дзержинского по отношению к крестьянству сказалось и в том, как он отстаивал необходимость расширения легкой индустрии. Он отмечал непрерывный рост потребностей крестьянства и считал, что мы не можем все свое внимание обратить на крупную индустрию, игнорируя такие отрасли промышленности, как текстильное производство, как производство предметов широкого потребления. «Мне доложено было на президиуме вчера утром,—говорил он,—что тяжелая индустрия увеличивается на 24 и даже на 25%, а легкая—всего только на 11%, я сказал: явная несуразн-

ца—при увеличивающейся товарности крестьянского хозяйства, при росте заработной платы говорить, что мы можем ограничиться только 11% увеличения предметов широкого потребления, говорить притом, что мы ни копейки на ввоз готовых изделий из-за границы в нашей программе дать не можем,—это значит предлагать неосуществимую, неверную программу. Ибо это обозначает срыв нашего червонца, а срыв нашего червонца обозначает срыв заработной платы. Тогда мне все работники, которые для тов. Пятакова подрабатывали этот вопрос, сказали: «Не бойтесь, мы взяли подразделение искусственное, взяли такую, так называемую тяжелую индустрию». «Что такое тяжелая индустрия? Весь металл, вся электротехника, вся нефть, все топливо—это тяжелая индустрия, а остальная—легкая, и тогда так называемая легкая индустрия и тяжелая индустрия такой процент дают. Но вы ведь знаете, металлопромышленность работает на широкий рынок, сельскохозяйственные машины—на широкий рынок. А керосин в деревню не идет? Что там—лучину жгут, что ли? А лампочка электрическая в деревню не идет?».

Последняя речь тов. Дзержинского была посвящена исключительно хозяйственным вопросам, но в них ведь весь узел вопросов, которые разрешает наша партия. Хозяйственные вопросы в нашей стране это и есть политические вопросы, ибо они затрагивают широкие массы рабочих и крестьян, ибо весь рабочий класс ответственен сейчас за то или иное решение хозяйственных вопросов. В этом значительно отличается положение коммунистической партии в СССР от положения коммунистических партий в других странах. Хотя и там нет ни одного крупного экономического вопроса, который не затрагивал бы коммунистическую партию. Однако, не она ответственна за решение этих вопросов в любой капиталистической стране. В советском государстве за то или иное решение экономических вопросов, устанавливающих взаимоотношение между рабочим классом и крестьянством, прежде всего ответственна коммунистическая партия, прежде всего отвечает рабочий класс. Неправильное решение того или иного вопроса колеблет диктатуру пролетариата, подрывает ее силы. Вот почему борьба Феликса Дзержинского в области экономической против неправильной линии оппозиции имела исключительно огромное значение. И та решительность, та прямота, та беспощадность, с какой тов. Дзержинский умел вскрывать реакционные стороны оппозиционной экономической политики, делали его выступления особенно значительными для всей нашей партии.

Линия Феликса Дзержинского была и остается линией нашей партии. Тем, кто считают себя близкими к Феликсу Дзержинскому, как борцу за диктатуру пролетариата, за социализм, необходимо усвоить те же черты беспощадности, прямолинейности в борьбе с ошибками оппозиции, какие до конца, до последнего биения сердца сохранил тов. Дзержинский.

„Оппозиционно настроенные партийные рабочие массы гораздо лучше своих вождей...“

„Вожди же настолько износились в политических интригах и политиканстве, к здоровому зернышку примешано столько навоза, что надо признать безусловно ошибочной тактику ухаживания за ним со стороны ЦК нашей партии... Обратить побольше внимания на рабочие районы, с одной стороны, и поставить зарвавшихся главарей „Рабочей оппозиции“ на место, с другой, — составляет основную задачу внутрипартийной политики“.

И. Смилга. На повороте. Гиз. 1921 г. Стр. 24.

НОВОЕ И СТАРОЕ В „НОВОЙ“ ОППОЗИЦИИ

1. Октябрьское поражение оппозиции.

В октябре 1926 года партия подвела итоги фракционной работе оппозиционного блока, куда вошли троцкисты, бывшие сторонники группы «демократического централизма», шляпниковцы («Рабочая оппозиция») и «новая оппозиция», организованная тт. Зиновьевым и Каменевым. Туда же петушком-петушком пробрались представители буферной группы (Смилга), которые вначале приняли вид христианского смирения,—только не думайте, что мы в какой-нибудь фракции, в какой-нибудь оппозиционной группе, мы только хотим исправить некоторые недочеты линии ЦК; туда же примкнули обломки самых различных оппозиционных групп, а вскоре потянулись и антипартийные элементы, так что т. Зиновьев вынужден был признать в октябре 1926 г. в комиссии ЦКК, что «третья сила» могла использовать положение, которое создалось борьбой оппозиции против Центрального комитета.

Оппозиция 16 октября 1926 г. опубликовала заявление, в котором писала: «Мы категорически отвергаем теорию и практику свободы фракций и группировок, признавая, что такая теория и практика противоречит основам ленинизма и решениям партии. Решение партии о недопустимости фракционности мы считаем своей обязанностью проводить на деле. Вместе с тем мы считаем своим долгом открыто признать перед партией, что в борьбе за свои взгляды мы и наши единомышленники в ряде случаев после XIV съезда допустили шаги, являвшиеся нарушением партдисциплины и выходящие за установленные партией рамки идейной борьбы внутри партии на путь фракционности. Считая эти шаги безусловно ошибочными, мы заявляем, что решительно отказываемся от фракционных методов защиты наших взглядов, ввиду опасности этих методов для единства партии, и призываем к тому же всех товарищей, разделяющих наши взгляды. Мы призываем к немедленному роспуску всех фракционных группировок, образовавшихся вокруг взглядов «оппозиции».

Итак, оппозиция признавала, вопервых, что она отвергает теорию и практику свободы фракций и группировок, как анти-

ленинскую; вовторых, что она нарушила партийную дисциплину, выйдя за рамки идейной борьбы и встав на путь фракционности. Она признала эти шаги безусловно ошибочными и призвала к немедленному роспуску всех фракционных группировок. В то же время оппозиция признала, что в октябре она нарушила постановление ЦК о недопустимости всесоюзной дискуссии, начав ее вопреки постановлениям ЦК.

В том же заявлении тт. Троцкий, Пятаков, Зиновьев, Каменев, Сокольников и Евдокимов решительно осуждают «такую критику Коминтерна или политику нашей партии, которая (критика) переходит в травлю, ослабляющую положение Коминтерна, как боевой организации мирового пролетариата, ВКП, как передового отряда Коминтерна, или СССР, как передового государства пролетарской диктатуры». В силу этого товарищи эти признавали «абсолютно недопустимой прямую или косвенную поддержку фракционности каких бы то ни было групп в отдельных секциях Коминтерна против линии Коминтерна, будь то группа Суварина во Франции, группа Маслова—Фишер, Урбанса—Вебера в Германии, группа Бордиги в Италии, или какая-либо другая группа, независимо от того, как она относится к нашим взглядам». «Мы считаем,—писали эти товарищи,—особенно недопустимой какую бы то ни было поддержку деятельности людей, уже исключенных из партии и Коминтерна, как то Рут Фишер, Маслов». Эти товарищи заявляли: «Постановления XIV съезда ЦК партии и ЦКК мы считаем для себя безусловно обязательными, будем им безоговорочно подчиняться и проводить их в жизнь». К тому же они призывали всех товарищей, разделяющих их взгляды.

Мы подробно напомнили это заявление потому, что оппозиция делает вид, будто она свои обещания выполнила, будто она никогда не нарушала того, о чем она заявила в печати перед всей партией, перед Коминтерном. Даже без подробного анализа всего того, что делала оппозиция за это время, каждый член партии может сказать: все, что было сказано 16 октября 1926 г., все, что было обещано оппозицией партии,—все это ею растоптано на глазах у партии, все это давным-давно для самой оппозиции превратилось в «пустой клочок бумаги».

Нужно ли говорить о том, почему тогда оппозиция сделала это заявление? Все помнят, с каким яростным напором бросалась оппозиция в атаку на Центральный комитет, окрыленная тем, что группа троцкистов, растерявшая со времени дискуссии 1923—1924 гг. по дороге почти все свое войско (остались только верные «кадровики», которые кичатся тем, что они старые троцкисты), приобрела таких сторонников, как тт. Каменев и Зиновьев, или таких, как Сапронов или Шляпников и Медведев. Блок новой

оппозиции мечтал о том, что он одним взмахом сметет большинство Центрального комитета и повернет на другой путь большинство партии. Многие из руководителей оппозиции были уверены в том, что стоит им появиться на любом партийном собрании, как любое рабочее собрание станет на их сторону, будет их поддерживать. Их ждало горькое разочарование, ибо они не учли того, что партия колоссально выросла, что в партии только ничтожная часть колеблется, неустойчива; что подавляющая масса членов партии разбирается в вопросах не хуже, чем сами вожди оппозиции, и вовсе уж не склонна к преклонению перед героическими «критически мыслящими личностями», которые думают, что за их прежними революционными заслугами, за их громкими именами члены партии не сумеют разглядеть их мелкобуржуазных и социал-демократических уклонов, их отхода от ленинизма,—отхода, который отмечен в резолюциях наших съездов, конференций и конгрессов Коминтерна. Рабочие-партийцы опрокинули тогда оппозицию, отказались от дискуссии. Тогда некоторые оппозиционеры стали рассматривать свое поражение как результат «реакционных настроений» рабочих масс. Ну, конечно, масса членов партии, это—«молчальники» и «голосующая скотина», а вот они—«смелые герои», и никого-де и ничего-де не боятся, выступают с открытым забралом против партии. Свою принципиальную неправоту у этих людей не хватает духу признать, не хватает мужества признать свое идейное банкротство, а не только то, что они нарушили партийную дисциплину, что стали на путь фракционности,—этого у них не хватает смелости признать. А это, и только это, было бы спасением, если бы почестному эти товарищи признали все свои идеологические ошибки, которые они нагромождают и с упорством, поистине достойным лучших дел, защищают до сих пор.

Это поражение оппозиции ошеломило их собственных сторонников. Среди них началось известное расслоение, даже распад блока. Некоторая часть оппозиционеров не подчинилась постановлению своих вождей и продолжала вести фракционную работу. Мы приводили уже в печати и на собраниях листовку одесской группы комсомольцев и коммунистов—сторонников троцкистов, которая распространялась тогда уже после заявления, сделанного вождями оппозиции 16 октября, по одесской организации, по ячейкам, и в которой защищалась осужденная партией линия оппозиции.

2. Начало распада оппозиционного блока.

Однако вскоре оппозиционная деятельность возобновилась и получила новый толчок, благодаря ряду событий внутренней и международной жизни. Трудности и поражения, которые переживала китайская революция, опасность войны, которая стала

острее после налета в Пекине, Лондоне, Шанхае на консульства, торгпредства и полпредства СССР, измена Чан Кай-ши и Гоминдана, неизбежные колебания определенной части мелкой буржуазии (крестьянства особенно) в минуты военной опасности, международных осложнений и экономических трудностей снова оживили деятельность оппозиции. Весной этого года (февраль—март) кое-где появляется уже нелегально рассылаемый проект платформы «левой» оппозиционной группы (Сапронов, В. М. Смирнов и другие), обособляющейся от оппозиции троцкистов-зиновьевцев.

На февральском пленуме ЦК партия подводит итоги огромной работе социалистического хозяйственного строительства, ставит в порядок дня такие вопросы, как вопрос о кредитной системе, о положении жел.-дор. транспорта, о капитальном строительстве, о снижении отпускных и розничных цен, рассматривает предложения к предстоящему Съезду Советов СССР и РСФСР. И вот уже тогда обнаруживается полное банкротство оппозиции, всей ее экономической программы: ни по одному из обсуждавшихся вопросов оппозиция не могла предложить пленуму ЦК ни одного делового предложения. Снова и снова был поставлен вопрос о строительстве социализма в нашей стране. Оппозиции нечего было возразить против фактов, которые развернули картину социалистического строительства. Правильно говорил на этом пленуме тов. Бухарин, приводя цитату из Ленина, что «теперь вся рабочая масса, а не только вожди и передовики, а действительно широчайшие слои знают, что они сами собственными руками строят социализм, фундамент построили, и никакая сила внутри страны не помешает довести это дело до конца» (Ленин. Собр. соч. Изд. 1925 г., том XV, стр. 500), и что «буржуазия всего мира... превосходно понимает неизбежность нашей победы в перестройке общественного хозяйства, если нас не задавит военная сила» (Ленин. Том XVI, стр. 350).

Правда, и на этом пленуме, как и на XIV съезде и на XV партконференции и на VII расширенном пленуме Коминтерна, оппозиция повторила свои антиленинские мысли по поводу закона неравномерности развития разных стран и по поводу невозможности строительства социализма в одной стране. Однако ведь резолюция пленума была не чем иным, как конкретным выражением наших взглядов на социалистическое строительство. Что же противопоставила оппозиция этим нашим решениям? Ничего. Вокруг вопроса о снижении цен было заострено внимание всей партии. По этому вопросу сколько копий ломалось в течение нескольких лет! Как волновался Феликс Дзержинский год назад на июльском пленуме ЦК, борясь с опасными для партии взглядами оппозиции Пятакова, Преображенского, В. Смирнова и др.) по вопросу о снижении цен! Ведь эти товарищи считали, в согласии почти со всей оппозицией, вредным снижение цен. И вот на

февральском пленуме проделан был перед партией замечательный «маневр»: оппозиция заявила, что она за снижение цен. Тов. Зиновьев заявил, что хотя в мотивировочной части принятой резолюции он «не разделяет ряда положений», но так как это решение имеет большое значение для партии, то он голосует за резолюцию в целом. К его заявлению присоединились тт. Троцкий и Смилга, и тогда же т. Клавдия Николаева заявила, что она «отмежевывается от взглядов тех товарищей, которые были указаны выше (Пятакова, Преображенского, Смирнова), т. е. сторонников повышения цен, а также и от тех, кто так или иначе не дает ясного ответа на этот вопрос или запутывает его».

Тов. Клавдия Николаева была права, когда указывала, что «с вопросом о снижении цен связан целый комплекс вопросов, являющихся чрезвычайно важными в жизни нашей страны».

В чем здесь дело? Это голосование за снижение цен вызвало недоумение в рядах самой оппозиции. Некоторые из оппозиционеров заволновались, увидя в этом измену делу. Сами оппозиционеры объясняли это таким образом в более откровенных беседах: оппозицией сейчас курс взят на более резкое отмежевание от «левых» союзников; разногласия с ними вступили в новую фазу. Они («левые») вообще отвергают маневренную политику, а без нее нет возможности легализовать в партии принципиальную линию оппозиции; таким образом на деле «левые» отвергают курс на легальные выступления. При проведении «маневра» (Голос: за снижение отпускных цен) было допущено несколько ошибок. Этими ошибками попытались воспользоваться «левые» противники оппозиции. В то же время давались советы — борьбу с «левыми» союзниками дополнить «огнем» направо, т. е. вести в рядах блока решительную борьбу с «ликвидаторскими» тенденциями и настроениями (Залуцкий, Николаева и др.) [1]. Таким образом голосование за снижение цен на февральском пленуме ЦК было маневром, который был рассчитан на то, чтобы не оттолкнуть массы и вместе с тем отмежеваться от левых союзников.

В то же самое время мы наблюдаем отход от оппозиции ряда видных товарищей, пользующихся уважением в партии, которые оппозицию открыто поддерживали: тт. Н. К. Крупская, Клавдия Николаева, Шелавин, Залуцкий, Бадаев и др. выходят из рядов оппозиционеров, выступая в печати и на собраниях с заявлениями об этом, резко критикуя свои прошлые ошибки и тем самым помогая отделаться от фракционности колеблющимся товарищам, которых иногда связывает не столько их идейное согласие с оппозицией, сколько личные привязанности (а иногда даже семейные).

---

[1]) Против т. Залуцкого даже распространялось специально составленное оппозиционерами письмо.

3. Проект платформы „левейших“.

«Левые» союзники (т. е. группа Сапронова и В. М. Смирнова) ответили на все это вышеупомянутым проектом своей платформы, в которой в наиболее острой форме были выражены взгляды «левой» оппозиции.

В этом проекте платформы говорилось о том, что победа над оппозицией была одержана потому, что «партийные середняки не сумели дать отпора неслыханному издевательству со стороны ЦК и всего аппарата над партией, что они оказались слишком пассивными и что эта пассивность создана тем режимом, который за последние годы проводил ЦК, режимом неслыханного террора по отношению ко всем тем, кто смело высказывал свои мнения». «Левые» обрушивались на своих союзников «справа» (троцкистов и зиновьевцев) за их теорию, «будто бы оппозиция в 1926 году потерпела поражение потому, что ее не понял партийный середняк». «Левые» считали, что этим самым оппозиция поддерживает «ложное и лицемерное утверждение верхушки ЦК, будто бы оппозиции дали отпор рабочие Авиоприбора, путиловцы и др.». По мнению «левых», «немалую роль сыграла в этой пассивности (партийных масс) и та тактика отмалчивания, которой держалась оппозиция в моменты наиболее острой травли против нее со стороны ЦК, как это было во время знаменитой литературной дискуссии по поводу «Уроков Октября» Троцкого».

Последнее утверждение целиком взято «левыми» из письма Б. Пилипенко к Дробнису в 1924 году, в котором он писал, что выпуском «Уроков Октября» т. Троцким была сделана глупость и что раз уже сделали эту глупость, то надо довести ее до конца, ибо для оппозиции, по мнению т. Б. Пилипенка, «молчание в отношении т. Троцкого буквально смерти подобно» [1]). В этом замечательном документе, проекте платформы «левейших», мы читаем о том, что «в партии делаются первые, но достаточно решительные шаги по пути ликвидации партии». «ЦК перестает быть органом партии, наоборот, партию он превращает в орудие проведения своей политики, которую он определяет самостоятельно и независимо от нее». (Это старый перепев «демократической оппозиции», что ЦК должен управлять, но не руководить, когда некоторые из этих товарищей договорились в свое время до того, что политические вопросы, вопросы международной политики должны решаться не в Центральном комитете партии, а в Совнаркоме).

Называя партию сталинской фракцией, подобно троцкистам, этот документ подчеркивал, что ЦК партии «разрывает свои организационные связи с рабочим классом», с органами партии, выполняющими ее волю, он превращается в государственный бюро-

---

[1]) Надо сказать, что мысли и планы „левейших“ вообще были предвосхищены этим Б. Пилипенко, который в 1923 г. „предвидел“, куда придет оппозиция.

кратический аппарат. «Если, пророчит документ, успешно начавшаяся ликвидация партии будет доведена до конца, то теперешний ЦК... превратится в своеобразный тип бонапартистского правительства».

Может быть, читатель думает, что это из «Социалистического Вестника», что это пишет Дан или Ной Жордания, или Отто Бауэр, или Карл Каутский? Нет, это документ, который «прорабатывается» на конспиративных рабочих собраниях, который был дан товарищами Тавкичу, Мякини и другим рабочим Замоскворечья для «предварительной проработки», который получен членом партии Мартыновым в луганской организации для предварительной проработки, который распространялся как предварительный вид сапроновско-смирновской платформы, впоследствии более детально разработанный.

Проект допускал, что партия пока еще остается связанной историческими традициями с рабочим классом (только историческими традициями), что ее уступки мелкой буржуазии (т. е. крестьянству) ей приходится проводить все больше и больше против воли рабочих, так что и эта историческая связь разрывается. А дальше идет такая мрачная картина состояния нашего внутреннего хозяйства во всех областях, что так ее не мог бы нарисовать и злейший враг советского государства.

Вся эта стряпня делается по тому же принципу, по какому подается информация в меньшевистских и белогвардейских органах о нашем советском государстве: из советских газет—из «Правды», «Экономической Жизни», «Труда»—берутся доподлинно приведенные факты и цифры, иногда целые статьи без всяких изменений, рисующие только отрицательные, болезненные стороны нашей жизни, наши недостатки, наши болячки и отбрасывающие все положительное, все социалистические успехи, все факты, свидетельствующие об укреплении пролетарской диктатуры, социалистического хозяйства и партии. И в таком виде эти извращенно, однобоко, недобросовестно подобранные факты преподносятся как картина реальной действительности. Так делает враг, и так же, теми же методами пользуются составители оппозиционных, фракционных платформ нашими недостатками и трудностями.

К чему призывает этот проект? Вопервых, этот проект предвидит падение пролетарской диктатуры, «открытый, окончательный разрыв между государством и рабочим классом». В такой обстановке сапроновско-смирновский проект считает, что «задачи пролетарской части партии, оставшейся верной большевизму, вовсе не сводятся только к пропаганде партией своих идей. Так ставить вопрос можно было бы только в том случае, если бы партия жила в нормальных условиях...». А теперь? Проект платформы призывает сосредоточить все усилия «на организацию кадра для этой борьбы, на привлечение всей пролетарской части партии на сторону оппозиции...»

Но только ли пролетарской части партии? А как быть с беспартийными? И на это проект отвечает вполне определенно: «...Нужно ясно понять..., что сталинская фракция может быть побеждена только в том случае, если оппозиция своей выдержанной классовой линией обеспечит себе активное сочувствие и активную поддержку рабочего класса». «Нужно твердо усвоить, что в предстоящей борьбе эти препятствия будут не меньше, а гораздо больше, и что *если оппозиция в результате недостаточной организованности и решительности отступит перед ними, то это будет означать ликвидацию пролетарской диктатуры*». (Подчеркнуто нами. *Е. Я.*)

Так прямо и написано. Эти люди ликвидацию своей собственной маленькой группы, свою собственную неудачу иначе не могут рассматривать как ликвидацию пролетарской диктатуры. Подумаешь, что пролетарская диктатура воплотилась в лице Сапронова, В. Смирнова, М. Минькова, Т. Харечко, Заварьяна, Шрейбера, Пилипенка, Дуне, Слидовкера, Тихонова, Емельянова, Мино, Аборнина, Дашковского, М. Смирнова! Подумаешь, что эти 15 человек и являются выразителями подлинной пролетарской диктатуры!!! Кто же этому поверит? Найдутся ли такие дураки не только в нашей партии, но за пределами нашей партии, которые всерьез поверят таким благоглупостям?!

Тот же «проект» обвиняет ЦК партии в том, что ЦК «сходит с пролетарских позиций, все больше и больше становится тормозом коммунистического движения Запада». «Левые» нападают на вождей новой оппозиции, на шестерку, за их заявление от 16 октября. Они считают, что «совершенно не допустимо... поддерживать в каких бы то ни было формах обвинение пролетарских элементов Коминтерна во фракционности, как это делает заявление шести, помогая этим самым сталинской фракции давить на Коминтерн по линии оппортунизма». Впоследствии мы увидим, как вожди оппозиции («шестерки») *под давлением «слева»* исправляют свою ошибку, нарушают свои обещания от 16 октября 1926 г. не поддерживать группу Урбанса—Маслова—Рут Фишер и выступают с защитой левых коммунистических групп, требуя их возвращения в партию и в Коминтерн, защищая их в речах, статьях *против партии и против Коминтерна*.

4. О пользе и вреде дискуссий.

Казалось, что на февральском пленуме в значительной степени как будто бы были ликвидированы разногласия. Так казалось очень многим, так мы имели право думать после того, как у оппозиции не оказалось никаких своих предложений по главнейшим хозяйственным вопросам, которые обсуждались на этом пленуме. Ликвидированы ли были разногласия на самом деле? Конечно, нет. Они были бы ликвидированы, если бы у вождей оппозиции хватило му-

жества открыто признать, что они ошибались. Этого мужества у них не хватило. Тем временем был созван VIII пленум Исполкома Коминтерна, который должен был решить ряд важнейших вопросов международной революции. Перед VIII пленумом ИККИ созван был апрельский пленум ЦК. На апрельском пленуме ЦК, на котором заслушаны были вопросы Съездов Советов СССР и РСФСР, был впервые поставлен вопрос о XV съезде партии и заслушаны были сообщения тов. Томского об англо-русской конференции и тов. Рыкова о китайской революции. Оппозиция выступила на этом пленуме с весьма легковесной критикой тезисов тт. Калинина и Куйбышева, которые предлагались Съезду Советов. Члены ЦК из оппозиции воздержались от голосования по этим тезисам, но не голосовали против.

Тогда уже по вопросу об англо-русском комитете и по вопросу о китайской революции мы получили тезисы о китайской революции тов. Зиновьева и услышали резкую критику линии партии в этом вопросе, как и в вопросе об англо-русском комитете. По сути дела ничего нового в этой критике мы не узнали по сравнению с прежним, кроме ряда новых противоречий в линии по китайскому вопросу, которые уже отмечались в нашей печати, и кроме еще большего заострения ошибочной линии тов. Троцкого в вопросе об АРК.

По вопросу о съезде партии оппозиция сделала ряд предложений, которые сводились к тому, что мы должны по крайней мере за три месяца до съезда начать дискуссию по всем решительно вопросам международной и внутренней жизни, фактически некоторые вопросы поставлены уже как программные вопросы; другими словами, нам предлагалось потратить по крайней мере четверть года до съезда (и, может быть, четверть года после съезда) на дискуссию с оппозицией. Как будто дискуссия—самый лучший способ укрепить наше международное и внутреннее положение!

По поводу необходимости дискуссии обычно ссылаются на Ленина. Никак-де нельзя обойтись без всесоюзной дискуссии,—а оппозиция предлагает даже продискутировать в «мировом масштабе»,—когда возникают перед партией какие-нибудь серьезные затруднения.

Правда ли, что Ленин всегда считал самым лучшим путем решения вопросов пути дискуссии? Вот VII съезд партии, когда мы переживали необычайно трудное положение в связи с вопросом о Бресте и когда «левые коммунисты» [1]) вместе с троцкистами трепали партию. Ленин тогда с уверенностью говорил на VII съезде по поводу кризиса, который мы переживали. Кризис был тяжелый. Раскол казался многим совершенно неизбежным. Мос-

---

[1]) Ничего, кроме сожаления от том, что я был „левым коммунистом", у меня от этого времени не осталось в отношении своей ошибочной позиции того времени.

ковская областная организация вынесла постановление, что она считает совершенно неизбежным раскол. Отдельные партийные организации не подчинялись Центральному комитету. «Левые коммунисты» возглавляли целые комитеты и целые области. А Ленин говорил:

> «Этот кризис будет изжит: никоим образом ни наша партия, ни наша революция на этом себе шею не сломают, хотя в данный момент это было самым близким, самым возможным. Гарантией того, что мы себе на этом вопросе шею не сломаем, является то, что вместо старого способа решения фракционных разногласий, старого способа, который состоял в необыкновенном количестве литературы, дискуссий, в достаточном количестве расколов, вместо этого старого способа события принесли людям новый способ учиться. Этот способ—проверка всего фактами, событиями, уроками всемирной истории». (Протоколы VII съезда ВКП(б.)

Конечно, «можно спорить» по вопросу о том, что же говорят факты, события и уроки всемирной истории. Мы глубочайше убеждены вместе со всей партией, что все пророческие предсказания оппозиции о «гибели» давным-давно опровергнуты «фактами, событиями и уроками всемирной истории». Этот вопрос мы можем обсудить и обсудим на наших съездах, на наших конференциях, на наших пленумах Центрального комитета, в специально для этого созданной печати, наконец, в дискуссии накануне съезда, если партия считает целесообразной такую дискуссию; но для этого не требуется обязательно, как говорил Ленин, «необыкновенного количества литературы, дискуссий и достаточного количества расколов», которые практикуются сейчас на деле, фактически оппозицией.

А на X съезде партии Ленин определенно подчеркнул вред дискуссий:

> «Мне сегодня,—говорил Ленин,—пришлось уже об этом говорить, и, разумеется, я мог только осторожно сказать, что едва ли многие из вас не оценят эту дискуссию как непомерную роскошь. От себя же лично я не могу не добавить, что на мой взгляд эта роскошь была действительно совершенно непозволительной и что, допустив такую дискуссию, мы, несомненно, сделали ошибку».
>
> «Мы на несколько месяцев оказались столь роскошествующими, что увлекались изучением оттенков мнений. Между тем демобилизация армии обостряла экономический кризис...»
>
> «Обстановка спора становится в величайшей степени опасной. Некоторые товарищи, с кото-

рыми мне приходилось встречаться и спорить на дискуссии, когда я несколько месяцев тому назад говорил: «Смотрите, тут есть угроза господству рабочего класса и диктатуре рабочего класса!», говорили: «Это способ запугивания, вы нас терроризируете». Я несколько раз должен был выслушивать эту приклейку к своим замечаниям, что я кого-то терроризирую, и я отвечал на это, что было бы смешно с моей стороны терроризировать старых революционеров, видевших всяческие испытания». (X съезд, стеногр. отчет, стр. 16—17, изд. 1921 г.)

А когда мы в таких же опасных и трудных условиях говорим об опасности нашего положения, о вреде дискуссии в настоящий момент, о том, что дискуссия отвлекла бы наши силы от необходимой работы по укреплению социалистического хозяйства, по укреплению обороноспособности страны, что она подорвала бы наши силы, что она развязала бы все антипартийные, все антисоветские элементы,—мы в ответ слышим те же речи о терроризировании, о запугивании, о подавлении, о зажиме и пр. и пр.

А разве в самом деле опубликование таких платформ, скромные выдержки из которых мы приводили, не имеет своей оборотной стороны, которую не раз отмечали меньшевики и белогвардейцы, то есть, что оппозиция расшатывает диктатуру пролетариата своими нападками на партию и с каждым разом выговаривает все более страшные слова против диктатуры пролетариата? Разве оппозиция не окрыляет наших врагов своими нападками на партию?

5. От апрельского пленума ЦК к „платформе 83“.

Выход за пределы партии.

Через несколько дней после закрытия апрельского пленума ЦК вожди оппозиции потребовали созыва экстренного заседания пленума ЦК для обсуждения ряда вопросов, связанных с международными событиями. По этим вопросам существовали решения, принятые Центральным комитетом. Правильность их оспаривалась только группой оппозиции. Вот почему не было надобности в созыве такого экстренного пленума ЦК. А через несколько дней мы получили самые резкие выступления оппозиции на VIII пленуме ИККИ с неслыханными обвинениями против Коминтерна и против партии. По «периферии» оппозиции всем сторонникам оппозиции, очевидно, был дан сигнал сверху; всюду, где только могли, оппозиционеры выступили с самыми бешеными нападками, с самыми дикими обвинениями против ЦК. Нередко можно было слышать этакие, например, обвинения по адресу ЦК: «Штаб фашистов», «меньшевистское охвостье» и т. п. Это была такая «критика»

Коминтерна, такая критика политики нашей партии, «которая (критика) переходит в травлю, ослабляющую положение Коминтерна как боевой организации мирового пролетариата, ВКП как передового отряда Коминтерна и СССР как первого государства пролетарской диктатуры», т. е. такая критика, которую вожди оппозиции решительно осудили в октябре 1926 г. и которую они теперь с неслыханной остротой обрушили на партию и на Коминтерн. Одновременно многочисленные документы оппозиции размножались ее сторонниками, распространялись по периферии не только в среде партийных, но и беспартийных, попадая иногда в такие руки, где они могли быть использованы самым опасным образом против партии. Речи (в том числе и произнесенные на закрытых заседаниях ЦК) и документы, принадлежащие оппозиции, стали появляться на страницах «лево-коммунистической» печати, в особенности группы Урбанса—Маслова—Рут Фишер: «Миттейлунгсблятт» («Известия» левой КПГ) и «Знамени коммунизма». По сути дела это были попытки через голову партии, через голову Коминтерна, на страницах зарубежной печати, под крылышком Гинденбурга, апеллировать против линии партии, против линии Коминтерна к таким «массам», которые находят сочувствие столько же у группы Рут Фишер—Маслова, сколько на страницах меньшевистского «Социалистического Вестника».

В день печати, на 15-летнем юбилее «Правды», тов. Зиновьев сделал попытку на беспартийном собрании апеллировать к массам на неправильную, по его мнению, политику партии и неправильную, с его точки зрения, линию центрального органа—«Правды».

Одновременно отдельные члены ЦК из оппозиционного блока проявили такую недисциплинированность, которая заставила Центральный комитет обратиться в ЦКК, чтобы вынудить этих товарищей исполнить постановление Центрального комитета. Таким несомненным нарушением партийной дисциплины явилось поведение тов. Смилги, который в течение месяца слишком не выполнял постановления Центрального комитета о поездке в Хабаровск. А когда он поехал после недопустимых заявлений, сделанных им в руководящие органы партии, то его отъезд был обставлен оппозиционерами так, что получилась демонстрация оппозиции против линии партии, которая, якобы, высылает тов. Смилгу.

Эти обвинения в высылках не являются чем-либо новым для партии. На IX съезде партии группа «демократического централизма» обвиняла буквально в том же самом ленинский Центральный комитет.

У нас оппозиционеры теперь сплошь и рядом любят прикрываться именем Ленина, изображают дело так, что после Ленина у нас появились разного рода извращения правильной партийной линии. А разве Сапронов и другие не называли Центральный комитет на IX съезде маленькой «кучкой партийной оли-

гархии»? Разве не говорилось тогда о ссылках, которые практикует якобы Центральный комитет? Разве Ленину и Крестинскому не приходилось, например, на IX съезде отвечать на эти неумные и жалкие обвинения теперешним сторонникам оппозиции? Разве те же самые обвинения не выдвигались «рабочей оппозицией» на XI съезде при Ленине? Эти обвинения новой оппозиции в том, что Центральный комитет ссылает их,—это есть обвинение, которое оппозиция заимствовала из арсенала обанкротившихся в течение нескольких лет несколько раз различных оппозиционных группировок, осужденных партией при жизни Ленина и под его руководством.

На VIII пленуме ИККИ оппозиция действительно выговорила не только страшные слова, когда она заявляла, что самая большая опасность грозит в настоящее время со стороны партийного режима, когда она требовала амнистии исключенным из партии и из Коминтерна, амнистии по отношению к таким группам, как группа Маслова, Рут Фишер, Урбанса. По отношению именно к этим группам они заявляли в октябре: «Мы считаем абсолютно недопустимой прямую или косвенную поддержку фракций и каких бы то ни было групп в отдельных секциях Коммунистического Интернационала против линии Коминтерна». С каких же это пор группа Маслова, Рут Фишер, Урбанса стала за линию Коминтерна? С каких это пор прозрела оппозиция в отношении этих и подобных групп, что выступила на защиту их? Кто же поверит, кто же может поверить, что они были «введены в заблуждение», что они не знали истинной физиономии этих групп? Разве можно в этом поверить бывшему председателю Исполкома Коминтерна? Если бы даже верно было то, что он был введен в заблуждение (кем, когда,—ведь он сам стоял во главе?), так ведь он сам вводил в заблуждение весь Коминтерн. Или кто поверит, что тогда, когда он изображал троцкизм, т. е. ту самую теорию, которую он воспринял в 1926 г. и заменил ею ленинизм,—когда он изображал эту теорию как разновидность меньшевизма,—кто же ему теперь поверит, что он был «введен в заблуждение»?

А как выполнялись решения XIV съезда, ЦК и ЦКК партии, как они считались «безусловно обязательными» и как они проводились в жизнь оппозицией,—об этом мы можем судить не только по вышеизложенному факту нарушения партийной дисциплины т. Смилгой, но и по всему отношению оппозиции к решениям партии в труднейшие моменты. Оппозиция нередко ссылается на то, что партийная организация отказывается давать им какие бы то ни было партийные поручения. Для всякого ясно, что партийные поручения бывают всякие. Очень ответственные деловые и политические поручения члены оппозиционной фракции выполняют и в настоящее время—вплоть до постов наркомов. Если,

скажем, Московский комитет должен послать докладчика на партийное или беспартийное рабочее собрание, то он должен быть уверен в том, что докладчик будет защищать линию партии, что если ему зададут тот или иной вопрос по поводу решений партии, он будет эти решения защищать. Так ли поступает оппозиция? Например когда возникла более реальная опасность войны, некоторые видные оппозиционеры заявили Московскому комитету, что они ознакомились с резолюцией XV московской губернской партийной конференции, где подчеркивается опасность войны, и что «ни малейшего разногласия между Центральным комитетом и «так называемой оппозицией» по этому вопросу не будет». И, «вполне разделяя сказанное губернской конференцией по этому вопросу», они просят бюро МК «иметь их в виду, как докладчиков по этому вопросу на рабочих собраниях». (Подчеркнуто нами. *Е. Я.*). Берем упомянутую резолюцию XV московской губернской партийной конференции. В этой резолюции говорится, что «XV конференция объявляет вопиющим вздором и клеветой на партию тяжкое обвинение ее в национальной ограниченности и национал-реформистской политике». Что, если бы этим докладчикам задали вопрос, считают ли они обвинения партии в национальной ограниченности и в национал-реформистской политике «вопиющим вздором и клеветой на партию»,—что они ответили бы на это? Ведь именно они и являются распространителями этого вопиющего вздора и клеветы. Если XV московская губернская партийная конференция считает, что «вместе с партией, принимая целиком все решения партии, всесоюзной конференции, пленумов ЦК, московская организация стоит на той точке зрения, что мы располагаем всеми данными для победоносного социалистического строительства в нашей стране»,—что ответила бы оппозиция по этому вопросу, если бы докладчика спросили на собрании, считает ли он это верным? Разве не оппозиция распространяла и распространяет утверждение, будто теория победоносного социалистического строительства в нашей стране ничего общего не имеет с марксизмом и ленинизмом, и что это есть мелкобуржуазная утопия? Что сказала бы оппозиция по поводу оценки XV московской губернской партийной конференцией их взглядов на возрастающую зависимость и подконтрольность от мирового капитализма нашего социалистического хозяйства о том, что мы только—«функция мирового хозяйства»? Как будто наши взгляды о военной опасности являются чем-то изолированным, чем-то выдернутым из общей суммы наших взглядов! Конечно, нет. Сама оппозиция вскоре доказала, что и в вопросе о причинах военной опасности и в вопросе о том, в чем заключается главная опасность, она резко расходится с партией. Поэтому оппозиция сама, своими взглядами и действиями ставит себя в такое положение, когда она не может лойяльно служить партии, когда она

не может защищать линию партии, когда она ни в одном вопросе не может искренно, до конца защищать линию партии, ибо даже там, где у нее нет разногласий, она эти разногласия выдумывает, высасывает, раздувает невероятно, их обостряет,— и обостряет именно в самый опасный момент, в момент объявления чемберленовским правительством разрыва с СССР, оппозиция за подписью 83 ее сторонников подала заявление в Центральный комитет,—своего рода платформу оппозиции,—в котором заострены разногласия по всем почти вопросам внутренней и внешней политики. А ведь еще недавно, на февральском пленуме, у них не было почти никаких определенно сформулированных разногласий по многим из этих вопросов. А еще в апреле они воздержались на пленуме ЦК от голосования именно потому, что у них не было своей линии по целому ряду тех же самых вопросов.

Для чего же понадобилось это выступление в такой момент с одновременной апелляцией посредством петиционной кампании к «массам», путем распространения этой платформы, этого обвинительного акта против партии—всем, всем, всем?! Это понадобилось потому, что новая оппозиция, как и другие оппозиционные группировки в прежнее время, считает настоящий трудный момент самым удобным для себя, самым удобным для выступления. Она подчеркивает в этом своем заявлении, что «коллективное письмо передается нами Центральному комитету в тот момент, когда английские консерваторы, использовавши половинчатость нашей политики в китайской революции и в рабочем движении самой Англии, довели дело до разрыва дипломатических сношений. Создавшееся таким образом исключительно острое положение придает, по глубокому нашему убеждению, настоящему партийному документу удесятеренное значение». Конечно, этот документ получил в такой момент не только удесятеренное значение, а гораздо большее, хотя бы потому, что в нем вина за разрыв английских консерваторов с СССР сваливается ни больше, ни меньше, как на нашу политику, на политику ВКП(б). Ежели бы, дескать, мы вели более решительную политику в китайской революции и в рабочем движении Англии, то Чемберлен не посмел бы довести дело до разрыва. Выходит: виновата не английская буржуазия, не ее хищнические интересы и империалистские замыслы, а виновата «половинчатость нашей политики». О, конечно, эти люди очень «спокойные»—у них «тактика дальнего прицела». Они переступают «с полным спокойствием и уверенностью в своей правоте через «неизбежные крики» насчет того, что они расстраивают ряды в момент разрыва дипломатических отношений с Англией. Разве не такое же спокойствие испытывала «Рабочая оппозиция», когда в момент кронштадтского восстания в 1921 году говорила не менее умные и опасные вещи, чем сейчас высказывает новая оппозиция? Разве «левые коммунисты» не высказывали «с полным спокойствием» и уверенностью в своей правоте своих обвинений

по адресу партии, таких же несостоятельных и опасных, какие сейчас высказываются новой оппозицией? **Новая оппозиция все позабыла и ни чему не научилась на тех ошибках**, какие пережила партия в период Бреста, в период Кронштадта, и она вновь и вновь повторяет эти старые ошибки.

В свое время [1]) мы показали, как эти ошибки различных оппозиционных, фракционных и антипартийных групп были восприняты и повторены новой оппозицией в 1926 году. Мы тогда считали, что это уже «завершенный круг»; мы надеялись, что оппозиция прекратит свою борьбу. К сожалению, она не только не прекратила этой борьбы, но эта борьба вступила в новую, более опасную, фазу еще больших обострений, еще более острых нападок, еще более антиленинской критики. Она показала, как мало значения сама оппозиция придает своим заявлениям и обязательствам от 16 октября 1926 г.

6. Единая в трех лицах оппозиция.

„Вдовье письмо."

В настоящее время мы имеем: 1) «левую» оппозиционную группу 15-ти; 2) подписавших «буферную» платформу, известную теперь в партии под именем «вдовьего письма», если можно назвать «группой» несколько шатающихся в своей линии товарищей; и 3) «платформу 83-х» (за этим первым «подписным листом» последовали другие подписные листы, петиционная кампания оппозиции развертывается вовсю).

Собственно говоря, официально это «вдовье» письмо до сих пор еще не поступило в Центральный комитет от самих его инициаторов. Его представили в ЦК и ЦКК те товарищи, к которым обращались за подписями. И хотя в этом письме говорится, что «многие из нас в свое время как сторонники большинства голосовали за выведение тт. Зиновьева и Троцкого из политбюро», но никаких «многих» под этой платформой нет, а сторонники ее обращаются за подписями к тем, которые за выведение тт. Зиновьева и Троцкого из политбюро не голосовали никогда, а наоборот, являются сторонниками тт. Троцкого и Зиновьева. Больше того, ЦКК известны факты, когда самые ярые фракционеры-троцкисты печатали эту платформу и давали ее подписывать другим, лишь бы **какую-нибудь** платформу подписать, которая хоть с какой-нибудь стороны нападала бы на Центральный комитет. Так что здесь, несомненно, налицо известное «разделение труда».

Так как далеко не все составные части оппозиционного блока выявили свое отношение к партии в этих различных платформах, то мы не удивимся, если появится еще какая-нибудь платформа

[1]) См. Ем. Ярославский „Новая оппозиция и троцкизм" („Прибой", 1926 г.) и Ем. Ярославский „Рабочая оппозиция". „Рабочая группа" и „Рабочая правда", изд. „Молодая Гвардия". Москва, 1926 г.

еще какой-нибудь «группы, группочки, оттенка и оттеночка» оппозиции, и все они не потребуют от партии, чтобы их документы печатались, распространялись и т. п.

Мы хотели бы прежде всего остановить ваше внимание на наиболее невинной, казалось бы, платформе, на «вдовьем письме». У нас есть основания к тому, чтобы утверждать, что этот документ является в значительной степени придатком к той же самой новой оппозиции. Письмо прямо спекулирует на «примиренческих» чувствах отдельных членов партии, которые думают, что спасение партии заключается в том, чтобы сейчас собрать все оттенки мнений оппозиционеров и передать руководство партией такому Центральному комитету, который походил бы больше на дискуссионный клуб, чем на руководящий орган партии, способный обеспечить какую-нибудь одну твердую линию. Можно представить себе, что получилось бы, если бы мы послушались этих товарищей!

Письмо это начинается с того, что перед нами опасность войны и что подписавшие его хотят «честно и смело вскрыть недочеты и изъяны и тем помочь оздоровлению и укреплению партии». Однако говорят, что благочестивыми и добрыми пожеланиями ад вымощен. В добрых пожеланиях и этих товарищей мы не сомневаемся. Но у нас не вызывает никакого сомнения также и то, что это их шаг—распространение буферной платформы и собирание под нею подписей—есть факт, вредный для партии. Мы в этом убедились хотя бы на позиции того же т. Смилги и других буферных групп: его буферная группа фактически являлась прикрытием фракционности, прикрытием начинающегося отхода от линии партии. (В свое время «буферная» группа на X съезде также отрицала свою фракционность). Поэтому мы предупреждаем всех тех, кто склонен поддаться с виду очень такому заманчивому примиренческому тону буферной платформы, чтобы они вдумались в существо выдвигаемых «вдовьим письмом» положений.

«Мы были свидетелями,—пишут эти товарищи,—как в большевистской партии виднейшие члены ее открыто нарушали партийную дисциплину». Как будто бы при Ленине не было таких фактов, когда члены партии и даже члены Центрального комитета нарушали партийную дисциплину! Как будто бы Ленин на X съезде партии не внес специального пункта в резолюцию, на основании которого члены ЦК, нарушающие партийную дисциплину, могут быть исключены из его состава до съезда решением объединенного пленума ЦК и ЦКК!

«На собраниях,—говорят эти сердобольные люди,—нет живой активности, нет того глубокого внимания и интереса, которые пронизывали рабочее собрание еще два-три года тому назад». А разве 2—3 года назад не говорили про нашу партию, про наши партийные собрания того же самого? Прочитайте «Новый курс» Троцкого в конце 1923 г. Прочитайте ряд других документов, про-

читайте протоколы съездов и вы услышите те же самые обвинения. Нового в этом заявлении ничего нет. Буферное «вдовье письмо» «твердит зады», повторяет жеванное и пережеванное всеми другими оппозициями и группками обвинение против партии. Оно уверяет, что «на собрании часто царит безразличие». Конечно, в нашей большой партии могут быть такие плохие ячейки, могут быть такие неудачные собрания, на которых часть членов безразлична. Однако, всякий, кто живет партийной жизнью по-настоящему, знает, что никогда не было такого глубокого интереса к партийным вопросам, никогда не было такой теоретической работы над собой членов партии, никогда так глубоко вопросы не захватывались, так серьезно не обсуждались, как именно за последнее время, за последние годы. Что есть в нашей партии люди, которые не имеют своего мнения или не высказывают его, в этом также нет ничего нового. И это обвинение мы слышали давным-давно по адресу всей нашей партии.

Не умея понять ряда фактов, буферное письмо пытается эти факты приписать тому, что мы не ведем дискуссии, или тому, что от руководства партией отстранены оппозиционеры. Именно поэтому они не умеют объяснить, почему после огромного наплыва в нашу партию во время ленинского призыва часть этого призыва, которая вошла по стихийному чувству, которая за это время не втянулась в партийную работу, которая тяготится партийными обязанностями, отошла во время партийной переписи в обстановке, когда над страной нависла угроза войны.

Буферное письмо указывает на то, что партийные директивы плохо проводятся в жизнь. «Большевистские лозунги,—читаем мы,—были всегда для всей партии законом, который проводился не за страх, а за совесть, безоговорочно и с полным сознанием ответственности каждого коммуниста перед своей партией, а сейчас мы являемся свидетелями того, как важнейшие и нужнейшие лозунги не только слабо проводятся коммунистами, но очень часто встречают с их стороны сопротивление»... Как будто мы не знали раньше фактов, когда партийные директивы плохо проводились в жизнь, когда, например, далеко не все организации выполняли задания партии по сбору продовольствия, по сбору чрезвычайного налога, по сбору сел.-хоз. налога, когда не везде проводилась своевременно мобилизация партийцев в деревню или на другую работу. Кто переберет в памяти все наши кампании, какие мы проводили в свое время, тот должен будет признать, что директивы партии очень часто плохо проводились в жизнь. Однако мы никогда из этого не делали таких неправильных пессимистических выводов, какие делает буферное письмо.

Самое несостоятельное в этом письме—это мысль о том, что посредством дискуссии мы можем все разрешить. При этом товарищи, составившие это письмо, ссылаются на Ленина. Они

уверяют, что дискуссия на XIV съезде свалилась для партии «как снег на голову». А разве при Ленине не говорили члены партии, что на них решение партии о продналоге свалилось «как снег на голову», разве целый ряд других решений также не свалился, «как снег на голову» тех, кто мало думал по поводу затрагивающих рабочий класс вопросов, которые «открывали» эти вопросы только в тот момент, когда требовалось их определенное решение? Пусть эти товарищи укажут, какое участие партия принимала в дискуссии о продналоге до и после X съезда. Мы уже приводили мнение Ленина «о пользе и вреде дискуссий» и думаем, что зря тут ссылаются на Ленина и на историю нашей партии. Или, например, никто из нас не требовал дискуссии в связи с положением под Варшавой для обсуждения ошибок, сделанных при этом наступлении. Однако никто тогда из нас не думал делать таких нелепых выводов, что мы для того, чтобы проводить эти решения в жизнь, должны устроить по поводу этих решений всесоюзную дискуссию. Мы понимали обстановку, мы понимали требование времени, и мы проводили беспрекословно решения партии в жизнь. Спасение от трудностей, которые мы сейчас имеем и которые нас еще ждут, они видят только в том, чтобы в ЦК и политбюро вернуть тех, кто находился в нем раньше. Разве при Ленине не обновлялся все время состав Центрального комитета? Почему же после смерти Ленина он должен остаться раз навсегда закрепленным, не должен пополняться и изменяться в зависимости от роста новых сил, в зависимости от того, проводит ли тот или иной член партии, член Центрального комитета, линию партии, или он проводит линию, враждебную ВКП, линию, ничего общего не имеющую с линией ВКП?!

Буферное письмо призывает «забыть взаимные обиды». Дело, конечно, не в личных обидах. Но когда нам заявляют в этом письме: «надо заставить оппозицию не только подчиниться решениям партии, но и проводить их в жизнь не за страх, а за совесть, как это всегда делалось в большевистской партии»,— мы вправе спросить этих товарищей: а как заставить? а что нам делать с теми товарищами, которые считают, что мы все, большинство, скатываемся или скатились уже с ленинских рельс? Что делать с теми, которые считают, что мы ликвидируем или уже ликвидировали диктатуру пролетариата? Что делать с теми, которые нас обвиняют в термидорианстве? Что делать с теми, которые говорят, что мы проповедуем теорию национальной ограниченности? Что делать с теми, которые считают себя правыми, а всю партию ошибающейся, которые, как Пифия, пророчествуют о завтрашнем дне, подготавливаемом ими, оппозиционерами? Что предлагают авторы буферного письма? «Спорящие стороны должны собраться вместе и спокойно, потоварищески, обсудить положение и выработать платформу объединенных действий». Жалкая болтовня! Мы собирались и собираемся каждый раз на съездах и конференциях и на пленумах Цен-

трального комитета, мы потоварищески обсуждаем положение. Нашей платформой объединенных действий являются решения съездов, конференций и пленумов, в промежутке между ними—решения Центрального комитета, его политбюро, оргбюро и секретариата. Так учила нас всегда партия, так учил Ленин. Мы не можем вне устава партии решать вопросы, как решает их оппозиция. Вот мы через несколько дней вновь соберемся на объединенный пленум ЦК и ЦКК. С нашей точки зрения, мы потоварищески обсуждаем положение и потоварищески вырабатываем «платформу объединенных действий». А если на этом пленуме есть спорящая сторона, т. е. небольшая группа оппозиции, которая при всех своих стараниях поднатужиться, надуться, собрать подписи, представить собой вес и значение все же остается ничтожным меньшинством в нашей партии,—что нам делать, если это меньшинство не подчиняется решениям партии, не проводит их в жизнь, не согласно с нашими решениями? Что нам делать, если эта маленькая, ничтожная группка оппозиционеров склонна себя рассматривать как «пролетарское, ленинское левое крыло нашей партии», склонна оформлять себя как крыло партии, т. е. как организованную часть партии, со своей платформой, со своей внутренней дисциплиной, обязательной для тех, кто входит в эту группу? Почему-то буферное письмо, когда оно приводит слова Ленина о том, что нужно действовать, «невзирая на лица», обязательно при этом «взирает» на лица тех, кого эти сердобольные люди считают обиженными и резко нападают на «лица» тех, кто твердо проводит линию партии, кто опирается на устав партии, на большинство партии, кто борется с раскольнической политикой! Мы не в меньшей, надеюсь, степени являемся сторонниками единства нашей партии. Но если оппозиция повторяет двадцать раз: «единство партии», «единство, единство!» и двадцать раз говорит: «против раскола, за коллективное руководство партией»,—а в то же самое время создает свои особые фракции, со своими особыми платформами, резко противоречащими решениям съездов и конференций партии и пленумов ЦК и ЦКК,—если эта оппозиция противопоставляет себя подавляющему большинству партии в качестве особого «левого ленинского, пролетарского крыла», то из этого никакого единства не получится.

Милые, дорогие товарищи, которые хотят «смело и честно вскрыть недочеты и изъяны и тем помочь оздоровлению и укреплению партии». Мы советуем сторонникам «буфера» прочесть выпущенную в 1921 году тов. Смилгой брошюру «На повороте» (Заметка к X съезду партии. Только для членов партии. ГИЗ. 1921 г.). В этой брошюре, направленной против оппозиции, мы находим замечательные афоризмы (тов. Смилга особенно силен в этой области). Например: «Надо говорить, писать и принимать только то, что можно провести в жизнь». Замечательно умно ска-

зано! К сожалению, оппозиция теперь говорит, пишет и принимает то, **чего нельзя провести в жизнь**. В частности, это делает тов. Смилга и те, кто является авторами этого «примиренческого» «вдовьего» письма. «Вместо того—писал Смилга,— чтобы тушить пожар, мы бессмысленно подливаем масло в огонь». Верно, дорогие товарищи! Вместо того, чтобы тушить пожар, вы бессмысленно подливаете масло в огонь. «Лучше промолчать,— писал тов. Смилга,—чем ошибочно прокричать». Правильно, тов. Смилга. Лучше бы уж промолчать, чем так ошибочно кричать, как прокричали вы и ваши друзья и как кричат те, которые запоздало подражают вам в создании буфера. «Мы сейчас страдаем,—писал тов. Смилга,—как это ни странно, от словоблудия». Вот это особенно верно сказано. Словоблудия теперь так много в различных оппозиционных платформах, что мы все от этого необычайно страдаем. Нельзя ли поменьше словоблудия?

7. Заявление 83-х.

Собственно говоря, теперь это уже не заявление 83-х, так как с момента подачи этого заявления оппозиция провела обширную петиционную кампанию, собирая все и всяческие обломки оппозиционных групп, всех обиженных и недовольных, которые в этой платформе называются «старыми большевиками», независимо от того, являются ли они ими. В «старые большевики» таким образом попадают и Вуйовичи, которых ни один революционер не знал до Октября в качестве **большевика**, и те, кто до 1919 г. пребывали в «интернационалистах», а после июльских дней 1917 г. выступили с позорнейшими речами против большевиков, и Штыкгольды, которые еще в 1918 г. были добровольцами французской империалистической армии и состояли в интернационалистах.

Конечно никого всерьез нельзя же убедить в правоте оппозиции тем, что из миллионной партии на стороне оппозиции окажется какая-нибудь **дробь процента**, даже если бы было **несколько** процентов; наша партия, как известно, организована таким образом, что вопросы в ней решаются **большинством**, а большинства оппозиция **не имела, не имеет и иметь не будет**, какой бы она «дальний прицел» ни брала, как бы она поражением июльских дней ни подбадривала своих сторонников. Но кой-кого сбить с толку ей удается перечислением громких имен и т. п.

В обращении к политбюро, подписанном тт. Евдокимовым, Зиновьевым, Смилгой и Троцким, говорится о том, что в случае войны «в нашей стране каждый рабочий, каждый батрак, каждый бедняк—с одной стороны, каждый кулак, каждый бюрократ, нэпман—с другой, поставят ребром вопрос, **какая** война, **во имя чего** война, **какими способами и средствами** война будет вестись». Мы полагали до сих пор, что **по этому**

вопросу у нас в партии не может быть разногласий—о том, какая война, во имя чего война и какими способами и средствами война может вестись советским государством. Если этот вопрос подвергается в настоящее время сомнению оппозицией, если перед нами угроза, что в случае военной опасности часть нашей партии может подругому истолковывать значение войны, ее цели, искать другие средства, то дело зашло, действительно, далеко по пути образования другого «крыла».

Заявление 83-х начинается с критики линии нашей партии в вопросе о китайской революции. Этот вопрос мы считаем достаточно освещенным в нашей печати, особенно в «Правде», чтобы в настоящей статье отвечать на одну из линий оппозиции по этому вопросу, которая выдвинута в настоящей платформе. Все знают, что даже у такого китаеведа, как тов. Радек, одних только оценок кантонского правительства было несколько,—и все они были разные. Все знают, что уханское правительство одновременно считалось (т. Троцким) фикцией, а тов. Зиновьев предлагал оказывать ему всяческую поддержку. Одновременно предлагалось выйти из гоминдана, и в то же самое время протестовали против того, что оппозиции «приписывают» требование выхода из гоминдана. Все знают, что оппозиционеры посвящали гоминдану свои труды (Альский), воспевали всячески гоминдан до самых последних дней. Теперь, после поражения, после изменнической роли, которая играла большая часть верхушки гоминдана, делаются попытки все беды, всю вину за поражение китайской революции свалить на Коминтерн и в особенности на руководство ВКП. Что у нас могли быть те или иные отдельные ошибки в оценке событий в Китае,—в этом вряд ли можно сомневаться; но таких ошибочных оценок мы можем в гораздо большей мере насчитать у оппозиции, чем у Коминтерна. К тому же надо сказать, что мы никогда не позволяли себе приписывать поражения революции в Италии, Германии, Венгрии, Болгарии, Эстонии и др. руководству Коминтерна, когда там руководящую роль играли тт. Зиновьев, Троцкий, Радек и др.

Второй «удар» платформа 83-х наносит по вопросу об англо-русском комитете, повторяя те же самые «левые» обвинения, которые мы слышали сотни раз по адресу нашей партии, которые высмеял Ленин, как «детскую болезнь левизны» в коммунизме, и на которые еще недавно ВЦСПС дал достаточно ясный и внушительный ответ. Да и сам тов. Зиновьев, например, не так уж давно считал «дураком» всякого, кто не понимал положительной роли АРК. Вот почему нам нет надобности и по этому вопросу здесь опровергать совершенно несостоятельную линию оппозиции.

Центр тяжести заявления перенесен на вопросы внутренней политики. Здесь мы находим признание некоторых «серьезных успехов в области хозяйственного строительства, промышленности,

сельского хозяйства, кооперации». Мы находим признание, что «страна пролетарской диктатуры оказалась вполне способной к социалистическому строительству, показала в этой области первые успехи, подготовляя тем самым вместе с пролетариатом других стран окончательную победу социализма во всем мире».

«Оказалась способной к социалистическому строительству», — очень тонко составлена формулировка. Но где тонко, там и рвется. Всякий видит, насколько эта «тонкая» формулировка внутренне противоречива, насколько она не соответствует тому, что говорится через несколько строк. Теория социализма в одной стране объявляется «неверной, мелкобуржуазной, ничего общего не имеющей с марксизмом, с ленинизмом, считается грубым отступлением от марксизма». Если Ленин еще в 1918 г. говорил, что мы уже «построили фундамент социалистического строительства, что никакая сила внутри страны не может нам помешать довести это дело (т. е. строительство социализма. *Е. Я.*) до конца», если Ленин в 1919 г. говорил о том, что если не будет интервенции, то мы сумеем перестроить на социалистический лад наше хозяйство, если позднее Ленин по поводу своего кооперативного плана утверждал, что мы в кооперации при диктатуре пролетариата имеем все необходимое для построения социализма, — то теперь все это объявляется «мелкобуржуазной теорией». Так далеко эти люди отошли от Ленина!

Однако и китайская революция, и англо-русский комитет, и вопросы о строительстве социализма — это только, так сказать, прелюдия, необходимая для того, чтобы настроить на высокий принципиальный лад свое заявление, направленное исключительно на то, чтобы дать демагогическую платформу для апелляции ко всем недовольным. Конечно, мы должны и будем обсуждать снова и снова вопросы заработной платы и безработицы, мы обязаны искать и изыскиваем средства и способы повышения материального уровня рабочего класса, средства к изживанию безработицы; но мы будем всегда бороться против того, чтобы какая-нибудь группа членов партии преподносила рабочему классу в качестве платформы перечень трудностей, перечень и действительных и выдуманных недостатков в нашей работе, ибо мы глубоко убеждены в том, что оппозиция дает безответственные обещания, что если бы оппозиция должна была отвечать за свои слова, то она не в состоянии была бы выполнить ни одного из своих обещаний. Оппозиция подхватывает дешевую, чисто цеховую, групповую демагогию против рационализации промышленности только потому, что никакой другой рационализации она придумать не может, ибо еще недавно, когда вожди оппозиции имели возможность руководить в области промышленности, они проводили эту рационализацию самыми жесткими и не всегда обдуманными приемами.

Та же самая фальшивая демагогическая линия по отношению

к крестьянству, образцом которой было выступление оппозиции на фракции Съезда Советов, когда тов. Муралов предложил «поправки к резолюции IV Съезда Советов СССР», на основе которых «производитель должен получать за свой хлеб восстановительную цену». Фракция ВКП(б) заявила тогда, что «в практических выводах резолюция не только расходится с линией партии, но и представляет совершенно очевидную уступку кулачеству (особенно в пункте о сбыте сельскохозяйственных продуктов, где говорится, что «производитель должен получать за свой хлеб восстановительную цену», что в данных условиях отражает кулацкие требования повышения с.-х. цен)» (см. «Большевик» № 13, от 1 июля 1927 г., стр. 33).

Особенно же обрушивается заявление 83 на установившийся режим не только в партии, но и в профсоюзах. «Пролетарская диктатура,—утверждают авторы заявления,—ослабляется в самой ее классовой основе». Видите, какая тонкая цепочка тянется между «левейшими» Сапроновыми и «лойяльными» Троцкими: там пролетарская диктатура ликвидируется, здесь пролетарская диктатура ослабляется в самой ее классовой основе. Если бы это была правда, как могут люди оставаться в такой партии, линия которой ослабляет пролетарскую диктатуру в самой ее классовой основе?! Как могли эти люди выговорить такую клевету на партию?!

Когда перебираешь в памяти, откуда это, вспоминаешь, что это от левого коммунизма. Левые коммунисты считали, что Ленин ликвидирует диктатуру пролетариата, подписывая Брестский мир и тем самым делая уступку крестьянству. А затем,— это «Рабочая оппозиция» писала в 1921 г. в брошюре А. Коллонтай, что «один только основной класс советской республики, выносящий на своих плечах всю тяжесть и ответственность периода диктатуры, в массе своей влачит позорно жалкое существование». А после те же обвинения выдвинул Т. Мясников в своем «Манифесте Рабочей группы». Недурная «родословная»!

Когда такие попытки ударить по партии в этом основном вопросе, в вопросе о сохранении пролетарской диктатуры, делались прежде, товарищи, руководящие теперь оппозицией, вдохновители заявления 83-х, находили тогда нужные и правильные слова, чтобы дать отпор таким демагогическим попыткам. Теперь они сами перепевают худшее из худшего, что говорила «Рабочая оппозиция», что говорили левые коммунисты. Больше того, они повторяют в значительной степени аргументы, которые можно найти в любом печатном органе наших классовых врагов. Но все это, конечно, с самыми лучшими намерениями.

Заявление 83-х даже намечает линию, по которой уже происходит перерождение советского государства по пути нео-нэпа. И как раз в начале абзаца своей платформы, который они начинают со слов «единство партии», они

заявляют, что являются «левым, пролетарским, ленинским крылом нашей партии». Нет надобности ждать проверки истории, чтобы решить вопрос о том, что собою представляет эта оппозиция. Достаточно знать, из кого она состоит, чтобы определить ценность ее «левизны», ценность ее похвальбы тем, что она является левым, пролетарским, ленинским крылом нашей партии. Откуда эта похвальба? Это тоже все взято напрокат от тех оппозиционных групп, которые обанкротились, которые докатились в свое время до истинно контрреволюционной сущности. Разве не называла себя «Рабочая правда» «классово-мыслящим элементам в РКП», разве не писала про себя «Рабочая оппозиция», что это «классово-спаянная, классово-сознательная и классово-выдержанная часть нашего промышленного пролетариата, которая считает, что нельзя подменять великую творческую силу пролетариата в деле строительства коммунистического хозяйства формальной вывеской диктатуры рабочего класса»? Разве не скатились еще и раньше «левые» «впередовцы» к ликвидаторам, с которыми тогда был и Троцкий? Точно так же, как никто не может поверить в серьезность того, что сапроновско-смирновская группка является «левым», пролетарским крылом партии (или крылышком), так же никто всерьез не поверит, что Вуйовичи и Штыкгольды, или вчерашние дезертиры Октябрьской революции, вчерашние пораженцы, пророчившие гибель нашей партии, сегодня превратились в левое, пролетарское, ленинское крыло нашей партии. Никто не поверит, чтобы Коминтерн в течение нескольких лет осуждал это левое, пролетарское ленинское крыло за правый уклон, за мелкобуржуазный уклон, за социал-демократический уклон. Те, кто утверждает обратное, должны были бы открыто дискредитировать Коминтерн, как не выражающий совершенно и не выражавший и при руководстве т. Зиновьева мнения коммунистов, объединенных в эту международную организацию.

Оппозиция опять и опять ссылается на Ленина, когда хочет выхолостить революционную сущность ленинизма. Ленин сплошь и рядом теперь изображается под пером оппозиции каким-то «примиренцем», каким-то чуть ли не беспринципным соглашателем в принципиальных вопросах,—чем он на самом деле никогда не был. На самом деле именно под руководством Ленина мы резко отмежевались в свое время от меньшевиков; именно под руководством Ленина мы повели резкую борьбу против ликвидаторов в то время, когда Троцкий и троцкисты их поддерживали; мы повели решительную борьбу против богоискательства, богостроительства, против отзовистов, ультиматистов, и каждый раз именно Ленин считал необходимым дать идеологическую оценку этим разногласиям в период подполья.

Именно потому он вел такую резкую, решительную борьбу с экономизмом, именно потому Ленин характеризовал ликвидаторов, как проводников буржуазного влияния на пролетариат; именно

Ленин дал самую резкую оценку левому коммунизму и левым коммунистам, не жалея для них самых ярких эпитетов, самых ярких характеристик, вплоть до таких, как «взбесившийся мелкий буржуа».

Именно Ленин оценил выступление рабочей оппозиции как мелкобуржуазный, анархосиндикалистский уклон. И никогда Ленин не считал, что нужно только идейно отмежеваться от тех или иных ошибочных групп. Именно Ленин подчеркивал всегда значение организационных мер в то время, когда т. Троцкий не понимал значения организационных форм нашей партии, организационного строительства большевистской партии. И если сейчас нам напоминают о школе Ленина, в которой все мы учились, то мы вправе сказать, что мы тоже все учились в школе Ленина. Если же оппозиция выдает теперь мелкобуржуазный уклон, осужденный партией и Коминтерном, социал-демократический уклон, осужденный партией и Коминтерном, троцкизм, который является разновидностью меньшевизма,— за основы революционной пролетарской политической линии, то партия должна восстать против этого самым решительным образом.

Конечно, ее борьба против этой неправильной линии должна вестись главным образом путем всестороннего разъяснения, путем подробнейшего разбора ошибок оппозиции. В свое время, когда возникла в нашей партии опасность от деятельности мясниковщины и тов. Дзержинский требовал, чтобы каждый член партии, знающий о каких-нибудь группировках в партии, немедленно сообщал ЦК и ЦКК, тогда против этого не возражал никто из лидеров нынешней оппозиции. Тов. Белобородов тогда считал, что «партия медлит с самым жестоким ударом,—идейным», что «у парторганов не хватает... решимости разворошить и вытрясти вон мясниковщину, и она продолжает разъедать и разлагать организм партии». Это было в октябре 1923 г. Может быть, партия мало сделала для того, чтобы нанести окончательный идейный удар троцкизму, который тоже «продолжает разъедать и разлагать организм партии», если оказалось возможным, что под полинялое знамя троцкизма пошли такие люди, как тт. Зиновьев и Каменев. И, конечно, если нужно было в свое время ударить по идейной мясниковщине, то теперь по той гнилой идеологии, которая распространяется под видом платформы 83-х, под знаменем якобы «левого пролетарского ленинского крыла нашей партии». Опасность заключается не только в том, что пытаются этой отравой сбить с толку неискушенных членов партии; опасность заключается в том, что делаются попытки организационно оформить, закрепить независимость существования этого уклона, право этого крыла, т. е. фракции, вопреки решениям пар-

тии, независимо от решений партии защищать свою собственную линию не только внутри ВКП, но и в международном масштабе.

Что нового в этом документе? То, что новая оппозиция объявляет себя особым крылом партии. Но если это особое крыло в партии, то это—крыло, которое получило уже совершенно определенную характеристику со стороны партии и со стороны Коминтерна. Это есть крыло, выражающее мелкобуржуазный, социал-демократический уклон в нашей партии.

Левая маскировка, как мы давно уже знаем, в этом деле ничего не изменяет. Подписавшиеся под этой платформой признают, что «пролетарская диктатура ослабляется в самой ее классовой основе»,—этим она лучше всего вскрывает свою близость к явно антипартийной идеологии.

Мы не станем здесь повторять бесчисленных неслыханных обвинений, которые лидеры оппозиции, вдохновители этой платформы, бросали по адресу партии и Коминтерна на VIII пленуме ИККИ. На заседании президиума ЦКК мы слышали от тт. Троцкого и Зиновьева вещи не менее опасные: разговоры о термидорианстве теперешнего большинства ВКП(б) стали обычными разговорами нашей оппозиции по отношению к партии, с легкой руки Устряловых и Либерданов. И если Ленин на X Съезде говорил по поводу подобных разговоров, что «тут есть угроза господству рабочего класса и диктатуре рабочего класса», то, конечно, еще большей угрозой диктатуре рабочего класса является выступление новой оппозиции, которая по существу повторяет те же обвинения против нашей партии,—такие обвинения, которые до сих пор мы слышали из уст враждебных нам организаций, из уст враждебных нам классов. Что же удивительного, если сторонники оппозиции выступают на партийных собраниях с такими, например, речами: «Диктатуру пролетариата мы имели в 1918—19—20 годах, а теперь диктатуры пролетариата нет. Теперь, когда партия делает уступку за уступкой крестьянству и нэпу, когда актуальные вопросы индустриализации затираются политикой соглашения с крестьянством, назвать нашу власть рабочей нельзя» (выступление в ячейке Госторга); что же удивительного, если тот же самый товарищ в замоскворецкой РКК заявляет, что «Как честный (??) большевик (??), он вынужден применять к сторонникам большинства ЦК такие же методы борьбы, какие применял т. Ленин к меньшевикам, будучи в единой с ними РСДРП». Не пора ли остановиться, пока не поздно? Не пора ли оппозиции подумать, куда ведут ее вожди оппозиции?

8. „О школе молодых".

Мы хотели бы остановить внимание товарищей на одном приеме новой оппозиции, посредством которого пытаются ошельмовать группу молодых товарищей, которую именуют «школой Бухарина». Мы думаем, что у т. Бухарина нет никакой особой школы; школа Бухарина есть ленинская школа. Заслуга т. Бухарина заключается в том, что он действительно воспитал теоретически в духе ленинизма большое число молодых товарищей, которые ведут в нашей партии пропагандистскую, агитационную, литературную работу. И так как именно из этой «школы» мы имеем ряд способных, талантливых товарищей, которые ведут огромную работу в нашей партии, ведут борьбу со всякими оппозиционными уклонами в нашей партии (конечно, при этом не исключены отдельные их ошибки, которые партия исправляет), то ненависть троцкистской оппозиции направлена особенно против них. В заявлении 83-х, которое подано было в Центральный комитет и доведено было до сведения Коминтерна, мы находим отравленные ненавистью к этим «молодым» строки. Авторы заявления предвидят, что «особенно усердствовать будут на все готовые чиновники и «литераторы» из новой школы «молодых», но и против них, между прочим, направлено наше письмо; иные из них первыми покинут дело пролетариата в минуту опасности» (подчеркнуто нами. *Е. Я.*).

Как знать, кто где очутится, особенно если вспомнить, где очутились в октябрьские дни некоторые из этих храбрецов, особенно если вспомнить, как храбро держали себя некоторые из этих товарищей в дни Кронштадта! Это вообще совершенно недопустимый прием по отношению к молодым товарищам. Стоит вспомнить, что писал в свое время т. Троцкий в «Новом курсе». Там он говорил об опасностях перерождения, очень «лойяльно» кивал на Гильфердинга, Бебеля, Виктора Адлера, Каутского, Бернштейна, и тогда он говорил о том, что «только постоянное взаимодействие стареющего поколения с молодым в рамках партийной демократии может сохранить» старую гвардию как революционный фактор, «иначе старики могут окостенеть и незаметно для себя стать наиболее законченным выражением аппаратного бюрократизма». Разве не писал тогда т. Троцкий, что «молодежь—вернейший барометр партии»?! А теперь эти постоянные злобные выходки против новой школы,—выходки, против которых мы должны были протестовать и во время XIV съезда партии.

А разве в самой оппозиции молодежь не составляет подавляющего большинства,—настолько подавляюще это большинство, что, по признанию некоторых оппозиционеров, в самой оппозиции возник уже вопрос «о поколениях», и некоторые из молодых оппозиционеров склонны рассматривать некоторых «старых» вождей оппозиции, как «старые галоши».

Тов. Зиновьев в свое время обращался, например, к т. Слепкову (и другим «молодым») с просьбой исправить, переработать его историю партии, которую, правда, он давал также на исправление и т. Мартынову. Эти товарищи отказались исправлять учебник истории партии, написанный т. Зиновьевым. Не лишне также напомнить, что двое из этих «молодых»—тт. Астров и Слепков в 1924 г. были введены ЦК в состав редакции «Большевика» по предложению ни кого иного, как тов. Зиновьева. А ведь «Большевик», по словам самого тов. Зиновьева, был создан как «орган направления», чтобы быть «тем, чем были в свое время «Вперед», «Пролетарий», «Звезда». И т. Зиновьев не думал тогда их упрекать в том, что они выходцы из «бухаринской школы» и не думал их заподозревать в том, что они изменят партии в трудный момент. Между прочим, по адресу этой школы распространялись порой прямо клеветнические вымыслы, хотя многие из этих «молодых» имеют подпольный стаж работы, хотя некоторые из них рисковали уже во время революции своей жизнью ради революции.

Совсем подругому относился к молодежи Ленин, который считал, что в ЦК и ЦКК должна быть привлечена учащаяся молодежь. Совсем подругому относился к этой молодежи Ленин. Тов. М. И. Ульянова в заявлении, поданном в президиум ЦКК по поводу нападок оппозиции на «Правду» и на ее молодых сотрудников, приводит выдержки из своего дневника, написанного летом 1922 года, во время болезни Ильича:

«В моих заметках-дневнике, относящемся к этому времени, есть такое место: «Сегодня зашел разговор о долговечности революционеров, и Ильич сказал: «Какой же дурак доживет из нас до 60 лет!» Стали вспоминать, кому из ближайших товарищей сколько лет, люди каких поколений входят в ЦК, и Ильич стал развивать мысль о том, что в ЦК должны бы входить люди разных поколений: 50—40—30—20 лет (20 лет! *Е. Я.*). Таким образом, молодежь втягивалась бы в работу ЦК, присматривалась и привыкла к ней. ЦК мог бы быть вечным». «Очевидно, эта мысль очень интересует Ильича,—подмечено дальше в моих заметках. Вечером, когда был т. Мануильский, Ильич расспрашивал его о молодых товарищах, выдвинувшихся на работе на Украине. Он указывал на необходимость создать особую комиссию, на обязанности которой лежал бы такой «отбор» и «выдвижение» молодых товарищей. Так относился Ильич к молодежи». (Заявление т. Ульяновой, М. И., в президиум ЦКК.)

Пусть сколько угодно новая оппозиция пытается забрасывать грязью эти молодые, растущие теоретические силы,—мы уверены в том, что партия сумеет выковать из них не только стойких теоретиков-ленинцев, но и людей, которые при всяком трудном повороте в нашей истории будут уметь применить не только ору-

жие критики, но, если понадобится, сумеют с оружием в руках отстоять дело пролетарской диктатуры. В этом у нас нет ни малейшего сомнения.

9. „Левейшие“ (заявление 15-ти).

Мы вынуждены были поставить этот заголовок потому, что мы затруднялись, как нам назвать группу или группку товарищей, которые подали платформу на 83 листах, за 15-ю вчера перечисленными подписями [1]), и которые являются еще более «левыми», чем самое «левое, пролетарское, ленинское крыло» троцкистов. Вот почему мы назвали их «левейшими». Мы уже приводили выдержки из одного анонимного документа, который является формой «предварительной проработки» поступившего в ЦК заявления. Авторы очень недовольны той отповедью, которую они получили на страницах «Правды» в статье тов. Слепкова «Оппозиционный неоменьшевизм». Они особенно возмущены тем, как это мы позволили себе критиковать документ, который не опубликован в печати.

Необходимо раз навсегда ответить тем, которые делают упреки партии, что она не печатает все эти документы в повседневной печати. Мало ли какие появляются антипартийные документы! Нигде никогда мы не принимали решения, что мы такие документы обязаны опубликовывать в печати. Но это вовсе не обозначает, что мы не обязаны критиковать подобные документы, которые распространяются нелегально в нашей партии и вне нашей партии, точно так же, как мы критикуем целый ряд других литературных произведений, направленных против нашей партии, не опубликовывая их. Наиболее ярко те же самые мысли, которые были затем изложены в заявлении, поданном в Центральный комитет, были формулированы в особых «тезисах», которые еще в феврале обсуждались кое-где на фракционных подпольных совещаниях. В этих тезисах говорилось:

1. «Внутри партии борьба приобретает классовый оттенок». «В момент борьбы на стороне Сталина будет вся армия чиновников, на стороне оппозиции—рабочая часть партии».

2. «Борьба не может ограничиться внутрипартийными рамками. Преодолеть сталинскую группу с поддерживающей ее мелкой буржуазией можно будет лишь в том случае, если оппозиция обеспечит себе активное сочувствие и поддержку рабочего класса».

3. «Не следует закрывать глаза на трудности предстоящей борьбы, надо ясно видеть, что возможно поражение, и быть к нему готовым, чтобы сразу образовать ядро, которое в

---

[1]) К сожалению в первой части настоящей статьи („Правда“ 22 июля) вкралась ошибка: подписал эту платформу не Б. Пилипенко, исключенный из партии, а Ф. Пилипенко.

дальнейшем будет отстаивать дело пролетарской революции».

4. «Блок Троцкий-Зиновьев не понимает этого. Он путает оппозицию надеждами на полевение Сталина, замазывает действительный размер разногласий между оппозицией и партией (сталинской верхушкой), не желая дать четкой политической и тактической линии. Это разлагает оппозицию».

5. «Разоблачая Сталина и его политику, нужно также разоблачать шатание оппозиционных вождей, только тогда мы сумеем выковать крепкие кадры, которые доведут дело до конца».

Мы не беремся утверждать, что авторы этого документа являются в то же время авторами документа, поданного в Центральный комитет партии; однако, сходство не только отдельных формулировок, но и действительного отношения этой группы к новой оппозиции Троцкого-Зиновьева подтверждается рядом заявлений отдельных товарищей, которых сапроновская группа пыталась привлечь к работе. Так, тов. Бойцов, рабочий-коммунист Сталинских ж.-д. мастерских, следующим образом характеризует подпольную работу этой группы:

«Месяца два назад (в апреле 1927 года), товарищ Бабашин (исключенный еще в 1926 г. МКК из партии) пригласил меня на одно совещание в «Метрополь»... В «Метрополе» мы встретились с тов. Сапроновым и четырьмя товарищами... На этом совещании тов. Сапронов сказал речь, где останавливался на следующем: «Центральный комитет скатывается от большевизма вправо к оппортунизму. ЦК допускает грубые ошибки по китайскому вопросу, вопросу хозяйственной политики, о заработной плате, в вопросах снижения цен и о внутрипартийном положении». Тов. Сапронов особенно подчеркнул, что мы на полное соглашение с тов. Троцким пойдем при условии его отказа от заявления от 16 октября. Тов. Сапронов говорил, что это требование он выдвинул на собрании представителей группировок оппозиционного блока. После его речи я указал, что борьба, которую предлагает тов. Сапронов, раскалывает рабочий класс, что используют наши враги. Тов. Сапронов говорил, что сговориться нет никаких возможностей, и что в этой внутрипартийной борьбе надо создавать общественное мнение среди беспартийных рабочих в пользу оппозиции».

Другой рабочий тех же мастерских, т. Смолкин также рассказывает о собрании, на котором один из сторонников сапроновской группы заявил, что «надо прекратить трения между двумя группировками в рядах оппозиции. Одна группа, которая под руководством т. Сапронова была не согласна с заявлением лидеров от 16 октября о признании своих ошибок, и другая группировка так называемых «большевиков-ленинцев», которая была согласна с этой тактикой вождей».

Тот же факт раскола и раздельного существования отдельных фракционных групп оппозиционного блока подтверждается и третьим документом, под которым собирались подписи в харьковской организации (Борисов, Ржавский, Абранский, Черняк). В этом документе говорится о необходимости создать единство между двумя существующими в Харькове подпольными фракционными группировками.

«Товарищи,—говорится в этом воззвании,—последние события с особенной ясностью показали необходимость единства в рядах оппозиции (а не в рядах партии!! *Е. Я.*). Имеющиеся разногласия в нашей среде, приведшие к оформлению двух самостоятельных организаций, по глубокому нашему убеждению, сняты самой жизнью. Таким образом теперешнее существование двух самостоятельных организаций никак не может быть признано нормальным. Мы предлагаем приступить немедленно к объединению двух организаций в Харькове, одновременно просим передать наши заявления московским товарищам, ибо считаем, что и там объединение больше, чем когда бы то ни было, необходимо. Мы уверены, что наше предложение найдет поддержку в рядах обеих организаций и что объединение избавит нас от бесполезной, никому не нужной траты сил и обеспечит нам более плодотворную работу в борьбе за наши взгляды».

Из всех этих и других вышеприведенных документов бесспорно следующее:

1) «Левейшие и троцкисты имеют в Харькове, Москве (и вероятно и в некоторых других городах) оформленные самостоятельные организации. (Пусть это будут только «литературно-пропагандистские центры».)

2) Происходят совещания представителей оппозиционных групп на предмет сговора. Делаются попытки выработать общую линию борьбы против большинства партии. Однако, разногласия так разделяют, что пока не удалось договориться.

3) «Левейшие» подталкивают троцкистов на более решительные шаги, требовали от них отказа от заявления 16 октября 1926 г. Мы не знаем, имели ли они в этом успехи, но всякому ясно, что это обещание теперь нарушено по всем пунктам.

4) Оппозиция пытается обеспечить себе сочувствие не только внутри партии, но и среди беспартийных.

5) Оппозиция предвидит поражение (на X съезде партии Ленин смеялся над «подобной проницательностью» «Рабо-

чей оппозиции», которая тоже «предвидела» свое поражение) и на этот случай готовит себе «кадры». («Хотя бы «три процента»,—как говорили на одном оппозиционном собрании.)

6) Оппозиция сама рассматривает свою борьбу с большинством партии как классовую борьбу. (Это не мешает ей предъявлять претензии большинству партии в том, что большинство рассматривает внутрипартийную борьбу, как классовую).

Так как в «Правде» дан был уже обстоятельный разбор платформы сапроновско-смирновской группы (А. Слепков. Оппозиционный неоменьшевизм), то мы остановимся только на основных вопросах, затронутых в платформе «оппозиционного неоменьшевизма». Такова уж судьба самых крайних левых, что они идут в одну дверь, а попадают в другую. Так, мы помним, что недавно самая левая из левейших—«Рабочая оппозиция»—докатилась до бакинского письма, в котором были выражены самые правые ликвидаторские мысли.

Начинается заявление «левейших» с характеристики состояния нашей партии, как состояния «такого глубокого кризиса, какого она со времен революции еще не переживала». Уж будто бы в самом деле так дело обстоит. Если мы вспомним, как обстояло дело во время Брестского мира, когда целые организации отказывались повиноваться ЦК (а не подпольные жалкие группки), если мы вспомним, какой кризис переживала партия в 1920—21 гг., когда у нас получилась система «3-х комнат», когда целый букет фракций, групп и группочек раскалывал партию, если мы вспомним, как еще совсем недавно оппозиционеры в самой Москве имели большинство на некоторых районных конференциях, и как один из авторов этой «платформы 15» товарищ Сапронов был даже выбран секретарем райкома и должен был через некоторое время в начале 1924 года «сдать власть», потому что он не мог проводить свою линию в московской организации,—то мы должны будем признать по меньшей мере паническое преувеличение заявления о том, что «то состояние партии, которое она сейчас переживает, она со времен революции еще не переживала».

Конечно, и в этом заявлении повторяется та жалоба, которую мы слышали во «вдовьем письме»[1]) и в заявлении 83-х, которое мы слышали на всех съездах и конференциях при Ленине со стороны оппозиционных групп,—жалоба на то, что «оппозиция механически подавляется», что против оппозиции принимаются «репрессивные меры». В свое время ленинградская оппозиция бросала партии упрек в том, что оппозиционеров делают безработными, говорили о тысячах безработных оппозиционеров. Когда

[1]) Нас запрашивают, кто является авторами „буферного“ документа („вдовьего письма“). Письмо это поступило в ЦКК в последние дни от имени тт. Каспаровой, Новгородцевой, Беленькой, Сталь, Овсянникова и еще 35 других товарищей.

мы проверили это заявление оппозиции, оно оказалось ложным. Верно лишь то, что у нас имеются безработные коммунисты, потому что мы—массовая партия, потому что мы не можем ставить коммуниста в привилегированное положение по отношению к беспартийному трудящемуся, беспартийному рабочему. И если у нас рабочий класс переживает частичную безработицу, то не можем мы ставить коммуниста в такое привилегированное положение, чтобы среди них не было безработных. Поэтому барством звучит, когда «левейшие» упрекают партию в том, что некоторые коммунисты вынуждены через биржу труда искать работы. Разве правильно было бы, чтобы члены партии игнорировали биржу труда, чтобы биржа труда существовала только для беспартийных? Это есть какое-то шляхетское, дворянское представление о члене партии, что он ни в коем случае не может быть на бирже труда, что партия должна всегда обеспечивать ему какой-нибудь заработок (и не какой-нибудь, а высокий). Но у нас ведь миллион слишком членов партии. Поэтому в городах, в особенности в таких городах, как Москва, Ленинград, Одесса, Харьков, Киев, могут быть десятки и сотни безработных коммунистов. Мы считаем клеветническим, ложным утверждением, будто бы безработица имеет какое-нибудь отношение к оппозиционности того или иного товарища. Мы, наоборот, могли бы перечислить немало имен (вплоть до наркомов) людей, оппозиционность которых всем известна. Самый худший из худших приемов оппозиции, это—кивок в эту сторону.

Авторы этой «платформы» почему-то уверены, что им будет предоставлена возможность отстаивать на пленуме ЦК их взгляды. Мы не беремся предрешать, будет ли предоставлена им эта возможность или нет, однако, если бы мы стали узаконивать такую политику, что каждая группа товарищей в 15—20 человек, приславшая «платформу» ЦК, хотя бы совершенно антипартийную, имеет право присутствовать на пленуме ЦК и отстаивать эту свою антипартийную платформу,—мы превратили бы партию действительно в Ноев ковчег.

Платформа левейших представляет собой нечто вроде более систематического изложения взглядов, в более резкой и подчеркнутой форме мы находим эти взгляды уже в вышеизложенном «проекте» и «тезисах», которые прорабатывались на конспиративных собраниях, прежде чем появилась эта платформа. Вопреки фактам, установленным самым точным образом, она рисует мрачную картину нашей действительности: «В последние годы происходит более быстрый рост капиталистических элементов по сравнению с социалистическими». Это значит, что в общем хозяйстве СССР более быстро развивается капиталистический сектор хозяйства, а не социалистический. То, что кооперация и государственная торговля растут гигантски, урезывая роль частника; то, что национализированная промышленность сделала огромные успехи,—это усиленнейшим образом замазывается. Мрачная картина

нужна для того, чтобы все затруднения с увеличением заработной платы, затруднения, которые вырастают в связи с безработицей, и другие трудности взвалить целиком на счет политики ЦК, с ее постоянными уступками давлению мелкой буржуазии».

Прежде всего каковы перспективы мировой революции «левейших»? «Техническая отсталость нашей страны,—пишут левейшие,—вытекающий из нее низкий уровень производительности труда, разумеется, являются огромным препятствием на пути социалистического строительства. Благодаря этой отсталости переход к действительно социалистической организации производства (при которой рабочий из рабочей силы превращается в хозяина производства, и товарный характер производства уничтожается) без помощи технически-передовых стран, без мировой социальной революции для нас невозможен». Следовательно, социализм у нас невозможен в силу технической отсталости нашей страны и вытекающего из нее низкого уровня производительности труда. Но ведь как раз это же говорили всегда и меньшевики. При этом даже меньшевики не брались утверждать, что невозможен переход к действительно социалистической организации производства. Если верно то, что утверждают в этом месте «левейшие», тогда Октябрьская революция 1917 года была буржуазной революцией, а отнюдь не переходом к социалистическому строительству. Тогда нам надо пересмотреть программу нашей партии, которая начинается с того, что «Октябрьская революция... осуществила диктатуру пролетариата, начавшего, при поддержке беднейшего крестьянства или полупролетариата, созидать основы коммунистического общества». Может быть, можно созидать основы коммунистического общества, не строя социализма, может быть, можно без перехода к действительно социалистической организации производства строить основы коммунистического общества? Мы утверждаем, что здесь, в этом вопросе, «левейшие» совершают такой отход от ленинизма, который толкает их прямо в объятия меньшевиков. Точно так же с этого начала «Рабочая Правда». Мы считаем необходимым особенно напомнить об этом потому, что в «Рабочей Правде» были революционеры, которые свихнулись именно на неправильной оценке перспектив социалистического строительства. А затем кое-что здесь, несомненно, взято от троцкизма, ибо как раз Троцкий утверждал, вопреки Ленину, что без организованной поддержки победившего в передовых странах социалистического пролетариата мы удержать диктатуру пролетариата не сможем. Правда, «левейшие» оговариваются, что «и при нашей технической отсталости в рамках нэпа мы можем, опираясь на национализированную промышленность, развивать свое хозяйство в направлении к социализму». Но как же связать эти два положения? С одной стороны, невозможен даже переход к социалистическому

строительству при нашей технической отсталости, а с другой стороны, мы можем развивать свое хозяйство в направлении к социализму. Существует ли объективная возможность строительства социализма до победы мировой пролетарской революции? Ведь если для нас «невозможен переход к действительно социалистической организации производства», то как же возможно строительство социализма? Что тут люди шатаются еще между меньшевистски-ликвидаторскими мыслями и остатками большевизма,—в этом нет никакого сомнения. Вот почему у них, с одной стороны, получается, что даже невозможен переход к социалистическому строительству, а с другой стороны, они обвиняют ЦК в том, что ЦК делает невозможным этот переход благодаря тому, что ЦК «делает постоянные уступки мелкой буржуазии», т. е., как мы увидим дальше, крестьянству. Можно себе представить, что делали бы эти люди, если бы их допустить к руководству! Ведь у них никаких абсолютно перспектив нет. А как стали бы они строить политику партии? Можно ли строить политику на годы? Оказывается—нельзя. Предсказания и прогнозы в области перспектив мировой революции, в области мировой политики можно делать только на месяцы, а не на годы. Можно представить себе, какую качку вынесла бы партия, вынес бы государственный корабль, если бы хоть на короткое время доверились этим людям.

Главную ошибку партии «левейшие» видят в политике снижения цен. Мы знаем, какие огромные трудности стоят перед нами в этом вопросе, в деле снижения цен. Здесь нам предстоит проделать огромную работу: по переоборудованию наших фабрик и заводов (это дело не одного года); по постройке новых, технически более совершенных; по поставке и заготовке дешевого сырья; по обеспечению роста технических культур; по рационализации производства; по улучшению, сокращению, удешевлению управленческого аппарата; удешевлению и упрощению товаропроводящей сети,—все эти гигантской важности и размеров задачи разрешаются «левейшими» необычайно просто, по-обывательски. Сапроновцы надергивают исключительно отрицательные факты и из них склепывают картину нашей экономической действительности. «Теоретик» их, В. Смирнов, оттолкнул даже всех своих недавних учеников, которые шарахаются теперь от него, в связи с той осужденной жизнью теорией высоких цен, которую он хочет во что бы то ни стало защитить. Мы не говорим уже, что такая политика оппозиции за повышение цен означала бы разрыв с широкими массами крестьянства: она бьет прежде всего по рабочему классу, меньше всего она бьет по буржуазии. Ясное дело, что она бьет по заработной плате рабочего, по бюджету деревенского бедняка. На самом же деле мы мало снизили цены, нужно дальнейшее снижение цен. Но ведь «левейшие» исходят из того, что политика снижения цен вредна для рабочего класса, что эта политика—в угоду «потре-

бителя вообще (т. е. в том числе и буржуазии)»,—как будто буржуазия составляет главную массу потребителей товаров советского рынка! Оппозиция возмущается тем, что «ЦК решил действовать наперекор законам рынка». Какое в самом деле ужасное преступление, что советское государство, имея власть в руках пролетариата, имея в своих руках национализированную промышленность, т. е. подавляющую массу товаров, производимых для рынка, имея в своих руках кооперацию и государственную торговлю, т. е. большую часть торгового аппарата, командуя транспортом, налоговым аппаратом и пр., и пр.,—что это советское государство пытается «действовать наперекор законам рынка», т. е. пытается само установить определенные законы этого рынка, регулировать этот рынок! «Левейшая» оппозиция безнадежным образом здесь преклоняется перед мелкобуржуазной стихией, воображая, что эта мелкобуржуазная стихия может регулировать рынок («кулак может регульнуть»), а вот советское государство со всей его мощью, со всеми его материальными и политическими силами, не может регулировать рынок. До такой беспомощности докатились эти горе-революционеры!

Мы считаем совершенно излишним отвечать на всю ложь, которая нагромождена в этом документе пятнадцати. Это в особенности относится к картине положения рабочего класса и «вопросам труда», которую рисуют «левейшие». Картина эта списана целиком с... «Социалистического Вестника». Одно из двух: либо «Социалистический Вестник» дает правдивую картину положения рабочего класса в нашей стране,—тогда левейшие правы, тогда неудивительно, что они делают выводы, близкие к тем, которые делаются в страницах «Социалистического Вестника». А если «левейшие» не хотят, чтобы их сравнивали с политиками из «Социалистического Вестника», тогда они обязаны честно и добросовестно отказаться от той неправды, которую они нагородили в платформе пятнадцати.

Не менее вредным, чем политика повышения цен, которую рекомендуют «левейшие», чем их ликвидаторские взгляды на социалистическое строительство, являются взгляды «левейших» на политику партии в деревне. Здесь, как, впрочем, и в других местах платформы, к самым правым выводам примешиваются иногда чрезвычайно левые предложения. Снова и снова треплют фразу «обогащайтесь», давным-давно признанную партией неправильной. Надо же все-таки иметь хоть самую минимальную дозу добросовестности, чтобы утверждать, что именно в этом направлении идет политика ЦК в деревне. Что при совершенно правильной политике партии могут быть извращения этой политики, в этом мы убеждались не раз. Ведь Ленин даже природу советского государства определял, как рабочее государство... с бюрократическими извращениями. Неужели «бюрократические извращения»—это перманентно присущая рабочему классу

и рабочему государству особенность? Конечно, нет. Это именно есть извращение, когда при правильной, совершенно большевистской линии на поддержку бедняка и середняка, на распространение крупных сельскохозяйственных машин и сел.-хоз. кредита, главным образом по сельскохозяйственным коллективам, товариществам, коммунам мы имеем районы в Сибири, и на Украине, и в других местах, где крупные сельскохозяйственные машины, тракторы попадают в значительном количестве в руки зажиточных, богатых, кулаков. А научиться правильно бороться с такими извращениями не так легко. Ленин на X съезде спрашивал: «Почему тов. Шляпников, когда он был наркомом, почему тов. Коллонтай, когда она тоже была наркомом, не научили нас борьбе с бюрократизмом?» «Левейшие» рассуждают о национализации земли так же, как если бы у нас не было диктатуры пролетариата. Так же они рассуждают и о кооперации. Кооперация, в которой Ленин видел «все необходимое для построения социализма», уже сейчас объявляется кулацкой кооперацией.

Но серьезнее всего открытие «левейших», что у нас уже «крестьянско-кулацкая демократия».

Оказывается, мы ликвидировали внутрипартийную демократию, а вместе с ней рабочую демократию. И знаете ли вы, для чего? Для того чтобы развернуть крестьянско-кулацкую демократию. «Ликвидация в 1923 г. внутрипартийной, а вместе с ней и рабочей демократии оказалась лишь предлогом к развертыванию крестьянско-кулацкой демократии. Политика ЦК не только связывает активность пролетариата, но и развязывает активность непролетарских классов...»

Можно ли партии терпеть подобного рода клеветнические, бесстыдные антипартийные обвинения? Ведь здесь утверждается, что партия ликвидировала уже внутрипартийную демократию, ликвидировала рабочую демократию для того, чтобы развернуть крестьянско-кулацкую демократию. Но если это так, тогда у нас нет диктатуры пролетариата, а есть крестьянско-кулацкая демократия. А если у нас — крестьянско-кулацкая демократия, то какой же отряд пролетариата возьмет на себя защиту такого государства, которое представляет собой не что иное, как крестьянско-кулацкую демократию, да еще при этом во главе этой крестьянско-кулацкой демократии стоит коммунистическая партия? Не ясно ли, что эта коммунистическая партия представляет собой враждебную рабочей демократии партию? Не ясно ли для всякого, что ВКП(б) в этой оценке левейших является не пролетарской партией, а партией крестьянско-кулацкой демократии? Вот куда докатились левейшие. Отсюда, конечно, и все остальные обвинения, что ЦК замазывает свою кулацкую политику, и для этого он

придумывает названия «зажиточные крестьяне», «производственно-мощный середняк» и пр., и пр.

Что же нужно, по мнению «левейших», сделать для того, чтобы изменить эту политику? «Необходимо реально приступить к организации крупных государственных хозяйств, с усовершенствованной техникой производства, с заводами по переработке сельскохозяйственной продукции и сельскохозяйственного сырья: сыроварни, сахарные заводы, заводы по первоначальной обработке льна и пр.». Прямо бесподобно! Оказывается, нужно только приступить к организации крупных совхозов, как будто мы к этому делу не приступили давно, как будто мы в этом деле не имели целого ряда величайших ошибок, как будто мы в этом деле не восстановили против себя значительной части крестьян неумелой политикой таких хозяев, таких организаторов совхозов, какими наверняка явились бы все пятнадцать «левейших», подписавших платформу! Вот им бы поручить организацию крупных совхозов, с усовершенствованной техникой производства и пр., и пр. Можно себе представить, какие бы получились великолепные результаты от этого в самый короткий срок! Замечательное дело—свойство всех подобных прожектёров—то, что они меньше всего думают о средствах. Нужно форсировать рост заработной платы. Нужно затратить большие средства, в несколько раз большие средства, на капитальные затраты, на крупную промышленность, на транспорт, и т. п. и т. п. В то же самое время надо реально приступить к организации крупных совхозов, с усовершенствованной техникой производства. А средства? Ведь не из мифических же миллиардов, которые когда-то предлагал тов. Зиновьев вместе с Сапроновым и Смирновым? Вот такой же характер носят и все остальные предложения левейших. Они чрезвычайно щедры, эти «левейшие», им ничего не стоит пообещать, они щедрой рукой набрасывают грандиозные планы сооружений, создания и развертывания государственных хозяйств, широкой помощи бедноте и пр., и пр., а средств на все это никто из них толком указать не может и не сможет, потому что это—политические банкроты в полном смысле слова.

Особый раздел в этой платформе носит название «Советское государство». Но то, что рисуется в этом разделе, представляет собою совсем не советское государство. Нас мало интересует философия «левейших» о том, что такое государство. То обстоятельство, что они ссылаются в своих взглядах на Ленина, ни в какой степени не обеспечивает того, что они хоть чуточку делают из ленинских цитат достаточное употребление. Картина, которую они рисуют, списана целиком с «Социалистического Вестника». Выдвигается идея восстановления советов. Мы утверждаем, что эта идея целиком взята у Мясникова. Именно Мясников в своем манифесте выдвинул такую идею восстановления советов. Он даже предлагал, чтобы ему дали, вроде как на откуп, несколько советов, чтобы он их перестроил так, как он, Мясников, считает

правильным. Он брался доказать в течение нескольких лет, что это будут настоящие советы, а не те, которые строились под руководством Ленина.

ГПУ, по мнению «левейших», вместо борьбы с политической и экономической контрреволюцией «направляет свою деятельность все больше на борьбу с законным недовольством рабочих, вызываемых бюрократическими и мелкобуржуазными извращениями, и даже с внутрипартийной оппозицией». Конечно, это совершенно клеветническое утверждение, которое мы встречали до сих пор только на страницах белогвардейских газет. Оттуда идет это утверждение, а не из действительности. До сих пор еще можно встретить в «Социалистическом Вестнике» и в других белогвардейских органах, что ГПУ борется с оппозицией, о том, что ГПУ борется с законным недовольством рабочих. Такой же клеветой является утверждение «левейших» относительно Красной армии. Красная армия, по мнению оппозиции, «грозит превратиться в удобное орудие для авантюр бонапартистского пошиба».

Вот вам цепочка: Дан, Бауэр, Каутский, Устрялов утверждают, что для нас неизбежен термидор, что уже наступает и даже наступил термидор. Тов. Троцкий расписывает «по главам» борьбу термидорианцев. Другие политики из оппозиции разглагольствуют насчет того, что они представляют собой революционную Гору, а большинство партии—оппортунистическую, становящуюся на путь контрреволюции Жиронду. Другие—«левейшие»—пророчат, что «Красная армия грозит превратиться в удобное орудие для авантюр бонапартистского пошиба». Само собой разумеется, что если дело дошло до того, что, как утверждают левейшие, «диктатура пролетариата ликвидируется», или, как утверждают троцкисты, что «пролетарская диктатура ослабляется в самой классовой ее основе»,—**тогда ничего другого нет в перспективе, как авантюры бонапартистского пошиба.** И вот «оказывается», по мнению «левейших», дело так далеко зашло, что Красная армия грозит превратиться, или превратилась, в орудие таких авантюр. **Вряд ли можно считать совместимыми с принадлежностью к партии подобные взгляды.** Потому что, если советское государство перестает быть государством диктатуры пролетариата, если советы надо восстановлять, если ГПУ борется уже не с экономической и политической контрреволюцией, а с законным недовольством рабочих, если Красная армия превращается уже в орудие бонапартистского переворота, то как же можно оставаться членами партии, которая все это узаконяет, которая ведет такую политику? **Контрреволюционная сущность** этих взглядов настолько очевидна, что нет надобности вдаваться в более подробное рассмотрение «предложений», **пришитых** к этой контрреволюционной теории, потому что к такой контрреволюционной теории сколько ни пристегивать хороших предложений, она от этого не перестанет быть менее контрреволюционной.

Под этой платформой подписался Сапронов. Не следует забывать, что Сапронов вел борьбу с Лениным и при жизни его и вел самую резкую антиленинскую борьбу; а теперь он пишет: «в области внутрипартийного строительства политика ЦК после смерти Ленина сводилась к непрерывной бюрократизации партии. На ряду с этим идет быстрый процесс перерождения ее верхушек». При жизни Ленина он и его друзья в этом самом обвиняли Ленина. После смерти Ленина они делают вид, что так не было раньше, что это только теперь.

И тут тоже цепочка. Все группы, выступающие против ЦК, вплоть до той группы товарищей, которые подписались под «вдовьим письмом», уверяют, что то состояние, которое мы имеем в партии, мы имеем после Ленина, забывая о том, что те же самые упреки мы слышали по отношению к партии при жизни Ленина. Надо ли здесь снова и снова отвечать на неумные, по меньшей мере, разговоры о перерождении верхушек партии, о непрерывной бюрократизации партии. Мы не будем останавливаться здесь на истории партии после смерти Ленина, которую рисует оппозиция. Оппозиция ни одного светлого штриха не нашла в этой истории. После смерти Ленина в партию вошло несколько сот тысяч рабочих. Подавляющее большинство их осталось в партии; несмотря на то, что мы не уделяли достаточно внимания их политическому воспитанию, несмотря на то, что партия пережила за это время целый ряд трудных моментов, несмотря на то, что над страной нависла угроза войны, несмотря на то, что оппозиция расшатывает, дискредитирует партию, восстанавливает против нее неокрепших членов партии, из партии ушла лишь незначительная часть. Партия проделала громаднейшую воспитательную работу, огромную организационную перестройку. Она способна сейчас выполнять гораздо более грандиозные задачи, чем раньше; она справляется с гораздо более сложным и гораздо более выросшим хозяйством, чем прежде. А «левейшая» оппозиция отыскивает самые мрачные краски и набрасывает картину, «от которой жуть берет», и каждый, кто с этой картиной познакомится, наверное скажет то, что говорил прохожий при виде чертяки, нарисованного кузнецом Вакулой: «Ось, бачь, яка кака намалевана». Но эта «кака» существует только в изображении Сапроновых, в их расстроенных, озлобленных мозгах, а не в действительности. Само собой разумеется, что для них партии нет уже, нет ЦК, а есть «сталинская фракция».

Мы обращаем внимание на то, что эта группа потерявших под собою почву людей хватается вновь за самое негодное оружие демагогов—раздувание вопроса о «верхах» и «низах». Они делают открытие, что в партии создаются группы, различные по своему материальному положению. Однако, все знают, что вожди этой группы все время, начиная с Октябрьской революции, по своему материальному положению принадлежали к группе, ко-

торую скорей можно отнести к верхам, чем к низам. Мы никогда не слыхали, чтобы они отказывались от тех преимуществ, которое им предоставляло это положение. так что этот их ход шит белыми нитками. Никто всерьез не поверит им, что они имеют какие-нибудь способы уничтожить эту разницу положений коммунистов как членов массовой партии, а не какого-нибудь кружка. который может установить между своими членами полную уравнительность.

«Левейшие» договариваются до того, что «ЦК в своей политике зажима партии перешел уже ту границу, за которой начинается ликвидация партии»... Значит, ликвидация партии уже началась. А раз ЦК ликвидирует партию, сапроновцы должны построить новую.

Видите как обстоит дело! Октябрьская революция не могла создать условий для перехода к социалистическому хозяйству. отсталость страны препятствует тому, чтобы она превратилась в социалистическую страну. Советы настолько потеряли пролетарскую сущность, что необходимо их восстановлять. Не только нет внутрипартийной демократии и рабочей демократии, но уже расцвела кулацко-крестьянская демократия. ГПУ борется не с контрреволюцией, а с законным недовольством рабочих. Красная армия готова стать орудием бонапартистского переворота. ЦК партии перешел уже через границу, за которой начинается ликвидация партии. «Если бы эта ликвидация партии была доведена до конца, то это означало бы конец диктатуры пролетариата в СССР». Такова «картина», нарисованная пером литератора Смирнова и кистью маляра Сапронова. Здесь все что угодно,—идеи, тон, краски, мысли. постановка от контрреволюции,—ничего от ленинизма.

Почему эти люди претендуют на то, чтобы мы их произведения распространяли, чтобы мы их заслушивали на пленуме ЦК, совершенно непонятно. Всякой критике партии есть предел. Мы не признаем такой «свободы критики», которой добиваются левейшие. В пределах партии мы не можем допустить такой критики, ибо это есть критика антипартийная, злостная; враг может так критиковать партию, а не член партии; и нет надобности даже докапываться до глубин, откуда это. Достаточно указать партийцам подобного рода «тезисы», чтобы от них отвернулось все честное, все революционное, пролетарское, что есть в нашей партии, в нашей стране.

Конечно, на конспиративных собраниях «представителей группировок оппозиционного блока» Сапроновы могут выдвигать требования о том, чтобы троцкисты отказались от заявления 16 октября. Им нет надобности выставлять это требобание, потому, что подписавшие это обещание 16 октября давным-давно от него отказались, давным давно его растоптали. Конечно, отсюда неизбежный

шаг, о котором рассказывает товарищ Бойцов, когда «левейшие» начинают «создавать общественное мнение среди беспартийных рабочих в пользу оппозиции» (почему не среди нэпманов, эти скорей поймут!).

Нас мало интересует, удалось ли сговориться этим различным группам между собой для наступлений на ЦК. Мы заранее предсказывали, когда создавался этот беспринципный блок оппозиционных групп, что чем он будет пестрее, разнороднее, беспринципнее, тем скорее он взорвется, тем быстрее совершится его распад. Этот распад начинается. От оппозиционного блока отошли и отходят лучшие товарищи. Отдельные группы оппозиционного блока вынуждены выступать теперь со своими отдельными платформами, в отдельных вопросах стоящими друг против друга в кричащем противоречии. В 1921 г. т. Смилга предсказал Сапронову: «Жизнь зло подшутила над вождем этой оппозиции, г. Сапроновым. Человек карьеру, можно сказать, сделал криками о бюрократизме, чиновничестве и т. п.; и надо было случиться, чтобы этот яростный сторонник власти на местах стал заправским советским чиновникам из Малого Совнаркома, где он втечение дня съедает больше бумаги, чем некоторые бюрократы втечение многих лет. Недалек час, когда сапроновщина съест Сапронова. «Sic transit gloria mundi» (так проходит слава мира).

Да, фракционная сапроновщина съела тов. Сапронова-революционера. Мелкобуржуазная идеология «левейшей оппозиции» съела пролетария Сапронова и поставила его на опасную грань разрыва с единственной в мире пролетарской партией, которая строит социалистическое хозяйство.

10. Куда растет оппозиция?

Платформа «левейших» или оппозиционного неоменьшевизма, как ее правильно называл т. Слепков, дает достаточное представление о том, куда растет сапроновско-смирновская оппозиция, прикрываясь самыми левыми фразами. Однако, нетрудно проследить, что и троцкистско-зиновьевская новая оппозиция растет в ту же сторону. А буферные попытки, которые пытаются замазать принципиальные вопросы и все дело сводят к неприятным чертам того или иного товарища или к режиму партии, рисуя его, как самую большую опасность, какая существует в настоящее время, являются не чем иным, как прикрытием принципиально опасных шатаний и уклонов, потому что прежде всего у этих товарищей, собирающих подписи под вдовьими письмами, нет даже и тени попытки разобраться в принципиальной сущности платформ, под которыми выступают оппозиционные группировки. В нашей печати не раз приводились уже выдержки из социал-демократической печати, которые указывают на то, что деятельность оппозиции вызывает самые радостные надежды у классовых врагов пролетариата, у политических врагов ВКП(б). Меньшевики радуются,

что «оппозиция прокладывает своею борьбою дорогу к более легальным, к более публичным формам классовой политической борьбы...», что «открытая деятельность оппозиции срывает, наконец, партийную монополию». Они уверены в том что «лишь только откроются шлюзы, прорвется общественная активность. и на ряду с коммунистическими фракциями вырастет против них и на их счет другое социальное движение и, в частности. социал-демократия» («Соц. Вестник»). И уже тянутся к оппозиции руки тех, кто ничего общего не имеет с нашей партией. Мы имеем проявления такой антисоветской деятельности, которая ищет опоры для своей работы, ищет обоснований для своих антисоветских лозунгов в оппозиционных платформах, в оппозиционной деятельности. Если успехи некоторых фракционных групп нашей партии обеспечивались тем. что они пытались пролезть в щель возникших в партии разногласий, то в эту щель, которую вырывают перечисленные оппозиционные платформы, готовы хлынуть враждебные силы. Вот почему мы так остро, так резко боремся с вредными для партии оппозиционными группировками.

Пример, который мы здесь приведем, должен, нам кажется. помочь товарищам, увлекающимся внешне-левыми лозунгами оппозиции, во-время остановиться. Речь идет об омской подпольной оппозиционной группе, которая была связана в Москве с отдельными товарищами из оппозиции, от них получала литературу и указания, что делать, как работать, и докатилась до совершенно контрреволюционных шагов. Я приведу здесь вкратце рассказ о деятельности этой группы одного из привлеченных к ответственности ее работников. (Дело расследовано и закончено сибирской краевой контрольной комиссией. участники этой группы в большинстве исключены из партии.) Будучи оппозиционером, этот товарищ столкнулся в Омске с работой группы оппозиции, с нелегальным распространением оппозиционных документов. Когда он указал на то, что

«было официальное распоряжение оппозиции прекратить работу», переданное мне на словах видным партийцем-оппозиционером..., они возражали, говоря: «ты получил одно распоряжение, а мы другое: прекратить работу на полтора месяца и начать ее вновь, перенося в массы и, главным образом, в беспартийные». А дальше развертывается план действия: 1) вызвать забастовку по всей территории Сибири от Новосибирска до Челябинска; 2) приостановить работу важнейших предприятий, как то—железных дорог, ЦЭС, заводов и проч. Дальше думали снять с постов всех теперешних руководителей партийцев и взять власть в свои руки. Я им сказал, чтобы они меня не числили в своей компании, что я не согласен с этими действиями. Все это они хотят проделать через армию, разложив ее и восстановив против существующей власти, приурочивая это к общей забастовке на всех заводах и предприятиях. На XV съезде партии будет дискуссия. мы же в это время проведем все намеченное, проведем забастовку и возьмем

власть. Выслушав все это, я им сказал, что для меня непонятна вся эта история: зачем нам брать власть, когда она в наших руках, и дальше указал им о целях и задачах партийной оппозиции. На это они мне возразили, говоря, что «у тебя не тот метод борьбы, метод какой-то парламентской говорильни, посредством которой ты ничего не добьешься, что нужно действовать решительно, сделать забастовку общую по СССР».

Мы оставляем здесь в стороне вопрос о реальном весе подобных «революционеров». Конечно, за ними никто не пойдет. Их претензии просто смешны. Но в данной связи интересна другая сторона дела.

Эта подпольная группа издавала листки, перепечатывала и распространяла секретнейшие документы, которые могли сослужить очень большую службу нашим врагам, пыталась вести работу среди горнорабочих и железнодорожников, организовывала сношение с Москвой, с оппозиционерами. В своих показаниях они ссылаются на то, что они были в свое время связаны с Максимовым, Гинсбургом и др. оппозиционерами.

Мы привели этот пример для того, чтобы показать, куда может расти оппозиция, какие элементы могут искать опоры в борьбе оппозиции против партии, против ее ЦК, против ее подавляющего большинства.

Наша задача—вскрыть перед всей партией, вскрыть перед рабочими массами опасности, которые вытекают из деятельности оппозиции, из ее взглядов, ее платформ.

Было бы, однако, слишком близоруким закрывать глаза на то, что борьба с подобного рода взглядами, подобного рода оппозиционными группами является борьбой, особенно трудной в наших условиях. Империалисты делают свои выводы из нашего внутрипартийного положения. Они рассуждают, по-своему, вполне правильно. Если в нашей партии есть такие группы (пусть это будет ничтожная группа 15-ти), которые готовы поколебать и колеблют самые основы нашей партии, которые эту партию раскалывают, которые создают внутри партии особые фракции, которые строят особые «крылья» партии, которые переносят свою деятельность в беспартийную массу, требуют опубликования своих антипартийных платформ перед всем миром, выходят за пределы СССР, печатая свои речи и документы в органах, враждебных Коминтерну,—значит, можно смело нападать на СССР. Если есть в партии такие группы, которые, подобно сапроновцам, уверяют, что международная революция рассматривается нами, как «способ охраны СССР от нападений империалистских держав, а не как путь к международной революции» (платформа пятнадцати), то всякому слепому империалисту ясно, что эта группа противопоставляет интересы пролетарской революции интересам СССР. И если уж так плохо дело обстоит, что в самой ВКП есть такие группы, значит можно нападать смело. К счастью для рабочего класса нашей страны эти

группы ничтожны, эти группы не имеют сколько-нибудь серьезного значения внутри нашей партии, они опасны вне партии, поскольку они могут собирать вокруг себя антипролетарские, антикоммунистические элементы. Самая левая Рут Фишер может вызвать в германском рейхстаге аплодисменты контрреволюционной буржуазии. Самые левые, клянущиеся трижды Лениным, наши отечественные оппозиционеры вызывают одобрение «Социалистического Вестника».

Мы должны твердо усвоить, что помимо большой агитационно-пропагандистской работы, связанной с разоблачением антиленинской сущности перечисленных оппозиционных групп нашей партии, мы должны обратить внимание на действительно существующие недочеты в нашей собственной работе. Если неправильны крики о зажиме в нашей партии вообще, то несомненно в отдельных случаях, в отдельных ячейках и даже, может быть, в отдельных организациях такой неправильный режим существует. ЦКК и ЦК ВКП(б) неоднократно обращались к местным партийным органам с подробными указаниями относительно того, что правильное и последовательное проведение внутрипартийной демократии есть один из главных способов борьбы с различными антиленинскими уклонами. ЦКК втечение 1926—27 г. несколько раз отменяла решения местных организаций, которые противоречили курсу на развертыванье внутрипартийной демократии. Конечно, мы знаем, что для лидеров оппозиции внутрипартийная демократия является сейчас просто вывеской. Это знают прекрасно и сами вожди оппозиции. В 1921 г. тов. Смилга писал иронически по адресу тов. Зиновьева: «У нас, оказывается, был бюрократизм. А теперь будет Смольнинская демократия, основанная только на выборности» («На повороте», стр. 20. И. Смилга). Именно теперь нужно с величайшей терпеливостью и вниманием выслушивать критику наших действительных ошибок и действительных недочетов в нашей работе; если это товарищеская, хотя и резкая, критика, если она вытекает из действительного желания исправить действительно существующие недочеты, мы должны всемерно помочь таким товарищам, а не зачислять их в «бузотеры», не гнать таких товарищей, не отталкивать их. В то же самое время мы должны бороться против нетоварищеской, против антипартийной критики, против выходящей за пределы партийности критики, берущей аргументы из лагеря классовых политических врагов пролетариата.

Мы должны обратить самое серьезное внимание на недочеты в своей работе, на недочеты и ошибки в проведении линии партии в области хозяйственной, в деле социалистического строительства, в вопросе о дальнейшем снижении цен, в вопросе о борьбе с бюрократизмом, с волокитой, в вопросе об удешевлении государственного аппарата, в деле помощи беднейшему крестьянству внимательным отношением к запросам рабочих и крестьянских масс. Оппозиция может жить, может иметь успех только в обстановке

наших неудач, наших ошибок. Она дышит воздухом временных наших поражений. Она гибнет в обстановке дружного коллективного творчества партии и всего рабочего класса. Всякое ослабление этой коллективной работы, всякие ошибки в этой работе используются оппозицией для того, чтобы доказать ими правоту своих мрачных пораженческих пророчеств.

Мы убеждены в том, что оппозиция в этом теперешнем своем наскоке на партию потерпит такое же поражение, какое она потерпела раньше. Мы должны позаботиться о том, чтобы это поражение было наиболее полным. Сейчас речь идет не только о том, чтобы организованно и организационно ликвидировать оформляющиеся фракционные группы; необходимо показать всю идейную гниль оппозиции, всю ее антиленинскую сущность, весь вред ее для партии рабочего класса. С этой целью мы взялись за освещение путей оппозиции от Октября по настоящие дни.

Июльский пленум ЦК 1926 г. был днем тяжелым для партии. Умер, сойдя с трибуны, после пламенной речи, направленной против ошибок оппозиции, тов. Феликс Дзержинский. Июльский пленум ЦК 1927 г. проходит в обстановке, еще более грозной, чем лето 1926 г. Грозовые тучи войны собрались над СССР, положение СССР стало еще более опасным. Партийное единство, без которого мы не можем одержать ни одного серьезного успеха, нам теперь нужно больше, чем когда бы то ни было. Этого партийного единства мы добьемся; но мы добьемся его не путем идейных компромиссов, не путем принципиальных уступок и не путем беспринципных соглашений на счет лиц, не путем «комбинаций» с теми или иными вождями оппозиции,—мы добьемся этого единства путем еще более дружного, чем прежде, проведения курса социалистического строительства, еще более, чем прежде, энергичной работы по пропаганде ленинизма, еще большей, чем прежде, связью с рабочим классом и крестьянством нашей страны и всех других стран, еще более решительным курсом на поддержку международной революции.

НОВЫЙ ЭТАП ФРАКЦИОННОЙ БОРЬБЫ ОППОЗИЦИИ

После заявления лидеров оппозиции от 16 октября 1926 года о том, что они прекращают фракционную борьбу, что они считают для себя постановления не только XIV съезда, но и все постановления ЦК партии и ЦКК безусловно обязательными, будут им безоговорочно подчиняться и проводить их в жизнь, мы присутствуем при таком бешеном темпе развития фракционной борьбы, какой мы давно не наблюдали. Правда, несмотря на все попытки оппозиции—и посредством петиционной кампании, посредством ловли всех обиженных, всех недовольных, несмотря на всю демагогию, пущенную в ход оппозицией, несмотря на использование трудностей, какие переживает страна, несмотря на подыгрывание к явно антипартийным и антисоветским элементам по целому ряду вопросов,—то, что удается собрать оппозиции под свои знамена, это едва десятая часть того, что оппозиция имела не только в 1921 году, но и в 1923—24 годах, когда происходили районные конференции, состоявшие на одну треть из сторонников оппозиции и даже больше, когда были конференции, где, как например, в Хамовническом районе в Москве более половины делегатов были на стороне оппозиции, когда выбирались оппозиционные в своем большинстве райкомы. Таких размеров оппозиция уже достигнуть не может, таких успехов она уже сейчас иметь не может, к каким бы она средствам ни прибегала.

Если послушать оппозиционеров, то они скажут, что причиной неуспеха оппозиции является зажим в нашей партии, «невыносимый режим», который-де не дает возможности членам партии активно себя проявить. Некоторые весьма ответственные оппозиционеры договариваются до того, что подавляющее большинство партии, которое стоит за линию ЦК—это люди, голосующие из боязни. Таким образом, вся партия третируется, как состоящая из шкурников, из подхалимов; а геройской, независимой, по этой картине, остается только мелкая кучка, едва одна тысячная или немного больше чем одна тысячная часть нашей партии, какая-нибудь дробь %—не больше, во всяком случае. Если бы это было верно, тогда дело нашей партии было бы кончено безнадежно погибшее. Куда годится такая партия? На что она способна? Отсю-

да—один шаг не только к самому отчаянному пессимизму, который прорывается у оппозиции, хоронящей революцию,—отсюда шаг и к более вредным для рабочего класса настроениям. Ничего кроме упадочности, кроме разложения, такие люди вносить в ряды нашей партии не могут, если они представляют себе состояние нашей партии таким образом.

Что нового в самой физиономии оппозиции?..

Летом 1926 г. оппозиции удалось сколотить блок, путем взаимной амнистии, уступок, путем самого беспринципного оплевывания сторонниками Зиновьева и Каменева всего того, что они писали о Троцком, путем возвеличения троцкистов, путем того, что недавние большевики-ленинцы просто-напросто прицепились на буксир к группе троцкистов. Был склеен блок между теми, кто в 1923—1924 гг. требовал исключения Троцкого из ЦК партии—и троцкистами и другими обломками фракций. Конечно, как всегда в таких случаях бывает, все это шло под знаком стопроцентного «ленинизма». Чем дальше отступали эти люди от ленинского учения, от партии, от ленинской тактики, от ленинских традиций, чем больше они оплевывали то, что они считали ленинизмом еще год тому назад, тем больше они клялись ленинским знаменем. Следует отметить, что вся группа правых грузинских уклонистов-националистов примкнула к этой оппозиции (подписалась ныне под «декларацией 84»). В этом нет ничего удивительного. Все, что есть п о л и т и ч е с к и - п р а в о г о в нашей партии, все, что противоречит ленинской линии в нашей партии, все это тянется под крылышко троцкизма. Т а к б ы л о, т а к е с т ь, т а к б у д е т. Троцкистско-зиновьевская фракция, конечно, не может ограничиться только рамками ВКП, она далеко пошла не только за рамки ВКП, но и за рамки Коминтерна. Орган таких ренегатов коммунизма, как Маслов и Рут Фишер, обливающих бешеной слюной нашу партию и советскую власть и не гнушавшихся выступать в рейхстаге с нападениями на нашу страну, стал органом троцкистов, органом оппозиции ВКП, солидаризируясь во всем с Троцким, с Зиновьевым, опубликовывая стенограммы их речей на закрытых заседаниях ЦК нашей партии и Исполкома Коминтерна и т. п. Рука руку моет—и в обмен за эти услуги тов. Троцкий выступает адвокатом этой группы на Исполкоме Коминтерна и в Президиуме ЦКК. Всем этим попыткам построить противовес Коминтерну—блок «лево-коммунистических» и анархо-синдикалистских групп—партия должна положить конец.

Под троцкистское знамя пришли и стали помогать в качестве «батраков» и кое-кто из бывшей группы демократического централизма,—«левые из архилевых», «левейшие»,—Сапроновы, Миньковы, Пилипенки, Харечки и пр. и пр. Блок этот держался более или менее прочно, несмотря на внутренние разногласия, несмотря на разнообразие точек зрения, царивших в нем в 1926 г.

В 1927 г. он дал серьезнейшую трещину. Уже крушение лидеров оппозиции, которое было зафиксировано в их заявлениях

16 октября 1926 года, их капитуляция перед общественным напором партии, перед единодушным отпором, который оппозиция получила на рабочих собраниях, было тяжелым поражением, которое заставило задуматься многих из оппозиционеров. Часть товарищей на практике столкнулась с тем, что, выступая на рабочих и крестьянских беспартийных собраниях, они должны: либо выступать против своей партии и против советской власти, доказывать рабочим и крестьянам, что партия и советская власть ведут неправильную политику, вредную для рабочих и крестьян, либо признать свою ошибку. Такие товарищи, как тт. Н. К. Крупская, А. Николаева, П. Залуцкий, Вишневский, Гугин, Бадаев и ряд других товарищей открыто отошли от оппозиции, так как увидели, что дальнейшее сотрудничество с оппозицией только помогает раскалывать партию, углублять пропасть между группой оппозиционеров и всей партией. Они увидели, что дальнейший путь оппозиции—это путь, приводящий к расколу.

На апрельском пленуме ЦК обнаружилась еще бо́льшая растерянность в рядах оппозиции. Оппозиция фактически признала полную несостоятельность своей экономической программы. В самом деле, до апрельского пленума, втечение больше чем года, оппозиция доказывала, что у нас острейшие разногласия по всем вопросам экономики, а на апрельском пленуме, где все вопросы экономики были поставлены необычайно выпукло и остро, оппозиция считала возможным даже согласиться не только с тезисами, но сделать такие признания, как, например, признание о том, что она за снижение цен. При этом оппозиция не делала даже попытки оговорить, что она выступает уже не от имени всей оппозиции, а только от части ее,—что в самой оппозиции образовалась глубокая трещина, что блок включает в себя элементы решительно враждебные линии партии на снижение цен. ЦКК известно, что сами оппозиционеры объясняли друг другу такое выступление за снижение цен не чем иным, как «маневром», который-де нужен был, чтобы не отпугнуть партию, в особенности рабочих, вопервых, и вовторых, что вообще между «правыми» оппозиционерами и «левыми» на этой почве существовали серьезнейшие разногласия. Прошло короткое время и уже в июне—в июле троцкистско-зиновьевская оппозиция заявляет о том, что у нее разногласия с ЦК партии вновь существуют по всем вопросам экономики, по всем вопросам партийной работы. Уже одно это поведение оппозиции—беспринципное выдвижение каждый месяц новых платформ—доказывает, что для участников этой фракционной группы принципы—вещь довольно дешевая, что их можно менять как перчатки в зависимости от политической погоды,—от того, куда ветер дует, лишь бы подловить кое-кого на той или иной платформе.

В разгар острых нападений на советское государство со стороны великобританского империализма, в полосу величайших труд-

ностей, в какую вошла советская страна, троцкистско-зиновьевская оппозиция предъявила партии нечто вроде ультиматума—платформу, подписанную сначала 83 членами партии, а затем собравшую к настоящему времени в общей сложности около 400 подписей. Конечно, для миллионной партии 400 подписей—ничтожная цифра; даже если бы эту цифру увеличить в два, в два с половиной раза, она не может менять соотношения сил внутри партии. Для нас, для большевиков, это было всегда азбучной истиной. Однако эти азбучные большевистские истины оппозицией настолько позабыты, что партию и даже Коминтерн пытаются сейчас взять списком, перечислением фамилий, чинов и орденов, которые имеют те или иные подписавшие троцкистскую, оппозиционную, насквозь антипартийную по своему характеру платформу.

С другой стороны, внутри оппозиционного блока существует целый ряд групп и группировок. Чем, например, не группировка В. М. Смирнова, Сапронова, Минькова, Харечки, Пилипенко и еще десятка запутавшихся людей, которые имеют свою платформу,— левую, весьма левую, самую левую, левейшую. Эти уже ликвидировали партию. Для них троцкистско-зиновьевская оппозиция слишком правая. Напрасно, по их мнению, она капитулировала 16 октября 1926 года. Правда, эта группа еще не теряет надежды, что удастся сговориться различным группировкам, выступающим против ЦК на сколько-нибудь общих действиях, ибо все они объединены общей ненавистью к нынешнему руководству партии. Можно себе представить, какую качку, какие авантюры, какое крушение вынесла бы партия, если бы она имела руководство Смирновых, Сапроновых и т. п.. Вожди и «вожди» оппозиционных групп и групочек, правые, «левые» и т. п. совещаются, составляют свои платформы, торгуются, дипломатничают, подымают мышиную подпольную возню, которая показывает, что эти люди потеряли всякие перспективы, если считают для себя возможным в такой момент вести подпольную работу.

А подпольная работа ведется. Правда, некоторым кажется, что пока еще все, как будто, не выходит за пределы «литературно-пропагандистских» групп, но уже создаются новые фракционные подпольные центры, делаются приготовления к предсъездовской дискуссии. Под шумок предсъездовская дискуссия подпольно ведется фракционерами уже втечение довольно долгого времени. На собраниях выступают против линии партии, на Исполкоме Коминтерна против линии партии, в печати пытаются выступить против линии партии. Мы слишком поплатились за то, что линия партии искажалась не однажды оппозиционерами [1].

Следует еще отметить буферную группу. Эти люди не прочь изобразить себя сторонниками линии партии. Одна-

---

[1]) См. интересную статью Ю. Ларина в „Большевике“: О налоговой политике, которая проводилась оппозиционерами.

ко, по существу дела, их попытка референдума по вопросу об отношении к ЦК (собрали они около десятка подписей) является жалчайшей попыткой людей, которые не могут еще твердо сказать: за какую же линию они стоят. История буферных групп их ничему не научила. Ведь в 1926 году тов. Смилга выступал вначале не как противник линии партии и подчеркивал, что он не разделяет линии оппозиции, а прошел короткий срок и тов. Смилга—герой и вождь оппозиции, которому устраивают демонстративные проводы при его отъезде в Хабаровск. Участники буферных групп того не понимают, что они одной ногой стоят уже по другую черту той пропасти, которую оппозиция вырывает между собой и партией. Больше того: для нас ясно, что источник их платформы тот же, что и троцкистской оппозиции. Только здесь своеобразное «разделение труда». У ЦКК имеются доказательства, что сторонники троцкистской оппозиции стараются кое кого подготовить на этой «буферной» платформе.

Что же нового в нынешнем внутрипартийном положении? Составная часть блока более четко выявляет свою физиономию. Перед нами налицо группировка, которая в разных местах внутри партии и уже около партии (среди беспартийных) роет траншеи,— одни **для взрыва партии изнутри**, другие предпринимают шаги к тому, чтобы организовать элементы для будущей другой партии, обеспечивая себе уже теперь сочувствие даже среди беспартийных. И в прошлом делались попытки выйти за пределы партии в своей борьбе против партии. Такие попытки делаются и теперь. Может быть (мы это допускаем), даже не все оппозиционные группы, и даже не все те, кто подписывает декларацию 83-х и другие декларации, знают об этом, потому что и оппозиционеры уже чувствуют влияние **своих** «**аппаратчиков**», и у них существует **свой** «**кризис руководства**», и у них уже стоит **свой** вопрос «о **поколениях**».

Задача партийных наших организаций, в особенности контрольных комиссий, не только не скрывать всех известных фактов из области антипартийной деятельности перед широкими партийными массами, перед всеми членами партии, а, наоборот, возможно шире рассказать об этой деятельности, вскрыть всю гниль упадочничества, пораженчества, ликвидаторства, тех настроений, которыми проникнуты платформы оппозиционных групп: все у нас плохо, все никуда не годится, партия гибнет, пролетарская революция гибнет и т. д. Подавляющая масса партии чужда этим настроениям, подавляющая масса членов партии полна энтузиазма и готова нести величайшие жертвы во имя революции. Вся масса членов партии несет на своих плечах огромную тяжесть работы. Только враг партии и враг советской власти может отрицать величайшие успехи, нами ежедневно достигаемые. Только совершенно растерявшие большевизм люди могут впадать в такое паникерство по поводу, например, поражения китайской революции, в какое впадает оппозиция по поводу тех трудностей, которые вызы-

вает опасность войны, в какое впадает троцкистская группа. Этим настроениям партия должна дать самый решительный отпор. Мы должны с величайшей терпеливостью работать над тем, чтобы даже отдельные товарищи, которые поддаются влиянию оппозиции, поняли ошибочность и вред того пути, на который они стали. Мы должны углубить свою пропагандистскую работу, усилить партийную работу по всем областям, поднять всю нашу общественную работу, ибо только на этом пути лежит преодоление оппозиции. Оппозиция может жить и дышать только воздухом упадка, воздухом неудач. Оппозиция расцветает пышно там, где мы делаем ошибки, где мы неправильно ведем работу. Она гибнет и задыхается от чистого воздуха революционной энергии и революционного энтузиазма большевистской, ленинской, революционной работы.

Решение Президиума ЦКК о деятельности оппозиции встретило уже глубокое сочувствие всех партийных низов, всех партийных организаций. Нет ни одной ячейки партии, нет ни одной партийной организации, которые высказались бы за оппозицию. За оппозицией потянулась обывательщина, как тянется за ней сейчас группа правых грузинских уклонистов-националистов. Оппозиция всегда была и остается центром всего враждебного партии. Какой восторженный вой подняла вся белогвардейщина по поводу выступления оппозиции, какие надежды строят враги наши на попытке оппозиции расколоть партию!

Мы не сомневаемся в том, что июльский пленум ЦК и ЦКК будет достаточно единодушен в поддержке решения Президиума ЦКК, что он поможет партии нанести сокрушительный удар по всем попыткам оппозиции разложить нашу партию. Будет ли это путь петиционной кампании, напоминающий меньшевистские времена, будет ли это путь бешеных выступлений против партии в штабе мировой революции, на заседаниях Исполкома Коминтерна, будет ли это за рубежом на страницах органа «лево-коммунистических» ренегатов коммунизма, будет ли это в подполье внутри страны,—ленинская партия достаточно сильна, чтобы помешать любой оппозиции, какие бы вожди ни стояли во главе ее, отстоять единство ленинской партии.

ЕДИНСТВО ПАРТИИ И XV ПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ

XV партийная конференция по докладу т. Сталина вынесла резолюцию, в которой одобрила целиком и полностью политику ЦК в его борьбе за обеспечение единства. Конференция считает, что задачи партии в дальнейшем должны состоять в следующем:

> «1) следить за тем, чтобы достигнутый минимум, необходимый для единства партии, был действительно проведен в жизнь;
>
> 2) вести решительную идейную борьбу с социал-демократическим уклоном в нашей партии, разъясняя массам ошибочность принципиальных взглядов оппозиционного блока и выставляя на свет оппортунистическое содержание этих взглядов, какими бы «революционными» фразами они ни прикрывались;
>
> 3) добиваться того, чтобы оппозиционный блок признал ошибочность своих взглядов;
>
> 4) всемерно охранять единство партии, пресекая все и всякие попытки возобновления фракционности, нарушения дисциплины».

Эти решения XV партийной конференции, принятые после ожесточенной атаки на ЦК нашей партии, на партийную линию ВКП(б) со стороны объединенной оппозиции, ставят перед контрольными комиссиями совершенно определенные задачи. Надо вспомнить, прежде всего, путь, по которому прошла партия в борьбе со всякого рода идеологическими уклонами. Это был путь, с одной стороны, организационных мероприятий партии, а с другой стороны, длительной и упорной идеологической работы и, наконец, в отношении к тем товарищам, которые упорно нарушали партийную линию или выходили слишком далеко за пределы устава и программы партийной линии,—путь партийных репрессий. Так, по отношению к «рабочей оппозиции» X и XI съезды партии вынесли решение об единстве партии, которое запрещает всякую фракционность в нашей работе и требует роспуска всяких фракционных организаций. Это была организационная мера. Проведение ее в жизнь лежало как на членах фракции «рабочей оппозиции», так и на всей партии, которая должна была, и в особенности ее контрольные комиссии, следить за тем, чтобы это решение партии выполнялось, чтобы

виновные,—за нарушение этого постановления,—привлекались к ответственности. А затем решение X съезда говорило о необходимости идеологической борьбы с «рабочей оппозицией», давало характеристику этому уклону, как анархо-синдикалистскому, мелкобуржуазному уклону, давало критику основных положений «рабочей оппозиции» и объявляло пропаганду анархо-синдикалистских взглядов «рабочей оппозиции» несовместимой с принадлежностью к партии. Вот почему XI съезд так сурово отнесся к отдельным товарищам из «рабочей оппозиции», которые нарушили это постановление X съезда.

Так боролась партия и против других фракционных группировок в нашей партии. На протяжении нескольких лет ведет партия идейную борьбу с троцкизмом, который Ленин в 1920—21 гг. считал опасным явлением в нашей партии, когда он предупреждал против фракционности выступлений т. Троцкого. Ленин писал тогда в статье «Кризис партии».

> «Из маленьких расхождений и разногласий выросли большие. Как всегда бывает при сравнительно маленьких ошибках, если на маленькой ошибке настаивают и сопротивляются из всех сил ее исправлению, или если за маленькую ошибку одного или многих уцепляются люди, делающие большую ошибку, так всегда растут разногласия и расколы. Так и мы «доросли» от *маленьких разногласий до синдикализма*, означающего полный разрыв с коммунизмом и неминуемый раскол в партии, если партия не окажется достаточно здоровой и сильной, чтобы вылечиться от болезней сильно и радикально» (Ленин, собр. соч., т. XVIII, ч. 1).

Решения X съезда и были попыткой быстро и радикально решить кризис партии. Здесь были и организационные выводы, когда Владимир Ильич и вся партия отсекали и отсеивали все нездоровое из оппозиционных групп, когда объявили решительный поход против анархо-синдикализма, когда беспощадно вскрывали фальшь и неверность ряда постановок других оппозиционных групп, беспощадно боролись с буферными позициями и всякими другими оттенками и оттеночками, группами и группками. Что касается троцкизма, то здесь дело оказалось сложнее именно потому, что на ошибках стали настаивать и сопротивляться изо всех сил их исправлению, а, с другой стороны, за маленькую ошибку одного или многих стали цепляться люди, делавшие большую ошибку. Линия т. Троцкого за эти годы и была именно линией хватания за маленькие наши ошибки, настаиванья на своих больших ошибках, сопротивления изо всех сил исправлению этих ошибок.

XIII партийная конференция и XIII съезд партии должны были поставить вплотную вопрос об ошибках т. Троцкого и тогдашней оппозиции, характеризовать их, как мелкобуржуазный уклон в нашей партии. И тогда партия также применила комбинированный

ряд мер: тут были и организационные выводы по отношению к ряду товарищей из оппозиции, и организационные мероприятия, посредством которых партия обеспечивала возможность проведения правильной партийной линии; тут были и меры идеологического порядка, когда партия провела огромную партийно-воспитательную пропагандистскую работу по разъяснению ошибок людей, впадающих в мелкобуржуазный уклон, повела решительную борьбу против подмены ленинизма троцкизмом в нашей партии. В отдельных случаях, конечно, и тогда нам приходилось прибегать к мерам партийных репрессий. Однако мы должны сказать, что тогда оформление фракции троцкистами носило далеко не такой характер, как в 1926 г., что такой подпольной фракционной работы, какая была развернута в 1926 г., троцкистская оппозиция не развертывала раньше. Наоборот, такие группы, как «Рабочая группа» Мясникова, «Рабочая Правда», всю свою деятельность построили на создании конспиративной подпольной организации. Поэтому партийные репрессии по отношению к этим группам были наиболее решительными, резкими и тяжелыми, не говоря уже о том, что идеология этих групп была совершенно чуждой нашей партии. Объединенный блок оппозиционных групп в 1926 г. развернул фракционную подпольную работу в очень широких размерах. Трудно сказать, какое число членов партии, комсомольцев и беспартийных было охвачено этой фракционной подпольной организацией; что она захватывала часть и беспартийных—это можно считать точно установленным в ряде случаев. Мы имели быстро развертываемую подпольную работу, которая в дальнейшем своем развитии не могла бы не привести к созданию другой партии, и поэтому партийные репрессии и организационные мероприятия, конечно, должны были быть выдвинуты на одно из первых мест в борьбе с оппозицией 1926 г. Чем больше развертывалась эта борьба, чем больше она обострялась против партийной линии, тем больше она превращалась в антипартийную борьбу, тем больше объединенный блок проявлял мелкобуржуазный социал-демократический уклон.

Против социал-демократического уклона в нашей партии мы, конечно, должны будем вести упорную, настойчивую идейную борьбу. Несостоятельность принципиальных взглядов оппозиции 1926 г. уже и теперь в значительной степени выяснилась перед всей партийной массой, перед многими беспартийными рабочими. Наша задача заключается в том, чтобы до конца разоблачить, до конца выяснить перед массами несовместимость этих взглядов с нашей партийной линией, со взглядами ленинской партии. Конечно, неизбежны те или иные организационные мероприятия партии, так называемые оргвыводы по отношению к товарищам, которым партия до сих пор доверяла те или иные посты, связанные с проведением партийной линии. Если нет уверенности в том, что тот или иной товарищ сможет провести эту партийную линию, партия не только вправе, но она обязана заменить этого товарища, дать ему

такую работу, где бы он мог, несмотря на то, что он не изжил еще своих фракционных взглядов, выполнять эту партийную работу. Партия должна всячески помочь изжить фракционность. Обстановка бездействия, обстановка полного отталкивания товарищей, впавших в ошибку, может быть в таких случаях вредна для партии. Как мы помогли сторонникам рабочей и троцкистской оппозиции во все предыдущие годы изживать свои разногласия с партией, становиться на партийную линию, так мы должны помочь оппозиции и теперь,—на фактах, на опыте, в повседневной печати и на собраниях партии, разъясняя ошибки оппозиции, разоблачая всю несостоятельность ее принципиальной линии.

Перед контрольными комиссиями стоят чрезвычайно ответственные задачи как в этой области, так и в области применения партийных репрессий по отношению к тем товарищам, которые встали на путь фракционной, подпольной работы. Ряд указаний, которые были даны до этого контрольным комиссиям, остается в силе и сегодня, в новой обстановке. Лидеры оппозиции, 6 членов ЦК, заверили нас 16 октября, что фракционную подпольную работу они прекращают. Они призвали своих единомышленников к полному прекращению фракционной подпольной работы, фракционных способов защиты своих взглядов, к роспуску фракционных групп там, где они образовались. К этому призвали своих единомышленников и тт. Шляпников и Медведев.

Перед контрольными комиссиями лежит задача проверки того, как в действительности проводится это решение о прекращении фракционной подпольной работы в жизнь. Прежде всего, конечно, придется рассматривать апелляции, подаваемые товарищами, привлеченными к ответственности за фракционную подпольную работу.

Мы дали ряд указаний относительно линии, какую должны проводить контрольные комиссии [1]. Задача, которую ставят себе в данном случае контрольные комиссии, должна заключаться в том, чтобы вскрыть возможно полнее для самой партии, перед всей партией, подпольную организацию, созданную новой оппозицией. Чем шире и полнее она будет вскрыта, чем меньше останется неосвещенных уголков, тем больше будет уверенности у партии, что удастся изжить внутри организации возможность повторения подобных попыток создать подпольную организацию и тем больше облегчится возможность для партии подойти к каждому отдельному товарищу, который впал в ошибку, стал на ложный путь, помочь этому товарищу изжить эту ошибку. Если партия сможет обратить на этих товарищей особенное внимание, тогда, конечно, эта задача облегчится, ускорится. Тогда перед этими товарищами вопрос о пересмотре своей

[1] См. „Бюллетень ЦКК и НК РКИ“ № 8—9, а также статьи: „Партия ждет доказательств“ („Правда“ 30/X-26 г.) и „Еще раз о честном слове оппозиционера“ („Правда“).

линии, о переоценке ее станет уже неизбежным. Этому должны содействовать доклады как на партийных собраниях о подпольной фракционной работе в данной организации и во всей партии, так и подробное освещение в печати этой работы, на основании материалов контрольных комиссий. Это освещение ни в коем случае не должно носить характера травли по отношению к товарищам, которые признали свои ошибки. Контрольные комиссии ни в коем случае не должны делать такой ошибки, не должны создавать невыносимого положения для бывшего оппозиционера, который признал неправильность своей линии и готов исправить ее. Ему нужно помочь всячески исправить эту линию, ни в коем случае его не отталкивать. Этим объясняется факт, что ЦКК привлекла к ответственности редактора «Рабочей Газеты» за некоторые недопустимые карикатуры на оппозиционеров, например, карикатуру, которая изображала вождей оппозиции в виде королей пик, с коронами на головах и скипетрами в руках.

Мы не заинтересованы в том, чтобы выбрасывать из партии товарищей, которые, сделавши ошибку, признают ее и дают достаточные гарантии партии, что они этих ошибок не повторят через короткое время. Вот почему мы стоим за восстановление тех товарищей из оппозиции, которые были исключены за свою фракционную подпольную работу и которые теперь открыто признают свою ошибку, признают перед партией свою подпольную работу и этим гарантируют партии, что они порывают с подпольной работой. Мы готовы заменить суровые меры партийных репрессий, принятые в момент наиболее обостренной борьбы с подпольной оппозицией, на более мягкие меры, как выговоры, строгие выговоры, выговоры с предупреждением, постановку на вид, указания,—в зависимости от степени исправления товарища и степени его участия во фракционной подпольной работе, в зависимости от содержания тех заявлений, которые делает тот или иной товарищ. Но у нас во всех таких случаях все же должна быть уверенность в том, что это заявления искренние, что товарищ не только формально признает свои ошибки.

В особенности мы должны обратить внимание на тех рядовых членов партии—рабочих, которые поддались оппозиционной, фракционной пропаганде и агитации в период наибольшей интенсивности оппозиционеров, поддались упадочным настроениям оппозиции. По отношению к этим товарищам необходима серьезная воспитательная работа. Партия должна проследить в дальнейшем по отношению ко всем привлекаемым членам партии, как они исправляют свою линию,—не ошиблась ли партия в вопросе об изменении мер партийного воздействия. Конечно, каждый член партии и без того находится под контролем партии. Такие товарищи, которые были привлечены к партийной ответственности за подпольную фракционную работу, должны находиться под двойным, под тройным контролем. Это они и сами должны знать, и это должна усвоить вся партия, покуда она не убедится оконча-

тельно в том, что этот товарищ целиком и полностью встал на партийный путь.

Таковы в основном наши задачи на предстоящий период. Каждая контрольная комиссия обязана, в пределах своей организации, собрать самые точные данные о работе объединенной оппозиции, подытожить весь ее материал, связать его с общей работой оппозиции, осветить возможно шире перед членами партии эту работу, вскрыть ее антипартийность и дать ЦКК точную картину борьбы с оппозицией в пределах данной организации и результатов этой борьбы. ЦКК до сих пор еще не имеет этой точной картины. В ряде статей (например, «Завершенный круг» в «Большевике»), докладов на конференциях и в ЦК, ЦКК давала картину этой деятельности по далеко не полным сведениям, которые были получены ко времени XV конференции с мест. Мы обращаем внимание всех контрольных комиссий на необходимость выполнения этой работы, воспроизведения полной и точной картины деятельности объединенной оппозиции 1926 г. и борьбы с нею нашей партии.

ЦКК ПЕРЕД СУДОМ XV СЪЕЗДА[1]

---

[1] Статья была напечатана в „Бюллетенях ЦКК и НК РКИ“ № 1 от 25/I—26. Статья значительно сокращена.

Перед XIV съездом члены ЦКК сделали несколько десятков докладов на губконференциях, в которых знакомили партию с деятельностью ЦКК со времени XIII партсъезда, в которых давали отчеты партии о том, как и в какой мере проведены в жизнь мысли В. И. Ленина организацией ЦКК и РКИ. Стоит сделать самый беглый обзор тех оценок, какие были сделаны губернскими конференциями, начиная с ленинградской, чтобы видеть, что деятельность ЦКК и РКИ не вызывала сколько-нибудь серьезных сомнений ни у одного из членов партии. Так, по докладу т. Куйбышева на XIV московской губернской конференции была вынесена резолюция, в которой наряду с явным одобрением правильности политической линии и работы, проделанной ЦКК и РКИ за отчетный период, «конференция с удовлетворением отмечает: полное единодушие, сплоченность ЦКК, проявленные ею во все трудные моменты жизни партии, и выражает уверенность, что и впредь ЦКК плотным пролетарским кольцом будет окружать наш руководящий орган, орган партии, ленинский ЦК и, как и до сих пор, решительно выступать на защиту его большевистской линии».

В резолюции 22-й ленинградской губконференции, по докладу ЦКК РКП(б) мы читаем: «22-я ленинградская губконференция, заслушав доклад т. Ярославского, целиком и полностью одобряет работу ЦКК РКП(б) и шлет ей горячий коммунистический привет от имени ста тысяч членов и кандидатов партии ленинградской организации».

Если, таким образом, 22-я ленинградская губпартконференция целиком и полностью одобрила работу ЦКК, то московская губпартконференция особенно подчеркнула единодушие и сплоченность в отстаивании большевистской линии ЦК партии.

Все почти резолюции губконференций отмечали чрезвычайную важность работы, проделанной под руководством ЦКК по проверке непроизводственных ячеек. Почти все губконференции считали необходимым подчеркнуть ту особую роль, которую ЦКК играет в деле сохранения единства партии, в деле сплочения наших партийных рядов.

Ярославская губпартконференция «уверена, что ЦК и ЦКК впредь, как и до сих пор, неуклонно и последовательно будут во всей своей работе стоять на почве четких принципов ленинизма, на почве непримиримой борьбы против всяких уклонов от ленин-

ского учения, единственно способного обеспечить успех при разрешении стоящих перед нами громадных задач».

Резолюция крымской областной партконференции 22.II—25 г. по докладу т. Осьмова: «Отмечая вполне правильную линию ЦКК по борьбе с болезненными явлениями в нашей партии и констатируя, что в деле сплочения наших рядов со стороны ЦКК проделана большая работа, конференция вполне уверена, что делу соблюдения единства партии и сплочения наших рядов, стальных ленинских рядов, ЦКК и впредь будет уделять главное внимание».

8-я пензенская губконференция отмечает, что «ЦКК стойко и неуклонно боролась за чистоту ленинской линии в партии, за ленинское единство. Конференция целиком и полностью одобряет решительную линию, проводимую ЦКК в борьбе со всякими уклонениями от ленинизма».

Резолюция 14-й владимирской губпартконференции отмечает что «три задачи, поставленные Владимиром Ильичом и всей партией перед ЦКК»,—совершенствование госаппарата, забота о единстве партии и борьба с самоуправством и злоупотреблением властью,—«нашли достаточное отражение в работе ЦКК».

Такова единодушная оценка со стороны партии, данная по отчетам о работе ЦКК на губконференциях перед XIV партсъездом. Трудно было думать, трудно было ожидать, чтобы на съезде партии была сделана какая-нибудь иная оценка. Однако то, что произошло на XIV партсъезде, вообще было неожиданностью для партии, начиная с особого содоклада члена Политбюро т. Зиновьева по политическому отчету ЦК и кончая последующими, выдержанными до конца съезда в оппозиционном духе, выступлениями ленинградской делегации и нескольких других членов партии. Вот почему является крайне необходимым осветить поведение ЦКК за эти полтора года в одном из важнейших вопросов, в вопросе о сохранении единства партии. Именно по этому вопросу были яростные нападки на ЦКК, именно в этой плоскости были выдвинуты обвинения ленинградской делегацией по адресу ЦКК.

Докладчиком от ЦКК был т. Куйбышев. Нет ничего удивительного, что т. Куйбышев посвятил значительную часть своей речи и заключительного слова именно вопросу о том, что сделала ЦКК, для сохранения единства партии. Речь т. Куйбышева по этому вопросу заслуживает самого внимательного изучения: поэтому я привожу ее в части, касающейся мер, принятых ЦКК по вопросу о единстве полностью.

Тов. Куйбышев говорил в своей речи:

«Центральная Контрольная Комиссия—очень молодое учреждение. Партия еще недостаточно выработала способы подбора работников для Центральной Контрольной Комиссии, работников, которые могли бы с успехом справиться с задачей осуществления этой сложнейшей и важнейшей задачи—охранения единства партии. Мы еще недостаточно разработали методы этой работы и способы вмешательства ЦКК в возникающие разногласия и связанные

с ними осложнения внутри партии. Что же касается данного конкретного случая, то ЦКК здесь пришлось встретиться с особыми трудностями, которые не давали нам возможности вести творческую предупредительную работу, чтобы не допустить до такой остроты разногласий, какая выявилась на этом съезде.

«В самом деле. Перед каким фактом стояли мы, представители ЦКК, тесно связанные с Политбюро и с ЦК в целом? Мы видели, что внутри ЦК намечались какие-то еще недостаточно оформившиеся разногласия, что по отдельным вопросам, правда, важным и решающим для страны, появляются различные оттенки мнений. Мы с большой тревогой наблюдали, как эти отдельные оттенки мнений по острым и важным вопросам начинают кое-где, в некоторых местах, в некоторых организациях, в отдельных случаях приобретать характер организационной борьбы с большинством ЦК, с его линией. Эти отдельные попытки и отдельные случаи организационной борьбы здесь достаточно подробно освещались. Я не буду на них подробно останавливаться, напомню лишь основные из них: комсомол, вовлеченный в борьбу между отдельными течениями внутри ЦК по вопросу о Троцком: дальнейшее поведение комсомольской организации в Ленинграде, явно направленное на то, чтобы изменить руководство комсомольским движением во всей стране путем давления на ЦК комсомола: отдельные организационные попытки со стороны меньшинства членов ЦК изменить соотношение сил внутри Политбюро, внутри руководящих органов партии; затем подготовка к съезду, характер районных конференций в ленинградской организации, попытки со стороны отдельных членов ЦК, оставшихся в меньшинстве, или попытки представителей тех оттенков мнений, которые не получили большинства в некоторых местных организациях, неправильно информировать местные организации, как, например, случай с Харитоновым на Урале,— одним словом, отдельные намеки, отдельные факты, указывавшие на то, что эти разногласия, эти оттенки мнений, которые, казалось бы, могли быть изжиты, начинают в некоторых местах выливаться в открытую организационную борьбу с ЦК. Все это нас тревожило и являлось, разумеется, для нас сигналом того, что эти разногласия могут развиться в очень большой конфликт, хотя мы и не могли себе тогда еще представить, что это все примет такие размеры, какие имели место на съезде. И вот представьте себе положение представителей ЦКК, которые по мере сил и возможности держали в курсе дела членов ЦКК, во всяком случае членов президиума ЦКК.

«Наше положение было затруднено тем, что всякая попытка официальной постановки вопроса об этих разногласиях и о начавшейся кое-где организационной борьбе против ЦК, всякая попытка официального обсуждения этого вопроса в том или другом органе ЦКК неизбежно вызывала бы обострение этих отношений, вызывала бы известное затвердевание разногласий. Нам казалось тогда, что оформление этих разногласий в виде позиции или плат-

формы едва ли способствовало бы их изживанию. Нам казалось тогда, что эти намечающиеся разногласия, оттенки мнений, несмотря на то, что кое-где, кое в чем они начали получать организационное оформление, могут быть безболезненно изжиты без вынесения их наружу, без потрясения партии, без дискуссии, без содоклада на съезде и т. п. Правда, мы как будто бы были призваны и обязаны были вмешаться, если разногласия возникают по сложнейшему и острейшему вопросу, каким является вопрос о крестьянстве, о котором Владимир Ильич специально говорил, что раскол партии, разногласия в партии если и возможны у нас, то именно лишь при расхождении между рабочим классом и крестьянством. Правда, Владимир Ильич говорил о том, что в нашей обстановке не заложены обязательно условия для этого раскола, но он подчеркивал, что раскол, разногласия возможны именно на этой почве. Всякий член ЦКК, знакомый с этими разногласиями, становился перед практической дилеммой—или формально исполнить долг, возложенный на него, т. е. вмешаться официально и открыто в начавшиеся разногласия, или, взвесив все обстоятельства, попытаться содействовать внутреннему изживанию возникших разногласий. Мы считали долгом своей совести избрать второй путь. У нас была надежда на возможность изжития разногласий без перенесения их в широкие круги партии, без вынесения их на съезд партии. Президиум ЦКК, однажды, несмотря на то, что все были согласны с тем, что нужно избрать этот второй путь, вынужден был обсуждать вопрос по существу. Это было тогда, когда нам стало известно о подписании одним из членов Президиума ЦКК, тов. Н. К. Крупской, так называемой платформы четырех, которая сейчас известна всем членам съезда, так как роздана меньшинством всем членам съезда. (Голос: «С разрешения Президиума».) Я это не ставлю в упрек, но разрешения Президиума не было. Президиум ответил на это предложение меньшинства, что он не считает себя в праве запретить кому-либо из делегатов раздавать какие бы то ни было материалы. Во всяком случае ответственность за раздачу не может быть ни в коей мере возложена на Президиум. Политическая ответственность за вынесение этих разногласий на широкое обсуждение партии, за раздачу этих документов целиком лежит на авторах платформы и на товарищах, которые сочувствуют этому меньшинству ЦК».

«Итак, когда мы узнали о подписании одним из членов Президиума ЦКК этой платформы, которая, как мы считали, является началом обострения разногласий и началом организационной борьбы против ЦК, мы сочли необходимым обратиться к большинству членов ЦК с письмом от имени членов президиума ЦКК, опять-таки не ставя этого вопроса на официальное заседание.

«В этом письме мы выявили свое общее отношение к упомянутой платформе, назвав ее фракционной и заявив о том, что мы, члены Президиума ЦКК, согласны с большинством Центрального Комитета о необходимости принять все меры к внутреннему изжи-

тию начавшихся разногласий и к тому, чтобы ни в каком случае, ни под каким видом не была допущена открытая дискуссия по этим вопросам. И вот, когда мы это обращение членов Президиума Центральной Контрольной Комиссии дали на подпись Надежде Константиновне Крупской, она отказалась подписать это обращение и, наоборот, сделала заявление в ЦКК о том, что она возражает против этого оглашения и просит освободить ее от членства в Центральной Контрольной Комиссии. Естественно, что освободить от членства в ЦКК мы не могли, поскольку этот вопрос решается съездом, и эта часть заявления была самой Надеждой Константиновной снята. Остальная часть заявления побудила нас созвать Президиум ЦКК и поговорить с Н. К. Крупской как по вопросу о возможности снятия заявления тов. Крупской в целом, так и по вопросу об отказе с ее стороны снять свою подпись с платформы четырех. Президиум ЦКК очень подробно обсуждал этот вопрос; все члены Президиума ЦКК (а их 21, —15 членов и 6 кандидатов) один за другим высказывались в направлении одобрения линии Центрального Комитета против фракционной попытки четырех. Но нам не удалось убедить Н. К. Крупскую. Она отказалась снять свою подпись под платформой четырех, она отказалась взять обратно и свое заявление с возражением против нашего обращения к большинству членов Центрального Комитета.

«Недавно происходил VI пленум ЦКК созыва XIII съезда, на котором мы сознательно, несмотря на то, что разногласия уже обострились и можно было предвидеть их дальнейшее обострение, не поставили вопроса о внутрипартийном положении, исходя из надежды на то, что перед самым съездом большинству Центрального Комитета удастся убедить меньшинство в том, что нужно до самого съезда сохранить единство в Центральном Комитете и сплоченно выступить перед съездом, совместно выработав те предложения, которые съездом будут положены в основу дальнейшей работы партии. Но вы сами должны понять состояние членов ЦКК, обязанных блюсти единство партии: собравшись на VI пленум ЦКК, зная о том, что отношения обостряются, зная о ходе подготовки к съезду ленинградской организации (к тому моменту была принята московская резолюция, или во всяком случае, были прения на московской конференции), члены ЦКК естественно были полны нетерпением выполнить возложенный на них долг и требовали от нас постановки этого вопроса. Я в своем отчетном докладе обратился к пленуму ЦКК с просьбой не настаивать на постановке этого вопроса на пленуме ЦКК. Я говорил о том, что я понимаю состояние членов ЦКК, их нетерпение выполнить долг, возложенный на них постановлениями съездов и заветами Ильича. Я призывал их в выполнении этого долга считаться с теми реальными последствиями, которые могут возникнуть из того, что мы здесь, на пленуме ЦКК, поставим официальное обсуждение внутрипартийного положения, т.-е., значит, поставим представителей и большинства Центрального Комитета и его меньшинства перед этим судилищем

ЦКК и дадим возможность обеим точкам зрения, может быть с большой остротой, противопоставить себя друг другу и этим самым накопить еще больше элементов разногласий и расхождений, чем это было до сих пор. Я высказывал надежду, что если мы взвесим эти две перспективы и предпочтем вторую, т. е. не пригласим членов ЦК на заседание пленума, не поставим вопроса о разногласиях, то мы добьемся больших практических результатов. Я указывал, что, может быть, еще перед съездом партии удастся добиться единства в Центральном Комитете другими мерами—мерами внутренними, которые, в конце концов, дадут результаты, нужные для партии и ожидаемые партией.

«Но в результате мы все же на пленуме ЦКК принуждены были хотя бы в общей форме, но выразить свое отношение к продолжающимся разногласиям. Мы приняли следующую резолюцию:

> «Поскольку за последнее время имелись выступления против ЦК партии, создающие некоторую опасность нарушения того абсолютного, исключительного единства партии, которое необходимо для руководства страной в осложнившейся обстановке роста хозяйства и увеличения активности всех слоев населения,—VI пленум ЦКК РКП(б) созыва XIII съезда, признавая линию ЦК партии, в выработке которой ЦКК принимала посильное участие, целиком и полностью правильной, поручает Президиуму ЦКК детально ознакомиться с обстановкой, в которой созывается XIV съезд партии, и сделать в случае надобности соответствующие шаги к обеспечению единства партии и ленинской выдержанности в ее руководстве.
>
> Президиум ЦКК, кроме того, должен поручить докладчику от ЦКК РКП(б) на XIV съезде партии, если это будет вызываться обстановкой, сделать необходимые для сохранения ленинского единства заявления».

«Принятием этого предложения, примирившего большинство членов ЦКК, мы избежали официальной постановки всех разногласий на пленуме ЦКК. Это предложение было принято подавляющим большинством голосов, при 7 воздержавшихся. Из всего состава членов ЦКК в 150 чел. на этом заседании присутствовали, кажется, 110 человек, и из всех присутствующих только 7 человек воздержались.

«Я должен остановиться на одном обстоятельстве, которое затрагивалось в прениях и которое, мне кажется, недостаточно было освещено, это—на попытке большинства Центрального Комитета в последние дни перед съездом все же добиться единогласного, единодушного выступления на съезде от имени всего Центрального Комитета. Происходили длительные совещания, увещевания, разговоры, ночные бдения, которые, в конце концов, вылились в определенном документе, подписанном некоторыми членами Центрального Комитета, являющимися представителями

большинства. Он был подписан тт. Калининым, Сталиным, Бухариным, Рыковым, Молотовым, Рудзутаком, Томским, Ворошиловым и Дзержинским. Я его прочту.

> «Нижеподписавшиеся члены ЦК полагают, что подготовка к партийному съезду велась рядом руководящих товарищей ленинградской организации вразрез с линией ЦК партии и против сторонников этой линии в Ленинграде. Нижеподписавшиеся члены ЦК считают совершенно правильной резолюцию московской конференции как по существу, так и по форме, и полагают, что ЦК обязан давать отпор всем и всяческим тенденциям, идущим против партийной линии и дезорганизующим партию.
>
> Однако в целях единства партии, мира внутри партии, предупреждения возможной опасности отчуждения ленинградской организации, одной из лучших организаций РКП, от ЦК партии нижеподписавшиеся считают необходимым—при закреплении съездом четкой и ясной политической линии ЦК—пойти на ряд уступок. В виду этого мы вносим следующие предложения:
>
> 1. При составлении резолюции по отчету ЦК принять за основу резолюцию московской конференции, смягчив отдельные формулировки.
>
> 2. Печатание письма ленинградской конференции и ответа МК на письмо как в газетах, так и в бюллетенях, признать в интересах единства нецелесообразным.
>
> 3. Членам Политбюро не выступать друг против друга на съезде.
>
> 4. В речах на съезде отмежеваться от Саркиса (регулирование состава партии) и Сафарова (госкапитализм).
>
> 5. Ошибку насчет Комарова, Лобова и Москвина исправить организационно.
>
> 6. Решение ЦК о включении в секретариат ЦК ленинградца провести немедля после съезда.
>
> 7. В видах усиления связи с ЦО в редакционную коллегию включить одного работника из Ленинграда.
>
> 8. В виду слабости редакции «Ленинградской Правды» (тов. Гладнев) признать необходимым замену его более сильным работником, по соглашению с ЦК.
>
> (Следуют подписи).
>
> 15 декабря 1925 г.».

«Товарищи, представьте себе обстановку. Это было уже тогда, когда настроение съезда было совершенно очевидно. Съезд уже собирался. Большинство ЦК знало наверняка, что $^{6}/_{7}$, а может быть, $^{7}/_{8}$, а может быть, и больше, будут за Центральный Комитет, за его большинство. ЦК, как он это говорит в лице своих представителей в вводной части этого документа, резко осудил линию,

которая была взята меньшинством, резко осудил и считал ее дезорганизующей партию, идущей против всей партийной линии. Несмотря на это, представители большинства ЦК ради сохранения мира, ради обеспечения авторитета членам ЦК, находящимся в меньшинстве, ради нежелания перед всей страной, перед всем миром компрометировать на съезде их авторитет, низвергать их с роли руководителей партии в роль оппозиционеров, в роль содокладчиков, в роль идущих против большинства партии,—из этих побуждений представители большинства ЦК считали возможным и необходимым все же пойти на известное соглашение, на известные уступки. Только фракционная нетерпимость, только жажда борьбы могла вынудить товарищей посмотреть на этот документ, как на документ неприемлемый.

«Огромное, подавляющее большинство партии, зная о возможности своей полной победы без всяких уступок, без всяких соглашений (это было совершенно очевидно), пошло на значительные уступки меньшинству».

«Почему большинство ЦК не шло на уступки по принципиальным вопросам? Я думаю, что большинство ЦК **не только не могло, но и не имело права**, имея перед собой совершенно ясно выраженное мнение всех организаций и будущего съезда, итти на какие бы то ни было уступки по принципиальной линии. Это было бы беспринципным соглашением, это было бы именно тем, о чем говорили здесь некоторые товарищи из меньшинства,—ради каких-то комбинаций и организационных группировок отказаться от принципиально выдержанной линии. Поскольку мы привыкли, что принципиально выдержанная линия является не просто манифестом, а линией для руководства, в принципиальных вопросах уступок не могло быть. Мы считали (я принимал участие в этих переговорах и заседаниях и сочувствовал подписавшим заявление членам ЦК, помогая им в выработке этого документа), что мы можем поступиться лишь резкостью формулировок, и мы предлагали смягчить формулировки резолюции московской конференции. Мы считали, что для того, чтобы сохранить мир, для того, чтобы не обострять отношений, необходимо, чтобы воззвание ленинградской организации к московской конференции не печатались ни в «Бюллетенях», ни в газетах. Мы получили ответ, что оно уже напечатано в «Бюллетене» и что, посоветовавшись с ленинградской делегацией, тов. Зиновьев заявил, что ленинградская делегация против того, чтобы не помещать этого воззвания в газетах. Таким образом, этот пункт соглашения отпадал, и все соглашение затруднилось. Поскольку ленинградское воззвание содержало целый ряд нападок на ЦК, совершенно неизбежен и понятен был ответ московского комитета, организации, мужественно выступавшей в защиту ЦК. Мы все же предлагали, чтобы члены Политбюро не вступали между собой в борьбу на съезде, придав всей этой борьбе и дискуссии значительно более мягкий, значительно менее резкий характер. Но для этого, конечно, нужно

было сохранить принципиально выдержанную линию в тех предложениях, которые мы примем, и отмежевываться от тех явных уклонов и извращений нашей партийной линии, которые выявились в речах и оппозиции некоторых ленинградских товарищей. Больше того, ведь мы же предлагали, чтобы меньшинство, подавляющее меньшинство съезда и партии, получило определенные организационные гарантии, которые обыкновенно даются лишь значительной и внушительной части партии—участие в секретариате ЦК, с одной стороны, участие в редакции «Правды»—с другой и т. д. Это соглашение и эти уступки, которые предлагало большинство ради сохранения мира, не были приняты. Я в этих переговорах участвовал как представитель ЦКК, взяв на себя ответственность действовать от имени ЦКК, поскольку учитывал настроение большинства членов ЦКК (последующие события оправдали мою уверенность), и знал, что ЦКК в подавляющем большинстве своем оправдает предпринятые мною шаги. Участвуя в попытках большинства ЦК предотвратить разногласия, я осуществлял поручение, которое было дано мне пленумом ЦКК,—чтобы президиум ЦКК принял соответствующие меры к сохранению единства, к сохранению мира на съезде. Все же я считал необходимым отчитаться в своих действиях перед Президиумом ЦКК. Был созван Президиум ЦКК со всеми наличными в Москве членами ЦКК. Присутствовали 104 члена ЦКК и весь состав Президиума ЦКК.

«Я и тов. Ярославский подробно информировали Президиум и наличных членов ЦКК о всем происходящем у нас в партии, я доложил о попытках к миру, которые были сделаны большинством ЦК. В результате длительного обсуждения, после заслушания различных точек зрения (в нашем составе имеются и представители Ленинграда и тов. Крупская) и обмена мнений по ним мы приняли следующее постановление:

«а) Президиум ЦКК, собравшись, во исполнение постановления пленума ЦКК от 12 декабря, со всеми наличными в Москве членами ЦКК, констатирует:

1. Что представителями большинства ЦК РКП(б), при участии председателя ЦКК, были приняты меры к наиболее безболезненному изжитию возникших перед съездом разногласий, и что эти меры не привели к результатам не по вине большинства ЦК.

2. Что при создавшейся обстановке и накануне съезда Президиум ЦКК лишен возможности предпринять какие-нибудь дополнительные шаги к предотвращению борьбы на XIV съезде.

б) Во исполнение того же постановления VI пленума ЦКК Президиум поручает докладчику ЦКК созыва XIII съезда сделать в случае, если это будет вызываться обстановкой, соответствующее заявление на XIV съезде партии, руководствуясь следующими положениями:

1) ответственность за дискуссию в печати, а также за начавшуюся организационную борьбу падает на часть верхушки ленинградской организации;

2) большинством ЦК были приняты все возможные меры для наиболее безболезненного изжития возникших разногласий;

3) ЦКК созыва XIII съезда выражает полную уверенность, что XIV съезд партии положит конец возникшим разногласиям, установит твердое большевистское единство партии и обеспечит и на будущее время выдержанное ленинское руководство партии».

Результаты голосования.

а) Президиум ЦКК: 18—за, 1—против;

б) членов ЦКК: 96—за, 4—против, 4—воздержались. (Аплодисменты.)

Некоторые из воздержавшихся, в частности, тов. Розмирович, член ЦКК, подали заявление, в котором воздержание объясняют недостаточной осведомленностью. Тов. Розмирович пишет:

«Товарищу Куйбышеву.

При обсуждении вопроса о партийном единстве на совещании ЦКК перед партийным съездом я воздержалась от голосования резолюции, одобрявшей все действия ЦК, принятые для обеспечения единства партии, так как для меня не было ясно, все ли меры действительно приняты ЦК, и не сделал ли ЦК ошибки при проведении московской конференции.

Все, что произошло на съезде, и особенно поведение Каменева и других в последний решающий момент, при обсуждении и принятии резолюции по отчету ЦК, убедило меня на фактах в лицемерии Каменева и Зиновьева в вопросах единства.

Признавая свою ошибку, вытекшую из недостаточной осведомленности, прошу иметь это в виду при оглашении постановления ЦКК на партсъезде.

С коммунистическим приветом

23/XII». Е. Розмирович.

Прежде чем перейти к изложению решений съезда, необходимо сказать несколько слов, как отношение к этому делу изображается ленинградскими товарищами и самой ленинградской организацией. Передо мной лежит документ, показывающий, какую работу проделывает новая оппозиция уже после съезда партии и после всяких деклараций о том, что ленинградская делегация подчиняется, будет проводить решения съезда в жизнь и т. д. и т. п. Это—шпаргалка, распространяемая по партколлективам в Ленинграде, отпечатанная на шапирографе, которая должна служить конспектом для докладов по вопросу «линии поведения ленинградской делегации». В этой шпаргалке главным виновником всего того, что произошло на съезде, является...—кто бы вы думали?—не кто иной, как член ЦКК тов. Ярославский. Как это случилось? А вот как: (цитирую шпаргалку ленинградской оппозиции):

§ 4. Можно ли было избежать дискуссии на съезде?	**Можно.**
§ 5. При каких обстоятельствах?	**Если бы ЦК и Политбюро разрешили этот спор внутренним порядком.**
§ 6. Было ли это сделано?	**Да, это было сделано, но твердо до конца проведено не было. Было решено ЦК, чтобы вопрос принципиальный, по которому нет единодушного мнения между членами ЦК, на губпартконференции не поднимался.**
§ 7. В чем выражается нарушение?	**В выступлении тов. Ярославского по принципиальному вопросу на 22-й ленинградской губконференции в конце ее работы по вопросу о Комсомоле и уже в указанном выступлении тов. Бухарина и решении Московской губконференции.**
§ 8. Кто тов. Ярославский?	**Тов. Ярославский — член ЦКК.**
§ 9. Какие должны быть его мнения вообще, как члена ЦКК?	**Он должен быть примером в соблюдении решений ЦК партии и ЦКК.**

Это классическое бессмертное произведение ленинградских товарищей войдет тоже в историю, как образец полной растерянности и беспринципности. В самом деле, стоит только взять стенографический отчет 22-й Ленинградской губпартконференции, чтобы убедиться в том, что 2-го *декабря*, то есть *за три дня до открытия Московской губпартконференции, значит и до выступления т. Бухарина, и за 5 дней до решения Московской губконференции и до моего выступления по вопросу о Комсомоле, тоже за 5 дней, на Ленинградской губпартконференции имели место возмутительные выступления товарищей Саркиса, Сафарова и Шелавина и ряда других товарищей по принципиальным вопросам*, по которым, как оказалось, «нет единодушного мнения между членами ЦК». Разве заявление тов. Саркиса, что тов. Бухарин является ревизионистом по отношению к Ленину—это «единодушное мнение ЦК?». Разве благоглупости, которые разводились на Ленинградской губпартконференции по вопросу о госкапитализме,—единодушное мнение ЦК? Разве саркисовские бредни насчет дальнейшего роста партии—единодушное мнение ЦК? Разве шелавинское обвинение ЦК по вопросу о руководстве в армии—единодушное мнение ЦК? Разве все эти выступления не были до всякого моего выступления по вопросу о Комсомоле? По вопросу о Комсомоле я выступил 7-го декабря, а все названные речи произносились с самого начала конференции 2-го декабря. Одной этой справки достаточно, чтобы вскрыть безнадежность положения новой оппозиции, которая пытается такими неправдоподобными ссылками исказить сущность вопроса.

Неверно также и то, что на Ленинградской конференции будто бы я выступил по вопросу о Комсомоле, раз навсегда решенному. Ничего подобного. Как раз перед Ленинградской конференцией в ЦКК было передано дело о так называемой «синей папке», по которому в настоящее время уже вынесено определенное решение. Тогда это был вопрос, который я должен был поставить перед ленинградскими товарищами, ибо «синяя папка» была продолжением той неправильной линии в деле руководства ленинградской организацией Комсомола, которая проводилась ленинградским губкомом партии. Никаких решений ЦК и ЦКК я, конечно, не нарушал на Ленинградской губпартконференции, и зря пытаются задним числом найти в моих выступлениях на Ленинградской губконференции тот «повод для войны», который так нужен оппозиции, чтобы оправдать свое поведение на XIV съезде и на Ленинградской губпартконференции.

Прения по докладу тов. Куйбышева показали, что в том единственном вопросе, который новая оппозиция подвергла критике, в вопросе о том, правильно ли ЦКК поступала в деле сохранения единства партийных рядов, забыли те большевистские принципы, которыми мы всегда руководились. В самом деле, т. Сергеев ставил в упрек т. Куйбышеву и ЦКК, что на предсъездовском пленуме ЦКК не обсуждали по существу разногласий, бывших в партии, а лишь вынесли решение—«в виду определенных нападок на ЦК поручить Президиуму ЦКК собрать весь материал и выступить с определенным заявлением, где это надо будет, в целях сохранения единства».

К чему сводится этот упрек?

К тому, что несколько товарищей, Сергеев и др.,—предлагали устроить дискуссию по вопросам, которые для большинства ЦКК были совершенно ясны, по которым только у нескольких товарищей были колебания. Если это большинство ЦКК одобрило линию ЦК по основным вопросам нашей политики,—какой смысл имела бы такая дискуссия? Только один. Еще до съезда, до заслушания еще на пленуме съезда отчета ЦК, признать, что линия ЦК была вполне правильна. Разве не ясно теперь всякому, что такое решение ни в какой степени не удовлетворило бы тт. Сергеева, Бакаева, Николаеву, Крупскую и др., выступавших с критикой ЦКК в этом вопросе? Тов. Бакаев вскрыл полностью, почему оппозиция недовольна ЦКК, почему «работу ЦКК полностью ни в коем случае одобрить нельзя». Оказывается—потому, что

> «пленум ЦКК и пленум ЦК вынесли известное вам постановление, осуждающее поведение меньшинства ЦК. Я думаю, что после этого акта работу ЦКК полностью ни в коем случае одобрить нельзя. Нельзя так сделать, потому что товарищи, потому... (Шум, голос с места: «Съезд одобрит! Вы же не согласны с постановлением съезда!»), меньшинству ЦК было предъявлено серьезное обвинение. Меньшинство ЦК

обвинялось в попытке нарушить партийное единство. (Шум. Голоса: «Уже нарушили! А разве не так»?). Так вот, раз это так, то стало быть ЦКК, прежде чем наклеивать тот или другой ярлык ликвидаторства,—а вы знаете, что ликвидаторы, это были враги нашей партии,—вместо того, чтобы наклеивать аналогичные этикетки на меньшинство ЦК, ЦКК обязана была выслушать меньшинство» (XIV съезд РКП(б), Бюллетень № 11, стр. 52).

По этому поводу следует сказать, что ЦКК не заслушивала и большинства ЦК, вынося свое решение. Она руководилась своими знаниями положения дел в ЦК и определенными документами, которыми она располагала, и для нее такого знания и этих документов было достаточно, чтобы составить себе мнение о том, право ли большинство ЦК. И если подавляющее большинство (около 94%) ЦКК было уверено в том, что большинство ЦК право,—как она должна была поступать в таком случае? По мнению тов. Сергеева, председатель ЦКК товарищ Куйбышев не имел даже права вместе с большинством ЦКК присоединяться к той или другой части ЦК в оценке положения. Тов. Сергеев нарисовал картину, которая способна привести в содрогание кого угодно, но только не большевика.

В самом деле, получилась следующая картина:

> «в ЦКК участвуют в обсуждении практических и политических вопросов товарищи, которые в своей повседневной работе принимают участие на заседаниях Политбюро и других органов, и здесь уже члены ЦКК не являются теми членами ЦКК, которые должны одергивать и того и другого, а являются тоже как бы известной стороной, присоединяясь к той или, может быть, другой части ЦК (Бюллетень № 11, стр. 44).

Товарищ Сергеев вскрыл, как говорится, суть вопроса. Как поступить ЦКК, если она увидит, что существует большинство и меньшинство в ЦК, если она считает точку зрения большинства правильной? Может ли член ЦКК, присутствующий на заседании Политбюро, высказаться по существу тех вопросов, которые обсуждаются там? По мнению тов. Сергеева, не может и не должен. Повидимому, он должен записать себе в книжечку существующие разногласия, потом на досуге обдумать и придумать такую формулу, которая смазывала бы вопрос, согласуя разные мнения, а затем предложить от имени ЦКК провести именно то решение, которое она считает правильным, не решение в данном случае большинства ЦК, а какое-то половинчатое, среднее, примиряющее обе стороны. Разве такая политическая линия годится в большевистской партии, где требуется четкость линии, а не смазывание, не соглашение разных противоречивых взглядов? Разве вырабатывание по каждому серьезному вопросу своей особой политиче-

ской линии не создаст двоецентрия? Разве не обязанность члена ЦКК поддержать то мнение большинства ли, меньшинства ли, которое она считает единственно правильным? Мы, члены ЦКК так понимали этот вопрос, поэтому мы не занимались маклерством, соглашательством в ЦК партии, и, насколько помнится, на всех прошлых съездах нас за это ленинградские товарищи хвалили. Так, например, в вопросе о борьбе с троцкизмом по нашему адресу были те же самые упреки, которые нам предъявляют ленинградцы. Троцкисты чистой воды говорили то же самое, что теперь повторяли задним числом, умудренные их опытом, ленинградские товарищи. В вопросе об отношении к троцкистам мы также не были соглашателями, мы также вынесли определенное решение, осуждающее троцкизм, мы также являлись в их глазах «как бы известной стороной», присоединялись к той или, может быть, к другой части ЦК. Нас обвиняли в пристрастии, которое мы считаем в вопросах отстаивания партийной линии необходимым. Об этом я говорил на ленинградской конференции. В той борьбе, которую мы вели с троцкистами, в особенности троцкисты нас упрекали и говорили: «Вы неправильно понимаете роль, которую вам отвели. ЦКК должна быть нейтральной, в споре должна быть беспристрастной, должна находиться над обеими спорящими сторонами и постараться либо их примирить, либо сгладить те трения, которые происходят».

«Нет, товарищи,—говорил я на Ленинградской конференции,—не всегда годится сглаживание,—наоборот, иногда обязательно не сглаживать. Это одна сторона дела; другая и самая важная сторона дела заключается в том, что нейтральность по отношению к ленинизму и большевизму мы не признаем. Мы, большевики, не можем быть нейтральными в вопросах партийности, в вопросах, когда затрагивается правильность всей коммунистической линии. Мы никогда не будем нейтральными в таких вопросах. Я могу в этом заверить вас» (См. доклад на 22-й Ленинградской конференции 4/XII—1925 г. «Прибой» Ем. Ярославский—«Как работают ЦКК и РКИ, стр. 20—21).

Эти мои заявления на ленинградской конференции не встретили возражений. Товарищи тогда еще не занимали открыто той позиции, с которой они выступили на XVI съезде партии.

Другой упрек был выдвинут тов. Н. К. Крупской по адресу ЦКК. Упрек этот заключается в том, что у ЦКК не было плана.

В чем должен был быть у нас план?

А вот в чем:

> «И вот, товарищи, надо было бы, чтобы у ЦКК был определенный план, чтобы каждый член ЦКК знал, что ему надо делать для того, чтобы не создались обстоятельства чрезвычайно тяжелые для нашей партии. Такого плана у ЦКК не было. Но я должна сказать, что я признаю тут целиком и

свою собственную вину, потому что мною не был поставлен с достаточной настойчивостью этот вопрос о необходимости создания для ЦКК ясного плана, как надо отстаивать единство, какие это такие обстоятельства, которые могут повести к осложнению».

Я лично думаю, что никакого такого плана ЦКК выработать не может. В самом деле: предположим, что мы сейчас собрались после XIV съезда на пленум ЦКК и там поставили бы вопрос об этом самом плане. Какой у нас должен быть план? По моему единственный: со всей решительностью отстаивать проведение в жизнь решений XIV партсъезда, со всей решительностью поддерживать ЦК, созданный XIV съездом, следить за тем, чтобы сам ЦК не нарушал этих постановлений, чтобы никто из членов ЦК и ЦКК, никто из членов партии не нарушал этих постановлений.

Но разве для этого нужно вырабатывать особый план? Разве это не само собою разумеется? Единственно, что нужно для того, чтобы эта линия проводилась, это то, чтобы ни один член ЦКК не предпринимал каких-либо серьезных шагов в деле поддержки большинства или меньшинства, не сообщив об этом своей коллегии, то есть ЦКК в целом или ее президиуму, или секретариату. Если кто в этом отношении нарушает такой порядок, тот идет против единства.

Тов. Крупская предлагала, чтобы ЦКК не допускала таких фактов, когда идейная борьба вырождается в борьбу организационную. Правда, она признает, что и эту свою идею, и это свое мнение она отстаивала с недостаточной решительностью. Если перевести ее мысль на язык наших партийных будней, то это означает только одно: партия при подборе работников не должна считаться с идейной физиономией данного товарища. Это значило бы, что ярого фракционера какой угодно окраски, человека, скажем, проповедующего анархо-синдикалистские взгляды, мы должны были бы оставлять на работе по идейному воспитанию нашей молодежи. Должны ли мы были с этой точки зрения одобрить, как ЦКК, снятие положим, е н ч м е н и с т о в с педагогической, преподавательской, лекторской работы? Ведь это и есть то, о чем говорит тов. Крупская, когда идейная борьба влечет за собою определенные организационные выводы. По точному смыслу выражения тов. Крупской—ЦКК н е д о л ж н а б ы л а одобрять таких организационных шагов. Но Ц К К о д о б р и л а, о д о б р я е т и б у д е т о д о б р я т ь т а к и е о р г а н и з а ц и о н н ы е в ы в о д ы, п о к а о н а о с т а е т с я б о л ь ш е в и с т с к о й о р г а н и з а ц и е й, л е н и н с к о й. Никогда нас Владимир Ильич не учил такой расхлябанности, какая сквозит в подобного рода предложениях.

Третий упрек, который выдвинула тов. Крупская, совпадает с требованием, поддержанным тов. Сергеевым, Бакаевым и остальными членами оппозиции. Члены ЦКК не должны принимать уча-

стия в политическом руководстве, в выработке политической линии ЦК.

Как же в таком случае должны они держать себя, скажем, на заседании ЦК или пленума ЦК, где такая политическая линия вырабатывается?

Могут ли они принимать участие в выработке политической линии?

Было бы бессмысленно совершенно наше участие в пленумах ЦК, если бы мы такого участия не принимали в выработке политической линии. Мы неоднократно производили голосование по важнейшим политическим вопросам на пленумах ЦК и ЦКК, как относится ЦКК к тому или иному важнейшему вопросу политического руководства.

Нужно это было или не нужно?

По нашему мнению, нужно было, и впредь мы от этого не должны отрекаться. Если то или иное решение, имеющее характер важнейшей политической директивы, важнейшего политического руководства, поддерживается и ЦКК, это придает ему еще больший политический вес. Да, конечно, ЦКК берет на себя в таком случае ответственность за правильность политической линии ЦК.

А разве ЦКК имеет право отстраняться от такой ответственности?

Именно потому, что это так ясно для всей партии, речь тов. Крупской вызвала такие реплики, когда она заявляла, что тов. Куйбышев, как член партии, должен принимать участие в той или иной работе партии, но не в партийном руководстве. «Его не на то выбирали. Его выбирали для работы по ЦКК, а не для политического руководства партии. (Голоса с мест: «А вы подписывались четвертой вместе!».) (Бюллетень № 11, стр. 60—63.)

Члены ЦКК, принимавшие участие в прениях, тт. Янсон, Шкирятов, Ройзенман, Гусев и пишущий эти строки, достаточно вскрыли несостоятельность таких взглядов.

Тов. Янсон отметил, что:

«Каждый раз на этом самом месте! (Смех). Я думаю, товарищи, может быть, не всем вам известно о рассказе тов. Томского на предпоследнем пленуме ЦК о порядках в английских трэд-юнионах. Там есть в политике гермафродитского типа такой человек, который называется председателем совета трэд-юнионов. Он не имеет, видите ли, решающего голоса в делах той организации, которой он по чину руководит. Если хотят ЦКК поставить в такое же положение и в нашей партии, отнять у ее членов элементарные права, которые принадлежат каждому члену партии, то я не знаю, нашлись ли бы даже в ленинградской организации такие люди, которые захотели бы быть в рядах такой ЦКК». (Голоса: «Правильно!» Аплодисменты.)

«Ясно, что когда партия подходит к разрешению тех или других проблем, стоящих перед нею, ищет разрешения их, то каждый

член партии принимает участие в разрешении этих вопросов, каждый член партии вместе с партией ищет выхода для разрешения этих вопросов. Так оно должно и быть».

«Но понятно, ЦКК, которая поставлена в качестве органа партийного правосудия по отношению к проступкам как отдельных товарищей, так и целых организаций, безусловно должна при разрешении таких вопросов, при разрешении таких дел быть крайне объективной, крайне беспристрастной. Были ли эта объективность и это беспристрастие выдержаны до конца в данном деле, по которому приходится в настоящее время вести суждение съезду?»

«Здесь делались попытки доказывать, что необходимого беспристрастия не было. Товарищи, ЦКК вовсе не хотела брать на себя роли зачинщика в той драке, которая сейчас происходит, и не взяла. ЦКК делалось все для того, чтобы эта борьба не принимала таких форм, которые были бы вредны для партии. Но попытки ее не увенчались успехом». (Бюллетень № 11, стр. 64.)

Точно так же тов. Шкирятов достаточно правильно объяснил, почему ЦКК считала ненужным вмешательство до тех пор, покуда не была исчерпана возможность улажения разногласий внутри самого ЦК.

«Мы бы только подбавили масла в огонь к тем трениям, которые в то время происходили, и форсировали бы те события, которые вряд ли послужили бы на пользу партии. По ряду документов вы видели, что перед самым открытием XIV съезда у руководителей нашей партии было совещание для того, чтобы договориться. Но они не договорились. Тогда мы собрали президиум и обсудили только отдельные вопросы о возможности соглашения. Пусть ленинградцы не обвиняют нас, что мы все вопросы в подробностях обсуждали,—мы обсуждали только отдельные вопросы относительно недоговоренности, чтобы на этом съезде не развивать прений между руководящим ядром партии, между членами Политбюро. Кто виноват в том, что все это случилось? Меньшинство, которое вышло на съезде с содокладом и не приняло, по имеющимся у нас материалам, тех предложений, которые делало большинство. (Голос: «Не совсем-то так».) Я считаю, что мы здесь поступали правильно». (Бюллетень № 11, стр. 56.)

Тов. Гусев отметил, что:

«Все разговоры относительно независимости ЦКК от ЦК являются стремлением поссорить ЦК и ЦКК, разлучить их, развести их»; что «если мы от чего страдаем, то не от того, что у нас чересчур крепкая связь с ЦК, но от того, что она недостаточно укрепилась».

Что же сказал XIV съезд партии?

XIV съезд партии вынес резолюцию, одобренную всеми членами съезда, при воздержавшейся ленинградской делегации. В этой резолюции говорится:

«XIV съезд РКП(б) полностью одобряет деятельность ЦКК и утверждает внесенные ею предложения о работе ЦКК и РКИ.

Съезд констатирует, что в результате работы ЦКК и РКИ достигнут ряд улучшений в нашем госаппарате.

Съезд особо одобряет работу ЦКК по борьбе с засорением партии чуждыми и разложившимися элементами, в частности съезд признает правильным производившуюся ЦКК проверку непроизводственных ячеек.

Съезд одобряет занятую ЦКК позицию в вопросе об охранении единства партии и поддержке ленинской линии ЦК.

Съезд поручает новому составу ЦКК еще решительнее бороться против идейных шатаний и попыток нарушить единую волю и дисциплину партии и принять все меры, обеспечивающие последовательное и неуклонное проведение принятых XIV съездом решений». (Бюллетень № 12, стр. 62.)

Само собой разумеется, что после всех выступлений, какие были со стороны ленинградской делегации, она не могла обойтись без особой декларации. Мы еще никогда на съезде не имели такого обилия деклараций, как на XIV партсъезде. Рекорд в этом отношении побила ленинградская делегация. Это тоже одно из «достижений», которого в будущие годы ленинградская организация будет стыдиться. Вот почему, когда тов. Минин стал оглашать эту декларацию, голоса с мест кричали: «Декларация! По привычке они!».

Мы считаем необходимым привести и эту декларацию:

> «Ленинградская делегация воздерживается при голосовании вынесенной резолюции и считает необходимым сделать следующее заявление:
>
> 1. Руководители большинства ЦКК не проявили самой минимальной объективности, наоборот, обнаружили величайшую односторонность. Это выразилось: а) в участии руководящей верхушки ЦКК (тов. Куйбышев) в выработке московской резолюции, впервые создавшей подлинную угрозу единству партии, б) в одностороннем использовании документов, совершенно непроверенных (письма Тагунова, Ланде, Ф. Иванова) и опубликовании их до проверки их содержания, в) в стремлении обратить все, что только возможно, против меньшинства, вплоть до искажения в речах ответственных представителей ЦКК партийных документов (Ярославский) и т. д., и т. д.
>
> 2. Подобный образ действий идет вразрез с теми ответственнейшими задачами, которые ставил перед ЦКК тов. Ленин в целях сохранения и укрепления единства партии.
>
> 3. Вместе с тем развившаяся за последнее время система писем, использования частных разговоров, личных сообщений, когда всем этим пользуются без всякой проверки, и объявляются все эти сообщения сразу вполне достойными веры, причем авторы подобных сообщений и писем берутся тут же под особое покровительство (Ланге, Тагунов), не может не

привить в партии самые нездоровые и до сих пор немыслимые обычаи.

Все это вместе взятое стоит в прямом и резком противоречии как с основами внутрипартийной демократии, так и со всем строем и характером нашей большевистской ленинской партии.

С. Минин.

26 декабря 1925 года».

(Бюллетень № 12, стр. 62—63.)

Председательствующий на съезде должен был, однако, и тут отметить исключительное поведение ленинградской делегации:

«Председательствующий. Я, как председатель на настоящем собрании, должен заявить следующее: первый пункт резолюции, оглашенной тов. Сулимовым, гласит: «XIV съезд РКП полностью одобряет деятельность ЦКК»... После ее оглашения мною был задан вопрос: есть ли к этой резолюции изменения или дополнения? Никаких дополнений не поступило. Это означает, что против этого пункта никто из присутствующих в этом зале не возражает. И, несмотря на это, съезду было оглашено услышанное вами заявление, отрицающее полностью этот пункт. Я считаю, что поскольку после моего вопроса не были внесены поправки, это значит, что таковых по существу не имеется. Заявление, которое было заслушано после требования с моей стороны о внесении поправок в резолюцию, мы должны рассматривать по существу, как к данной резолюции не относящееся». (Аплодисменты, крики: «Правильно!»).

Нет надобности доказывать, что ЦКК нового состава не должна менять своей линии в основном. Мы начинаем свою работу в обстановке больших экономических трудностей, трудностей роста. Политический кризис, созданный выступлением оппозиции на XIV партсъезде, будет давать себя знать еще втечение некоторого времени. Своим выступлением новая оппозиция нанесла тягчайший удар делу единства нашей партии. Счастье наше в том, что партийная масса ленинградской организации быстро отрезвляется, быстро осознает ошибку своих вождей и от этой ошибки отмежевывается. Мы уверены в том, что в ближайшее время эта ошибка будет исправлена. ЦКК всемерно должна помогать исправлению этой ошибки, но ЦКК не может и не должна в этом вопросе отступать от той единственно правильной линии, которую она защищала до сих пор.

„Надо ли было выносить все такие споры на широкую дискуссию? Заниматься этим бездельем? Занимать нужные для нас недели перед партийным съездом?"

Ленин, т. XVIII, стр. 22.

„Возьмите вопрос о пользе „широкой дискуссии". Здесь мы увидим тоже, как политические ошибки отвлекают от хозяйственных задач. Я был против так называемой „широкой" дискуссии, и ошибкой, политической ошибкой тов. Троцкого считал и считаю срыв им профкомиссии, в которой должна бы была пойти деловая дискуссия".

Ленин, т. XVIII, стр. 53.

ПАРТИЯ НЕ ПОВТОРИТ ОШИБКИ 1920 г.

Трудности роста, которые переживает в настоящее время вся страна и вся партия, и опасности войны, нависшие над СССР, неслыханно обострили в нашей партии борьбу оппозиции. Все пущено в ход, чтобы дискредитировать партию и ее центральные органы: явно антипартийные платформы с нападками, заимствованными от классовых врагов; петиционная кампания, тоже направленная против партии, жалкая и показывающая полное бессилие и отсутствие сколько-нибудь серьезного влияния оппозиции в партийных массах; устройство подпольных собраний, фракций, групп; попытки привлечь на свою сторону беспартийных; организация «опорных» пунктов в «лево-коммунистических» группах в Западной Европе (в Германии—Рут Фишер, Маслов, Урбанс; во Франции—Суварин).

Однако, уже сейчас совершенно ясно, что партия остается единодушной в отпоре оппозиции. И это лучше всего показал объединенный пленум ЦК и ЦКК. Нельзя брать вполне всерьез заявление самой оппозиции, что она является «левым, пролетарским ленинским крылом». Вся ее установка дает опору правым как внутри СССР, так и вне. Достаточно взглянуть на состав тех, кто подписал заявление 83-х (огромное преобладание категорий «служащих и прочих» над рабочими), чтобы видеть полное несоответствие социального состава этой группы, названной «пролетарским крылом», особенно, если сравнить с социальным составом ВКП(б), в несколько раз более пролетарским, чем оппозиция. Достаточно невооруженным глазом взглянуть на грубейшие антиленинские выпады оппозиции, чтобы понять, какое кощунство совершают люди, прикрываясь здесь именем «ленинского крыла» большевистской партии. Тем не менее оппозиционные группы считают, что мы обязаны поставить за несколько месяцев до съезда все выдвигаемые ими вопросы на широкую дискуссию перед партией «примерно, за 2—3 месяца до XV съезда», причем партия должна обеспечить различным оппозиционным группам широкое опубликование всяких платформ, тезисов в «Правде» или приложении к «Правде» и т. п.

Несмотря на то, что мы имели необычайно тяжелый опыт дискуссии 1920—21 годов и 1923—24 годов, в особенности «дискуссии по платформам», находятся в нашей партии товарищи, которые не прочь пожалеть о «добром старом времени», когда

происходили эти «дискуссии по платформам». Подписавшие буферную платформу—Шкловский, Каспарова, Овсянников и другие—вспоминают даже то время, когда мы были в одной партии с меньшевиками и устраивали дискуссии по платформам; при этом делается ссылка на Ленина, будто бы «инициатива в подобных случаях исходила обычно от самого тов. Ленина».

Против этого утверждения мы должны протестовать самым решительным образом, потому что это есть попытка приписать Ленину то, против чего он резко боролся. Ссылаются на брестскую дискуссию. По поводу кризиса партии брестского периода Ленин писал: «Гарантией того, что мы себе на этом вопросе шею не сломаем, является то, что вместо старого способа решения фракционных разногласий,—старого способа, который состоял в необыкновенном количестве литературы, дискуссий, достаточном количестве расколов,—вместо этого старого способа события принесли людям новый способ учиться. Этот способ—проверка всего фактами, событиями, уроками всемирной истории». (Протоколы VII съезда ВКП(б). Подчеркнуто нами. *Е. Я.*)

Где же здесь видно, что Ленин стоял за дискуссию, да еще «по платформам»? Откуда следует, что Ленин был за «издание необыкновенного количества литературы», и пр., и пр.? Наоборот, Ленин считал, что это есть никуда негодный старый способ решения фракционных разногласий, но предлагал новый способ—учиться проверять фактами, событиями, уроками всемирной истории. Что это значит? Это значит, что если Центральный Комитет вел или ведет линию неправильную, то съезд партии, его высшие законодательные органы на основе опыта, на основе «проверки фактами, событиями, уроками всемирной истории» обязаны исправить линию Центрального Комитета или, если надо, изменить его состав; а вовсе это не значит, что Ленин стоял за дискуссию.

Ну, а как же дискуссия 1920—21 годов? Разве Ленин не стоял за эту дискуссию? Кое-кто действительно воображает и изображает дело так, что Ленин был чуть ли не инициатором дискуссии 1920—21 годов, или, во всяком случае, он не только не имел ничего против дискуссии, а даже ее поощрял. На самом же деле дискуссия произошла вопреки воле Ленина.

Мы считаем необходимым напомнить все то, что говорил и писал Ленин по поводу дискуссии 1920—21 годов, потому что именно тогда дело дошло до использования наших трудностей, когда люди стали «бедственное положение страны эксплоатировать для знамени, которое может стать знаменем Кронштадта, только Кронштадта». Кто бросил это обвинение по адресу «рабочей оппозиции»? Никто другой, как тов. Троцкий. Это именно он по адресу «рабочей оппозиции» говорил: «Поставить себя в положение «мы» и «они»,—с одной стороны ЦК, а с другой стороны вот такие

факты поставить,—это уже будет значить бедственное положение страны, эксплоатировать для знамени, которое может стать знаменем Кронштадта, и только Кронштадта». Тов. Троцкий понимал тогда, что «всякие заявления в таком роде «мы» и «они», где заявляющие выступают перед лицом широких партийных и беспартийных масс, придают критике характер и тон такого свойства (слушайте, слушайте! *Е. Я.*), что она неизбежно и немедленно становится материалом в руках нашего классового врага». Вот уже несколько лет, как все трудности, какие мы переживаем, все, что можно использовать для обострения борьбы против ЦК, против линии партии, тов. Троцкий и его единомышленники «эксплоатируют для знамени, которое может стать знаменем»... не решаемся гадать кого,—об этом следует подумать прежде всего оппозиции. Но когда сейчас оппозиция ссылается в своей деятельности на Ленина, позвольте вам сказать, дорогие товарищи, что вы на Ленина клевещете. Ленин был против «широкой» дискуссии.

Как обстояло дело? Когда на V всероссийской конференции профсоюзов 2—6 ноября 1920 года тов. Троцкий стал защищать свои ошибочные взгляды о построении профсоюзов, проводить в них военную точку зрения, переносить на профсоюзы худшее, что можно было усвоить из военного опыта; когда тов. Троцкий потребовал «перетряхнуть с песочком» сверху профсоюзы, вопрос был поставлен на пленуме ЦК 9 ноября. Тогда тов. Троцкий внес черновой набросок тезисов: «Профсоюзы и их дальнейшая роль». На этом пленуме возникла буферная группа, куда вошел сначала вместе с Бухариным и Зиновьев. «Буфер» вынес постановление,—не выносить на широкое обсуждение разногласий. «Буфер» отменил доклад Ленина на собрании профсоюзов, вместо Ленина назначил докладчиком Зиновьева, считая, что Зиновьев сделает «деловой и не полемический доклад». Центральный Комитет выбрал профсоюзную комиссию, в которую включил и тов. Троцкого. «Троцкий отказывается работать в ней, и только этим шагом вносится преувеличение в первоначальную ошибку тов. Троцкого, ведущую в дальнейшем к фракционности». (Ленин. Кризис партии. Т. XVIII, стр. 30).

24 декабря 1920 года Центральный Комитет разрешил свободу дискуссии. Ленин был против этой дискуссии. Ленин признает, что формально Троцкий имел право выступать со своей платформой, а «с точки зрения революционной целесообразности это было уже громадным преувеличением ошибки, созданием фракции на ошибочной платформе». (Подчеркнуто нами. *Е. Я.*).

«Надо ли было,—спрашивает Ленин,—выносить все такие споры на широкую дискуссию? Заниматься этим бездельем? Занимать нужные для нас недели перед партийным съездом?» Ленин считает, что все вопросы, которые поднял тов. Троцкий, «мы разрешили бы деловито в цекистской комиссии».

Комиссия, по мнению Ленина, означала «переход от интеллигентских разговоров, от пустых разногласий к деловой работе». По поводу того, что Троцкий ушел из комиссии, сорвал ее, не желал в ней работать, Ленин говорит: «Такой прием, как срыв комиссии, является бюрократическим, несоветским, несоциалистическим, неправильным, политически вредным».

Вы подумайте только над этой характеристикой, которую тогда Ленин дал приемам Троцкого: бюрократический прием—это прием тов. Троцкого; несоветский прием—это прием тов. Троцкого: несоциалистический прием, неправильный, политически вредный—можно ли было сильнее заклеймить поведение тов. Троцкого, как это сделал Ленин! Несмотря на все разговоры тов. Троцкого против бюрократизма и против чванства, Ленин отмечал, что именно эти черты выпятились вовсю в поведении т. Троцкого. «Есть,—говорил Ленин на дискуссионном собрании фракции РКП(б) VIII Съезд советов 30 декабря 1920 года, есть ценный военный опыт: героизм, исполнительность и прочее: есть худое в опыте худших элементов из военных: бюрократизм, чванство. Тезисы Троцкого, вопреки его сознанию и воле, оказались поддерживающими не лучшее, а худшее в военном опыте». (Т. XVIII, стр. 23.)

Ленин возвращается к этой мысли вновь и вновь. В статье «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тов. Троцкого» Ленин снова напоминает:

«Я был против так называемой «широкой» дискуссии, и ошибкой, политической ошибкой тов. Троцкого считал и считаю срыв им профкомиссии, в которой должна бы была пойти деловая дискуссия».

Ленин обрушивается в особенности на «буфер»: именно с точки зрения «буфера» участники его должны были с бешеной энергией выступить против широкой дискуссии, за перенесение дискуссии в профкомиссию.

Ленин следит за результатами этой дискуссии, он проверяет, был ли он прав, высказываясь против дискуссии.

«Сегодня,—пишет он 21 января,—ровно месяц прошел со дня фракционного выступления тов. Троцкого, когда партия была отвлечена этим нецелесообразным по форме неправильным по существу выступлением от деловой, практической, хозяйственной, производственной работы, отвлечена рядом неправильных политически и теоретически ошибок,—это видно уже теперь с очень большой ясностью». (Т. XVIII, стр. 70).

Но, может быть, на X съезде партии Ленин убедился в том, что была польза от этой дискуссии, что мы поступили хорошо?

> «Товарищи!—говорил он,—мы в этом отношении пережили год исключительный, мы позволили себе роскошь дискуссии и спор внутри нашей партии. Для партии, которая окружена врагами, могущественнейшими и сильнейшими врагами, объединяющими весь капиталистический мир, для партии, которая несет на себе неслыханное бремя,—эта роскошь была поистине удивительна».

Что же, разве теперь такое время, что мы можем позволить себе «роскошь дискуссии»? Можем позволить себе отвлечь всю партию «этим нецелесообразным по форме и неправильным по существу выступлением» оппозиции от деловой, практической, хозяйственной, производственной работы? Ленин считал, что все вопросы, которые ставят отдельные члены партии и отдельные члены ЦК, должны деловым образом прорабатываться, особенно перед съездом, в цекистской комиссии. У нас есть такие цекистские комиссии, например, деревенская комиссия. Почему члены оппозиции, если они имеют какие-либо деловые предложения, не могут их защищать в этой комиссии? Почему не мог защищать тов. Белобородов, который подписал платформу 83-х, свои предложения по вопросу о составе советов в той самой комиссии, которую он чуть ли не возглавлял и, во всяком случае, играл в ней одну из решающих ролей? Мы утверждаем, что в большинстве случаев оппозиция не вносит ни одного практического, делового предложения в те или иные комиссии ЦК, что она их не знает, что она почти не участвует в деловой работе Центрального Комитета, будничной, черновой, подготовительной работе по изучению опыта работы, что она ни разу не пыталась деловым образом защищать свои взгляды в этих комиссиях.

Ссылаются на Ленина: Ленин-де советовал детально изучать, раз возникла дискуссия, все документы. Однако, ведь Ленин-то был против того, чтобы опубликовывать такие платформы, как платформа Троцкого, ведь он считал это политически вредным, ведь он заклеймил такой способ работы, такой прием, как «бюрократический, несоветский, несоциалистический, неправильный, политически вредный». А у нас находятся люди, которые ссылаются на Ленина в оправдание таких шагов.

Ленин прямо издевался над изобилием всякого рода платформ, которые возникли в 1920 году.

> «В этой дискуссии,—говорил он на X съезде,—мы получили ряд платформ, их было так много, что я, например, хотя по должности и обязан был их читать, боюсь, что погрешил, и не все их прочитал. Я не знаю, все ли присутствующие были так

свободны, чтобы их читать... Мы на несколько месяцев оказались такими роскошествующими, что увлеклись изучением оттенков мнений». (Подчеркнуто везде нами. *Е. Я.*)

Что это, как не насмешка над множеством платформ? Что это, как не признание самого Ленина, что он даже не прочел всех этих платформ, что он считал роскошью изучение оттенков мнений?

Больше того, Ленин старался сорвать дискуссию, когда она уже началась. На заседании X съезда 14 марта 1921 года Ленин говорил:

> «Тов. Троцкий меня упрекал на дискуссии в Большом театре перед ответственными работниками, что я срывал дискуссию. Я это зачисляю себе в комплимент. Я старался сорвать дискуссию в том виде, как она прошла, потому что такое выступление перед тяжелой весной было вредно, это только слепым было не видно».

Так и теперь: только слепым не видно, какой величайший вред несет новая дискуссия в это тяжелое время. И когда нам говорят, что мы срываем дискуссию, мы заявляем, помня отношение к этому вопросу Ленина: «да, мы зачисляем себе в комплимент этот упрек, что мы стараемся сорвать дискуссию в таком виде, как нам ее навязывают. Мы, вместе с Лениным, считаем политически вредным, несоветским, несоциалистическим, неправильным в этот момент ставить партию перед дискуссией за 3—4 месяца до съезда. «Мы—не дискуссионный клуб,—подчеркнул Ленин на X съезде,—а от нас оппозиция требует, чтобы мы превратились в дискуссионный клуб: она пытается превратить партию в дискуссионный клуб».

Больше того: Ленин считал, что даже перенесение тех разногласий, которые были у нас в 1920 г., на партийный съезд было величайшей вредной ошибкой. Ленин считал, что внутри цекистской комиссии можно было бы и нужно было бы обсудить эти вопросы. В брошюре «К V Всероссийской конференции профсоюзов» Ленин писал:

> «Подытоживая все то, что имеется по этому вопросу, я должен сказать, что вынесение этих разногласий на широкую партийную дискуссию и на партийный съезд (подчеркнуто мною. *Е. Я.*) есть величайшая ошибка, политическая это ошибка. В комиссии и только в комиссии мы бы имели деловое обсуждение и двигались бы вперед, а сейчас мы идем назад, и несколько недель пойдем назад, к абстрактным теоретическим положениям, вместо делового подхода к задачам. Что касается меня, то мне это надоело смертельно, и я с величайшим удовольствием от этого удалился бы, независимо от болезни, я готов спастись куда угодно».

Мы подчеркнули последние слова Ленина. Когда теперь оглядываешься назад и вдумываешься в эти слова, чувствуешь, какую боль переживал Ленин в эти мучительные недели широкой «дискуссии по платформам», которые так нравятся нашим «демократам», нашим оппозиционерам всех толков. Когда думаешь о том, что Ленин был переутомлен работой, чувствуешь в этих его словах о том, что ему смертельно надоело, что он с величайшим удовольствием удалился бы, независимо от болезни, что он готов спастись куда угодно от этой дискуссии,—чувствуешь, как много сил отняла эта дискуссия у Ленина. Кто знает то время, когда т. Троцкий и его сторонники рыскали по городам и ячейкам, раздирали партию на части, трепали партию в бешеной дискуссионной лихорадке, они отнимали силы у партии, отнимали силы у Ленина, которому все это «надоело смертельно».

Не думали ли вы, дорогие товарищи из оппозиции, что и вы сами, и все ваши дискуссионные платформы надоели смертельно всей партии?

Если Ленин считал какую-нибудь мысль важной, если он хотел, чтобы эта мысль была усвоена крепко партией, он настойчиво, еще и еще раз, возвращался к этой мысли. Так, Ленин перед X съездом настойчиво вдалбливает партии мысль, что «политический руководитель отвечает не только за то, как он руководит, но и за то, что делают руководимые им. Этого он иногда не знает, этого он часто не хочет, но ответственность ложится на него» (т. XVIII, стр. 20). А через две страницы он дважды настойчиво повторяет: «Политический руководитель отвечает не только за то, как он руководит, но и за то, что делают руководимые им». Эти повторения в речах и статьях Ленина придают им характер исключительной настойчивости, убедительности и убежденности, мысль Ленина овладевает, захватывает. Таковы его речи и статьи об отношении к середняку, такова его поистине глубокая статья «Лучше меньше, да лучше». Таковы же его речи и статьи о вреде широких дискуссий перед X и на X съезде. И тогда находились люди, которые, подобно Троцкому, упрекали Ленина в том, что он «срывает дискуссию». И тогда находились товарищи, которые уверяли, что Ленин запугивает, терроризирует партию криками об опасности дискуссии. Мало того, что Ленин считал дискуссию «непомерной роскошью». «От себя же лично я не могу не добавить,—говорит Ленин,—что, на мой взгляд, эта роскошь была, действительно, совершенно непозволительной (совершенно непозволительной, дорогие товарищи! *Е. Я.*), и что, допустив такую дискуссию, мы, несомненно, сделали ошибку». (Речь на X съезде).

Когда Ленин в 1920 г., за несколько месяцев до кронштадтского мятежа, говорил: «Смотрите, тут есть угроза господству рабочего класса и диктатуре рабочего класса», оппозиционеры

отвечали Ленину: «Это способ запугивания, вы нас терроризируете». А на деле мы пришли на X съезде к Кронштадту.

Оппозиционеры могут сказать: «Пожалуй, Ленин был прав в 1920 г., когда он был против широкой дискуссии, когда он указывал на ее вред, считал ее непомерной, непозволительной роскошью. Но ведь тогда речь шла только о профсоюзах». Конечно, это не так. Конечно, под оболочкой споров о профсоюзах шли споры о таких вещах, которые, будучи неправильно решены, представляли угрозу диктатуре пролетариата. Да и тов. Троцкий позднее понимал это, когда он выступил с «новым курсом». «Сейчас,—писал он,—когда мы имеем возможность оглянуться на эту эпоху в целом и осветить ее всем последующим опытом, становится совершенно очевидным, что спор шел вовсе не о профсоюзах и даже не о рабочей демократии: через посредство этих споров находило свое выражение глубокое недомогание партии, причиной которого был слишком затянувшийся хозяйственный режим военного коммунизма». «Глубокое недомогание!». Ленин говорил резче. Более того: Ленин требовал, чтобы мы не допускали в партии оппозиции: «Сплочение партии, недопущение оппозиции в партии—политический вывод из современного момента». Недопущение оппозиции! Вы не согласны, товарищи из оппозиции? Тогда надо ревизовать Ленина, чем вы и занимаетесь.

Конечно, тов. Троцкий и тогда не замечал фракционности своих выступлений. Ленин считал, что тов. Троцкий создавал фракцию в 1920 году. Ленин возмущался тогда выходкой тов. Троцкого:

> «Подумайте только,—писал он,—после двух пленумов ЦК—9 ноября и 7 декабря, посвященных неслыханно подробному, долгому, горячему обсуждению первоначального наброска тезисов тов. Троцкого и всей защищаемой им политики партии в профсоюзах, один член ЦК остается одним из 19, который подбирает себе группу вне ЦК и с «коллективным» «трудом» этой группы выступает как с «платформой», предлагая партсъезду «выбирать между тенденциями».

Жизнь ничему не научила тов. Троцкого. Он и после смерти Ленина, на всяком повороте борьбы СССР, подбирает себе группы не только вне ЦК, но и вне Коминтерна (группа Урбанса—Рут Фишер—Маслова). Он и теперь составляет против партии (и Коминтерна) коллективные «платформы» и предлагает «выбирать между двумя тенденциями». Он действует так, как действовали мы, будучи в одной партии с меньшевиками—в РСДРП.

> «Чтобы пояснить нам более наглядно, в чем была сущность фракционности, надо вспомнить конкретные условия хотя бы 1906—1907 годов. Партия тогда была едина, не

было раскола, но была фракционна, т. е. на деле существовало в единой партии две фракции, две отдельные организации. Рабочие организации внизу были едины, но по каждому серьезному вопросу две фракции выработали две тактики»... (Ленин, «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве»).

Мы утверждаем, что оппозиция фактически, на деле к этому ведет партию. Она тащит партию назад, к фракционности, к расколу.

11 декабря 1923 г. т. Зиновьев говорил на собрании бюро ячеек и активных работников московской организации о том времени, когда мы были с меньшевиками в одной партии и составляли в ней фракцию. «В те времена,—говорил Зиновьев,—мы иногда прибегали к таким способам борьбы против меньшевистского ЦК, к которым пробуют прибегать иные из наших критиков». «Иные из наших критиков», тов. Зиновьев,—это теперь вы сами и ваши единомышленники. «Так, например,—рассказывает тов. Зиновьев,—мы поступали следующим образом: тов. Ленин писал письмо в объединенный ЦК, в котором камня на камне не оставлял из меньшевистской политики тогдашнего большинства ЦК. А затем мы, большевики, брали это письмо т. Ленина, распространяли его в районах среди членов партии и таким образом мобилизовали общественное мнение против господ меньшевиков». Тогда, в 1923 году (и даже в 1925 году), т. Зиновьев понимал, что «такие приемы не могут быть терпимы в нашей большевистской партии и в нашем большевистском ЦК». «Пусть себе зарубят это на носу нынешние наши критики»,—предупреждал тов. Зиновьев. Хорошо было бы, если бы он сам покрепче зарубил это себе на носу и на носу других своих сегодняшних единомышленников: «Такие приемы не могут быть терпимы в нашей большевистской партии и в нашем большевистском ЦК».

Почему они нетерпимы, эти приемы? Вопервых, потому, что у нас не меньшевистская партия. Вовторых, потому, что у нас диктатура пролетариата в стране с преобладающим крестьянским населением. «Допустить фракционность и группировки в нашей партии теперь означает допустить в зародыше два правительства, т. е. допустить раздвоение пролетарской диктатуры, т. е. подготовить гибель пролетарской диктатуры». («За партию», № 3, стр. 7. Издание МК РКП 1923 г.). Так говорил еще недавно т. Зиновьев.

Тов. Зиновьев в конце 1923 года протестовал против троцкистов: «Теперь в нашем ЦК совсем маленькое меньшинство хочет восстановить нравы тех времен, когда мы имели объединенный ЦК, в котором сидели меньшевики и большевики».

В 1926—27 гг. тов. Зиновьев сам присоединился к этому «самому маленькому меньшинству» и хочет «возродить нравы тех времен». Этого партия ни ему, ни кому другому не позволит! Потому что, как правильно говорил тогда Каменев, «эта свобода группировок ведет к расчленению государственной власти, и только безответственные люди, только те, которые не понимают соотношения нашей партии и государственной власти, могут играть этим и об этом много говорить».

Какие же выводы сделал Ленин в 1921 году из этой «дискуссионной лихорадки»? Какие предложения сделал Ленин партии? Может быть, он советовал нам мягче, терпимее относиться к оппозиции? Ведь есть же у нас «буферно» настроенные люди, которые думают, что все дело в вежливом обращении одних и в «грубости» других.

Ленин внес на X съезде резолюции: одну, осуждавшую анархо-синдикалистский уклон («рабочей оппозиции»), и другую—о единстве партии. В первоначальном наброске, написанном рукою Ленина (институт Ленина, рукопись № 2139), несколько измененном в окончательной редакции, принятой съездом, первый пункт говорит о необходимости единства и сплочения всех сил партии. Пункт 2 предложения дает ленинское определение фракционности: «Еще до общепартийной дискуссии о профсоюзах в партии обнаружились некоторые признаки фракционности, т. е. возникновения групп с особой платформой и с стремлением до известной степени замкнуться в свою групповую дисциплину...»

Едва ли надо теперь доказывать, что все эти (Лениным формулированные) признаки фракционности налицо у оппозиции. Мы приводили в статье «Новое и старое в новой оппозиции» ряд фактов, свидетельствующих о подпольной работе оппозиции. Ленин требовал, чтобы все сознательные рабочие ясно сознали вред и недопустимость какой бы то ни было фракционности, «которая неминуемо ведет на деле к ослаблению дружной работы» и «к усилению контрреволюционных попыток использовать борьбу внутри партии». Ленин на фактах, связанных с кронштадтским мятежом, предупреждал, что даже «белогвардейцы стремятся и умеют перекраситься в коммунистов, и даже наиболее левых коммунистов, лишь бы ослабить и свергнуть оплот пролетарской революции в России». Ленин предлагал разъяснять рабочим опыт других революций, «когда контрреволюция поддерживала наиболее близкую к крайней революционной партии оппозицию в ней, чтобы поколебать и свергнуть революционную диктатуру, открывая тем дорогу для дальнейшей полной победы контрреволюции, капиталистов и помещиков». Ленин решительно осуж-

дал попытки обсуждения на основе какой-либо «платформы» те или иные, мнимые или действительные, ошибки партии. Ленин требовал от критиков партии: «Всякий, выступающий с критикой, должен, кроме того, по форме критики учитывать положение партии среди окружающих ее врагов...». Ленин предложил «распустить все без изъятия образовавшиеся на той или иной платформе группы». «Неисполнение этого постановления съезда должно влечь за собою безусловное и немедленное исключение из партии».

Надо ли доказывать, что все это предложение Ленина, все эти мысли Ленина затоптаны в грязь оппозицией, оплеваны, забыты?! «Надо иметь мужество смотреть прямо в лицо горькой истине. Партия больна. Партию треплет лихорадка». И вот, если такие врачи, как Троцкий, берутся лечить партию, мы всегда опасаемся, как бы не загубил этот человек партию попытками вновь и вновь трясти партию дискуссионной лихорадкой!

Вместе с троцкистами и тов. Троцким теперь подвизаются люди, еще недавно считавшие его полуменьшевиком, а троцкизм—разновидностью меньшевизма,—тт. Зиновьев, Каменев, Бакаев. Эти люди недавно еще нас считали «полутроцкистами»» за то, что мы не были согласны с предлагавшимися ими партийными репрессиями по отношению к тов. Троцкому и троцкистам. Тов. Каменев, на вопрос о том, чего не делать, выдвигал первым требованием: «не создавать на повороте, который проделывает партия, группировок, все равно—фракционных или нефракционных».

Ленин на X съезде поставил вопрос более резко: «Будем ли мы еще терять время на такие оппозиции в партии? Мне кажется, что довольно об этом дискуссировать...». «Не надо теперь оппозиции, товарищи. И я думаю, что партийному съезду придется этот вывод сделать, придется сделать тот вывод, что для оппозиции теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиций». Видите, как ставил вопрос Ленин: не только оформленных фракций, но и оппозиций довольно!

На X съезде партии Ленин предложил исключительную меру на будущее в целях сохранения единства партии и строжайшей дисциплины. Мы приводим здесь текст пункта 7 первоначального проекта резолюции о единстве партии.

> «7. Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и во всей советской работе добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, съезд дает Центральному комитету полномочие применять в случаях нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК—перевод

их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии.

Условием применения к членам ЦК, кандидатам в ЦК и членам Контрольной Комиссии такой крайней меры должен быть созыв пленума ЦК с приглашением всех кандидатов в ЦК и всех членов Контрольной Комиссии. Если такое общее собрание наиболее ответственных руководителей партии двумя третями голосов признает необходимым перевод члена ЦК в кандидаты или исключение из партии, то такая мера должна быть осуществлена немедленно».

Применял ли Ленин этот пункт, эту крайнюю меру? Дважды применял. Правда, оба раза не хватило $^2/_3$ голосов, чтобы провести эту меру в жизнь. Но когда тов. Шляпников жаловался, что над ним суд в ЦК устраивали, Ленин дал резкий отпор: «Мы зря судов в ЦК не устраиваем».

Почему же после смерти Ленина, когда партия пользуется законным своим правом применять к нарушителям партийного единства, к организаторам троцкистской и других фракций, к злостным дезорганизаторам партии, к авторам антипартийных выступлений это предложение Ленина, подымаются крики о неленинских приемах борьбы и прочее и прочее? Почему те, кто считает себя ленинцами, да еще «ленинским пролетарским левым крылом партии»,—против применения решения, предложенного Лениным? Только потому, что это решение X съезда обращено теперь против них, как против дезорганизаторов, раскольников, фракционеров. Если бы дело обстояло иначе, эти же люди применяли бы решение X съезда с наибольшей беспощадностью.

Вот почему платформа 15-ти («левейших»—сапроновцев) требует отмены решения X съезда. Вот почему на собраниях оппозиционеры вносят теперь предложения отменить решения X съезда. Вот почему вдохновляемый вождями оппозиции член партии Марзан (бывш. анархист, яч. Госторга) заявил в замоскворецкой РКК, что, «как честный большевик, вынужден применять к сторонникам большинства ЦК такие же методы борьбы, какие применял тов. Ленин к меньшевикам, будучи в одной с ними РСДРП». (Обзор МКК.)

Пленум ЦК и ЦКК не имеет никаких оснований ни пересматривать решения X съезда партии, в основном повторенные решениями XI—XIV съездов и ряда конференций и пленумов ЦК и ЦКК, ни отказываться от их применения по отношению к новой оппозиции.

Но ведь Ленин и во время дискуссии перед X съездом, хотя и был против нее, указывал на то, что когда верхи лихорадят, их должны исправлять своей критикой, своим мнением массы рядовых членов партии. Для этого они должны, если дискуссия решена партией, иметь перед собою точно формулированные взгляды раз-

личных течений в партии, если такие обнаруживаются, если существуют такие примерно разногласия с оппозицией, как теперь.

Обеспечивает ли это партия?

На это дают ответ решения о подготовке к XV партсъезду, принятые объединенным пленумом ЦК и ЦКК.

Партия обеспечивает печатание контртезисов, если они будут представлены оппозицией, в «Дискуссионном листке» при «Правде» (в согласии с решениями партсъездов). Партия обеспечивает обсуждение вопросов порядка дня съезда на партсобраниях и в печати.

Само собою разумеется, что партия требует прекращения антипартийных выпадов и обвинений по адресу партии, ее руководящих органов и Коминтерна; она требует, чтобы полемика велась «в строго товарищеских деловых рамках, без обострения и преувеличений».

Оппозиция на пленуме была недовольна тем, что устав партии такой маленький срок предоставляет страстным любителям дискуссии: они бы хотели, чтобы за 2—3 месяца до XV съезда (который назначен на 1 декабря) мы начали дискуссию. Мы не сомневаемся, что отдельные попытки навязать дискуссию раньше, чем решил пленум ЦК и ЦКК, встретят достаточно решительный отпор.

Партия помнит печальный опыт дискуссий 1920—21 и 1923—24 гг. Партия не должна повторять и не повторит этого опыта.

СОДЕРЖАНИЕ.

1 руб.

28049

О ТРОЦКИЗМЕ

И. Сталин. Об очередных задачах партии. М. 1923. Стр. 29. Ц. 20 коп.

Содержание. О дискуссии, о тов. Рафаиле, о статьях тт. Преображенского, Сапронова и о письме тов. Троцкого. О задачах партии. Доклад о партийном строительстве на расширенном собрании Красно-Пресненского Районного Комитета 2 декабря 1923 г.

И. Варейкис. Внутрипартийные разногласия. (Отношение партии к троцкизму.) М.—Л. 1925. Стр. 104. Ц. 60 к.

Оглавление. Предисловие. Исторический смысл нового выступления т. Троцкого. Большевизм—меньшевизм — троцкизм. О движущих силах русской революции и теории „перманентной революции". К внутрипартийным разногласиям 1923 года. Заключение. Приложения: 1. Резолюция пленума ЦК РКП (б) и ЦКК от 17/I—25 г. по поводу выступления т. Троцкого. 2. Письмо т. Троцкого пленуму ЦК ВКП (б).

Ленин о Троцком и троцкизме. Л. — М. 1925. Стр. 176. Ц. 50 коп.

Оглавление. М. Ольминский. Предисловие. 1903 — 1907 гг. Эпоха реакции. Л. Троцкий и ликвидаторство. Мировая война. Брестский мир. Дискуссия о профсоюзах. Приложение: Л. Д. Троцкий — М. С. Урицкому.

За ленинизм. Сборник статей. М.—Л. 1925. Стр. 488. Ц. 1 руб. 50 коп.

Содержание. А. Рыков. Новая дискуссия. Н. Бухарин. Как не нужно писать историю Октября. Л. Каменев. Партия и троцкизм (уроки партийной истории). И. Сталин. Троцкизм или ленинизм. Г. Зиновьев. Большевизм или троцкизм. Н. Крупская. К вопросу об уроках Октября. Г. Сокольников. Как подходить к истории Октября. В. Молотов. Об уроках троцкизма. Л. Каменев. Был ли Ленин действительно вождем пролетариата и революции. А. Бубнов. „Уроки Октября" и троцкизм. А. Андреев. Не всякое средство достигает цели. Э. Квиринг. Ленин, заговорщичество, Октябрь. Д. Лебедь. „О недопустимом искажении исторических фактов". И. Степанов. Кто совершил Октябрьскую революцию? Г. Сокольников. Теория тов. Троцкого и практика нашей революции. Н. Бухарин. Новое откровение о советской экономике, или как можно погубить рабоче-крестьянский блок (к вопросу об экономическом обосновании троцкизма). И. Сталин. Октябрь и теория перманентной революции тов. Троцкого. Н. Бухарин. О теории перманентной революции. О. Куусинен. Неудавшееся изображение немецкого Октября. В Коларов. Октябрьские уроки и болгарская коммунистическая партия. С. Гусев. Как вооружалась революция (РКП и Красная армия). Мельничанский — „Группа Троцкого" (межрайонцы и др.). Приложения: Л. Троцкий. Уроки Октября. Письмо тов. Троцкого Ольминскому от 6 декабря 1921 года.

Бухарин Н. И. К вопросу о троцкизме. Сборник статей. М.—Л. 1925. Стр. 192. Ц. 70 к.

Содержание. Предисловие. Долой фракционность! Как не нужно писать историю Октября. (По поводу книги тов. Троцкого „1917".) Новое откровение о советской экономике, или как можно погубить рабоче-крестьянский блок. (К вопросу об экономическом обосновании троцкизма.) Теория перманентной революции. К критике экономической платформы оппозиции (Уроки Октября 1923 г.).

